Николай Гоголь

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ. МИРГОРОДЪ.

ИЗДАНІЕ П. А. КУЛИША.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, мая 3 дня, 1857 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА,
НА ВАСИЛЬЕВСКОМЪ ОСТРОВѢ, ВЪ 23 ЛИНІИ, № 5.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1450

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издавая »Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя«, считаю долгомъ упомянуть, что матеріалы для этого изданія были собраны и приготовлены къ печати большею частію племянникомъ великаго писателя, Н. П. Трушковскимъ, которому читающая публика обязана уже обнародованіемъ посмертныхъ сочиненій его дяди, и въ томъ числѣ второго тома »Мертвыхъ Душъ«, являющагося у меня въ новомъ видѣ, какъ это объяснено въ особомъ къ нему предисловіи.

Г. Трушковскій, въ своемъ изданіи посмертныхъ сочиненій Гоголя, отдалъ должную справедливость трудамъ С. П. Шевырева, который переписалъ ихъ собственною рукою и привелъ въ порядокъ всѣ оставшіяся послѣ Гоголя бумаги. Я съ своей стороны долженъ сказать, что чтеніе черневыхъ рукописей Гоголя есть такое трудное дѣло, которое можно было исполнить только изъ чувства дружбы къ великому писателю и изъ уваженія

къ его произведеніямъ. Я прочелъ вновь второй томъ »Мертвыхъ Душъ«; я переписалъ его дважды, по нижнему и верхнему слою рукописи; но первоначальное чтеніе г. Шевырева служило для меня во многихъ мѣстахъ необходимымъ пособіемъ. Поэтому, издавая второй томъ »Мертвыхъ Душъ« въ новомъ, двойномъ видѣ, считаю долгомъ выразить благодарность г. Шевыреву отъ лица публики, къ которой принадлежу, за заслугу, оказанную имъ Русской словесности первоначальнымъ прочтеніемъ и перепискою этого произведенія, драгоцѣннаго для насъ и въ своихъ обломкахъ.

Слѣдуетъ также упомянуть съ благодарностію о трудѣ профессора О. М. Бодянскаго, который прочелъ и переписалъ собственноручно начало историческаго романа, названнаго мною, по главному дѣйствующему лицу, »Остраницею«. Чтобъ дать читателямъ понятіе, какъ великъ подобный трудъ, скажу, что »Остраница« былъ переданъ нашедшими эту рукопись г-ну Бодянскому съ безуспѣшною пробою прочесть ее, которая сдѣлана была людьми, опытными въ разборѣ рукописей, и что г. Бодянскій употребилъ на прочтеніе и переписку этого небольшого отрывка цѣлую недѣлю усидчиваго труда.

Что̀ касается до порядка, въ которомъ выходятъ теперь сочиненія Гоголя, то я старался, по возможности, размѣстить ихъ такъ одно за другимъ, какъ они появлялись при жизни автора. Поэтому »Арабески« не разложены у меня по родамъ заключающихся въ нихъ пьесъ, а помѣщены вслѣдъ за »Миргородомъ« въ полномъ ихъ

составѣ, какъ онѣ были изданы Гоголемъ (¹). Далѣе слѣдуетъ »Ревизоръ« и за нимъ рядъ другихъ драматическихъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ написаны послѣ повѣстей, которыми начинается у меня третій томъ; но тутъ уже хронологическій порядокъ долженъ былъ уступить мѣсто *роду* сочиненій, примыкающихъ къ »Ревизору«. »Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями« появились въ свѣтъ послѣ перваго тома »Мертвыхъ Душъ« и прежде второго, но, чтобъ не разрывать этого сочиненія разнородною съ нимъ вставкою, я помѣщаю »Переписку съ Друзьями« въ третьемъ томѣ, а къ ней, для соблюденія отдѣльности »Мертвыхъ Душъ«, присовокупляю »Авторскую Исповѣдь.« За тѣмъ слѣдуютъ письма Гоголя, какъ комментаріи ко всѣмъ его сочиненіямъ.

Здѣсь опять слѣдуетъ упомянуть, что бо́льшая часть писемъ переписана г-мъ Трушковскимъ собственноручно, другія свѣрены имъ съ подлинниками, — кромѣ тѣхъ, которыя переписаны г-мъ Шевыревымъ, и кромѣ собранныхъ мною вновь, или перепечатанныхъ изъ моей книги: »Записки о Жизни Гоголя«. Эти списаны мною собственноручно и потомъ свѣрены съ подлинниками.

Такимъ образомъ, совокупными трудами гг. Трушковскаго, Шевырева, Бодянскаго, моими и трудами нѣсколькихъ библіографовъ, какъ-то: гг. Гаевскаго, Геннади и Тихоправова, исполненными вскорѣ послѣ смерти

(¹) По письмамъ Гоголя видно, что »Арабески« поступили въ продажу около 20 января, а »Миргородъ« около 25 февраля 1835 года; но публика обратила вниманіе на »Арабески« только какъ на сочиненіе автора »Миргорода«, который распространился вездѣ гораздо прежде »Арабесокъ«.

великаго писателя, засвидѣтельствованы глубокое сочувствіе къ нему современнаго общества и высокая оцѣнка его, какъ поэта и Христіянина. Издатель »Сочиненій и Писемъ Гоголя« старался своимъ изданіемъ выразить постепенное развитіе художественнаго таланта и человѣческихъ стремленій его, и для того, кромѣ двоякой редакціи второго тома »Мертвыхъ Душъ«, напечаталъ вдвойнѣ повѣсти: »Тарасъ Бульба« и »Портретъ«, такъ какъ онѣ во многихъ мѣстахъ передѣланы и пополнены Гоголемъ. Сличеніе той и другой редакціи и внимательное чтеніе всего изданія въ его совокупности приведетъ каждаго мыслящаго человѣка къ любопытнымъ и поучительнымъ заключеніямъ, которыя не останутся безплодными, какъ для исторіи искусства, такъ и для исторіи души человѣческой.

П. Кулишъ.

Предисловіе Н. В. Гоголя

къ изданію его »сочиненій« въ 1842 году.

Предпринимая изданіе сочиненій моихъ, выходившихъ доселѣ отдѣльно и разбросанныхъ частію въ повременныхъ изданіяхъ, я пересмотрѣлъ ихъ вновь: много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски-несовершеннаго! Что было можно исправить, то исправлено, чего нельзя, то осталось неисправленнымъ, такъ какъ было. Всю первую часть слѣдовало бы исключить вовсе: это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя. Но при нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодого вдохновенія, и мнѣ стало жалко исключить ихъ, какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности. Снисходительный читатель можетъ пропустить весь первый томъ и начать чтеніе со второго.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ БЛИЗЬ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЯ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКО́МЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

»Это что̀ за невидаль? Вечера на хуторѣ близь Диканьки! *Что̀ это за вечера? И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасичникъ! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! еще мало народу, всякаго званія и сброду, вымарало пальцы въ чернилахъ! Дернула же охота и пасичника потащиться вслѣдъ за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что̀ бы такое завернуть въ нее.«*

Слышало, слышало вѣщее мое всѣ эти рѣчи еще за мѣсяцъ! то есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть носъ изъ своего захолустья въ большой свѣтъ — батюшки мои! — это все равно, какъ, случается, иногда зайдешь въ покои великаго пана: всѣ обступятъ тебя и пойдутъ дурачить (еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство; нѣтъ, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотрѣть — дрянь, который копается на заднемъ дворѣ, и тотъ пристанетъ), и начнутъ со всѣхъ сторонъ притопывать ногами: »Куда? куда? зачѣмъ? пошелъ, мужикъ, пошелъ!...« Я вамъ скажу... Да что̀ говорить! Мнѣ легче два раза въ годъ съѣздить въ Миргородъ, въ которомъ, вотъ уже пять лѣтъ, какъ не видалъ меня ни подсудокъ изъ земскаго суда, ни почтенный іерей, чѣмъ показаться въ этотъ великій свѣтъ; а показался — плачь, не плачь, давай отвѣтъ.

У насъ, мои любезные читатели, не во гнѣвъ будь сказано (вы, можетъ быть, и разсердитесь, что пасичникъ говоритъ вамъ запросто, какъ-будто какому-нибудь свату своему, или куму), у насъ, на хуторахъ, водится издавна: какъ только окончатся работы въ полѣ, мужикъ зальзетъ отдыхать на всю зиму на печь, и нашъ братъ припрячетъ своихъ пчелъ въ темный погребъ, когда ни журавлей на небѣ, ни грушъ на деревѣ не увидите болѣе; тогда, только вечеръ, уже навѣрно гдѣ-нибудь въ концѣ улицы брежжетъ огонекъ, смѣхъ и пѣсни слышатся издалече, бренчитъ балалайка, а подъ-часъ и скрыпка; говоръ, шумъ... Это у насъ вечерницы. *Онѣ, изволите видѣть, онѣ похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ, соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для бала, съ веретеномъ, съ гребнями. И сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, лются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянутъ въ хату* паробки́ *съ скрыпачемъ — подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія штуки, что и разсказать нельзя.*

Но лучше всего, когда собьются всѣ въ тѣсную кучку и пустятся загадывать загадки, или просто — нести болтовню. Боже ты мой! чего только не разскажутъ! откуда старины не выкопаютъ! какихъ страховъ не понесутъ! Но нигдѣ, можетъ быть, не было разсказываемо столько диковинъ, какъ на вечерахъ у пасичника Рудого Панька. За что̀ меня міряне прозвали Рудымъ Панькомъ — ей Богу не умѣю сказать! И волосы, кажется, у меня теперь болѣе сѣдые, чѣмъ рыжіе. Но у насъ, не извольте гнѣваться, такой обычай: какъ дадутъ кому люди какое прозвище, то и во вѣки вѣковъ останется оно. Бывало, соберутся, наканунѣ праздничнаго дня, добрые люди въ гости, въ пасичникову лачужку, усядутся за столъ — и тогда прошу только слушать. И то сказать,

что люди были вовсе не простого десятка, не какіе-нибудь мужики хуторянскіе... да, можетъ, иному, и повыше пасичника, сдѣлали бы честь посѣщеніемъ. Вотъ, напримѣръ, знаете ли вы дьяка Диканьской церкви, Ѳому Григорьевича? Эхъ, голова! Что̀ за исторіи умѣлъ онъ отпускать! Двѣ изъ нихъ найдете въ этой книжкѣ. Онъ никогда не носилъ пестрядеваго халата, какой встрѣтите вы на многихъ деревенскихъ дьячка́хъ; но заходите къ нему и въ будни, онъ васъ всегда приметъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна, цвѣта́ застуженнаго картофельнаго киселя, за которое платилъ онъ въ Полтавѣ чуть не по шести рублей за аршинъ. Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя; по всякому извѣстно, что онъ чистилъ ихъ самымъ лучшимъ смальцемъ, какого, думаю, съ радостью иной мужикъ положилъ бы себѣ въ кашу. Никто не скажетъ также, чтобы онъ когда-либо утиралъ носъ полою своего балахона, какъ то̀ дѣлаютъ иные люди его званія; но вынималъ изъ-за пазухи опрятно сложенный бѣлый платокъ, вышитый по всѣмъ краямъ красными нитками, и, исправивши что̀ слѣдуетъ, складывалъ его снова, по обыкновенію, въ двѣнадцатую долю, и прятал за пазуху. А одинъ изъ гостей... ну, тотъ уже былъ такой паничъ, что хоть сей-часъ нарядить въ засѣдатели, или подкоморіи. Бывало, поставитъ передъ собою палецъ и, глядя на конецъ его, пойдетъ разсказывать — вычурно, да хитро, какъ въ печатныхъ книжкахъ! Иной разъ слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападетъ. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда онъ словъ понабрался такихъ? Ѳома Григорьевичъ разъ ему на счетъ этого славную сплелъ присказку: онъ разсказалъ ему, какъ одинъ школьникъ, учившійся у какого-то дьяка грамотѣ, пріѣхалъ къ отцу и сталъ такимъ латынщикомъ, что позабылъ даже нашъ языкъ православный,— всѣ слова сворачиваетъ на усъ: лопата у него — лопатусъ, баба — бабусъ. Вотъ, случилось разъ, пошли они вмѣстѣ съ отцомъ въ поле. Латынщикъ

увидѣлъ грабли и спрашиваетъ отца: »Какъ это, батьку, по вашему называется?« да и наступилъ, разинувши ротъ, ногою на зубцы. Тотъ не успѣлъ собраться съ отвѣтомъ, какъ ручка размахнувшись поднялась и — хвать его по лбу! »Проклятыя грабли!« закричалъ школьникъ, ухватясь рукою за лобъ и подскочивши на аршинъ: »какъ же онѣ, чортъ бы спихнулъ съ моста отца ихъ, больно бьются!« Такъ вотъ какъ! припомнилъ и имя, голубчикъ! — Такая присказка не по душѣ пришлась затѣйливому разскащику. Не говоря ни слова, всталъ онъ съ мѣста, разставилъ ноги свои посереди комнаты, нагнулъ голову немного впередъ, засунулъ руку въ задній карманъ гороховаго кафтана своего, вытащилъ круглую подъ лакомъ табакерку, щелкнулъ пальцемъ по намалеванной рожѣ какого-то бусурманскаго генерала и, захвативши не малую порцію табаку, растертаго съ золою и листьями любйстка, поднесъ ее коромысломъ къ носу и вытянулъ носомъ налету всю кучку, не дотронувшись даже до большаго пальца, — и все ни слова; да какъ пользъ въ другой карманъ и вынулъ синій въ клѣткахъ бумажный платокъ, тогда только проворчалъ про-себя, чуть ли еще не поговорку: »Не мечите бисера передъ свиньями...« *»Быть же теперь ссорѣ!« подумалъ я, замѣтивъ, что пальцы у Ѳомы Григорьевича такъ и складывались дать дулю. Къ счастію, старуха моя догадалась поставить на столъ горячій кишъ съ масломъ; всѣ принялись за дѣло. Рука Ѳомы Григорьевича, вмѣсто того, чтобъ показать шишъ, протянулась къ кишу, и, какъ всегда водится, начали прихваливать мастерицу-хозяйку.*

Еще былъ у насъ одинъразскащикъ; но тотъ (нечего бы къ ночи и вспоминать о немъ) такія выкапывалъ страшныя исторіи, что волосы ходили по головѣ. Я нарочно и не помѣщалъ ихъ сюда: еще напугаешь добрыхъ людей такъ, что пасичника, прости Господи, какъ чорта всѣ станутъ бояться. Пусть лучше какъ доживу, если дастъ Богъ, до новаго года и выпущу другую книжку, тогда можно бу-

детъ пострацать выходцами съ того свьта и дивами, какія творились въ-старину, въ православной сторонъ нашей. Межъ ними, статься можетъ, найдете побасенки самого пасичника, какія разсказывалъ онъ своимъ внукамъ. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй — лишь только проклятая рыться — наберется и на десять такихъ книжекъ.

Да, вотъ было и позабылъ самое главное: какъ будете, господа, ъхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь. И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщете такого. Пріѣхавши же въ Диканьку, спросите только перваго попавшагося навстрѣчу мальчишку, пасущаго, въ запачканной рубашкѣ, гусей: »А гдѣ живетъ пасичникъ Рудый Панько?« »А вотъ тамъ!« скажетъ онъ, указавши пальцемъ, и, если хотите, доведетъ васъ до самого хутора. Прошу однакожъ не слишкомъ закладывать назадъ руки и, какъ говорится, финтить, потому что дороги по хуторамъ нашимъ не такъ гладки, какъ передъ вашими хоромами. Ѳома Григорьевичъ, третьяго году, пріѣзжая изъ Диканьки, попавъдался таки въ провалъ съ новою тарантайкою своею и гнѣдою кобылою, не смотря на то, что самъ правилъ и что, сверхъ своихъ глазъ, надѣвалъ по-временамъ еще покупные.

Зато уже, какъ пожалуете въ гости, то дынь подадимъ такихъ, какихъ вы отъ-роду, можетъ быть, не ѣли; а меду, и забожусь, лучшаго не сыщете на хуторахъ. Представьте себѣ, что какъ внесешь сотъ — духъ пойдетъ по всей комнатѣ, вообразить нельзя, какой; чистъ, какъ слеза, или хрусталь дорогой, что бываетъ въ серьгахъ. А какими пирогами накормитъ моя старуха! Что за пироги, еслибъ вы только знали! сахаръ, совершен-

ный сахаръ! а масло, такъ вотъ и течетъ по губамъ, когда начнешь пить. Подумаешь право: на что̀ не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квасъ съ терновыми ягодами, или варенуху съ изюмомъ и сливами? или, не случалось ли вамъ, подъ-часъ, пить пу́трю съ молокомъ? Боже ты мой, какихъ на свѣтѣ нѣтъ кушаньевъ! Станешь пить — объѣденье, да и полно; сладость неописанная! Прошлаго года... Однакожъ, что̀ я въ самомъ дѣлѣ разболтался?... Пріѣзжайте только, пріѣзжайте поскорѣй; а накормимъ такъ, что будете разсказывать и встрѣчному и поперечному.

Пасичникъ Рудый Панько́.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

I.

Мині нудно въ хáті жить,
Ой везѝ жъ менé изъ дóму,
Де бага́цько грóму, грóму,
Де гопцю́ють все дівкѝ,
Де гуля́ють парубкѝ!

Изъ старой легенды.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, непзмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ-будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ-ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ брызжетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ

тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... какъ полно сладострастія и нѣги Малороссійское лѣто!

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркого Августа въ тысяча-восемь-сотъ... восемь-сотъ... да, лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорóчинецъ, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска, или макитра, хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго на возу плетня, и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своимъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко въ-сторонѣ тащился на истомленныхъ волахъ возъ, наваленный мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею, за которымъ брелъ, въ чистой полотняной рубашкѣ и запачканныхъ полотняныхъ шаравáрахъ, его хозяинъ. Лѣвою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудритъ, нѣсколько тысячь уже лѣтъ, весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ которой обличалъ преклонныя лѣта ея. Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ паробкóвъ, брались за шапку, поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожъ не сѣдые усы и не важня поступь его заставляли это дѣлать: стоило только поднять глаза немного вверхъ, чтобъ увидѣть причину такой почтительности. На возу сидѣла хорошенькая дочка съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ кра-

сными и синими лентами, которыя, вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново... и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!... Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, чего ей стоило упросить отца взять съ собою, который и душею радъ бы былъ это сдѣлать, еслибы не злая мачиха, выучившаяся держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ возжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, теперь на продажу. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тутъ же сидѣла на высотѣ воза, въ нарядной шерстяной зеленой кофтѣ, по которой, будто по горностаевому мѣху, нашиты были хвостики краснаго только цвѣта, въ богатой плахтѣ, пестрѣвшей какъ шахматная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, придававшемъ какую-то особенную важность ея красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь непріятное, столь дикое, что каждый тотъчасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Псёлъ; издали уже вѣяло прохладою, которая казалась ощутительнѣе послѣ томительнаго, разрушающаго жара. Сквозь темно- и свѣтло-зеленые листья небрежно раскиданныхъ по лугу осокоровъ, березъ и тополей, засверкали огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. Своенравная, какъ она, въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, осѣненную темною, упавшею съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ одне украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ — она почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя свои колеса широкія волны и мощно

кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взъѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величіи, какъ цѣльное стекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы — все опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути, какъ вдругъ слова: »Ай да дивчи́на!« поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она толпу стоявшихъ на мосту паробко́въ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой свиткѣ и въ сѣрой шапкѣ Решетиловскихъ смушекъ, подпершись въ бока, молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но исполненнаго пріятности, лица и огненныхъ очей, казалось, стремившихся видѣть ее насквозь, и потупила глаза, при мысли, что, можетъ быть, ему принадлежало произнесенное слово.

»Славная дивчи́на!« продолжалъ па́робокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. »Я бы отдалъ все свое хозяйство, чтобы поцѣловать ее. А вотъ впереди и дьяволъ сидитъ!«

Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ; но разряженной сожительницѣ медленно выступавшаго супруга не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: красныя щеки ея превратились въ огненныя, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго па́робка:

»Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!«

»Вишь, какъ ругается!« сказалъ па́робокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ-будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій: »и языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова!«

»Столѣтней!« подхватила пожилая красавица. »Нечестивецъ! поди, умойся напередъ, сорванецъ негодный! Я не видала твоей

матери, но знаю, что дрянь! и отецъ дрянь! Столѣтней! что у него молоко еще на губахъ...«

Тутъ возъ началъ спускаться съ мосту, и послѣднихъ словъ уже не возможно было разслушать. Но па́робокъ не хотѣлъ, кажется, кончить этимъ: не думая долго, схватилъ онъ комокъ грязи и швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ удачнѣе, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очи́нокъ забрызганъ былъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился съ новою силой. Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ; но возъ отъѣхалъ въ это время довольно далеко, и месть ея обратилась на безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который, привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однакожъ, не смотря на это, неутомимый языкъ ея трещалъ и болтался во рту до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали они въ пригородье, къ старому знакомому и куму, козаку Цыбулѣ. Встрѣча съ кумовьями, давно невидавшимися, выгнала на время изъ головы это непріятное происшествіе, заставивъ на шихъ путешественниковъ поговорить объ ярмаркѣ и отдохнуть немного послѣ дальняго пути.

II.

> Що Бо̀же, ты мій Го́споде! чого́ нема̀ на тій я́рмарці! коле́са, скло, дёготь, тютю́нъ, ремінь, цыбу́ля, крамарі вся́кі... такъ, що хоть бы въ кише́ні було́ рублі́въ и съ трѝдцять, то и тогді бъ не закупи́въ усіеі я́рмарки!
>
> *Изъ Малороссійской комедіи.*

Вамъ, вѣрно, случалось слышать гдѣ-то валящійся отдаленный водопадъ, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычанье, блеянье, ревъ — все сливается въ одинъ

нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, Цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкой давно уже толкался въ народѣ: подходилъ къ одному возу, щупалъ другой, примѣнивался къ цѣнамъ; а между тѣмъ мысли его ворочались безостановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и старой кобылы, приведенной имъ на продажу. По лицу его дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно тереться около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хотѣлось туда, гдѣ подъ полотняными я́тками парядно развѣшены красныя ленты, серьги, оловяные, мѣдные кресты и дукаты. Но и тутъ, однакожъ, она находила себѣ много предметовъ для наблюденія: ее смѣшило до крайности, какъ Цыганъ и мужикъ били одинъ другого по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный Жидъ давалъ бабѣ киселя; какъ поссорившіяся пере́купки перекидывались бранью и раками; какъ Москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вотъ почувствовала она, кто-то дернулъ ее за шитый рукавъ сорочки. Оглянулась — и паробокъ въ бѣлой свиткѣ, съ яркими очами, стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули, сердце забилось такъ, какъ еще никогда, ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что̀ дѣлалось съ нею.

»Не бойся, се́рденько, не бойся!« говорилъ онъ ей въ-полголоса, взявши ея руку: »я ничего не скажу тебѣ худого!«

»Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого«, подумала про себя красавица; »только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что негодится такъ... а силы не достаетъ взять отъ него руку.«

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что-то промолвить дочери, но въсторонѣ послышалось слово *пшеница*. Это магическое слово за-

ставило его, въ ту же минуту, присоединиться къ двумъ громко разговаривавшимъ негоціантамъ, и приковавшагося къ нимъ вниманія уже ничто не въ состояніи было развлечь. Вотъ что̀ говорили негоціанты о пшеницѣ.

III.

Чи ба̀чишъ, вінъ яки́й парнйще
На світі трòхи есть таки́хъ:
Сиву́ху такъ мовъ бра̀гу хли́ще!
Котляревскій, »Энеида«.

»Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?« говорилъ человѣкъ, съ виду похожій на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого-нибудь мѣстечка, въ нестрядевыхъ, запачканныхъ дёгтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому, въ сиией, мѣстами уже съ заплатами, свиткѣ и съ огромною шишкою на лбу.

»Да думать нечего тутъ: я готовъ вскинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса передъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку.«

»Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе«, возразилъ человѣкъ въ несртядевыхъ шароварахъ.

»Да, говорите себѣ, что̀ хотите«, думалъ про себя отецъ нашей красавицы, непропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціантовъ; »а у меня десять мѣшковъ есть въ запасѣ.«

»То̀-то и есть, что если гдѣ замѣшалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько отъ голоднаго Москаля«, значительно сказалъ человѣкъ съ шишкою на лбу.

»Какая чертовщина?« подхватилъ человѣкъ въ нестрядевыхъ шароварахъ.

»Слышалъ ли ты, что̀ поговариваютъ въ народѣ?« продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмыя очи.

»Ну?«

»Ну, то̀-то ну! Засѣдатель, чтобъ ему не довелось обтирать губъ послѣ панской сливянки, отвелъ для ярмарки проклятое мѣсто, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь

ли ты тотъ старый развалившійся сарай, что́ вонъ-вонъ стоитъ подъ горою?« (Тутъ любопытный отецъ нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во вниманіе.) »Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостной писарь проходилъ поздно вечеромъ, только глядь — въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. Того и жди, что опять покажется *красная свѝтка!*«

»Что́ жъ это за *красная свѝтка?*«

Тутъ у нашего внимательнаго слушателя волосы поднялись дыбомъ. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и па́робокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки, позабывъ про всѣ находящіяся на свѣтѣ свитки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

»Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Хвеську, да и то, спасибо куму: бывши *дружко́мъ* (*), уже надоумилъ.«

Па́робокъ замѣтилъ тотъ же часъ, что отецъ его любезной не слишкомъ далекъ, и въ мысляхъ принялся строить планъ, какъ бы склонить его въ свою пользу.

»Ты, вѣрно, человѣкъ добрый, не знаешь меня, а я тебя тотъчасъ узналъ.«

»Можетъ, и узналъ.«

»Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину разскажу. Тебя зовутъ Солопій Черевѝкъ.«

»Такъ, Солопій Черевѝкъ.«

»А вглядись-ка хорошенько, не узнаешь ли меня?«

»Нѣтъ, не познаю. Не во гнѣвъ будь сказано, на вѣку столько довелось наглядѣться рожъ всякихъ, что чортъ ихъ и припомнитъ всѣ!«

(*) У Гоголя было напечатано *дружкою*. Издатель счелъ необходимымъ поправить, потому что въ Малороссіи на свадьбахъ *дру́жка* — дѣвушка, а *дружко́* — женатый мужчина. *П. К.*

»Жаль же, что ты не припомнишь Голопу́пенкова сына!«

»А ты будто Охри́мовъ сынъ?«

»А кто жъ? Развѣ одинъ только *лысый ді́дько*, если не онъ!«

Тутъ пріятели побрались за шапки, и пошло лобызаніе. Нашъ Голопу́пенковъ сынъ, однакожъ, не теряя времени, рѣшился въ ту же минуту осадить новаго своего знакомаго.

»Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ что хоть бы и на-вѣки жить вмѣстѣ.«

»Что́ жъ, Параска«, сказалъ Череви́къ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери; »можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того.... чтобъ и паслись на одной травѣ. Что́, по рукамъ? А ну-ка, новобранный зять, давай могарычу́!«

И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной ресторации — подъ я́ткою у Жидовки, усѣянною многочисленною флотиліей сулей, бутылей, фляжекъ всѣхъ родовъ и возрастовъ.

»Эхъ, хватъ! за это люблю!« говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее въ дребезги. »Что́ скажешь, Параска? Какого я женіха тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!...«

И, посмѣиваясь и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу; а нашъ па́робокъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы изъ Га́дяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ городовъ Полтавской губерніи, выглядывать получше деревянную люльку, въ мѣдной, щегольской оправѣ, цвѣтистый по краспому полю платокъ и шапку, для свадебныхъ подарокъ тестю и всѣмъ, кому слѣдуетъ.

IV.

Хоть чоловікамъ не онѣе,
Да коли́ жінці, ба́чишъ, тѣе,
Такъ тре́ба угоди́ти ій...
Котляревскій, »Энеида«.

»Ну, жинка, а я нашелъ женіха дочкѣ!«

»Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы женіховъ отыски-

вать! Дурень, дурень! тебѣ, вѣрно, и на роду написано остаться такимъ! Гдѣ жъ таки ты видѣлъ, гдѣ жъ таки ты слышалъ, чтобы добрый человѣкъ бѣгалъ теперь за женихами? Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть. Хорошъ долженъ быть и женихъ тамъ! Думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодра́нцевъ.«

»Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что́ тамъ за паробокъ! Одна сви́тка больше стоитъ, чѣмъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ свву́ху *важно* дуетъ!.. Чортъ меня возьми́ вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ на вѣку своемъ, чтобы па́робокъ духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись!«

»Ну, такъ: ему если пьяница да бродяга, такъ и его масти. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадается мнѣ: я бы дала ему знать!«

»Что́ жъ, Хи́вря, хоть бы и тотъ самый? чѣмъ же онъ сорванецъ?«

»Э, чѣмъ же онъ сорванецъ? Ахъ, ты безмозглая башка! Слышишь, чѣмъ же онъ сорванецъ! Куда же ты запряталъ дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему, хоть бы тутъ же, передъ его запачканнымъ въ табачище посомъ, нанесли жи́нкѣ его безчестье, ему бы и нуждочки не было.«

»Всё, однакоже, не вижу въ немъ ничего ху́дого: парень хоть куда! Только развѣ, что заклеплъ на мигъ образину твою навозомъ?«

»Эге! да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить! А что́ это значитъ? Когда это бывало съ тобою? Вѣрно, успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего?«

Тутъ Черви́къ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговорился черезъ-чуръ, и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когтями.

»Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!« думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступавшей супруги. »Придется отказать доброму человѣку ни за что́, ни про что́. Господи, Боже мой! за что́ такая напасть на насъ, грѣшныхъ! И такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а ты еще и жино́къ наплодилъ!«

V.

Не хилѝся, я́вороньку:
Ще ты зелепѐнький;
Не журѝся, коза́ченьку:
Ще ты молодѐнький!
Малоросс. пѣсня.

Разсѣянно глядѣлъ на́робокъ въ бѣлой свѝткѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшій вокругъ него народъ. Усталое солнце уходило отъ міра, спокойно пропылавъ свой полдень и утро, и угасающій день плѣнительно и ярко румянился. Ослѣпительно блистали верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, осѣненные какимъ-то едва примѣтнымъ огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучами оконницъ горѣли; зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинка́рокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше, и усталые языки пере́купокъ, мужиковъ и Цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачились. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галу́шекъ разносился по утихавшимъ улицамъ.

»О чемъ загорюнился, Грицько́?« вскричалъ высокій, загорѣвшій Цыганъ, ударивъ по плечу нашего па́робка. »Что́ жъ, отдавай волы за двадцать!«

»Тебѣ бы всё волы да волы. Вашему племени всё бы корысть только, поддѣть да обмануть добраго человѣка.«

»Тьфу, дьяволъ! Да тебя не на шутку забрало. Ужъ не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?«

»Нѣтъ, это не по моему: я держу свое слово; что́ разъ сдѣлалъ, тому и на-вѣки быть. А вотъ у хрыча Черевѝка нѣтъ совѣсти, видно, и на полъ-шеляга: сказалъ, да и назадъ... Ну, его и винить нечего: онъ пень да и полно. Все это штуки старой вѣдьмы, которую мы сегодня съ хло́пцами на мосту ругнули на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ и паномъ великимъ! я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ...«

»А спустишь воловъ за двадцать, если мы заставимъ Черевѝка отдать намъ Параску?«

Въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него Грицько́. Въ смуглыхъ чертахъ Цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вмѣстѣ высокомѣрное: человѣкъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица. Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный язвительною улыбкой, небольшіе, но живые какъ огонь глаза и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ, — все это какъ будто требовало особеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Этотъ темнокоричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль; длинные, валившіеся по плечамъ охлопьями черные волосы; башмаки, надѣтые на босыя, загорѣлыя ноги, — все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу.

»Не за двадцать, а за пятнадцать отдамъ, если не солжешь только!« отвѣчалъ па́робокъ, не сводя съ него испытующихъ очей.

»За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вотъ тебѣ и спица въ задатокъ!«

»Ну, а если солжешь?«

»Солгу — задатокъ твой.«

»Ладно! Ну, давай же по рукамъ!«

»Давай!«

VI.

Отъ бідá! Романъ идé! оттепéръ, якъ рàзъ, надсáдить менí бéбехівъ; да й вàмъ, пáне Хóмо, не безъ лúха бýде.

Изъ Малоросс. комедіи.

»Сюда, Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень, поднимайте ногу да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы, чтобъ Москали на-случай не подцѣпили чего.«

Такъ грозная сожительница Черевúка ласково ободряла трусливо лѣпившагося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоялъ на немъ въ недоумѣніи, будто длинное,

страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и, наконецъ, съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

»Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шеи?« лепетала заботливая Хи́вря.

»Тсъ! ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна!« болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги; »выключая только уязвленіе со стороны крапивы, сего змѣеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца протопопа.«

»Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Аѳанасій Ивановичъ, что къ вамъ *боля́чка* или *со́пяшница* пристала: нѣтъ да и нѣтъ. Каково же вы поживаете? Я слышала, что пашъ-отцу перепало теперь немало всякой всячины!«

»Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна! батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ пятнадцать ярового, проса мѣшка четыре, книшéй съ сотню; а куръ, если сосчитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яицы же большею частію протухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ васъ предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна!« продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

»Вотъ вамъ и приношеніе, Аѳанасій Ивановичъ!« проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно застегивая свою, будто нечаянно разстегнувшуюся кофту: »варéники, галу́шечки пшеничныя, пампу́шечки, товчéнички!«

»Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего Евпна рода!« сказалъ поповичъ, принимаясь за товчéнички и подвигая другою рукою варéнички. »Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампу́шечекъ и галу́шечекъ.«

»Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Аѳанасій Ивановичъ!« отвѣчала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

»Разумѣется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна!« шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ варéникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

»Богъ знаетъ, что̀ вы выдумываете, Аѳанасій Ивановичъ!« сказала Хи́вря, стыдливо потупивъ глаза свои. »Чего добраго, вы, пожалуй, затѣете еще цѣловаться!«

»На счетъ этого я вамъ скажу хоть бы и про себя«, продолжалъ поповичъ. »Въ бытность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсѣ, вотъ, какъ теперь помню....«

Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хи́вря поспѣшно выбѣжала и возвратилась, вся поблѣднѣвшая.

»Ну, Аѳанасій Ивановичъ, мы попались съ вами: народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ...«

Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ-будто какой-нибудь выходецъ съ того свѣта только-что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой.

»Полѣзайте сюда!« кричала испуганная Хи́вря, указывая на положенныя подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекладинахъ, доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полѣзъ оттуда осторожно на доски; а Хи́вря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому что стукъ повторялся въ нихъ съ бо́льшею силою и нетерпѣніемъ.

VII.

Да тутъ чудасія, мосьпа́не!
Изъ Малоросс. комедіи.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась *красная свѝтка*. Старухѣ, продававшей бу́бники, почудился сатана, въ образинѣ свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ-будто искалъ чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихнувшаго табора, и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить, не смотря на то, что продавица бу́бниковъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ яткою шинкаря́, раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе лакомаго товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти

о чудѣ, видѣнномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ-что, къ ночи, всѣ тѣснѣе жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои; а тѣ, которые были несовсѣмъ храбраго десятка и запаслись почлегами въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевúкъ съ кумомъ и дочкою, которые, вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями, произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хúврю. Кýма уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣсть нашелъ хату. Гости тоже были въ веселомъ расположеніи и, безъ церемоніи, вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевúка сидѣла, какъ на иголкахъ, когда принялись они шарить по всѣмъ угламъ хаты.

»Что, кумá!« вскричалъ вошедшій кумъ, »тебя всё еще трясетъ лихорадка?«

»Да, не здоровится«, отвѣчала Хúвря, безпокойно поглядывая на доски, накладенныя подъ потолкомъ.

»А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклáжку!« говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ: »мы черпнемъ ее съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы понапугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Вѣдь мы, сй Богу, братцы, по пустякамъ пріѣхали сюда!« продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. »Я тутъ же ставлю новую шапку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана, — что̀ сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему стать вотъ здѣсь напримѣръ, передо мною: будь я собачій сынъ, если не подпесъ бы ему дýлю подъ самый носъ!«

»Отъ чего же ты вдругъ поблѣднѣлъ?« закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головою и старавшійся всегда выказывать себя храбрецомъ.

»Я?... Господь съ вами! приснилось!«

Гости усмѣхнулись; довольная улыбка показалась на лицѣ рѣчистаго храбреца.

»Куда теперь ему блѣднѣть!« подхватилъ другой: »щеки у него разцвѣли, какъ макъ; теперь онъ не Цыбýля, а бурякъ,

или лучше — сама *красная свѝтка*, которая такъ напугала людей.«

Бакла́жка прокатилася по столу и сдѣлала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевѝкъ нашъ, котораго давно мучила *красная свѝтка* и не давала ни на минуту покою его любопытному духу, приступилъ къ куму.

»Скажи, будь ласковъ, кумъ! вотъ прошусь да и не допрошусь исторіи про эту проклятую *свѝтку*.«

»Э, кумъ! оно бы не годилось разсказывать на ночь; да развѣ уже для того, чтобы угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте жъ!«

Тутъ онъ почесалъ плеча, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

»Разъ, за какую вину, ей Богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла.«

»Какъ же, кумъ!« прервалъ Черевѝкъ; »какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?«

»Что́ жъ дѣлать, кумъ? выгнали да и выглали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хаты. Можетъ быть, на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло — ну, и указали двери. Вотъ, чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по пе́клѣ, что хоть до петли. Что́ дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. Угнѣздился въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою, и мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не оградивъ наперед себя крестомъ святымъ, и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между паробка́ми. Съ утра до вечера, то и дѣло, что сидитъ въ шинкѣ!..«

Тутъ опять строгій Черевѝкъ перервалъ нашего разскащика:

»Богъ знаетъ, что́ говоришь ты, кумъ! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ, и рожки на головѣ.«

»Вотъ то́-то и штука, что на немъ была шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ, гулялъ — наконецъ пришлось до того, что пропилъ все, что́ имѣлъ съ собою. Шинкарь долго

вѣрилъ, потомъ и переста́лъ. Пришлось чорту заложить красную свѝтку свою, чуть ли не въ треть цѣны, Жиду, шинковавшему тогда на Сорóчинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: »Смотри, Жидъ, я приду къ тебѣ за свѝткой ровно черезъ годъ: береги ее!« и пропалъ, какъ-будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свѝтку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! а красный цвѣтъ горитъ, какъ огонь, такъ что не наглядѣлся бы! Вотъ Жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ пéсики, да и содралъ съ какого-то пріѣзжаго пана мало не пять червонцевъ. Какъ вотъ разъ, подъ вечерокъ, приходитъ какой-то человѣкъ: »Ну, Жидъ, отдавай мою свѝтку!« Жидъ сначала было и не позналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ. »Какую свѝтку? у меня нѣтъ ни какой свѝтки! я знать не знаю твоей свѝтки!« Тотъ, глядь, и ушелъ; только къ вечеру, когда Жидъ, запершн свою конуру и пересчитавъ по сундукамъ деньги, накинулъ на себя простыню и началъ по-Жидовски молиться Богу — слышитъ шорохъ.... Глядь — во всѣхъ окнахъ повыставились свинныя рыла...«

Тутъ въ самомъ дѣлѣ послышался какой-то неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье свиньи; всѣ поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицѣ разскащика.

»Что?« произнесъ въ испугѣ Черевѝкъ.

»Ничего!...« отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

»Ась!« отозвался одинъ изъ гостей.

»Ты сказалъ?...«

»Нѣтъ!«

»Кто жъ это хрюкнулъ?«

»Богъ знаетъ, чего мы переполошились! Ничего нѣтъ!«

Всѣ боязливо стали осматриваться и начали шарить по угламъ. Хúвря была ни жива, ни мертва.

»Эхъ вы, бабы! бабы!« произнесла она громко; »вамъ ли козаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто-нибудь, можетъ, прости Господи... подъ кѣмъ-нибудь скамейка заскрипѣла, а всѣ и метнулись какъ полуумные!«

Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ оборотиться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ разсказывать далѣе:

»Жидъ обмеръ; однакожъ свиньи, на ногахъ, длинныхъ какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили плетеными тройчатками, заставя плясать его повыше вотъ этого сво́лока. Жидъ — въ ноги, признался во всемъ... Только сви́тки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой-то Цыганъ и продалъ сви́тку пере́купкѣ; та привезла ее снова на Соро́чинскую ярмарку, но съ тѣхъ поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Пере́купка дивилась, дивилась и, наконецъ, смекнула: вѣрно виною всему красная сви́тка: недаромъ, надѣвая ее, чувствовала, что ее всё давитъ что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь — не горитъ бѣсовская одежда! »Э, да это чер»товъ подарокъ!« Пере́купка умудрилась и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. »Эхъ, недобрыя »руки подкинули сви́тку!« Схватилъ топоръ и изрубилъ ее въ куски. Глядь — лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и опять цѣлая сви́тка! Перекрестившись, хватилъ топоромъ въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ съ свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей сви́тки. Теперь, говорятъ, одного только лѣваго рукава не достаетъ ему. Люди съ тѣхъ поръ открещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да не легкая дернула теперь засѣдателя от...«

Другая половина сло́ва замерла на устахъ разскащика: окно брякнуло съ шумомъ; стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ-будто спрашивая: »А что́ вы тутъ дѣлаете, добрые люди?«

VIII.

... піджа́въ хвістъ, мовъ соба̀ка,
Мовъ Ка̀інъ, затруси́всь уве́сь;
Изъ но́са потекла́ каба̀ка.
Котляревскій, »Энеида«.

Ужасъ оковалъ всѣхъ находившихся въ хатѣ. Кумъ, съ разпутымъ ртомъ, превратился въ камень; глаза его выпучились, какъ-будто хотѣли выстрѣлить; разверзтые пальцы остались неподвижными въ воздухѣ. Высокій храбрецъ, въ ничѣмъ непобѣдимомъ страхѣ, подскочилъ подъ потолокъ и ударился головою о перекладину; доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

»Ай! ай! ай!« отчаянно закричалъ одинъ, повалившись на лавку въ ужасѣ и болтая на ней руками и ногами. »Спасайте!« горланилъ другой въ отчаяніи, закрывшись тулупомъ.

Кумъ, выведенный изъ окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, пополз въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ печь, не смотря на узкое отверзтіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ-будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полуумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя подъ собою земли: одна усталость только заставила его уменьшить скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи, готовъ уже былъ онъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ..... Духъ у него занялся.....

»Чортъ! чортъ!« кричалъ онъ безъ памяти, утрояя силы, и чрезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю.

»Чортъ! чортъ!« кричало вслѣдъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ что-то съ шумомъ рынулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ посреди дороги.

IX.

Ще спе́реду, и та̀къ, и сякъ;
А зза́ду, ей же, ѐй, на чо́рта!
Изъ простонародн. сказки.

»Слышишь, Власъ?« говорилъ, приподнявшись ночью, одинъ изъ толпы народа, спавшаго на улицѣ: »возлѣ насъ помянулъ кто-то чорта!«

»Мнѣ какое дѣло?« проворчалъ потягиваясь лежавшій возлѣ него Цыганъ: »хоть бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ!«

»Но, вѣдь, такъ закричалъ, какъ-будто давятъ его!«

»Мало ли чего человѣкъ не совретъ съ просонья!«

»Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А выруби-ка огня!«

Другой Цыганъ, ворча про-себя, поднялся на ноги, два раза освѣтилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и, съ каганцéмъ въ рукахъ (обыкновенною Малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ разбитаго черепка, налитаго бараньимъ жиромъ) отправился, освѣщая дорогу.

»Стой! здѣсь лежитъ что-то! свѣти сюда!«

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

»Что̀ лежитъ, Власъ?«

»Такъ, какъ-будто бы два человѣка — одинъ наверху, другой внизу. Который изъ нихъ чортъ, уже и не распознаю!«

»А кто наверху?«

»Баба!«

»Ну, вотъ, это жъ то и есть чортъ!«

Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

»Баба взлѣзла на человѣка; ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить!« говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

»Смотрите, братцы!« говорилъ другой, поднимая черепокъ отъ горшка, котораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевúка; »какую шапку падѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!«

Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солопія и его супругу, которые, полные прошедша-

го испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица Цыганъ. Озаряясь свѣтомъ, невѣрно и трепетно горѣвшимъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ въ мракѣ непробудной ночи.

X.

Цу̀ръ тобі, пѣкъ тобі, сатани́ньськенавожде́ние!

Изъ Малоросс. комедіи.

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися Соро́чинцами. Клубы дыму со всѣхъ трубъ понеслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. Овцы заблеяли, лошади заржали; крикъ гусей и торговокъ понесся снова по всему табору, и страшные толки про *красную сви́тку*, наведшіе такую робость на народъ, въ таинственные часы сумерекъ, исчезли съ появленіемъ утра.

Зѣвая и потягиваясь, дремалъ Череви́къ у кума, подъ крытымъ соломою сараемъ, между воловъ, мѣшковъ муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище лѣни — благословенная печь его хаты, или шинокъ дальней родственницы, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога.

»Вставай, вставай!« дребезжала ему на ухо нѣжная супруга, дергая изо всей силы за руку.

Черевѝкъ, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

»Сумасшедшій!« закричала она, уклоняясь отъ взмаха руки его, которою онъ чуть было не задѣлъ ее по лицу.

Черевѝкъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ: »Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня заставили выбивать зорю, словно Москаля, тѣ самыя свиныя рожи, отъ которыхъ, какъ говоритъ кумъ...«

»Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди скорѣй кобылу

на продажу. Смѣхъ, право, людямъ: пріѣхали на ярмарку, и хоть бы горсть пеньки продали...«

»Какъ же, жи́нка!« подхватилъ Солопій; »съ насъ, вѣдь, теперь смѣяться будутъ.«

»Ступай! ступай! съ тебя и безъ того смѣются!«

»Ты видишь, что я еще не умывался«, продолжалъ Черевѝкъ, зѣвая и почесывая спину и стараясь, между прочимъ, выиграть время для своей лѣни.

»Вотъ некстати пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобою водилось? Вотъ рушни́къ, оботри свою маску.«

Тутъ схватила она что-то свернутое въ комокъ — и съ ужасомъ отбросила отъ себя: это былъ *красный обшлагъ свѝтки!*

»Ступай, дѣлай свое дѣло«, повторила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него страхъ отнялъ ноги, и зубы колотились одинъ о другой.

»Будетъ продажа теперь!« ворчалъ онъ самъ себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. »Не даромъ, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душѣ было такъ тяжело, какъ-будто кто взвалилъ на тебя дохлую корову; и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, какъ вспомнилъ я теперь, не въ понедѣльникъ мы выѣхали. Ну, вотъ и зло все!... Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свѝтку безъ одного рукава; такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать покою. Будь, примѣрно, я чортъ — чего оборони Боже — сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?«

Тутъ философствованіе нашего Черевѝка прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ стоялъ высокій Цыганъ.

»Что продаешь, добрый человѣкъ?«

Продавецъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы и сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не останавливаясь и не выпуская изъ рукъ узды: »Самъ видишь, что̀ продаю!«

»Ремешки?« спросилъ Цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

»Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.«

»Однакожъ, чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормилъ!«

»Соломою?«

Тутъ Черевíкъ хотѣлъ было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи безстыднаго поносителя; но рука его съ необыкновенною легкостію ударилась въ подбородокъ. Глянулъ — въ ней перерѣзанная узда, и къ уздѣ привязанный — о ужасъ! волосы его поднялись горою — кусокъ *краснаго рукава свíтки!...* Плюнувъ, крестясь и болтая руками, побѣжалъ онъ отъ неожиданнаго подарка и, быстрѣе молодого пáробка, пропалъ въ толпѣ.

XI.

За моé жъ жѝто та менé й побѝто.
Пословица.

»Лови! лови его!« крпчало нѣсколько хлóпцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевíкъ почувствовалъ, что схваченъ вдругъ дюжими руками.

»Вязать его! это тотъ самый, который укралъ у добраго человѣка кобылу.«

»Господь съ вами! за что̀ вы мéня вяжете?«

»Онъ же и спрашиваетъ! А за что̀ ты укралъ кобылу у пріѣзжаго мужика, Черевíка?«

»Съ ума спятили вы, хлóпцы! Гдѣ видано, чтобы человѣкъ самъ у себя кралъ что-нибудь?«

»Старыя штуки! старыя штуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ-будто бы самъ сатана за тобою по пятамъ гнался?«

»По неволѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда...«

»Э, голубчикъ! обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ засѣдателя за то, чтобы не пугалъ чертовщиною людей!«

»Лови! лови его!« послышался крикъ на другомъ концѣ улицы; »вотъ онъ, вотъ бѣглецъ!«

И глазамъ нашего Черевíка представился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами.

»Чудеса завелись!« говорилъ одинъ изъ нихъ: »послушали бы

вы, что̀ разсказываетъ этотъ мошенникъ, которому сто́итъ только загляну́ть въ лицо, чтобы увидѣть вора. Когда стали спра́шивать: отъ чего бѣжалъ онъ, какъ полоумный? — »Полѣзъ«, говоритъ, »въ карманъ понюхать табаку и, вмѣсто тавлинки, вытащилъ ку»сокъ чортовой *свѝтки*, отъ которой вспыхнулъ красный огонь, »а онъ — давай Богъ ноги!«

»Эге́, ге! да это изъ одного гнѣзда обѣ птицы! Вязать ихъ обоихъ вмѣстѣ!«

XII.

»Чѝмъ, лю́де до́брі, такъ оце́ я провини́вся?
»За що̀ глузу́ете?« сказа́въ нашъ небора̀къ,
»За що̀ знуща́етесь вы надо мно́ю такъ?
«За що̀, за що̀?...« сказа́въ та й попусти́въ патёки,
Патёки гіркихъ сліэъ, узя́вшися за бо́ки.
Артемовскій-Гулакъ, »Панъ та Собака«.

»Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, кумъ, ты подцѣпилъ что-нибудь?« спросилъ Черевѝкъ, лежа связанный, вмѣстѣ съ кумомъ, подъ соломенною яткой.

»И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо кралъ! выключая развѣ варе́ники со сметаною у матери, да и то еще, когда мнѣ было лѣтъ десять отъ роду.«

»За что̀ же это, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя винятъ по крайней мѣрѣ за то, что у другого укралъ; но за что̀ мнѣ, несчастливцу, недобрый поклепъ такой, будто у самого себя стянулъ кобылу? Видно, намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья!«

»Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ!«

Тутъ оба кума принялись всхлипывать навзрыдъ.

»Что̀ съ тобою, Солопій?« сказалъ вошедшій въ это время Грицько̀. »Кто это связалъ тебя?«

»А! Голопу́пенко, Голопу́пенко!« закричалъ, обрадовавшись, Солопій. »Вотъ, кумъ, это тотъ самый, о которо́мъ я говорилъ тебѣ. Эхъ, хватъ! вотъ, Богъ убей меня на этомъ мѣстѣ, если не высуслилъ при мнѣ кухоль, мало не съ твою голову, и хоть бы разъ поморщился!«

»Что́ же ты, кумъ, такъ не уважилъ такого славнаго па́робка?«

»Вотъ, какъ видишь«, продолжалъ Черевѝкъ, оборотясь къ Грицьку́; »наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился передъ тобою. Прости, добрый человѣкъ! Ей Богу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что́ прикажешь? Въ старухѣ дьяволъ сидитъ!«

»Я не злопамятенъ, Солопій! Если хочешь, я освобожу тебя!«

Тутъ онъ мигнулъ хлопцамъ, и тѣ же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать.

»За то и ты дѣлай, какъ нужно. Свадьбу — да и попируемъ такъ, чтобы цѣлый годъ болѣли ноги отъ гопака́!«

»*До́бре! отъ до́бре!*« сказалъ Солопій, хлопнувъ руками. »Да мнѣ такъ теперь сдѣлалось весело, какъ-будто мою старуху Москали увезли! Да что́ думать! годится, или не годится такъ — сегодня свадьбу, да и концы въ воду!«

»Смотри жъ, Солопій, черезъ часъ я буду къ тебѣ; а теперь ступай домой: тамъ ожидаютъ тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!«

»Какъ, развѣ кобыла пашлась?«

»Пашлась!«

Черевѝкъ отъ радости сталъ неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грицьку.

»Что́, Грицько́, худо мы сдѣлали свое дѣло?« сказалъ высокій Цыганъ спѣшившему па́робку. »Волы, вѣдь, мои теперь?«

»Твои, твои!«

XIII.

Не бійся, ма́тінко, не бійся,
Въ черво́нні чобіткѝ обу́йся,
Топчи́ вороги́
Нидъ но̀ги,
Щобъ твоі підкі́вки
Брязча̀ли,
Щобъ твоі вороги́
Мовча́ли!
Свадебная пѣсня.

Подпершись локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Пара́ска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой

головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство поднимало темныя ея брови; а иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣтлыя очи.

»Ну, что̀, если не сбудется то, что̀ говорилъ онъ?« шептала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія. »Ну, что̀, если меня не выдадутъ? если... Нѣтъ, нѣтъ, — этого не будетъ! Мачиха дѣлаетъ все, что̀ ей ни вздумается: развѣ и я не могу дѣлать того, что̀ мнѣ вздумается? Упрямства и у меня достанетъ. Какой же онъ хорошій! какъ чудно горятъ его черныя очи! какъ любо говоритъ онъ: *Парáсю, голýбко!* какъ пристала къ нему бѣлая свúтка! Еще бы поясъ поярче!... Пускай уже, правда, я ему вытку, какъ перейдемъ жить въ новую хату. Не подумаю безъ радости«, продолжала она, вынимая изъ-за нáзухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмаркѣ, и глядясь въ него съ таинымъ удовольствіемъ, »какъ я встрѣчусь тогда гдѣ-нибудь съ нею! Я ей ни за что̀ не поклонюсь, хоть она себѣ тресни! Нѣтъ, мачиха, полно колотить тебѣ свою падчерицу! Скорѣе песокъ взойдетъ на камнѣ и дубъ погнется въ воду, какъ верба, нежели я нагнусь передъ тобою! Да, я и позабыла... дай примѣрять очúпокъ, хоть мачихинъ, какъ-то онъ мнѣ придется?«

Тутъ встала она, держа въ рукахъ зеркальце, и, наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, какъ-будто бы опасаясь упасть, видя подъ собою, вмѣсто пóлу, потолокъ съ накладенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся недавно поповичъ, и пóлки, уставленныя горшками.

»Что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, будто дитя!« вскричала она смѣясь: »боюсь ступить ногою!«

И нáчала притопывать ногами, — чѣмъ далѣе, всё смѣлѣе; наконецъ, лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню:

Зеленéнький барвiночку,
Стелúся низéнько!
А ты, мúлый, чорнобрúвый,
Присýнься близéнько!

Зеленéнькій барвінóчку,
Стели́ся ще ни́жче!
А ты, ми́лый, чорнобри́вый,
Прису́нься ще бли́жче!

Черевúкъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ про всѣ дѣла свои. Громкій хохотъ кума заставилъ обоихъ вздрогнуть.

»Вотъ хорошо, батько съ дочкой затѣяли здѣсь сами свадьбу! Ступайте же скорѣе: женихъ пришелъ.«

При послѣднемъ словѣ, Парáска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ.

»Ну, дочка, пойдемъ скорѣе! Хúвря, съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала«, говорилъ онъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ, »побѣжала закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до прихода ея все кончить!«

Не успѣла Парáска переступить за порогъ хаты, какъ почувствовала себя на рукахъ нáробка въ бѣлой свиткѣ, который съ кучею народа выжидалъ ее на улицѣ.

»Боже, благослови!« сказалъ Черевúкъ, складывая имъ руки. »Пусть ихъ живутъ, какъ вѣки вьютъ!«

Тутъ послышался шумъ въ народѣ.

»Я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого!« кричала сожительница Солопíя, которую, однакожъ, съ хохотомъ отталкивала толпа народа.

»Не бѣсись, не бѣсись, жúнка!« говорилъ хладнокровно Черевúкъ, видя, что пара дюжихъ Цыганъ овладѣла ея руками: »что̀ сдѣлано, то̀ сдѣлано; я перемѣнять не люблю!«

»Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!« кричала Хúвря, но никто не слушалъ ея: нѣсколько паръ обступило новую пару и составили около нея непроницаемую танцующую стѣну.

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмѣль только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставляетъ дѣлать что-то подобное человѣческому, онѣ тихо покачивали охмѣлѣвшими головами, подплясывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету.

Громъ, хохотъ, пѣсни, слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясныя звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и не чѣмъ помочь ему!

1829.

ВЕЧЕРЪ НАКАНУНѢ ИВАНА КУПАЛА.

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

За Ѳомою Григорьевичемъ водилась особеннаго рода странность: онъ до-смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало иногда, если упросишь его разсказать что́ съизнова, то, смотри, что-нибудь да вкинетъ новое, или перепачитъ такъ, что узнать нельзя. Разъ, одинъ изъ тѣхъ господъ (намъ, простымъ людямъ, мудрено и назвать ихъ: писаки они, не писаки, а вотъ то самое, что́ барышники на нашихъ ярмаркахъ: нахватаютъ, напросятъ, накрадутъ всякой всячины да и выпускаютъ книжечки не толще букваря, каждый мѣсяцъ, или недѣлю), одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый паничъ, въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я, и котораго одну повѣсть вы, думаю, уже прочли, — привозитъ съ собою небольшую книжечку и, развернувши по-серединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся чи-

тать. Не успѣлъ перевернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку.

»Постойте! напередъ скажите мнѣ, что́ это вы читаете?«

Признаюсь, я немного пришелъ въ–тупикъ отъ такого вопроса.

»Какъ, что́ читаю, Ѳома Григорьевичъ? вашу быль, ваши собственныя слова́.«

»Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?«

»Да чего лучше? тутъ и напечатано: разсказанная такимъ-то дьячкомъ.«

»Плюйте жъ на голову тому, кто это напечаталъ! бре́ше, су́чий Моска́ль! *Такъ ли я говорилъ?* Що̀–то вже, якъ у кого чортъ-ма кле́пки въ голові! *Слушайте, я вамъ разскажу ее сейчасъ.«*

Мы придвинулись къ столу, и онъ началъ.

Дѣдъ мой (царство ему небесное! чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только буханцы́ пшеничные, да маковники́ въ меду!) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь — цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста и всё бы слушалъ. Ужъ не чета какому-нибудь нынѣшнему балагуру, который, какъ начнетъ *Москаля везть*(*), да еще языкомъ такимъ, будто ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку, да изъ хаты. Какъ теперь помню — покойная старуха, мать моя, была еще жива — какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ на-глухо узенькое стекло нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша погою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ-будто теперь слышится мнѣ. Кагане́цъ, дрожа и вспыхивая, какъ-бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ; веретено жужжало, а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, неслѣзавшаго отъ старости болѣе

(*) Т. е. лгать.

пяти лѣтъ съ своей печи. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды Запорожцевъ, про Ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожу́ха и Сагайдачнаго, не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ стра́хъ бывало такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается Богъ знаетъ какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей уклался спать выходецъ съ того свѣта, и чтобы мнѣ не довелось разсказывать это въ другой разъ, если я не принималъ часто издали собственную свѝтку, положенную въ головахъ, за свернувшагося дьявола! Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ и, что̀ бывало ни скажетъ, то̀ именно такъ и было.

Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ. Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, понисывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую грамоту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза́ въ немъ, а показывать на позоръ свои зубы — есть умѣнье. Имъ все, что̀ ни разскажешь — въ смѣхъ. Этакое невѣрье разошлось по свѣту! Да чего? (вотъ, не любп Богъ меня и Пречистая Дѣва! вы, можетъ, даже не повѣрите) разъ какъ-то запкнулся про вѣдьмъ... что̀ жъ? нашелся сорвиголова — вѣдьмамъ не вѣритъ! Да, слава Богу, вотъ я, сколько живу уже на свѣтѣ! видѣлъ такихъ пповѣрцевъ, которымъ *провози́ть попа́ въ ре́шети* (*) было легче, нежели нашему брату понюхать табаку; а и тѣ открещивались отъ вѣдьмъ! Но приспись имъ... не хочется только выговорить, что̀ такое! нечего и толковать объ нихъ.

Лѣтъ болѣе чѣмъ за сто (говорилъ покойникъ дѣдъ мой) нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало то тамъ, то самъ посереди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это жъ еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма — вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать,

(*) Т. е. солгать на исповѣди.

что живетъ тамъ человѣкъ Божій. Вы спро́сите, отъ чего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность: тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ немало добра; а больше отъ того, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то́, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало!

Въ этомъ-то хуторѣ показывался часто человѣкъ, или, лучше, дьяволъ въ человѣческомъ образѣ. Откуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никто не зналъ. Гуляетъ, пьянствуетъ — и вдругъ пропадетъ, какъ въ воду, и слуху нѣтъ. Тамъ, глядь — снова будто съ неба упалъ, рыскаетъ по улицамъ села, котораго теперь и слѣду нѣтъ, и которое было, можетъ, не дальше ста шаговъ отъ Диканьки. Понаберетъ встрѣчныхъ козаковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка — какъ во́да... Пристанетъ бывало къ краснымъ дѣвушкамъ: надаритъ лентъ, серегъ, монистъ — дѣвать не́куда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ, въ самомъ дѣлѣ перешли черезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шино́къ, по нынѣшней Опошнянской дорогѣ, въ которомъ часто разгульничалъ Басаврюкъ (такъ называли этого бѣсовскаго человѣка), именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтѣ не согласилась бы принять отъ него подарковъ. Опять, какъ же и не взять? — всякого проберетъ страхъ, когда нахмуритъ онъ бывало свои щетинистыя брови и пуститъ изъ подлобья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги Богъ знаетъ куда; а возмешь — такъ на другую же ночь и тащится въ гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента. Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда — и отвязаться нельзя: бросишь въ воду — плыветъ чертовскій перстень, или монисто поверхъ воды, и къ тебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чуть ли еще, какъ вспомню, не святого Пантелея. Жилъ тогда при ней іерей, блаженной памяти отецъ Аѳанасій. Замѣтивъ, что Басаврюкъ и на Свѣтлое Воскресеніе не

бывалъ въ церкви, задумалъ было пожурить его, наложить церковное покаяніе. Куда! насилу ноги унесъ. »Слушай, *панóче!*« загремѣлъ онъ ему въ отвѣтъ: »знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залѣплено горячею кутьею.« Что̀ дѣлать съ окаяннымъ? Отецъ Аѳанасій объявилъ только, что всякого, кто спознается съ Басаврюкомъ, станетъ считать за католика, врага Христовой церкви и всего человѣческаго рода.

Въ томъ селѣ былъ у одного козака, прозвищемъ Коржа, работникъ, котораго люди звали Петромъ Безроднымъ, — можетъ, отъ того, что никто не помнилъ ни отца его, ни матери. Староста церкви говорилъ, правда, что они на другой же годъ померли отъ чумы; но тетка моего дѣда знать этого не хотѣла и всѣми силами старалась надѣлить его родней, хотя бѣдному Петру было въ ней столько нужды, сколько намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила, что отецъ его на Запорожьи; былъ въ плѣну у Турокъ, натерпѣлся мукъ, Богъ знаетъ какихъ, и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу. Чернобровымъ дивча́тамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что если бы одѣть его въ новый жупа́нъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ спинимъ верхомъ, привѣсить къ боку Турецкую саблю, дать въ одну руку малаха́й, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ паробко́въ тогдашнихъ. Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся́ всего-на-всего была одна сѣрая свитка, въ которой было больше дыръ, чѣмъ у пного Жида въ карманѣ золотыхъ. И это бы еще не большая бѣда, а вотъ бѣда: у стараго Коржа была дочка, красавица, какую, я думаю, врядъ ли доставалось вамъ видывать. Тетка покойнаго дѣда разсказывала — а женщинѣ, сами знаете, легче поцѣловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею — что полненькія щеки козачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ; что брови, словно черные шнурочки, какіе покупаютъ теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвуш-

ки наши у проходящихъ по селамъ съ коробками Москалей, ровно нагнувшись, какъ-будто глядѣлись въ ясныя очи; что ротикъ, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни; что волосы ея, черные, какъ крылья ворона, и мягкіе, какъ молодой ленъ (тогда еще дѣвушки наши не заплетали ихъ въ дрибу́шки, перевивая красивыми, яркихъ цвѣтовъ, скипдя́чками), падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ ку́нтушъ. Эхъ, не доведи Господь возглашать мнѣ больше на клиросѣ аллилуія, если бы, вотъ тутъ же, не разцѣловалъ ея, не смотря на то, что сѣдь пробирается по всему старому лѣсу, покрывающему мою макушку, и подъ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу! Ну, если гдѣ на́робокъ и ди́вка живутъ близко одинъ отъ другого... сами знаете, что̀ выходитъ. Бывало, ни свѣтъ, ни заря, подковы красныхъ сапоговъ примѣтны на томъ мѣстѣ, гдѣ раздобарпвала Пидо́рка съ своимъ Петрусе́мъ. Но всё бы Коржу и въ умъ не пришло что-нибудь недоброе, да разъ — ну, это уже и видно, что не кто другой, какъ лукавый дернулъ — вздумалось Петрусю́, не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпить поцѣлуй, какъ говорятъ, отъ всей души, въ розовыя губки козачки, и тотъ же самый лукавый, — чтобъ ему собачьему сыну приснился крестъ святой! — настроплъ съ-дуру стараго хрѣна отворить дверь хаты. Одеревенѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцѣлуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макого́на объ стѣну, которымъ, обыкновенно, въ наше время мужикъ прогоняетъ кутью, за непмѣніемъ фузеи и пороха.

Очнувшись, снялъ онъ со стѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ было покропить ею спину бѣднаго Петра, какъ откуда ни возьмись шести-лѣтній братъ Пидо́ркинъ, Ива́сь; прибѣжалъ и въ испугѣ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ: »Тятя, тятя! не бей Петруся́!« Что̀ прикажешь дѣлать? у отца сердце не каменное: повѣсивши нагайку на стѣну, вывелъ онъ его потихоньку изъ хаты: »Если ты мнѣ когда-нибудь покажешься въ хатѣ, или хоть только подъ окнами, то слушай, Петро̀, ей Богу, пропадутъ черные усы, да и оселедецъ твой, вотъ уже онъ два раза обма-

тывается около уха, не будь я Терентій Коржъ, если не распрощается съ твоею макушей!« Сказавши это, далъ онъ ему легонькою рукою стусана́ въ затылокъ, такъ что Петру́сь, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ. Вотъ тебѣ и доцѣловались! Взяла кручина нашихъ голубковъ; а тутъ и слухъ по селу, что къ Коржу повадился ходить какой-то Ляхъ, отшитый золотомъ, съ усами, съ саблею, со шпорами, съ кармапами, бренчавшими, какъ звонокъ отъ мѣшечка, съ которымъ пономарь нашъ, Тарасъ, отправляется каждый день по церкви. Ну, извѣстно, зачѣмъ ходятъ къ отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вотъ, одинъ разъ, Пидо́рка схватила, заливаясь слезами, на руки Ива́ся своего. »Ива́сю мой милый, Ива́сю мой любый! бѣги къ Петрусю́, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бъ его карія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя. Не одинъ рушни́къ вымочила горючими слезами. Тошно мнѣ, тяжело на сердцѣ! И родной отецъ врагъ мнѣ: неволитъ идти за нелюбаго Ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопи́локъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня! Темная, темная моя будетъ хата: изъ кленоваго дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!«

Какъ будто окаменѣвъ, не сдвинувшись съ мѣста, слушалъ Петро́, когда невинное дитя лепетало ему Пидо́ркины слова. »А я думалъ, несчастный, идти въ Крымъ и Туреччину, навоевать золота и съ добромъ пріѣхать къ тебѣ, моя красавица! Да не быть тому! Недобрый глазъ поглядѣлъ на насъ. Будетъ же, моя дорогая рыбка, будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ: воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною; гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча — моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди козацкія косточки, и вихорь высушитъ ихъ. Но что́ я? на кого? кому жаловаться? Такъ уже, видно, Богъ велѣлъ! Пропадать, такъ пропадать!« да прямехонько и побрелъ въ шино́къ.

Тетка покойнаго дѣда немного изумилась, увидѣвши Петруся́ въ шинкѣ, да еще въ такую пору, когда добрый человѣкъ идетъ къ заутрени, и выпучила на него глаза, какъ-будто съ просонья,

когда потребовалъ онъ ку́холь сиву́хи, мало не съ полведра. Только напрасно думалъ бѣдняжка залить свое горе. Водка щипала его за языкъ, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинулъ отъ себя ку́холь на землю! »Полно горевать тебѣ, козакъ!« загремѣло что-то басомъ надъ нимъ. Оглянулся — Басаврюкъ! У, какая образина! Волосы — щетина, очи — какъ у вола! »Знаю, чего не достаетъ тебѣ: вотъ чего!« Тутъ брякнулъ онъ съ бѣсовскою усмѣшкою кожанымъ, висѣвшимъ у него возлѣ пояса, кошелькомъ. Вздрогнулъ Петро́. »Ге, ге, ге! да какъ горитъ!« заревѣлъ онъ, пересыпая на руку червонцы: »ге, ге, ге! да какъ звенитъ! А вѣдь и дѣла только одного потребую за цѣлую гору такихъ цяцекъ«. — »Дьяволъ!« закричалъ Петро́. »Давай его! на все готовъ!« Хлопнули по рукамъ. »Смотри, Петро́, ты поспѣлъ какъ-разъ въ пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту почь въ году и цвѣтетъ папоротникъ. Не прозѣвай! Я тебя буду ждать о полночи въ Медвѣжьемъ оврагѣ«.

Я думаю, куры такъ не дожидаются той поры, когда баба вынесетъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петру́сь вечера. То и дѣло, что смотрѣлъ, не становится ли тѣнь отъ дерева длиннѣе, не румянится ли понизившееся солнышко, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нетерпѣливѣй. Экая долгота! видно, день Божій потерялъ гдѣ-нибудь конецъ свой. Вотъ уже и солнца нѣтъ. Небо только краснѣетъ на одной сторонѣ. И оно уже тускнетъ. Въ полѣ становится холодиѣй. Примеркаетъ, примеркаетъ и — смерклось. Насилу! Съ сердцемъ, только-что не хотѣвшимъ выскочить изъ груди, собрался онъ въ дорогу и бережно спустился густымъ лѣсомъ въ глубокій яръ, называемый Медвѣжьимъ оврагомъ. Басаврюкъ уже поджидалъ тамъ. Темно, хоть въ глаза выстрѣли. Рука объ руку, пробирались они по топкимъ болотамъ, цѣпляясь за густо-разросшійся терновникъ и спотыкаясь почти на каждомъ шагу. Вотъ и ровное мѣсто. Оглядѣлся Петро́ — никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тутъ остановился и Басаврюкъ.

»Видишь ли ты, стоятъ передъ тобою три пригорка? Много будетъ на нихъ цвѣтовъ разныхъ; но сохрани тебя нездѣшняя сила, сорвать хоть одинъ! Только же зацвѣтетъ папоротникъ, хватай его и не оглядывайся, что́ бы тебѣ позади ни чудилось.«

Петро́ хотѣлъ было спросить... глядь — и нѣтъ уже его. Подошелъ въ тремъ пригоркамъ — гдѣ же цвѣты? Ничего не видать. Дикій бурьянъ чернѣлъ кругомъ и глушилъ все своею густотою. Но вотъ блеснула на небѣ зарница, и передъ нимъ показалась цѣлая гряда цвѣтовъ, всё чудныхъ, всё невиданныхъ; тутъ же простые листья папоротника. Поусомнился Петро́, и въ раздумьи сталъ передъ ними, подпершись обѣими руками въ боки.

»Что́ жъ тутъ за невидальщина? десять разъ на день, случается, видишь это зелье: какое жъ тутъ диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмѣяться?«

Глядь — краснѣетъ маленькая цвѣточная почка и, какъ-будто живая, движется. Въ самомъ дѣлѣ чудно! Движется и становится всё больше, больше, и краснѣетъ, какъ горячій уголь. Вспыхнула звѣздочка, что-то тихо затрещало — и цвѣтокъ развернулся передъ его очами, словно пламя, освѣтивъ и другіе около себя. »Теперь пора!« подумалъ Петро́ и протянулъ руку. Смотритъ, тянутся изъ-за него сотни мохнатыхъ рукъ также къ цвѣтку, а позади его что-то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Зажмуривъ глаза, дернулъ онъ за стебелекъ, и цвѣтокъ остался въ его рукахъ. Все утихло. На пнѣ показался сидящимъ Басаврюкъ, весь синій какъ мертвецъ. Хоть бы пошевелился однимъ пальцемъ. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; ротъ въ половину разинутъ, и ни отвѣта. Вокругъ не шелохнетъ. Ухъ, страшно!... Но вотъ послышался свистъ, отъ котораго захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумѣла, цвѣты начали между собою разговаривать голоскомъ тоненькимъ, словно серебряные колокольчики; деревья загремѣли сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдругъ ожило, очи сверкнули. »Насилу воротилась, яга!« проворчалъ онъ сквозь зубы. »Гляди, Петро́, станетъ передъ тобой сейчасъ красавица: дѣлай все, что́ ни прикажетъ; не то — пропалъ на вѣки!« Тутъ раздѣлилъ онъ суковатою палкою кустъ терновника, и передъ ними показалась избушка, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ. Басаврюкъ ударилъ кулакомъ, и стѣна зашаталась. Большая черная собака выбѣжала на встрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, кинулась въ глаза имъ. »Не бѣсись, не бѣсись, старая чертовка!« проговорилъ

Басаврюкъ, приправивъ такимъ словцомъ, что добрый человѣкъ и уши бы заткнулъ. Глядь — вмѣсто кошки, старуха съ лицемъ сморщившимся, какъ печеное яблоко, вся согнутая въ дугу; носъ съ подбородкомъ словно щипцы, которыми щелкаютъ орѣхи. »Славная красавица!« подумалъ Петро́, и мурашки пошли по спинѣ его. Вѣдьма вырвала у него цвѣтокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пѣна показалась на губахъ. »Бросай!« сказала она, отдавая цвѣтокъ ему.

Петро́ подбросилъ, и, что̀ за чудо? цвѣтокъ не упалъ прямо, но долго казался огненнымъ шарикомъ посреди мрака и, словно лодка, плавалъ по воздуху; наконецъ, потихоньку началъ спускаться ниже и упалъ такъ далеко, что едва примѣтна была звѣздочка, не больше маковаго зерна. »Здѣсь!« глухо прохрипѣла старуха; а Басаврюкъ, подавая ему заступъ, примолвилъ: »Копай здѣсь, Петро́: тутъ увидишь ты столько золота, сколько ни тебѣ, ни Коржу не снилось.« — Петро́, поплевавъ въ руки, схватилъ заступъ, надавилъ ногою и выворотилъ землю, въ другой, въ третій, еще разъ... Что-то твердое, заступъ звенитъ и пейдетъ далѣе! Тутъ глаза его ясно начали различать небольшой, окованный желѣзомъ, сундукъ. Уже хотѣлъ онъ было достать его рукою, но сундукъ сталъ уходить въ землю, и всё чѣмъ далѣе, глубже, глубже; а позади его слышался хохотъ, болѣе схожій съ змѣинымъ шипѣньемъ. »Нѣтъ, невидать тебѣ золота, покамѣсть не достанешь крови человѣческой!« сказала вѣдьма и подвела къ нему дитя, лѣтъ шести, накрытое бѣлою простынею, показывая знакомъ, чтобы онъ отсѣкъ ему голову. Остолбенѣлъ Петро̀. Малость, отрѣзать ни за что, ни про что человѣку голову, да еще безвинному ребенку! Въ сердцахъ, сдернулъ онъ простыню, накрывавшую его голову, и что̀ же? Передъ нимъ стоялъ Ива́сь. И рученки сложило бѣдное дитя на-крестъ, и голову повѣсило... Какъ бѣшеный, подскочилъ съ ножомъ къ вѣдьмѣ Петро́, и уже занесъ было руку...

»А что̀ ты обѣщалъ за дѣвушку?...« грянулъ Басаврюкъ и словно пулю посадилъ ему въ спину. Вѣдьма топнула ногою: синее пламя выхватилось изъ земли; середина ея вся освѣтилась и стала

какъ-будто изъ хрусталя вылита; и все, что̀ ни было подъ землею, сдѣлалось видимо, какъ на ладони. Червонцы, дорогіе камни въ сундукахъ, въ котлахъ, грудами были навалены подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли. Глаза его загорѣлись... умъ помутился... Какъ безумный, ухватился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи... Дьявольскій хохотъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ. Безобразныя чудища стаями скакали передъ нимъ. Вѣдьма, вцѣпившись руками въ обезглавленный трупъ, какъ волкъ, пила изъ него кровь... Все пошло кругомъ въ головѣ его. Собравши всѣ силы, бросился онъ бѣжать. Все покрылось передъ нимъ краснымъ цвѣтомъ. Деревья всѣ въ крови, казалось, горѣли и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненныя пятна, что̀ молніи, мерещились въ его глазахъ. Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачужку и, какъ снопъ, повалился на землю. Мертвый сонъ охватилъ его.

Два дня и двѣ ночи спалъ Петро́ безъ просыпа. Очнувшись на третій день, долго осматривалъ онъ углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была какъ карманъ стараго скряги, изъ котораго полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышалъ онъ, что въ ногахъ брякнуло. Смотритъ — два мѣшка съ золотомъ. Тутъ только, будто сквозь сонъ, вспомнилъ онъ, что искалъ какого-то клада, что было ему одному страшно въ лѣсу... Но за какую цѣну, какъ достался онъ, этого никакимъ образомъ не могъ понять.

Увидѣлъ Коржъ мѣшки и — разнѣжился. »Сякой, такой Петру́сь, немазаный! да я ли не любилъ его? да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?« И понесъ хрычъ небывальщину, такъ-что того до слезъ разобрало. Пидо́рка стала разсказывать ему, какъ проходившіе мимо Цыганы украли Ива́ся; но Петро́ не могъ даже вспомнить его — такъ обморочила проклятая бѣсовщина! Мѣшкать было не зачѣмъ. Поляку дали подъ носъ дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишекъ, нашили рушниковъ и хустокъ, выкатили бочку горѣлки, посадили за столъ молодыхъ, разрѣзали коровай; брякнули въ бандуры, цымба́лы, сопи́лки, ко́бзы — и пошла потѣха...

Въ старину свадьба водилась не въ сравненье съ нашей. Тетка

моего дѣда бывало разскажетъ — люли только! Какъ дивча́та въ нарядномъ головномъ уборѣ, изъ желтыхъ, синихъ и розовыхъ стрпчо́къ, поверхъ которыхъ навязывался золотой галунъ, въ тонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всему шву краснымъ шелкомъ и унизанныхъ мелкими серебряными цвѣточками, въ сафьянныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, плавно, словно павы, и съ шумомъ, что вихорь, скакали въ горлицѣ; какъ молодицы, съ корабликомъ на головѣ, котораго верхъ сдѣланъ былъ весь изъ сутозолотой парчи, съ небольшимъ вырѣзомъ на затылкѣ, откуда выглядывалъ золотой очипокъ, съ двумя выдавшимися, одинъ напередъ, другой назадъ, рожками, самаго мелкаго чернаго смушка, въ синихъ, изъ лучшаго полутабенеку, съ красными клапанами, кунтушахъ, важно подбоченившись, выступали поодиночкѣ и мѣрно выбивали гопака́; какъ паробки, въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ тонкихъ суконныхъ свиткахъ, затянутыхъ шитыми серебромъ поясами, съ люльками въ зубахъ, разсыпа́лись передъ ними мелкимъ бѣсомъ и подпускали турусы. Самъ Корякъ не утерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чтобы не тряхнуть старпною. Съ бандурою въ рукахъ, потягивая люльку и вмѣстѣ припѣвая, съ чаркою на головѣ, пустился старпчина, при громкомъ крикѣ гулякъ, въ-присядку. Чего не выдумаютъ навеселѣ? Начнутъ бывало наряжаться въ хари — Боже ты мой, на человѣка не похожи! Ужъ не чета нынѣшнимъ переодѣваньямъ, что́ бываютъ на свадьбахъ нашихъ. Что́ теперь? только что корчатъ Цыганокъ да Москалей. Нѣтъ, вотъ, бывало одинъ одѣнется Жидомъ, а другой чортомъ, начнутъ сперва цѣловаться, а послѣ ухватятся за чубы... Богъ съ вами! смѣхъ нападетъ такой, что за животъ хватаешься. Поодѣнутся въ Турецкія и Татарскія платья: все горитъ на нихъ, какъ жаръ... А какъ начнутъ дурѣть да строить штуки... ну, тогда хоть святыхъ выноси! Съ теткой покойнаго дѣда, которая сама была на этой свадьбѣ, случилась забавная исторія: была она одѣта тогда въ Татарское широкое платье и, съ чаркою въ рукахъ, угощала собраніе. Вотъ, одного дернулъ лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промахъ, высѣкъ въ ту же минуту огня, да и поджегъ... пламя вспыхнуло: бѣдная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать съ

себя, при всѣхъ, платье.... Шумъ, хохотъ, сралашъ поднялся, какъ на ярмаркѣ. Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно панъ съ панею. Всего вдоволь, все блеститъ... Однакоже добрые люди качали слегка головами, глядя на житье ихъ. »Отъ чорта не будетъ добра«, поговаривали всѣ въ одинъ голосъ. »Откуда, какъ не отъ искусителя люда православнаго, пришло къ нему богатство? Гдѣ ему было взять такую кучу золота? Отчего, вдругъ, въ самый тотъ день, когда разбогатѣлъ онъ, Басаврюкъ пропалъ, какъ въ воду?« Говорите же, что люди выдумываютъ! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не прошло мѣсяца, Петруся никто узнать не могъ. Отчего, что̀ съ нимъ сдѣлалось? Богъ знаетъ. Сидитъ на одномъ мѣстѣ, и хоть бы слово съ кѣмъ: всё думаетъ и какъ-будто бы хочетъ что-то припомнить. Когда Пидоркѣ удастся заставить его о чемъ-нибудь заговорить, какъ-будто и забудется, и поведетъ рѣчь, и развеселится даже; но нечаянно посмотритъ на мѣшки: »Постой, постой, позабылъ!« крикнетъ, и снова задумается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной разъ, когда долго сидитъ на одномъ мѣстѣ, чудится ему, что вотъ, вотъ, все съизнова приходитъ на умъ... и опять все ушло. Кажется: сидитъ въ шинкѣ; несутъ ему водку; жжетъ его водка; противна ему водка. Кто-то подходитъ, бьетъ по плечу его... но далѣе, все какъ-будто туманомъ покрывается передъ нимъ. Потъ валитъ градомъ по лицу его̀, и онъ, въ изнеможеніи, садится на свое мѣсто.

Чего не дѣлала Пидорка? и совѣщалась съ знахарями, и переполо́хъ выливали, и со́няшницу заваривали (*) — ничто не помогало. Такъ прошло и лѣто. Много козаковъ обкосилось и обжалось; много козаковъ, поразгульнѣе другихъ, и въ походъ потянулось. Стан утокъ еще толпились на болотахъ нашихъ; но кра-

(*) Выливаютъ переполо́хъ у насъ въ случаѣ испуга, когда хотятъ узнать, отъ чего приключился онъ: бросаютъ расплавленное олово, или воскъ въ воду, и чье примутъ они подобіе, то̀.самое перепугало больного, — послѣ чего и весь испугъ проходитъ. Завариваютъ со́няшницу отъ дурноты и боли въ животѣ. Для этого зажигаютъ кусокъ пеньки, бросаютъ въ кружку и опрокидываютъ ее вверхъ дномъ въ миску, наполненную водою и поставленную на животѣ больного; потомъ, послѣ зашептываній, даютъ ему выпить ложку этой воды.

пивянокъ уже и въ поминѣ не было Въ степяхъ закраснѣло. Скирды хлѣба то тамъ, то сямъ, словно козацкія шапки, нестрѣли по полю. Попадались по дорогѣ и возы, наваленные хворостомъ и дровами. Земля сдѣлалась крѣпче и мѣстамм стала прохватываться морозомъ. Уже и снѣгъ началъ сѣяться съ неба, и вѣтви деревъ убрались пнеемъ, будто заячьимъ мѣхомъ. Вотъ уже въ ясный морозный день, красногрудый снигирь, словно щеголеватый Польскій шляхтичь, прогуливался по снѣговымъ кучамъ, вытаскивая зерно, и дѣти огромными кіями гоняли по льду деревяные кубари, мѣжду тѣмъ какъ отцы ихъ спокойно вылеживались на печкѣ, выходя по временамъ, съ зажженною люлькою въ зубахъ, ругнуть добрымъ порядкомъ православный морозецъ, или провѣтриться и промолотить въ сѣняхъ залежалый хлѣбъ. Наконецъ снѣга стали таять, и *щука хвостомъ ледъ расколотила;* а Петро́ всё тотъ же, и чѣмъ далѣе, тѣмъ еще суровѣе. Какъ-будто прикованный, сидитъ посереди хаты, поставивъ себѣ въ ноги мѣшки съ золотомъ. Одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшенъ, и всё думаетъ объ одномъ, всё силится припомнить что-то и сердится, и злится, что не можетъ вспомнить. Часто, дико подымается съ своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ-будто хочетъ уловить его; губы шевелятся, будто хотятъ произнесть какое-то давно-забытое слово — и неподвижно останавливаются... Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полуумный, грызетъ и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣ рветъ клоками волосы, покамѣстъ, утихнувъ, не упадетъ, будто въ забытьи, и послѣ снова принимается припоминать, и снова бѣшенство, и снова мука... Что́ это за напасть Божія? Жизнь не въ жизнь стала Пидоркѣ. Страшно ей было оставаться сперва одной въ хатѣ; да послѣ свыклась, бѣдняжка, съ своимъ горемъ. Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмѣшки; изныла, исчахла, выплакались ясныя очи. Разъ, кто-то уже видно сжалился надъ ней, посовѣтовалъ идти къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагѣ, про которую ходила слава, что умѣетъ лѣчить всѣ на свѣтѣ болѣзни. Рѣшилась попробовать послѣднее средство; слово за слово, уговорила старуху идти съ собою. Это было ввечеру, какъ разъ накануне Купала. Петро́ въ

безпамятствѣ лежалъ на лавкѣ и не примѣчалъ вовсе новой гостьи. Какъ вотъ, мало-помалу сталъ приподниматься и всматриваться. Вдругъ весь задрожалъ, какъ на плахѣ; волосы поднялись горою... и онъ засмѣялся такимъ хохотомъ, что страхъ врѣзался въ сердце Пидорки. »Вспомнилъ, вспомнилъ!« закричалъ онъ въ страшномъ весельи и, размахнувши топоръ, пустилъ имъ изо всей силы въ старуху. Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лѣтъ семи, въ бѣлой рубашкѣ, съ накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетѣла. »Ивась!« закричала Пидорка и бросилась къ нему; но привидѣніе, все съ ногъ до головы, покрылось кровью и освѣтило всю хату краснымъ свѣтомъ... Въ испугѣ выбѣжала она въ сѣни; но, опомнившись немного, хотѣла было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею такъ крѣпко, что не подъ силу было отпереть. Сбѣжались люди, принялись стучать, высадили дверь — хоть бы душа одна! Вся хата полна дыма, и посереднѣ только, гдѣ стоялъ Петрусь, куча пеплу, отъ котораго мѣстами подымался еще паръ. Кинулись къ мѣшкамъ: одни битые черепки лежали вмѣсто червонцевъ. Выпуча глаза и разинувъ рты, не смѣя пошевельнуть усомъ, стояли козаки, будто вкопанные въ землю. Такой страхъ навело на нихъ это диво!

Что было далѣе, не вспомню. Пидорка дала обѣтъ идти на богомолье, собрала оставшееся послѣ отца имущество, и, черезъ нѣсколько дней, ея точно уже не было на селѣ. Куда ушла она, никто не могъ сказать. Услужливыя старухи отправили было ее уже туда, куда и Петро́ потащился; но пріѣхавшій изъ Кіева козакъ разсказалъ, что видѣлъ въ лаврѣ монахиню, всю высохшую, какъ скелетъ, и безпрестанно молящуюся, въ которой земляки, по всѣмъ примѣтамъ, узнали Пидорку; что будто еще никто не слыхалъ отъ нея ни одного слова; что пришла она пѣшкомъ и принесла окладъ къ иконѣ Божьей Матери, изцвѣченный такими яркими камнями, что всѣ зажмурившись, на него глядя.

Позвольте, этимъ еще не все кончилось. Въ тотъ самый день, когда лукавый припряталъ къ себѣ Петруся, показался снова Басаврюкъ; только всѣ бѣгомъ отъ него. Узнали, что́ это за птица: никто другой, какъ сатана, принявшій человѣческій образъ для

того, чтобы отрывать клады, а какъ клады не даются нечистымъ рукамъ, такъ вотъ онъ и приманиваетъ къ себѣ молодцевъ. Въ томъ же году всѣ побросали землянки свои и перебрались въ село; но и тамъ однакожъ не было покою отъ проклятаго Басаврюка. Тетка покойнаго дѣда говорила, что именно злился онъ болѣе всего на нее за то, что оставила прежній шинокъ по Опошнянской дорогѣ, и всѣми сплами старался выместить все на ней. Разъ старшины села собрались въ шинокъ и, какъ говорится, бесѣдовали по чинамъ за столомъ, посерединѣ котораго поставленъ былъ, грѣхъ сказать, чтобы малый, жареный баранъ. Калякали о томъ, о семъ: было и про диковинки разныя, и про чуда. Вотъ и померещилось, еще бы ничего, если бы одному, ато именно всѣмъ, что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣтились, и въ мигъ появившіеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующихъ. Всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка; тетка дѣда моего даже думала уже, что вотъ, вотъ попроситъ водки.... Честные старшины за шапки, да скорѣй во-свояси. Въ другой разъ самъ церковный староста, любившій по временамъ раздобаривать глазъ на глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще раза два достать дна, какъ видитъ, что чарка кланяется ему въ-поясъ. »Чортъ съ тобою!« давай креститься!.. А тутъ съ половиною его то же диво: только что начала она замѣшивать тѣсто въ огромной дижѣ, вдругъ дижа выпрыгнула. »Стой, стой!« куда! подбоченившись важно, пустилась въ-присядку по всей хатѣ... Смѣйтесь; однакожъ не до смѣха было нашимъ дѣдамъ. И даромъ, что отецъ Аѳанасій ходилъ по всему селу со святою водой и гонялъ чорта кропиломъ по всѣмъ улицамъ, а всё еще тетка покойнаго дѣда долго жаловалась, что кто-то, какъ только вечеръ, стучитъ въ крышу и царапается по стѣнѣ.

Да чего! Вотъ теперь на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ село наше, кажись, все спокойно; а вѣдь еще не такъ давно, еще покойный отецъ мой и я запомню, какъ мимо развалившагося шинка, который нечистое племя долго послѣ того поправляло на свой счетъ, доброму человѣку пройти нельзя было. Изъ закоптѣвшей трубы столбомъ валилъ дымъ и, поднявшись высоко.

такъ что посмотрѣть — шапка валилась, разсыпался горячими угольями по всей степи, и чортъ (нечего бы и вспоминать его, собачьяго сына) такъ всхлипывалъ жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны стаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ метались по небу.

МАЙСКАЯ НОЧЬ, или УТОПЛЕНИЦА.

Врагъ ёго́ ба̀тька зна́е! начну́тъ щоне́будь роби́ть лю́ди хрѐщені, то морду̀ютця, морду́ютця, мовъ хорты̀ за за́йцемъ, а всѐ щось не до шмы́ги; тількі жъ куды́ чо̀ртъ уплете́цця, то вѐрть хво́стикомъ — такъ де воно́ й вѝзметця!

I.

ГАННА.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села ***. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами наробки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныньемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки, а пѣсни всё не утихали. Съ бандурою въ рукахъ, пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой козакъ, Левко́, сынъ сельскаго головы. На козакѣ Рѣшетиловская шапка. Козакъ идетъ по улицѣ, бренчитъ рукою по струнамъ и подплясываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья эта дверь? Немного помолчавши, заигралъ онъ и запѣлъ:

Со́нце низѐнько, ве́чіръ близѐнько,
Вы̀йди до ме́не, мое серде́нько!

»Нѣтъ, видно, крѣпко заспула моя яснооκая красавица!« сказалъ козакъ, окончивши пѣсню и приближаясь къ окну. »Га́лю! Га́лю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйти? Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ быть, показать бѣлое личико на холодъ! Не бойся — никого нѣтъ. Вечеръ тепелъ. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя — и никто насъ не увидитъ. Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки, сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на мигъ. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую свою ручку... Нѣтъ, ты не спишь, гордая дивчи́на!« проговорилъ онъ, громче и такимъ голосомъ, какимъ выражаетъ себя устыдившійся мгновеннаго униженія. »Тебѣ любо издѣваться надо мною — прощай!«

Тутъ онъ отворотился, насунулъ набекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревяная ручка у дверп въ это время завертѣлась, дверь распахнулась со скрыпомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревяной ручки, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей паробка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

»Какой же ты нетерпѣливый!« говорила она ему въ полголоса: »уже и разсердился! За-чѣмъ выбралъ ты такое время? толпа народу шатается то-и-дѣло по улицамъ... Я вся дрожу...«

»О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче!« говорилъ паробокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, впсѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты. »Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько.«

»Знаешь ли, что́ я думаю?« прервала дѣвушка, задумчиво уставивъ въ него свои очи. »Мнѣ всё что-то будто на ухо шепчетъ, что впередъ намъ не видаться такъ часто. Недобрые у васъ люди: дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а паробки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе было у чужихъ.«

Какое-то движеніе тоски выразилось на лицѣ ея, при послѣднихъ словахъ.

»Два мѣсяца только въ сторонѣ родной, и уже соскучилась! Можетъ, и я надоѣлъ тебѣ?«

»О! ты мнѣ не надоѣлъ«, молвила она, усмѣхнувшись. »Я тебя люблю, чернобровый козакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими — у меня какъ-будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя.«

»О, моя Га́ля!« вскрикнулъ паробокъ, цѣлуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

»Постой! полно, Левко́! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцомъ своимъ?«

»Что́?« сказалъ онъ, будто проснувшись. »Что я хочу жениться, а ты выйти за меня замужъ? Говорилъ«. Но какъ-то уныло зазвучало въ устахъ его это слово: »говорилъ«.

»Что́ же?«

»Что́ станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣнъ, по своему обыкновенію, глухимъ: ничего не слышитъ и еще бранитъ, что шатаюсь, Богъ знаетъ гдѣ, и повѣсничаю съ хлопцами по улицамъ. Но не тужи, моя Галю! Вотъ тебѣ слово козацкое, что уломаю его.«

»Да тебѣ только стоитъ, Левко́, слово сказать — и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, что́ тебѣ хочется. Посмотри, посмотри!« продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое Украинское небо, завѣшанное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишень. »Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко́? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что́, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ — туда бы полетѣть высоко, высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ однако-

же. есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ праздникомъ.«

»Нѣтъ, Га́лю, у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли. Ее становятъ передъ Свѣтлымъ воскресеньемъ святые архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пе́кло, и отъ того́ на Христовъ праздникъ ни одного злого духа не бываетъ на землѣ.«

»Какъ тихо колышется вода! будто дитя въ люлькѣ«, продолжала Га́нна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потонившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое, темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди тепла́го ночнаго воздуха, какъ-бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею тѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; орѣховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.

»Я помню, будто сквозь сонъ«, сказала Га́нна, не спуская глазъ съ него: »давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что́-то страшное разсказывали про домъ этотъ. Левко́, ты вѣрно знаешь, разскажи!...«

»Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не разскажутъ бабы и народъ глупый? Ты себя только потревожишь, станешь бояться и не заснется тебѣ покойно.«

»Разскажи, разскажи, милый, чернобровый паробокъ!« говорила она, прижимаясь лицемъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. »Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая дѣвушка! Я не буду бояться, я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не разскажешь. Я стану мучиться, да думать... разскажи. Левко́!...«

»Видно, правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ сидитъ чортъ.

подстрекающій ихъ любопытство. Ну, слушай! Давно, мое се́рденько, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумалъ сотникъ жениться на другой. »Будешь ли ты меня нѣжить по-старому, ба́тько, когда возьмешь »другую жену?« — »Буду, моя дочка, еще крѣпче прежняго стану »прижимать тебя къ сердцу! Буду, моя дочка, еще ярче стану да»рить серги и монисты!« Привезъ сотникъ молодую жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. Румянна и бѣла собою была молодая жена; только такъ страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, увидѣвши ее, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь; ушелъ сотникъ съ молодою женой въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ. Горько сдѣлалось ей, стала плака́ть. Глядитъ — страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ, и желѣзные когти стучатъ по полу. Въ испугѣ, вскочила она на лавку — кошка за нею; перепрыгнула на лежанку — кошка и туда, и вдругъ бросилась къ цей на шею и душитъ ее. Съ крикомъ оторвавши отъ себя, кинула ее на полъ — опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стѣнѣ висѣла отцовская сабля. Схватила ее и брякъ по полу — лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена; на третій день вышла съ перевязанной рукой. Угадала бѣдная па́ночка, что мачиха ея вѣдьма и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказалъ сотникъ своей дочкѣ носить воду, мести хату, какъ простой мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои. Тяжело было бѣдня́жкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда только зарыдала па́ночка, закрывши руками бѣлое лицо свое: »Погубилъ ты, ба́ть»ко, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! »Прости тебя Богъ; а мнѣ, несчастной, видно, не велитъ онъ »жить на бѣломъ свѣтѣ!...« И вонъ, видишь ли ты...« Тутъ оборотился Левко́ къ Га́ннѣ, указывая пальцемъ на домъ: »гляди сюда: вонъ, подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого

берега кинулась панночка въ воду, и съ той поры не стало ея на свѣтѣ...«

»А вѣдьма?« боязливо прервала Ганна, устремивъ на него прослезившіяся очи.

»Вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили, въ лунную ночь, въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь, увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленицъ и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленицы. Вѣрь бабамъ! Разсказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленицъ и заглядываетъ поодиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ не узнала. И если попадется изъ людей кто, тотъ-часъ заставляетъ его угадывать; не то, грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ разсказываютъ старые люди!... Теперешній панъ хочетъ строить на томъ мѣстѣ винницу и прислалъ нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говоръ. Это наши возвращаются съ пѣсень. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай объ этихъ бабьихъ выдумкахъ.«

Сказавши это, онъ обнялъ ее крѣпче, поцѣловалъ и ушелъ.

»Прощай, Левко!« говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный, огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина его была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого-то торжественнаго свѣта. Прудъ тронулся искрами. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

»Прощай, Ганна!« раздались позадея слова, сопровождаемыя поцѣлуемъ.

»Ты воротился!« сказала она, оглянувшись; но, увидѣвъ передъ собою незнакомаго паробка, отвернулась въ сторону.

»Прощай, Ганна!« раздалось снова, и снова поцѣловалъ ее кто-то въ щеку.

»Вотъ принесла нелегкая и другого!« проговорила она съ сердцемъ.

«Прощай, милая Га́нна!«

»Еще и третій!«

»Прощай! прощай! прощай, Га́нна!« и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

»Да ихъ тутъ цѣлая ватага!« кричала Га́нна, вырываясь изъ толпы паробковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ее. »Какъ имъ не надоѣстъ безпрестанно цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!«

Вслѣдъ за сими словами, дверь захлопнулась, и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся желѣзный засовъ.

II.

ГОЛОВА.

Знаете ли вы Украинскую ночь? О, вы не знаете Украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтрепникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ Украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ

заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышенiи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкiя ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькiя окна. Передъ порогами пыхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

»Да гопа́къ не такъ танцуется! То̀-то я гляжу, не клеится всё. Что̀ жъ это разсказываетъ кумъ?... А ну: гопъ трала́! гопъ трала́! гопъ, гопъ, гопъ!« Такъ разговаривалъ самъ съ собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицѣ. »Ей Богу, не такъ танцуется гопа́къ! Что мнѣ лгать? ей Богу, не такъ! А ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!«

»Вотъ, одурѣлъ человѣкъ! добро бы еще хлопецъ какой, ато старый кабанъ, дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ ночью по улицѣ!« вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому. »Ступай въ хату свою! Пора спать давно!«

»Я пойду!« сказалъ остановившись мужикъ. »Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что̀ онъ думаетъ, *ди́дько бъ утѝсся ёго̀ ба̀тькови!* что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозѣ холодною водою, такъ и носъ поднялъ! Ну, голова, голова — я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ! Богъ меня убей! я самъ себѣ голова. Вотъ что̀, а не то что̀...« продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился передъ окошкомъ, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку. »Баба, отворяй! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! Козаку спать пора!«

»Куда ты, Кале́никъ? Ты въ чужую хату попалъ!« закричали, смѣясь, позади его дѣвушки, ворочавшiяся съ веселыхъ пѣсней. »Показать тебѣ твою хату?«

»Покажите, любезныя молодушки!«

»Молодушки? слышите ли?« подхватила одна: »какой учтивый Кале́никъ! За это ему нужно показать хату... по пѣтъ, напередъ потанцуй!«

»Потанцовать?... эхъ, вы, замысловатыя дѣвушки!« протяжно произнесъ Кале́никъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, по-

тому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. »А дадите перецѣловать себя? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!...«

И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ, ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Калѐникъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

»Вонъ твоя хата!« закричали опѣ ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболѣе прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ.

Калѐникъ послушно побрелъ въ ту сторону, припимаясь снова бранить голову.

Но кто же этотъ голова, возбудившій такіе невыгодные о себѣ толки и рѣчи? О, этотъ голова важное лицо на селѣ! Покамѣсть Калѐникъ достигнетъ конца пути своего, мы, безъ сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказать о немъ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки; а дѣвушки, самыя малоденькія, отдаютъ *добрыдень*. Кто бы изъ паробковъ не захотѣлъ быть головою? Головѣ открытъ свободный входъ во всѣ тавлинки, и дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку, во все продолженіе, когда голова запускаетъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку. Въ мірской сходкѣ, или громадѣ, не смотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу, или копать рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ онъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ изъ подлобья. И съ той поры голова, объ чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на кóзлахъ царской кареты. Голова любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова терпѣть не можетъ щегольства:

носитъ всегда свитку чернаго домашняго сукна, переноясывается шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій козацкій жупáнъ. Но это время врядъ ли кто могъ запомнить изъ цѣлаго села; а жупáнъ держитъ онъ въ сундукѣ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ свояченица, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На селѣ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница; но мы уже видѣли, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что свояченицѣ всегда не нравилось, если голова заходилъ въ поле, усѣянное жницами, или къ козаку, у котораго была молодая дочка. Голова кривъ; но за то одинокій глазъ его — злодѣй и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде, однакожъ, онъ наведетъ его на смазливенькое личико, пока не осмотрится хорошенько, не глядитъ ли откуда свояченица. Но мы почти все уже разсказали, что̀ нужно, о головѣ; а пьяный Калéникъ не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощалъ голову всѣми отборными словами, какія могли только вспасть на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его.

III.

НЕОЖИДАННЫЙ СОПЕРНИКЪ. ЗАГОВОРЪ.

»Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, не хочу! Что́ за разгулье такое! Какъ вамъ не надоѣстъ повѣсничать? И безъ того уже прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать!« Такъ говорилъ Левко́ разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы. »Прощайте, братцы! покойная вамъ ночь!« и быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

»Спитъ ли моя ясноокая Га́нна?« думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хатѣ съ вишневыми деревьями. Среди тишины послы-

шался тихій говоръ. Левко́ остановился. Между деревьями забѣлѣла рубашка... »Что́ это значитъ?« подумалъ онъ и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свѣтѣ мѣсяца блистало лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки... Это Га́нна! Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоящій къ нему спиною? Напрасно всматривался онъ: тѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; но малѣйшій шагъ Левка́ впередъ уже подвергалъ его непріятности быть открытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя.

»Левко́? Левко́ еще молокососъ!« говорилъ хрипло и въ-полголоса высокій человѣкъ. »Если я встрѣчу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ...«

»Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чубъ!« тихо проговорилъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслушать.

»Какъ тебѣ не стыдно!« сказала Ганна по окончаніи его рѣчи: »ты лжешь, ты обманываешь меня; ты меня не любишь, я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!«

»Знаю«, продолжалъ высокій человѣкъ: »Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову (Тутъ показалось паробку, что голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ-будто онъ когда-то его слышалъ); но я дамъ себя знать Левку!« продолжалъ всё также незнакомецъ. »Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуетъ онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки!«

При этомъ словѣ Левко не могъ уже болѣе удержать своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ изо всей силы, чтобы дать треуха, отъ котораго незнакомецъ, не смотря на свою видимую крѣпость, не устоялъ бы, можетъ быть, на мѣстѣ; но въ это время свѣтъ палъ на лицо его, и Левко остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ его отецъ. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свистъ одни только выразили его изумленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ; Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

»Прощай, Ганна!« закричалъ въ это время одинъ изъ паробковъ, подкравшись и обнявши голову, и съ ужасомъ отскочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

»Прощай, красавица!« вскричалъ другой; но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелаго толчка головы.

»Прощай, прощай, Ганна!« закричало нѣсколько паробковъ, повиснувъ ему на шею.

»Провалитесь, проклятые сорванцы!« кричалъ голова, отбиваясь и притопывая на нихъ ногами. »Что́ я вамъ за Ганна! Убирайтесь вслѣдъ за отцами на висѣлицу, чортовы дѣти! Попристава́ли, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганны!...«

»Голова! голова! это голова!« закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

»Ай да ба́тько!« говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. »Вотъ какія за тобою водятся проказы! славно! А я дивлюсь да передумываю, что́ бъ это значило, что онъ всё притворяется глухимъ, когда станешь говорить о дѣлѣ. Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ! Гей, хлопцы! сюда! сюда!« кричалъ онъ, махая рукою паробкамъ, которые снова собирались въ кучу: »ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ идти спать; но теперь раздумалъ и готовъ, хоть цѣлую ночь, самъ гулять съ вами.«

»Вотъ это дѣло!« сказалъ плечистый и дородный паробокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. »Мнѣ всё кажется тошно, когда не удается погулять порядкомъ и настроить штукъ. Всё какъ-будто не достаетъ чего-то. Какъ-будто потерялъ шапку или люльку; словомъ, не козакъ, да и только.«

»Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?«

»Голову?«

»Да, голову. Что́ онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ! Онъ управляется у насъ, какъ-будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дивча́тамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова.«

»Это такъ, это такъ!« закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

»Что жъ мы, ребята, за холопья? Развѣ мы не такого роду, какъ и онъ? Мы, слава Богу, вольные козаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные козаки!«

«Покажемъ!« закричали паробки. »Да если голову, то и писаря не минуть!«

»Не минемъ и писаря! А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу«, продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры. »Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во что ни попало!«

»Гуляй, козацкая голова!« говорилъ дюжій повѣса, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. »Что за роскошь! Что за воля! Какъ начнешь бѣситься — чудится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ-будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!...«

И толпа шумно понеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря : »Ну, теперь гуляютъ паробки!«

IV.

ПАРОБКИ ГУЛЯЮТЪ.

Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы уже заснулъ; но у него былъ въ это время гость, винокуръ, присланный строить винокурню помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли между вольными козаками. Подъ самымъ покутемъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ гость — низенькій, толстенькій человѣкъ, съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ вылѣзавшій изъ нея превращенный въ золу табакъ. Облака дыма быстро разростались надъ нимъ, одѣвая его въ сизый туманъ. Казалось, будто широкая труба съ какой-

нибудь винокурни, наскучa сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за столомъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополію амбарнаго кота. Голова, какъ хозяинъ, сидѣлъ въ одной только рубашкѣ и полотняныхъ шароварахъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ мало помалу жмуриться и меркнуть. На концѣ стола курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, составлявшихъ команду головы, сидѣвшій, изъ почтенія къ хозяину, въ свиткѣ.

»Скоро же вы думаете«, сказалъ голова, оборотившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой, »поставить вашу винокурню?«

»Когда Богъ поможетъ, то этою осенью, можетъ, и закуримъ. На Покровъ, бьюсь объ закладъ, что панъ голова будетъ писать ногами Нѣмецкіе крендели по дорогѣ.«

По произнесеніи этихъ словъ, глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей; все туловище стало колебаться отъ смѣха, и веселыя губы оставили на мгновеніе дымившуюся люльку.

»Дай Богъ!« сказалъ голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то, подобное улыбкѣ. »Теперь еще, слава Богу, винницъ развелось немного. А вотъ, въ старое время, когда провожалъ я царицу по Переяславской дорогѣ, еще покойный Безбородко...«

»Ну, сватъ, вспомнилъ время! Тогда отъ Кременчуга до самыхъ Роменъ не насчитывали и двухъ винницъ. А теперь... Слышалъ ли ты, что̀ повыдумывали проклятые Нѣмцы? Скоро, говорятъ, будутъ курить не дровами, какъ всѣ честные Христіане, а какимъ-то чертовскимъ паромъ.« Говоря эти слова, винокуръ въ размышленіи глядѣлъ на столъ и на разставленныя на немъ руки свои. »Какъ это паромъ — ей Богу, не знаю!«

»Что̀ за дурни, прости Господи, эти Нѣмцы!« сказалъ голова. »Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слыханое ли дѣло, чтобы паромъ можно было кипятить что̀? По этому, ложку борщу нель-

зя поднести ко рту, не пзжаривши губъ, вмѣсто молодого поросенка...«

»И ты, сватъ«, отозвалась сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги, свояченица, »будешь, все это время, жить у насъ безъ жены?«

»А для чего она мнѣ? Другое дѣло, если бы что̀ доброе было.«

»Будто не хороша?« спросилъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

»Куды тебѣ хороша! *Стара́, якъ бисъ*. Харя вся въ морщинахъ, будто выпорожненный кошелекъ.« И пизенькое строеніе винокура расшаталось снова отъ громкаго смѣха.

Въ это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась — и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ черезъ порогъ и сталъ, какъ-будто въ раздумьи, посреди хаты, разинувши ротъ и оглядывая потолокъ. Это былъ знакомецъ нашъ, Кале́никъ.

»Вотъ, я и домой пришелъ!« говорилъ онъ, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого вниманія на присутствующихъ. »Вишь, какъ растянулъ вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешь, идешь, и конца нѣтъ! Но́ги какъ-будто переломалъ кто-нибудь. Достань-ка тамъ, баба, тулупъ, подостлать мнѣ. На печь къ тебѣ не приду, ей Богу, не приду: ноги болятъ! Достань его; тамъ онъ лежитъ, близь по́кутя; гляди только, не опрокинь горшка съ тертымъ табакомъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я самъ достану.«

Каленикъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

»За это люблю«, сказалъ голова: »пришелъ въ чужую хату и распоряжается, какъ дома! Выпроводить его по-добру по-здорову!...«

»Оставь, сватъ, отдохнуть!« сказалъ винокуръ, удерживая его за руку. »Это полезный человѣкъ: побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла...«

Однакоже не добродушіе вынудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ всѣмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человѣка, уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликать бѣду.

»Что̀ то, какъ старость придетъ!...« ворчалъ Каленикъ, ложась

на лавку. »Добро бы, еще сказать, пьянъ, такъ нѣтъ же, не пьянъ. Ей Богу, не пьянъ! Что̀ мнѣ лгать? Я готовъ объявить это хоть самому головѣ. Что̀ мнѣ голова? Чтобъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! Чтобъ его, одноглазаго чорта, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ...«

»Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы суетъ на столъ«, сказалъ голова, гнѣвно подымаясь съ своего мѣста; но въ это время увѣсистый камень, разбивши окно въ дребезги, полетѣлъ ему подъ ноги. Голова остановился... »Если бы я зналъ«, говорилъ онъ, подымая камень, »какой это висѣльникъ швырнулъ, я бы выучилъ его, какъ кидаться! Экія проказы!« продолжалъ онъ, разсматривая его на рукѣ пылающимъ взглядомъ. »Чтобы онъ подавился этимъ камнемъ...«

»Стой, стой! Боже тебя сохрани, сватъ!« подхватилъ, поблѣднѣвши, винокуръ. »Боже сохрани тебя, и на томъ и на этомъ свѣтѣ, поблагословить кого-нибудь такою побранкою!«

»Вотъ нашелся заступникъ! Пусть онъ пропадетъ!...«

»И не думай, сватъ! Ты не знаешь, вѣрно, что̀ случилось съ покойною тещею моей?«

»Съ тещей?«

»Да, съ тещей. Вечеромъ, немного, можетъ, раньше теперешняго, усѣлись вѣчерять: покойная теща, покойный тесть, да на́ймыть, да на́ймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща отсы́пала немного галушекъ изъ большого казана въ миску, чтобы не такъ были горячи. Послѣ работъ всѣ проголодались и не хотѣли ждать, пока галушки простынутъ. Вздѣвши ихъ на длинныя деревяныя спички, начали ѣсть. Вдругъ, откуда ни возмись, человѣкъ, какого онъ роду, Богъ его знаетъ, проситъ и его допустить къ трапезѣ. Какъ не накормить голоднаго человѣка! Дали и ему спичку. Только гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно. Покамѣсть тѣ съѣли по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, какъ панскій помостъ. Теща насы́пала еще; думаетъ, гость наѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бывало: еще лучше сталъ оплетать! и другую выпорожнилъ! — »А чтобы ты подавился этими галушками!« подумала голодная теща; какъ вдругъ тотъ поперхнулся и упалъ. Кинулись къ нему — и духъ вонъ, удавился!«

»Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!« сказалъ голова.

»Такъ бы, да не такъ вышло: съ того времени покою не было тещѣ. Чуть только ночь, мертвецъ и тащится. Сядетъ верхомъ на трубу, проклятый, и галушку держитъ въ зубахъ. Днемъ все спокойно, и слуху нѣтъ про него; а только станетъ примеркать, погляди на крышу, уже и осѣдлалъ собачій сынъ трубу...«

»И галушка въ зубахъ?«

»И галушка въ зубахъ.«

»Чудно, сватъ! Я слыхалъ что-то похожее еще за покойницу...«

Тутъ голова остановился. Подъ окномъ послышался шумъ и топанье танцующихъ. Сперва тихо звукнули струны бандуры, къ нимъ присоединился голосъ. Струны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голосовъ стали подтягивать — и пѣсня зашумѣла вихремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Въ головѣ разсѣлись клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!
Голова нашъ сѣдъ и кривъ!
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
Прихотливъ и похотливъ:
Жмется къ дѣвкамъ.... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ паробкамъ!
Тебя бъ нужно въ домовину,
По усамъ, да по щекамъ!
За чуприну! за чуприну!

»Славная пѣсня, сватъ!« сказалъ винокуръ, наклоня немного на бокъ голову и оборотившись къ головѣ, остолбенѣвшему отъ удивленія при видѣ такой дерзости. »Славная! скверно только, что голову поминаютъ несовсѣмъ благопристойными словами...«

И онъ опять положилъ руки на столъ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушать еще, потому что подъ окномъ гремѣлъ хохотъ и крики: »снова! снова!« Однакожъ проницательный глазъ увидѣлъ бы тотъ-часъ, что не изумленіе удерживало долго голову на одномъ мѣстѣ. Такъ только старый, опытный котъ допускаетъ иногда неопытную мышь бѣгать около сво-

его хвоста; а между тѣмъ быстро созидаетъ планъ, какъ перерѣзать ей путь въ нору. Еще одинокій глазъ головы былъ устремленъ на окно, а уже рука, давши знакъ десятскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ поднялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ достоинствъ своихъ присоединявшій и любопытство, быстро набивши табакомъ свою люльку, выбѣжалъ на улицу, но шалуны уже разбѣжались.

»Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня!« кричалъ голова, таща за руку человѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ. Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣжалъ, чтобы посмотрѣть въ лицо этому нарушителю спокойствія; но съ робостію попятился назадъ, увидѣвши длинную бороду и страшно размалеванную рожу. »Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня!« кричалъ голова, продолжая тащить прямо въ сѣни своего плѣнника, который, не оказывая никакого сопротивленія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ-будто въ свою хату. »Карно́, отворяй комору!« сказалъ голова десятскому. »Мы его въ темную комору! А тамъ разбудимъ писаря, соберемъ десятскихъ, переловимъ всѣхъ этихъ буяновъ и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ!«

Десятскій забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ въ сѣняхъ и отворилъ комору. Въ это самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его.

»Куда?« закричалъ голова, ухвативъ его еще крѣпче за воротъ.

»Пусти, это я!« слышался тоненькій голосъ.

»Не поможетъ! не поможетъ, братъ! Визжи себѣ хоть чортомъ, не только бабою, меня не проведешь!« и толкнулъ его въ темную комору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, упавши на полъ, а самъ, въ сопровожденіи десятскаго, отправился въ хату писаря, и вслѣдъ за ними, какъ пароходъ, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ трое, потупивъ головы, и вдругъ, на поворотѣ въ темный переулокъ, разомъ вскрикнули отъ сильнаго удара по лбамъ, и такой же крикъ отгрянулъ въ отвѣтъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десятскими.

»А я къ тебѣ иду, панъ писарь!«

»А я къ твоей милости, панъ голова!«

»Чудеса завелися, панъ писарь!«

»Чудныя дѣла, панъ голова!«

»А что?«

»Хлопцы бѣсятся, безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ! Твою милость величаютъ такими словами... словомъ, сказать стыдно; пьяный Москаль побоится вымолвить ихъ нечестивымъ своимъ языкомъ.« (Все это худощавый писарь, въ пестрядевыхъ шароварахъ и жилетѣ цвѣта винныхъ дрожжей, сопровождалъ протягиваніемъ шеи впередъ и приведеніемъ ея тотъ же часъ въ прежнее состояніе). »Вдремнулъ было немного, подняли съ постели проклятые сорванцы своими срамными пѣснями и стукомъ! Хотѣлъ было хорошенько приструнить ихъ, да покамѣсть надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались, куда ни попало. Самый главный однакоже не увернулся отъ насъ. Распѣваетъ онъ теперь въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ. Душа горѣла у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, какъ у чорта, что куетъ гвозди для грѣшниковъ.«

»А какъ онъ одѣтъ, панъ писарь?«

»Въ черномъ вывороченномъ тулупѣ собачій сынъ, панъ голова!«

»А не лжешь ли ты, панъ писарь? Что, если этотъ сорванецъ сидитъ теперь у меня въ коморѣ?«

»Нѣтъ, панъ голова! Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного.«

»Давайте огня! мы посмотримъ его!«

Огонь принесли, дверь отперли — и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ передъ собою свояченицу.

»Скажи пожалуйста«, съ такими словами она приступила къ нему: »ты не свихнулъ еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозгу, когда толкнулъ ты меня въ темную комору? Счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ толкали черти!...«

Послѣднія слова вынесла она за дверь, на улицу, куда отправилась для какихъ-нибудь своихъ причинъ.

»Да, я вижу, что это ты!« сказалъ голова, очнувшись.

»Что̀ скажешь, панъ писарь, не шельма этотъ проклятый сорвиголова?«

»Шельма, панъ голова!«

»Не пора ли намъ всѣхъ этихъ повѣсъ прошколить хорошенько и заставить ихъ заниматься дѣломъ?«

»Давно пора, давно пора, панъ голова!«

»Они, дурни, забрали себѣ... Кой чортъ! мнѣ почудился крикъ свояченицы на улицѣ... Они, дурни, забрали себѣ въ голову, что я имъ ровня. Они думаютъ, что я какой-нибудь ихъ братъ, простой козакъ!« Небольшой послѣдовавшій за симъ кашель и устремленіе глáза изъ подлобья вокругъ давали догадываться, что голова готовился говорить о чемъ-то важномъ. »Въ тысяча... этихъ проклятыхъ названій годовъ, хоть убей, не выговорю. Ну — году, компсару тогдашнему, Ледáчему, данъ былъ приказъ выбрать изъ козаковъ такого, который бы былъ посмышленѣе всѣхъ. О! (это *о!* голова произнесъ, поднявши палецъ вверхъ) посмышленѣе всѣхъ! въ проводники царицѣ. Я тогда...«

»Что̀ и говорить! это всякій уже знаетъ, панъ голова! Всѣ знаютъ, какъ ты выслужилъ царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватилъ немного на душу грѣха, сказавши, что поймалъ этого сорванца въ вывороченномъ тулупѣ?«

»А что̀ до этого дьявола въ вывороченномъ тулупѣ, то его, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно! Пусть знаютъ, что̀ значитъ власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ: я не забылъ, какъ проклятые сорванцы вогнали въ огородъ стадо свиней, переѣвшихъ мою капусту и огурцы; я не забылъ, какъ чортовы дѣти отказались вымолотить мое жито; я не забылъ... Но провались они, мнѣ нужно непремѣнно узнать, какая это шельма въ вывороченномъ тулупѣ.«

»Это проворная, видно, птица!« сказалъ винокуръ, котораго щеки, въ продолженіе всего этого разговора, безпрерывно заряжались дымомъ, какъ осадная пушка, и губы, оставивъ коротенькую

люльку, выбросили цѣлый огненный фонтанъ. »Этакого человѣка не худо, на всякій случай, и при впишицѣ держать; а еще лучше повѣсить на верхушкѣ дуба, вмѣсто паникадила.«

Такая острота показалась несовсѣмъ глупою винокуру, и онъ тотъ же часъ рѣшился, не дожидаясь одобренія другихъ, наградить себя хрыплымъ смѣхомъ.

Въ это время стали приближаться они къ небольшой, почти повалившейся на землю хатѣ. Любопытство нашихъ путниковъ увеличилось: всѣ столпились у дверей. Писарь вынулъ ключь, загремѣлъ имъ около замка; но этотъ ключъ былъ отъ сундука его. Нетерпѣніе увеличилось. Засунувъ руку, началъ онъ шарить и сыпать побранки, не отыскивая его.

»Здѣсь!« сказалъ онъ наконецъ, нагнувшись и вынимая изъ глубины обширнаго кармана, которымъ снабжены были его пестрядевые шаровары.

При этомъ словѣ, сердца нашихъ героевъ, казалось, слились въ одно, и это огромное сердце забилось такъ сильно, что неровный стукъ его не былъ заглушенъ даже брякнувшимъ замкомъ. Дверь отворились, и... голова сталъ блѣденъ, какъ полотно; винокуръ почувствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хотѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десятскіе приросли къ землѣ и не въ состояніи были сомкнуть дружно разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ ними стояла свояченица.

Изумленная неменѣе ихъ, она однакожъ немного очнулась и сдѣлала движеніе, чтобы подойти къ нимъ.

»Стой!« закричалъ дикимъ голосомъ голова и захлопнулъ за нею дверь. »Господа, это сатана!« продолжалъ онъ. »Огня! живѣе огня! Не пожалѣю казенной хаты! Зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чортовыхъ не осталось на землѣ!«

Свояченица въ ужасѣ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе.

»Что вы, братцы!« говорилъ винокуръ. »Слава Богу, волосы у васъ чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не нажили: отъ простого огня вѣдьма не загорится! Только огонь изъ люльки можетъ зажечь оборотня. Постойте, я сейчасъ все улажу!«

Сказавши это, высыпалъ онъ горячую золу изъ трубки въ пукъ

соломы и началъ раздувать ее. Отчаяніе придало въ это время духу бѣдной свояченицѣ: громко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

»Постойте, братцы! Зачѣмъ напрасно грѣха набираться? Можетъ быть, это и не сатана!« сказалъ писарь. »Если оно, то есть, то самое, которое сидитъ тамъ, согласится положить на себя крестное знаменіе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ.«

Предложеніе одобрено.

»Чуръ меня, сатана!« продолжалъ писарь, приложась губами къ скважинкѣ въ дверяхъ. »Если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь.«

Дверь отворилась.

»Перекрестись!« сказалъ голова, оглядываясь и какъ-будто выбирая безопасное мѣсто, въ случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась.

»Кой чортъ! точно, это свояченица!«

»Какая нечистая сила затащила тебя, кума, въ эту кануру?«

И свояченица, всхлипывая, разсказала, какъ схватили ее хлопцы въ оханку на улицѣ и, не смотря на сопротивленіе, опустили въ широкое окно хаты и заколотили ставнемъ. Писарь взглянулъ: петли у широкаго ставня оторваны, и онъ приколоченъ только сверху деревянымъ брусомъ.

»Добро ты, одноглазый сатана!« вскричала она, приступивъ къ головѣ, который попятился назадъ и всё еще продолжалъ ее мѣрять своимъ глазомъ. »Я знаю твой умыселъ: ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дивчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится сѣдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О, я знаю все! Меня трудно провесть и не твоей безтолковой башкѣ. Я долго терплю, но послѣ не погнѣвайся...«

Сказавши это, она показала кулакъ и быстро ушла, оставивъ въ остолбенѣніи голову.

»Нѣтъ, тутъ не на шутку сатана вмѣшался«, думалъ онъ, сильно почесывая свою макушку.

»Поймали!« вскрикнули вошедшіе въ это время десятскіе.

»Кого поймали?« спросилъ голова.

»Дьявола въ вывороченномъ тулупѣ.«

»Подавайте его!« закричалъ голова, схвативъ за руки приведеннаго плѣнника. »Вы съ ума сошли: да это пьяный Калешикъ!«

»Что за пропасть! въ рукахъ нашихъ былъ, панъ голова!« отвѣчали десятскіе. »Въ переулкѣ окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дергать, высовывать языки, вырывать изъ рукъ... чортъ съ вами!... И какъ мы попали на эту ворону, вмѣсто его, Богъ одинъ знаетъ!«

»Властью моею и всѣхъ міряпъ, дается повелѣніе,« сказалъ голова: »изловить сей же мигъ сего разбойника! а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдете на улицѣ, и привесть на расправу ко мнѣ!...«

»Помилуй, панъ голова!« закричали нѣкоторые, кланяясь въ ноги. »Увидѣлъ бы ты, какія харп: убей Богъ насъ, и родились и крестились — не видали такихъ мерзкихъ рожъ! Долго ли до грѣха, панъ голова? перепугаютъ добраго человѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылѣчить.«

»Дамъ я вамъ перепола́ху! Что́ вы? не хотите слушаться? Вы, вѣрно, дéржите ихъ руку? Вы бунтовщики! Что́ это?... Да что́ это?... Вы заводите разбои!... Вы... Я донесу коммисару! Сей же часъ, слышите, сей же часъ! бѣгите, летите птицею! Чтобъ я васъ... Чтобъ вы мнѣ...«

Всѣ разбѣжались.

V.

УТОПЛЕННИЦА.

Не безпокоясь ни о чемъ, не заботясь о разосланныхъ погоняхъ, виновникъ всей этой кутерьмы медленно подходилъ къ старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это былъ Левко́. Черный тулупъ его былъ растегнутъ; шапку держалъ онъ въ рукѣ; потъ валилъ съ него градомъ. Величественно и мрачно чернѣлъ кленовый лѣсъ, стоявшій лицомъ къ мѣсяцу. Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталаго пѣшехода и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса

слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зѣницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть; голова клонилась.... »Нѣтъ, этакъ я засну еще здѣсь!« говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то странное, упоительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, видѣнъ былъ въ немъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи. Вмѣсто мрачныхъ ставней, глядѣли веселыя стекляныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, переселился въ глубину его и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка, съ блестящими очами, тихо свѣтлѣвшими сквозь темнорусыя волны волосъ, и оперлась на локоть; и видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилось... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошелъ онъ отъ пруда и взглянулъ на домъ: мрачные ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ. »Вотъ какъ мало нужно полагаться на людскіе толки«, подумалъ онъ про себя. »Домъ новехонькій; краски живы, какъ будто сегодня онъ выкрашенъ. Тутъ живетъ кто-нибудь.« И молча подошелъ онъ ближе; но въ домѣ все было тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда онѣ, казалось, умирали въ томленіи и нѣгѣ, слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ, или гудѣніе болотной птицы, ударявшей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало. Какую-то сладкую тишину и раздолье ощутилъ Левко́ въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ:

Ой, місяцю, місяченьку!
И ты, зо́ре я́сна!
Ой, світіть тамъ по подвірью,
Де дівчи́на кра́сна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, выглянула, внимательно прислушиваясь къ пѣснѣ. Длинныя рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась.... Левко́ вздрогнулъ.

»Спой мнѣ, молодой козакъ, какую-нибудь пѣсню!« тихо молвила она, наклонивъ свою голову на бокъ и опустивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

»Какую же тебѣ пѣсню спѣть, моя ясная панночка?«

Слезы тихо покатились по блѣдному лицу ея.

»Паробокъ,« говорила она, и что-то непзъяснимо-трогательное слышалось въ ея рѣчи, »паробокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитыя шелкомъ, кораллы, ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Паробокъ, найди мнѣ мою мачиху! Она страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня: заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: они не смываются! они не смываются! они ни за что не смо́ются, эти синія пятна отъ желѣзныхъ когтей ея! Погляди на бѣлыя ноги мои: онѣ много ходили, не по коврамъ только — по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему терновнику онѣ ходили! а на очи мои, посмотри на очи: они не глядятъ отъ слезъ!... Найди ее, паробокъ, найди мнѣ мою мачиху!...«

Голосъ ея, который вдругъ было возвысился, остановился. Ручьи слезъ покатились по блѣдному лицу. Какое-то тяжелое чувство, полное жалости и грусти, сперлось въ груди паробка.

»Я готовъ на все для тебя, моя панночка!« сказалъ онъ въ сердечномъ волненіи: »но какъ мнѣ, гдѣ ее найти?«

»Посмотри, посмотри!« быстро говорила она: »она здѣсь! она на берегу играетъ въ хороводѣ между моими дѣвушками и грѣется на мѣсяцѣ. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя видъ утопленицы; но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ тяжело, мнѣ душно отъ нея. Я не могу черезъ нее плавать легко и воль-

но, какъ рыба. Я тону и падаю на дно, какъ ключъ. Отыщи ее, паробокъ!«

Левко́ посмотрѣлъ на берегъ: въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ-будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны; тѣло ихъ было какъ-будто сваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса.

»Давайте въ во́рона, давайте играть въ во́рона!« зашумѣли всѣ, будто прирѣчный тростникъ, тронутый въ тихій часъ сумерекъ воздушными устами вѣтра.

»Кому же быть во́рономъ?«

Кинули жребій — и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко́ принялся разглядывать ее. Лицо, платье, все на ней такое же, какъ и на другихъ. Замѣтно только было, что она неохотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебѣгала отъ нападенія хищнаго врага.

»Нѣтъ, я не хочу быть во́рономъ!« сказала дѣвушка, изнемогая отъ усталости: »мнѣ жалко отнимать цыплятъ у бѣдной матери!«

»Ты не вѣдьма!« подумалъ Левко́. »Кто же будетъ во́рономъ?«

Дѣвушки снова собирались кинуть жребій.

»Я буду во́рономъ!« вызвалась одна изъ средины.

Левко́ сталъ пристально вгля́дываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во всѣ стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко́ сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: во́ронъ бросился на одну изъ вереницы, схватилъ ее, и Левку́ почудилось, будто у ней выпустились когти, и на лицѣ сверкнула злобная радость.

»Вѣдьма!« сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому.

Панночка засмѣялась, и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую во́рона.

»Чѣмъ наградить тебя, паробокъ! Я знаю, тебѣ не золото нужно:

ты любишь Ганну; но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ; возьми, отдай ему эту записку...«

Бѣлая ручка протянулась, лицо ея какъ-то чудно засвѣтилось и засіяло... Съ непостижимымъ трепетомъ и томительнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и... проснулся.

VI.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

»Не уже ли это я спалъ?« сказалъ про-себя Левко́, вставая съ небольшого пригорка. »Такъ живо, какъ-будто наяву!... Чудно, чудно!« повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяцъ, остановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ тишина; отъ пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально стоялъ ветхій домъ съ закрытыми ставнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что давно изъ него удалились люди. Тутъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку. »Эхъ, если бы я зналъ грамотѣ!« подумалъ онъ, оборачивая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

»Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего струсили? насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это человѣкъ, а не чортъ!« Такъ кричалъ голова своимъ сопутникамъ, и Левко́ почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ иныя дрожали отъ страха. »Скидавай-ка, пріятель, свою страшную личину! Полно тебѣ дурачить людей!« проговорилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой. »Левко́! сынъ!« вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія и опуская руки. »Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьяволъ строитъ штуки; а это, выходитъ, всѣ ты, невареный кисель твоему батькѣ въ горло, изволишь заводить по улицѣ разбои, сочиняешь пѣсни!... Эге, ге, ге, Левко́! А что́ это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!«

»Постой, батько! велѣно тебѣ отдать эту записочку«, проговорилъ Левко.

»Не до записокъ теперь, голубчикъ! Вязать его!«

»Постой, панъ голова!« сказалъ писарь, развернувъ записку: »коммиссарова рука!«

»Коммиссара?«

»Коммиссара?« повторили машинально десятскіе.

»Коммиссара? чудно! еще непонятнѣе!« подумалъ про-себя Левко.

»Читай, читай!« сказалъ голова: »что̀ тамъ пишетъ комиссаръ?«

»Послушаемъ, что̀ пишетъ коммиссаръ!« произнесъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и высѣкая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать:

»Приказъ головѣ, Евтуху Макогóненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости...

»Вотъ, ей Богу«, прервалъ голова: »ничего не слышу!«

Писарь началъ снова:

»Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый ду.....

»Стой, стой! не нужно!« закричалъ голова: »я хоть и не слышалъ, однакожъ знаю, что главнаго тутъ дѣла еще нѣтъ. Читай далѣе!«

»А въ слѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левкá Макогóненка, на козачкѣ изъ вашего же села, Гашѣ Петрычéнковой, а такъ же починить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое неприведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Коммиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій.«

»Вотъ что̀!« сказалъ голова, разинувши ротъ. »Слышите ли вы, слышите ли: за все съ головы спросятъ, и потому слушаться! безпрекословно слушаться! не то̀, прошу извинить... А тебя«,

продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку́ : »въ слѣдствіе приказанія коммиссара, — хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него, — я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь ту, что́ виситъ у меня на стѣнѣ возлѣ покутя? Я поновлю ее завтра... Гдѣ ты взялъ эту записку?«

Левко́, не смотря на изумленіе, происшедшее отъ такого неожиданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благоразуміе приготовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и утаить настоящую истину, какимъ образомъ досталась записка. »Я отлучался«, сказалъ онъ, »вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ коммиссара, вылѣзавшаго изъ брички. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, батько, что заѣдетъ на возвратномъ пути къ намъ пообѣдать.«

»Онъ это говорилъ?«

»Говорилъ.«

»Слышите ли?« сказалъ голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ спутникамъ : »коммиссаръ самъ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату, т. е. ко мнѣ, на обѣдъ. О!« Тутъ голова поднялъ палецъ вверхъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ-будто бы она прислушивалась къ чему-нибудь. »Коммиссаръ, слышите ли, коммиссаръ пріѣдетъ ко мнѣ обѣдать? Какъ думаешь, панъ писарь и ты, сватъ, это несовсѣмъ пустая честь — не правда ли?«

»Еще, сколько могу припомнить«, подхватилъ писарь, »ни одинъ голова не угощалъ коммиссара обѣдомъ.«

»Не всякій голова головѣ чета!« произнесъ съ самодовольнымъ видомъ голова. Ротъ его покривился, и что-то въ родѣ тяжелаго, хриплаго смѣха, похожаго болѣе на гудѣнье отдаленнаго грома, зазвучало въ его устахъ. »Какъ думаешь, панъ писарь, нужно бы для именитаго гостя дать приказъ, чтобы съ каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще кое-чего... А?...«

»Нужно бы, нужно, панъ голова!«

»А когда же свадьбу, ба́тько?« спросилъ Левко́.

»Свадьбу? Далъ бы я тебѣ свадьбу?... Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть коммиссаръ увидитъ, что́ значитъ исправность! Ну, ребята, те-

перь спать! Ступайте по домамъ!... Сегодняшній случай припомнилъ мнѣ то время, когда я...« При этихъ словахъ, голова пустилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ изъ подлобья.

»Ну, теперь пойдетъ голова разсказывать, какъ везъ царицу!« сказалъ Левко, и быстрыми шагами и радостно спѣшилъ къ знакомой хатѣ, окруженной низенькими вишнями. »Дай тебѣ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная панночка!« думалъ онъ про-себя. »Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между ангелами святыми! Никому не разскажу про диво, случившееся въ эту ночь; тебѣ одной только, Галю, передамъ его: ты одна только повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы!« Тутъ онъ приблизился къ хатѣ: окно было отперто; лучи мѣсяца проходили черезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя. »Спи, моя красавица! Приснись тебѣ все, что̀ есть лучшаго на свѣтѣ; но и то не будетъ лучше нашего пробужденія!« Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился. И чрезъ нѣсколько минутъ, все уже уснуло на селѣ; одинъ только мѣсяцъ такжѐ блистательно и чудно плылъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго Украинскаго неба. Также торжественно дышало въ вышинѣ, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Также прекрасна была земля, въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никто не упивался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка только перерывалось молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.

БЫЛЬ.

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разсказалъ про дѣда? — Пожалуй, почему же не потѣшить прибауткой? Эхъ, старина, старина! Что̀ за радость, что̀ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что̀ давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ, ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ-будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дивчата и молодицы: покажись только на глаза имъ: »Ѳома Григорьевичъ! Ѳома Григорьевичъ! *а пу́те, яку-нибудь страхо́винну ка́зочку! а пу́те, пу́те!*....« тара та та, та та та, и пойдутъ и пойдутъ... Разсказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что̀ дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожитъ подъ одѣяломъ, какъ-будто бьетъ ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу, и Боже упаси! и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается съизнова; разскажи ей страшную сказку да и только. Что̀ жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ

дѣдомъ *въ дýрни* (*). Только заранѣе прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку; ато такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. Покойный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время козаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то́ и словоти́тлу поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего Батурина грамотѣевъ, то нечего и шапки подставлять — въ одну горсть можно было всѣхъ уложить. Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

Одинъ разъ, задумалось вельможному гетьману послать за чѣмъ то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь — вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискря́къ не Вискря́къ, Моту́зочка не Моту́зочка, Голопу́цекъ не Голопу́цекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище, — позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетьманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата, и поднялъ такую за собой пыль, какъ-будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посереди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не кричалъ въ-четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябило. Но такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка-паробокъ съ покраспѣвшимъ, какъ снигирь, носомъ; подалѣе храпѣла, сидя, перекупка съ кремнями, спинкою, дробью и бубликами; подъ телѣгою лежалъ Цыганъ; на возу съ рыбой чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ Москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякого сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между-тѣмъ въ яткахъ начало мало-помалу шевелиться: Жидовки стали побрякивать фляжками; дымъ повалилъ то тамъ, то сямъ, кольцами, и запахъ горячихъ сласте́нъ понесся по всему табору.

(*) Т. е. въ дурачки.

Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ — на встрѣчу Запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красные, какъ жаръ, шаравары, синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты — Запорожецъ да и только! Эхъ, народецъ! станетъ, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами — и пустится! да вѣдь какъ пустится: ноги отплясываютъ, словно веретено въ бабьихъ рукахъ; что вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершися въ бокъ, несется въ присядку; зальется пѣсней — душа гуляетъ!.. Нѣтъ, прошло времечко: не увидать больше Запорожцевъ! Да, такъ встрѣтились; слово-за-слово — долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать, такъ что дѣдъ совсѣмъ уже было позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ великимъ. Только, видно, наконецъ прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились новые пріятели, чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Солнце убралось на отдыхъ; гдѣ-гдѣ горѣли вмѣсто его красноватыя полосы; по полю пестрѣли нивы, что праздничныя плахты чернобровыхъ молодицъ. Нашего Запорожца раздобаръ взялъ страшный. Дѣдъ и еще другой, приплетшійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Откуда что̀ набиралось! Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ нѣсколько разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ разскащикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

»Гe, гe, землякъ! да ты не на шутку принялся считать совъ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на печь!«

»Передъ вами нечего таиться«, сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои. »Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?«

»Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистыми? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ.«

»Эхъ, хлопцы! гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!« сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ : »эй, не выдайте! не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!«

Почему жъ не пособить человѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселе́децъ съ собственной головы, чѣмъ допуститъ чорта понюхать собачьей мордой своей Христіянской души.

Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядномъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся на встрѣчу, и передъ козаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры шинки были не то́, что́ теперь. Доброму человѣку не только развернуться, пріударить горлицы или гопака́ — прилечь даже не гдѣ было, когда въ голову заберется хмѣль, и ноги начнутъ писать покой-он-по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинка́рь, одинъ передъ каганцо́мъ, парѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осьмухъ высушили чумацкіе головы. Дѣдъ, спросивши треть ведра на тропхъ, отправился въ сараи. Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ онъ повернуться, какъ видитъ, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго козака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять подлѣ своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги. Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ и промывать оставшеюся водкой. Но какъ скоро немного прояснялись они, все пропадало. Наконецъ, мало погодя, опять показы-

вается изъ-подъ воза чудовище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; руки его окостенѣли, голова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и, какъ припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ — козакъ спитъ, а Запорожца нѣтъ. Выспрашивать — никто знать не знаетъ; одна только верхняя свитка лежала на томъ мѣстѣ. Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней — ни своего, ни Запорожскаго! Что бы это значило! Положимъ, Запорожца взяла нечистая сила; кто же коней? Сообразя все, дѣдъ заключилъ, что, вѣрно, чортъ приходилъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, то и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. »Ну,« думаетъ, »нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: авось попадется на дорогѣ какой-нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки, какъ-нибудь уже куплю коня. Только хватился за шапку — и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на время съ Запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетьманскій гостинецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! Тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь; а затылка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Что дѣлать? Кинулся достать чужого ума: собралъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ шинкѣ добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и разсказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, поднерши батогами подбородки свои, крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, что бы гетьманскую грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что когда чортъ да Москаль украдутъ что-нибудь, то помилуй, какъ звали. Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужъ когда молчитъ человѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много умомъ. Только шинкарь не такъ-то былъ щедръ на слова,

и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми, то простоялъ бы передъ нимъ даромъ.

»Я научу тебя, какъ найти грамоту«, сказалъ онъ, отводя его въ сторону. У дѣда на сердцѣ отлегло. »Я вижу уже по глазамъ, что ты козакъ — не баба. Смотри же! близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ Цыганы и выходятъ изъ норъ своихъ ковать желѣзо въ такую ночь, въ какую однѣ вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобой малая дорожка, мимо обожженнаго дерева: дорожкою этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу — ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не позабудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ.« Сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человѣкъ — не то, чтобы изъ трусливаго десятка: бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ: пройдетъ съ кулаками промежъ козаковъ — всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однакожъ, что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ! Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, что охмѣлѣвшія козацкія головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный тулупъ свой, и вдругъ словно сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ и, будто зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ

шинкарь. Однакожъ не совсѣмъ весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отъ роду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-помалу, выбрался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно вороненая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, посматривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь, и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть, и снова отсвѣчивается въ рѣкѣ, вздрагивавшей, какъ Польскій шляхтичъ въ козачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! »Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ.« Дѣдъ однакожъ ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ, понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія смазливыя рожи, что въ другое время, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: »Помогай Богъ вамъ, добрые люди!« Хоть бы одинъ кивнулъ головой: сидятъ да молчатъ да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ — ни одинъ не глядитъ на него. »Уже, добродѣйство, будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того... (Дѣдъ живалъ въ свѣтѣ немало, зналъ уже, какъ подпускать турусы и при случаѣ, пожалуй, и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь) чтобы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть. Люлька то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, *чортъ-ма́* (не имѣется).« И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ что, если бы онъ немного не посторонился, то, статься можетъ, распрощался бы на вѣки съ однимъ глазомъ. Видя наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился — будетъ ли слушать нечистое племя, или нѣтъ — разсказать дѣло. Рожи и уши наставили и лапы

протянули. Дѣдъ догадался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ, словно собакамъ, имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала и, какъ уже, онъ и самъ разсказать не умѣлъ, попалъ чуть ли не въ самое пекло. »Батюшки мои!« ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько. Что́ за чудища! рожи на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдьмъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество выпадетъ снѣгу: разряжены, размазаны, словно па́ночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмѣльныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака́. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго человѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, не смотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на Нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдьмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ; а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ въ волторны. Только завидѣли дѣда — и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла, всѣ повытягивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до Батурина. »Ну, это еще несовсѣмъ худо«, подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, крошеный съ капустой лукъ и много всякихъ сластей: »видно, дьявольская сволочь не держитъ постовъ.« Дѣдъ таки, не мѣшаетъ вамъ знать, не упускалъ при случаѣ перехватить того-сего на зубы. Ѣдалъ, покойникъ, аппетитно; и потому, не пускаясь въ разсказы, придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины, взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, подставилъ корку хлѣба — и, глядь, и отправилъ въ чужой ротъ. Вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только опять не въ свое горло. Въ третій рязъ — снова мимо. Взбѣленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится

онъ, прискочилъ къ вѣдьмамъ: »Что вы, Иродово племя, задумали смѣяться, что̀ ли, надо мною? Если не отдадите, сей же часъ моей козацкой шапки, то будь я католикъ, когда не переворочу свиныхъ рылъ вашихъ на затылокъ!« Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудовища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло.

»Ладно!« провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за старшую надъ всѣми, потому что личина у нея была чуть ли не красивѣе всѣхъ: »шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ *дýрня*!«

Что прикажешь дѣлать? Козаку сѣсть съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ сѣлъ. Принесли карты, замасленныя, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

»Слушай же!« залаяла вѣдьма въ другой разъ: »если хоть разъ выиграешь — твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то, не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта болѣе не увидишь!«

»Сдавай, сдавай, хрычовка! что̀ будетъ, то̀ будетъ.«

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки — смотрѣть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ мастей десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма всё подваливаетъ пятериками. Пришлось остаться дурнемъ! Только-что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, какъ со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: »дурень, дурень, дурень!«

»Чтобъ вы перелопались, дьявольское племя!« закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. »Ну«, думаетъ, »вѣдьма подтасовала; теперь я самъ буду сдавать.« Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ на карты: масть хоть куда, козыри есть. И сначала дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма — пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри; не думая, не гадая долго, хвать королей всѣхъ по усамъ козырями!

»Ге, ге! да это не по-козацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?«

»Какъ — чѣмъ? Козырями!«

»Можетъ быть, по вашему это и козыри, только по нашему нѣтъ!«

Глядь — въ самомъ дѣлѣ простая масть. Что̀ за дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертаньё пошло снова драть горло : »дурень! дурень!« такъ что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ разгорячился; сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей.

»Козырь!« вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла осьмеркою масти. »А чѣмъ ты, старый дьяволъ, бьешь?« Вѣдьма подняла карту: подъ нею была простая шестерка. »Вишь, бѣсовское обморочиванье!« сказалъ дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ, что̀ силы, по столу. Къ счастію еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды, только мочи нѣтъ : дрянь такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла. »Вотъ тебѣ на! это что̀? Э, э! вѣрно, что-нибудь да не такъ!« Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ и перекрестилъ; глядь — у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ вмѣсто шестерки спустилъ кралю. »Ну, дурень же и я былъ! Король козырей! Что̀, приняла? А, кошечье отродье, а туза не хочешь? Тузъ! валетъ!...« Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо! »Нѣтъ, этого мало!« закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку. »Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!« и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости.

»Вотъ тебѣ конь твой!«

Заплакалъ, бѣдняга, глядя на нихъ, какъ дидя неразумное. Жаль стараго товарища! »Дайте жъ мнѣ какого-нибудь коня выбраться изъ гнѣзда вашего!« Чортъ хлопнулъ арапникомъ — конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однакожъ напалъ на него посреди дороги, когда конь,

не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ разсказахъ. Глянулъ какъ-то себѣ подъ ноги — и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что̀ дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ, и какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ, передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! что̀ за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядь на руки — всѣ въ крови; посмотрѣлъ въ стоявшую торчмя бочку съ водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату, смотритъ: дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: »*Дивúсь, дивúсь: мáти, мовъ дурнá, скáче!* (*)« И въ самомъ дѣлѣ, баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку потихоньку, разбудилъ ее: »Здравствуй жена! здорова ли ты?« Та долго смотрѣла, выпуча глаза, и наконецъ уже узнала дѣда и разсказала, какъ ей сшилось, что нечь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки и, чортъ знаетъ, что̀ еще такое. »Ну«, говоритъ дѣдъ, »тебѣ во снѣ, мнѣ на яву. Нужно, вишу, будетъ освятить нашу хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего.« Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ наглядѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему надолго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты, такія высокія, что если бы хатъ десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ быть, не достало бы; какъ заглянулъ онъ въ одну комнату — нѣтъ, въ другую — нѣтъ, въ третью — еще нѣтъ, въ четвертой даже нѣтъ, да въ пятой уже, глядь — сидитъ сама, въ золотой

(*) Смотри, смотри: мать, какъ сумасшедшая, скачетъ!

коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галушки ѣстъ; какъ велѣла ему насыпать цѣлую шапку *синицами;* какъ... всего и вспомнить нельзя! Объ возвѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случалось, что кто-нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ-будто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упросить его пересказать все, какъ было. И, видно, уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ, ровно черезъ каждый годъ и именно въ то самое время, дѣлалось такое диво, что танцуется бывало да и только. За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,

ИЗДАННЫЯ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ вамъ и другая книжка, а лучше сказать, послѣдняя! Не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вамъ скажу, что на хуторѣ уже начинаютъ смѣяться надо мною: »Вотъ, говорятъ, одурѣлъ старый дѣдъ: на старости лѣтъ тѣшится ребяческими игрушками!« И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, вѣрно, думаете, что я прикидываюсь только старикомъ. Куда тутъ прикидываться, когда во рту совсѣмъ зубовъ нѣтъ! Теперь, если что̀ мягкое попадается, то буду какъ-нибудь жевать, а твердое то ни за что не откушу. Такъ вотъ вамъ опять книжка! Не бранитѐсь только! Не хорошо браниться на прощаньи, особенно съ тѣмъ, съ кѣмъ, Богъ знаетъ, скоро ли увидитесь. Въ этой книжкѣ услышите разскащиковъ, все почти для васъ незнакомыхъ, выключая только развѣ Ѳомы Григорьевича. А того гороховаго панича, что разсказывалъ такимъ вычурнымъ языкомъ, котораго много остряковъ и изъ Московскаго народу не могло понять, уже давно нѣтъ. Послѣ того какъ разсорился со всѣми, онъ и не заглядывалъ къ намъ. Да, я вамъ не разсказывалъ этого случая? Послушайте, тутъ прекомедія была! Прошлый годъ, такъ какъ-то около лѣта да чуть ли не на самый день моего патрона, пріѣхали ко мнѣ въ гости (Нужно вамъ сказать, любезные читатели, что

земляки мои, дай Богъ имъ здоровье, не забываютъ старика. Уже есть пятидесятый годъ, какъ я началъ помнить свои именины; который же точно мнѣ годъ, этого ни я, ни старуха моя вамъ не скажемъ, — должно быть, близъ семидесяти. Диканьскій-то попъ, отецъ Харлампій, зналъ, когда я родился; да жаль, что уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ его нѣтъ на свѣтѣ). Вотъ, пріѣхали ко мнѣ гости: Захаръ Кириловичъ Чухопупенко, Степанъ Ивановичъ Курочка, Тарасъ Ивановичъ Смачненькій, засѣдатель Харлампій Кириловичъ Хлюста; пріѣхалъ еще... вотъ позабылъ, право, имя и фамилію... Осипъ... Осипъ... Боже мой, его знаетъ весь Миргородъ! онъ еще, когда говоритъ, то всегда щелкнетъ напередъ пальцемъ и подопрется въ боки... Ну, Богъ съ нимъ! въ другое время вспомню. Пріѣхалъ и знакомый вамъ панычъ изъ Полтавы. Ѳомы Григорьевича я не считаю: то уже свой человѣкъ. Разговорились всѣ (Опять нужно вамъ замѣтить, что у насъ никогда о пустякахъ не бываетъ разговора: я всегда люблю приличные разговоры, чтобы, какъ говорятъ, вмѣстѣ и услажденіе, и назидательность была), разговорились объ томъ, какъ нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что нужно напередъ хорошенько вымыть яблоки, потомъ намочить въ квасу, а потомъ уже... »Ничего изъ этого не будетъ!« подхватилъ Полтавецъ, заложивши руку въ гороховый кафтанъ свой и прошедши важнымъ шагомъ по комнатѣ: »ничего не будетъ! Прежде всего нужно пересыпать капустеромъ, а потомъ уже...« Ну, я на васъ ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совѣсти, слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали капустеромъ? Правда, кладутъ смородинный листъ, печурій-витеръ, трилистникъ; но чтобы клали капуперъ... нѣтъ, я не слыхивалъ объ этомъ. Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знаетъ про эти дѣла. Ну, говорите же вы! Нарочно, какъ добраго человѣка, отвелъ я его потихоньку въ сторону: »Слушай, Макаръ Назаровичъ, эй, не слушай на-

родъ! Ты человѣкъ немаловажный: самъ, какъ говоришь, обѣдалъ разъ съ губернаторомъ за однимъ столомъ. Ну, скажешь что-нибудь подобное тамъ, вѣдь тебя же осмѣютъ всѣ!« Что жъ бы, вы думали, онъ сказалъ на это? Ничего! плюнулъ на полъ, взялъ шапку и вышелъ. Хоть бы простился съ кѣмъ, хоть бы кивнулъ кому головою; только слышали мы, какъ подъѣхала къ воротамъ тельжка съ звонкомъ; сѣлъ и уѣхалъ. И лучше! Не нужно намъ такихъ гостей! Я вамъ скажу, любезные читатели, что хуже нѣтъ ничего на свѣтѣ, какъ эта знать. Что его дядя былъ когда-то коммиссаромъ, такъ и носъ несетъ вверхъ. Да будто коммиссаръ такой уже чинъ, что выше нѣтъ его на свѣтѣ! Слава Богу, есть и больше коммиссара. Нѣтъ, не люблю я этой знати. Вотъ вамъ въ примѣръ Ѳома Григорьевичъ: кажется, и не знатный человѣкъ, а посмотрѣть на него — въ лицѣ какая-то важность сіяетъ, даже, когда станетъ нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе. Въ церкви, когда запоетъ на крылосѣ — умиленіе неизобразимое! растаялъ бы, казалось, весь!... А тотъ... ну, Богъ съ нимъ! онъ думаетъ, что безъ его сказокъ и обойтись нельзя. Вотъ всё же таки набралась книжка.

Я, помнится, обѣщалъ вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по крайней мѣрѣ, три такихъ книжки. Думалъ было особо напечатать ее, но передумалъ. Вѣдь я знаю васъ: станете смѣяться надъ старикомъ. Нѣтъ, не хочу! Прощайте! Долго, а можетъ быть, совсѣмъ не увидимся. Да что? вѣдь вамъ все равно, хоть бы и не было совсѣмъ меня на свѣтѣ. Пройдетъ годъ, другой — и изъ васъ никто послѣ не вспомнитъ и не пожалѣетъ о старомъ пасичникѣ, Рудомъ Панькѣ.

ПОЧЬ ПЕРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ [1].

Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа [2]. Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрыпъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа паробковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ-бы вызывая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрыпучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу

[1] Обычай *колядованья* совершается въ самый день Рождества Христова, вечеромъ. На канунѣ Рождества Христова Малороссіяне ужинаютъ съ особенною торжественностію и за ужиномъ ѣдятъ *кутью*, отъ чего и весь тотъ день и вечеръ называется кутьею. Колядованье въ ночь передъ Рождествомъ было бы такимъ дикимъ явленіемъ, какъ *христо́сованье* въ страстную субботу. Гоголь въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, обнаружилъ незнаніе народной жизни въ Малороссіи. Многое угадывалъ онъ чутьемъ великаго таланта; но за то есть у него непростительныя несообразности съ обычаями и правами Малороссіянъ.

П. К.

[2] Колядовать у насъ называется пѣть подъ окнами на канунѣ Рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка, или хозяинъ, или кто остается дома, колбасу, или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ. Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда, котораго принимали за бога, и что будто отъ того пошли и колядки. Кто это знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ, объ этомъ толковать. Прошлый годъ отецъ Осипъ запретилъ было колядовать по хуторамъ, говоря, что будто этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однакожъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому.

Замѣчаніе пасичника.

одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣтѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ Сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски-сплетенною плетью, которою онъ имѣетъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ, вѣрно бы, примѣтилъ ее, потому что отъ Сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и что̀ именно изъ своего платья и хозяйства заложитъ добрый человѣкъ въ воскресный день въ шинкѣ. Но Сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ, — у него своя волость! А вѣдьма между-тѣмъ поднялась такъ высоко, что однимъ только черпымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три, или четыре еще блестѣли.

Вдругъ, съ противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ коммиссаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что̀ это такое. Спереди совершенно Нѣмецъ (1); узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что̀ ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ Яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ козачкѣ. Но за то сзади онъ былъ настоящій губернскій стряпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не Нѣмецъ и не губернскій стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ до-

(1) Нѣмцемъ называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли, хоть будь онъ Французъ, или Цесарецъ, или Шведъ — все Нѣмецъ.

брыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

Между- тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его; но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ-бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны; и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожъ, не смотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ, кривляясь и дуя перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огню для своей люльки; наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ, побѣжалъ далѣе.

Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ того ни съ сего, танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый козакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутью, гдѣ будутъ: голова, пріѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой родичъ дьяка; въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, козакъ Свербы́гузъ и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутьи, будетъ варенуха, перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстного.

А между-тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, на вѣрное, придетъ кузнецъ, сплачъ и дѣтина хоть-куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околоткѣ. Самъ еще тогда здравствовавшій сотникъ Л....ко вызвалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить досчатый заборъ около своего дома. Всѣ миски, изъ которыхъ Диканскіе козаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ, и теперь еще можно найти въ Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ

притворѣ, на которой изобразилъ онъ святого Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злого духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, не смотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дьяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ, мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафранъ, могла бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится идти къ дочкѣ, не смотря на свою силу.

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подъѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что̀ обыкновенно нашептываютъ всему женскому роду.

Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что̀ ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и передразнивать одинъ другого. Прежде бывало въ Миргородѣ одинъ судья да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные: теперь же и засѣдатель, и подкоморій отсмалили себѣ новыя шубы изъ Рѣшетиловскихъ смушекъ съ суконною покрышкою. Канцелярист̀ъ и волостной писарь,

третьяго году взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Пономарь сдѣлалъ себѣ нанковыя на лѣто шаравары и жилетъ изъ полосатаго гаруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда эти люди не будутъ суетны! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда же. Досаднѣе всего то, что онъ, вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между-тѣмъ какъ фигура — взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, мерзость мерзостью, однакожъ и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что ничего нельзя уже было видѣть, что происходило далѣе между ними.

»Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дьяка въ новой хатѣ!« говорилъ козакъ Чубъ, выходя изъ дверей своей избы, сухощавому, высокому, въ короткомъ тулупѣ мужику съ обросшею бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики брѣютъ свою бороду, за неимѣніемъ бритвы. »Тамъ теперь будетъ добрая попойка!« продолжалъ Чубъ, осклабивъ при этомъ свое лицо. »Какъ бы только намъ не опоздать!«

При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукѣ кнутъ — страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился... »Что за дьяволъ! Смотри! смотри, Панасъ!...«

»Что?« произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ.

»Какъ, что? мѣсяца нѣтъ!«

»Что за пропасть! Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ мѣсяца.«

»То-то, что нѣтъ!«выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою досадою на неизмѣнное равнодушіе кума. »Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ.«

»А что мнѣ дѣлать?«

»Надобно же было«, продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы, »какому-то дьяволу, чтобъ ему не довелось, собакѣ, поутру рюмки водки выпить, вмѣшаться!... Право, какъ-будто на смѣхъ...

Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь — чудо! Свѣтло, снѣгъ блещетъ при мѣсяцѣ; все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ выдти за дверь, и вотъ, хоть глазъ выколи!«

Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между-тѣмъ, въ то же время, раздумывалъ, на что бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалякать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидитъ уже и голова, и пріѣзжій басъ, и дегтярь Микúта, ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія шутки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоявшую на столѣ варепуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лѣни, которая такъ мила всѣмъ козакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ паробковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами! Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бъ былъ одинъ; но теперь обоимъ не такъ скучно и страшно идти темною ночью, да и не хотѣлось таки показаться передъ другими лѣнивымъ, или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

»Такъ нѣтъ, кумъ, мѣсяца?«

»Нѣтъ.«

»Чудно, право. А дай понюхать табаку! У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?«

»Кой чортъ, славный!« отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку, исколотую узорами: »старая курица не чихнетъ!«

»Я помню«, продолжалъ всё также Чубъ: »мнѣ покойный шинкарь Зузýля разъ привезъ табаку изъ Нѣжина. Эхъ, табакъ былъ! добрый табакъ былъ! Такъ что́ же, кумъ, какъ намъ быть? вѣдь темно на дворѣ.«

»Такъ, пожалуй, останемся дома«, произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ вѣрно бы рѣшился остаться; но теперь его какъ-будто что-то дергало идти наперекоръ. »Нѣтъ, кумъ, пойдемъ! нельзя, нужно идти!«

Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему

было очень непріятно тащиться въ такую ночь; но его утѣшало то, что онъ самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все равно, спдѣть ли дома, или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога свои плечи, — и два кума отправились въ дорогу.

Теперь посмотримъ, что̀ дѣлаетъ, оставшись одна, красавица дочка. Оксáнѣ не минуло еще и семьнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Паробки гурто́мъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что̀ про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бы она ходила не въ плахтѣ и запаскѣ, а въ какомъ-нибудь капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Паробки гонялись за нею толпами; но, потерявши терпѣніе, оставляли мало-помалу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, не смотря на то, что и съ нимъ поступили ни чуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выходѣ отца своего, Оксана долго еще приnаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ, въ оловяныхъ рамкахъ, зеркаломъ и не могла налюбоваться собою.

»Что̀ людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша?« говорила она, какъ-бы разсѣянно, для того только, чтобы объ чемъ-нибудь поболтать съ собою. »Лгутъ люди, я совсѣмъ не хороша!«

Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо съ блестящими черными очами и невыразимо пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное.

»Развѣ черныя брови и очи мои«, продолжала красавица, не выпуская зеркала, »такъ хороши, что уже равныхъ имъ нѣтъ и на свѣтѣ. Что̀ тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ къ верху носѣ? и въ щекахъ? и въ губахъ? будто хороши мои черныя косы? Ухъ! ихъ можно испугаться вечеромъ: онѣ, какъ длинныя змѣи, пере-

вились и обвились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ не хороша!« и отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула: »Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя. Онъ зацѣлуетъ меня на смерть.«

»Чудная дѣвка!« прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ: »и хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится, и еще хвалитъ себя вслухъ!«

»Іа, паробки! вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня«, продолжала хорошенькая кокетка: »какъ я плавно выступаю; у меня сорочка шита краснымъ шелкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галуна! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой для того, чтобы на мнѣ женился самый лучшій молодецъ на свѣтѣ!« И, усмѣхнувшись, поворотилась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно разсказать, что̀ выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это такъ смѣшалось, и такъ было невозбразимо-хорошо, что разцѣловать ее милліонъ разъ — вотъ все, что̀ можно было сдѣлать тогда найлучшаго.

»Зачѣмъ ты пришелъ сюда?« такъ начала говорить Оксана »Развѣ хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы всѣ мастера подъѣзжать къ намъ. Въ мигъ пронюхаете, когда отцовъ нѣтъ дома. О, я знаю васъ! Что, сундукъ мой готовъ?«

»Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала, сколько возился около него: двѣ почи не выходилъ изъ кузницы; за то ни у одной поповны не будетъ такого сундука. Желѣзо на оковку положилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь околотокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю

будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя!«

»Кто жъ тебѣ запрещаетъ, говори и гляди!«

Тутъ сѣла она на лавку и снова взглянула въ зеркало и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ лапитахъ и отсвѣтилось въ очахъ.

»Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя!« сказалъ кузнецъ.

»Садись«, проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

»Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцѣловать тебя!« произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ, въ намѣреніи схватить поцѣлуй.

Но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на непримѣтномъ разстояніи отъ губъ кузнеца, и оттолкнула его. »Чего тебѣ еще хочется? Ему, когда медъ, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ сажею.«

Тутъ она подносла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

»Не любитъ она меня!« думалъ про-себя, повѣся голову, кузнецъ. »Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И всё бы стоялъ передъ нею, и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любитъ. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любуется сама собою; мучитъ меня бѣднаго; а я за грустью не вижу свѣта, а я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить.«

»Правда ли, что твоя мать вѣдьма?« произнесла Оксана и засмѣялась, и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ-будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо-встрепенувшихся жилахъ, и совсѣмъ тѣмъ досада запала въ

его душу, что онъ не во власти разцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

»Что мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ. Если бъ меня призвалъ царь и сказалъ: »Кузнецъ-Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами.«—»Не хочу«, сказалъ бы я царю, »ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни твоего царства: дай лучше мою Оксану!«

»Видишь, какой ты! Только отецъ мой самъ не промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери!« проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана. »Однакожъ дивчата не приходятъ... Что бъ это значило? Давно уже пора колядовать. Мнѣ становится скучно.«

»Богъ съ ними, моя красавица!«

»Какъ бы не такъ! съ ними, вѣрно, придутъ паробки. Тутъ-то пойдутъ балы. Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!«

»Такъ тебѣ весело съ ними?«

»Да ужъ веселѣе, чѣмъ съ тобою. А, кто-то стукнулъ; вѣрно, дивчата съ паробками.«

»Чего мнѣ больше ждать?« говорилъ самъ съ собою кузнецъ. »Она издѣвается надо мною. Ей я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но если жъ такъ, не достанется по крайней мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я на вѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе меня, я отучу...«

Стукъ въ двери и рѣзко зазвучавшій на морозѣ голосъ: »отвори!« прервалъ его размышленія.

»Постой, я самъ отворю«, сказалъ кузнецъ и вышелъ въ сѣни, въ намѣреніи отломать съ досады бока первому понавшемуся человѣку.

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Не му-

дрено, однакожъ, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на Рождество колбасу.

Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, не смотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки къ верху, отставила ногу и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, опустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился въ слѣдъ за нею. Но такъ какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то не мудрено, что онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но, увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшковъ, которые лежали посереди хаты, вылѣзла изъ печки, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она минуту назадъ ѣздила на метлѣ.

Мать кузнеца Вакулы имѣла отъ роду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею въ такіе годы. Однакожъ она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степенныхъ козаковъ (которымъ, не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома,), и козакъ Корній Чубъ, и козакъ Касьянъ Свербигузъ. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ, или дворянинъ, какъ называютъ себя козаки, одѣтый въ кобеняку съ впдлогою, въ воскресенье въ церковь, или, если дурная погода, въ шинокъ — какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ съ сме-

таною варе́никовъ и не поболтать въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянинъ нарочно для этого дава́лъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это — заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли бывало Солоха, въ праздникъ, въ церковь, надѣвши яркую пла́хту съ китайчатою запа́скою, а сверхъ ея синюю ю́пку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близъ праваго крылоса, то дьякъ уже вѣрно закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза, голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселе́децъ и говорилъ стоявшему близъ его сосѣду: »Эхъ, добрая баба! чортъ-баба!« Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному.

Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливѣе всего съ козакомъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ; восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму, корову, или дядю, толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору индѣекъ и оборачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей, мальчишекъ, издѣвавшихся надъ его бородою. Въ сундукахъ у Чуба водилось много полотна, жупа́новъ и старинныхъ ку́птушей съ золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. Въ огородѣ, кромѣ маку, капусты, подсолнечниковъ, засѣвалось еще каждый годъ двѣ гряды табаку. Все это Солоха находила нелишнимъ присоединить къ своему хозяйству, заранѣе размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ въ ея руки, и удвоивала благосклонность къ старому Чубу. А чтобы, какимъ-нибудь образомъ, сынъ ея Вакула не подъѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ и тогда бы навѣрно не допустилъ ея мѣшаться ни во что, она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ — ссорить какъ можно чаще Чуба съ кузнецомъ. Можетъ быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали гдѣ-нибудь на весе-

лой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма, что паробокъ Кизяколу́ненко видѣлъ у нея сзади хвостъ, величиною неболѣе бабьяго веретена; что она еще въ позапрошлый четвергъ черною кошкою перебѣжала дорогу, что къ понадьѣ разъ прибѣжала свинья, закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ, Тыми́шъ Коро́стявый. Онъ не преминулъ разсказать, какъ лѣтомъ, передъ самыми Петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солому, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ одной рубашкѣ, начала доить коровъ, а онъ не могъ пошевельнуться — такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день.

Но все это что-то сомнительно, потому что одинъ только Сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму, и отъ того всѣ именитые козаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. »Бре́шуть, су́чи бабы!« бывалъ обыкновѣнный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: это Вакула принесъ, пусть же самъ и выноситъ! Чортъ, между-тѣмъ, когда еще влеталъ въ трубу, какъ-то печально оборотившись, увидѣлъ Чуба, объ руку съ кумомъ, уже далеко отъ избы. Въ мигъ вылетѣлъ онъ изъ печки, перебѣжалъ имъ дорогу и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣгу. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло. Снѣгъ метался взадъ и впередъ сѣтью и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши пѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу, въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится вмѣстѣ съ кумомъ назадъ, застанетъ кузнеца и отпотчуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

Въ самомъ дѣлѣ, едва только поднялась метель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощалъ побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ, эта досада была притворная. Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники поворотили назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ; но сквозь мет щій снѣгъ ничего не было видно.

»Стой, кумъ! мы, кажется, не туда идемъ«, сказалъ, немного отошедши, Чубъ: »я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Своротн-ка ты, кумъ, немного въ сторону, не найдешь ли дороги; а я тѣмъ временемъ попищу здѣсь. Дернетъ же нечистая сила таскаться по такой вьюгѣ! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Экъ, какую кучу снѣгу напустилъ въ очи сатана!«

Дороги, однакожъ, не было видно. Кумъ, отошедши въ сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и наконецъ набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, стряхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, ни мало не безпокоясь объ оставшемся на улицѣ кумѣ. Чубу показалось между-тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу. Остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но, видя, что кумъ не является, рѣшился идти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣгу лежали около ея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодѣ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть.

»Чего тебѣ тутъ нужно?« сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ. »Э, нѣтъ, это не моя хата«, говорилъ онъ про-себя: »въ мою хату не забредетъ кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была это хата? Вотъ на! не распознался! это хромого Левчёнка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. Тò-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой. Однакожъ Левчёнко сидитъ теперь у дьяка, это я знаю; зачѣмъ же кузнецъ?... Э, ге, ге! онъ ходитъ къ его молодой женѣ! Вотъ какъ! хорошо... теперь я все понялъ.«

»Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подъ дверями?« произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подойдя ближе.

»Нѣтъ, не скажу ему, кто я«, подумалъ Чубъ: »чего добраго, еще приколотитъ, проклятый выродокъ!« и, перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ: »это я, человѣкъ добрый, пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подъ окнами.«

»Убирайся къ чорту съ своими колядками!« сердито закричалъ Вакула. »Что жъ ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же часъ вонъ!«

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подъ руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекоръ. »Что жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, такъ раскричался?« произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ: »Я хочу колядовать да и полно!«

»Эге! да ты отъ словъ не уймешься!...« Въ слѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребо́льный ударъ въ плечо.

»Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться!« произнесъ онъ, немного отступая.

»Пошелъ, пошелъ!« кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

»Что жъ ты!« произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость: »ты, вижу, не въ шутку дерешься; и еще больно дерешься!«

»Пошелъ, пошелъ!« закричалъ кузнецъ и захлопнулъ дверь.

»Смотри, какъ расхрабрился!« говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ. »Попробуй, подойди! вишь какой! вотъ большая ца́ца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нѣтъ, голубчикъ, я пойду, и пойду прямо къ коммиссару. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ. Однакожъ, посмотрѣть на спину и плечи: я думаю, синія пятна есть. Должно быть больно поколотилъ, вражій сынъ! Жаль, что холодно и не хочется скидать кожуха! Постой ты, бѣсовскій кузнецъ, чтобъ чортъ поколотилъ и тебя, и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый ни́бенкъ! Однакожъ, вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гм... оно вѣдь недалеко отсюда — пой-

ти бы! Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того будетъ можно... Вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ!«

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Пріятность, ожидавшая его впереди, при свиданіи съ Солохою, умаляла немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, незаглушаемый свистомъ вьюги. По временамъ на лицѣ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цырюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однакожъ, снѣгъ не крестилъ взадъ и впередъ всего передъ глазами, то долго еще можно было бы видѣть, какъ Чубъ останавливался, почесывалъ спину, произносилъ: »Больно поколотилъ проклятый кузнецъ!« и снова отправлялся въ путь.

Въ то время, когда проворный франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и потомъ снова въ трубу, висѣвшая у него съ боку на перевязи ладунка, въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяцъ, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяцъ, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ чрезъ трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось; метели какъ не бывало; снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами; морозъ какъ-бы потеплѣлъ; толпы паробковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками; пѣсни зазвенѣли, и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе.

Чудно блеститъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между паробками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело-смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки; а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.

Кучи дѣвушекъ съ мѣшками вломились въ хату Чуба, окружи-

ли Оксану. Крикъ, хохотъ, разсказы, оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили разсказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паляни́цами, колбасами, варе́никами, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой, и хохотала безъ умолку.

Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

»Э, Одарка!« сказала веселая красавица, оборотившись къ одной изъ дѣвушекъ: »у тебя новые черевйки. Ахъ, какіе хорошіе! и съ золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человѣкъ, который все тебѣ покупаетъ; а мнѣ некому достать такіе славные черевики.«

»Не тужи, моя ненаглядная Оксана!« подхватилъ кузнецъ: »я тебѣ достану такіе черевики, какіе рѣдкая панночка носитъ.«

»Ты?« сказала Оксана, скоро и надменно поглядѣвъ на него: »Посмотрю я, гды ты достанешь черевики, которые могла бы я надѣть на свою ногу! Развѣ принесешь тѣ самые, которые носитъ царица.«

»Видишь, какихъ захотѣла!« закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

»Да!« продолжала гордо красавица: »будьте всѣ вы свидѣтельницы, если кузнецъ Вакýла принесетъ тѣ самые черевики, которые носитъ царица, то вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него за мужъ.«

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

»Смѣйся, смѣйся!« говорилъ кузнецъ, выходя въ слѣдъ за нимп. »Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу вздумать, куда дѣвался умъ мой? Она меня не любитъ — ну, Богъ съ ней! будто только на всемъ свѣтѣ одна Оксана. Слава Богу, дивчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да что́ Оксана? изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки: она только мастерица рядиться. Нѣтъ, полно, пора перестать дурачиться.«

Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ проносилъ предъ нимъ смѣющійся

образъ Оксаны, говорившей насмѣшливо: »Достань, кузнецъ, царицыны черевики, выйду за тебя за мужъ!« Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, паробки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видалъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

Чортъ между тѣмъ не на шутку разнѣжился у Солохи: цѣловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ на-прямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправитъ прямо въ пе́кло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ нею за одно. Она таки любила видѣть волочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ компаніи. Этотъ вечеръ, однакожъ, думала провесть одна, потому что всѣ именитые обитатели села званы были на кутью къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ только-что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влѣзъ въ лежавшій мѣшокъ.

Голова, стряхнувъ съ своихъ капело́хъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, разсказалъ, что онъ не пошелъ къ дьяку, потому что поднялась метель; а, увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней, въ намѣреніи провесть вечеръ съ нею.

Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка. »Спрячь меня куда-нибудь«, шепталъ голова: »мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ.«

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ выбрала самый бо́льшій мѣшокъ съ углемъ; уголь вы́сыпала въ кадку, и дюжій голова влѣзъ съ усами, съ го́ловою и капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, покряхтывая и потирая руки, и разсказалъ,

что у него не было никого, и что онъ сердечно радъ этому случаю *погулять* немного у нея, и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся пальцами ея обнаженной, полной руки и произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ выказывалось и лукавство, и самодовольствіе: »А что̀ это у васъ, великолѣпная Солоха?« и, сказавши это, отскочилъ онъ нѣсколько назадъ.

»Какъ, что̀? рука, Осипъ Никифоровичъ!« отвѣчала Солоха.

»Гм? рука! хе, хе, хе!« произнесъ сердечно-довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ.

»А это что̀ у васъ, дрожайшая Солоха?« произнесъ онъ съ такимъ же видомъ, приступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

»Будто не видете, Осипъ Никифоровичъ!« отвѣчала Солоха: »шея, а на шеѣ монисто.«

»Гм! на шеѣ монисто! Хе, хе, хе!« и дьякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

»А это что̀ у васъ, несравненная Солоха?...« Неизвѣстно, къ чему бы теперь притронулся дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь и голосъ козака Чуба.

»Ахъ, Боже мой, стороннее лицо!« закричалъ въ испугѣ дьякъ »Что̀ теперь, если застанутъ особу моего званія?... Дойдетъ до отца Кондрата!...«

Но опасенія дьяка были другого рода: онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую. »Ради Бога, добродѣтельная Солоха!« говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: »ваша доброта, какъ говоритъ писаніе Луки, глава трипа... трии... Стучатся, ей Богу, стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь!«

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другого мѣшка, и неслишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ влѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно, такъ что сверхъ его-можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

»Здравствуй, Солоха!« сказалъ, входя въ хату, Чубъ. »Ты, можетъ быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? Можетъ

быть, я помѣшалъ...« продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, которая заранѣе давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затѣйливую шутку. »Можетъ быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь!... Можетъ быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?« И восхищенный такимъ замѣчаніемъ своимъ, Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностію Солохи. »Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго мороза. Послалъ же Богъ такую ночь передъ Рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... экъ окостенѣли руки: не разстегну кожуха! какъ схватилась вьюга...«

»Отвори!« раздался на улицѣ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

»Стучитъ кто-то!« сказалъ остановившійся Чубъ.

»Отвори!« закричали сильнѣе прежняго.

»Это кузнецъ!« произнесъ, схватясь за капелюхи, Чубъ: »слышишь, Солоха, куда хочешь, дѣвай меня; я ни за что на свѣтѣ не захочу показаться этому выродку проклятому, чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими глазами по пузырю въ копну величиною!«

Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорѣлая, и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дьякъ. Бѣдный дьякъ не смѣлъ даже изъявить кашлемъ и кряхтѣньемъ боли, когда сѣлъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои намерзнувшіе на морозѣ сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно, что онъ былъ весьма не въ духѣ.

Въ то самое время, когда Солоха затворила за нимъ дверь, кто-то постучался снова. Это былъ козакъ Свербигузъ. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому что и мѣшка такого нельзя было найти. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха вывела его въ огородъ, чтобъ выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить.

Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по временамъ въ далеко разносившіяся пѣсни колядующихъ; наконецъ остановилъ глаза на мѣшкахъ. »Зачѣмъ тутъ лежатъ эти мѣшки? ихъ давно бы пора убрать отсюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ совсѣмъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до сихъ поръ лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ кузницу!«

Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ мѣшкамъ, перевязалъ ихъ крѣпче и готовился взвалить себѣ на плечи. Но замѣтно было, что его мысли гуляли, Богъ знаетъ гдѣ; иначе онъ бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда волоса на головѣ его прикрутила завязавшая мѣшокъ веревка, и дюжій голова началъ было пкать довольно явственно.

»Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана?« говорилъ кузнецъ. »Не хочу думать объ ней; а все думается, и, какъ нарочно, объ ней одной только. Отъ чего это такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову? Кой чортъ, мѣшки стали какъ-будто тяжелѣе прежняго! Тутъ, вѣрно, положено еще что-нибудь, кромѣ угля. Дурень я! я и позабылъ, что теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало, я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣдный пятакъ и лошадиную подкову; а теперь мѣшковъ съ углемъ не подниму. Скоро буду отъ вѣтра валиться. Нѣтъ!« вскричалъ онъ, помолчавъ и ободрившись: »что̀ я за баба! Не дамъ никому смѣяться надъ собою! Хоть десять такихъ мѣшковъ — всѣ подниму.« И бодро взвалилъ себѣ на плеча мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка. »Взять и этотъ«, продолжалъ онъ, поднимая маленькій, на днѣ котораго лежалъ свернувшись чортъ. »Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой.« Сказавъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню:

Мині съ жи́нкою не вози́тьця.

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Паробки шалили и бѣсились въ волю. Часто, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая пѣсня,

которую тутъ же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ козаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедро́вку и ревѣлъ во все горло:

Ще́дрикъ, ве́дрикъ!
Да́йте варе́никъ!
Гру́дочку ка́шки!
Кільце́ ковба́ски! (¹)

Хохотъ награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи, которыя одни только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались въ избахъ, высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ, или кускомъ пирога. Паробки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ паробки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили паробка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! и еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеску снѣга!

Кузнецъ остановился съ своими мѣшками. Ему почудился въ толпѣ дѣвушекъ голосъ и тоненькій смѣхъ Оксаны. Всѣ жилки въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки, такъ-что находившійся на днѣ дьякъ заохалъ отъ ушибу и голова икнулъ во все горло, побрелъ онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ вмѣстѣ съ толпою паробковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичьей толпою, между которою ему послышался голосъ Оксаны.

Такъ, это она! стоитъ, какъ царица, и блеститъ черными очами! Ей разсказываетъ что-то видный паробокъ; вѣрно забавное, потому что она смѣется. Но она всегда смѣется. Какъ-будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ подлѣ нея.

»А, Вакула, ты тутъ! здравствуй!« сказала красавица съ тоей же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума: »Ну, много наколядовалъ? Э, какой маленькій мѣшокъ! А черевики,

(¹) Эту пѣсню поютъ на канунѣ новаго года, когда, вмѣсто колядованья, *ще дрю́ютъ*. *П. К.*

которые носитъ царица, досталъ? Достань черевики, выйду за мужъ!« И засмѣявшись, убѣжала съ толпою.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ. »Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше...« произнесъ онъ наконецъ. »Но, Боже ты мой, отъ чего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну, вотъ такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя! Пора положить конецъ всему: пропадай душа! пойду утоплюсь въ проруби, и поминай какъ звали!«

Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догналъ толпу, поровнялся съ Оксаною и сказалъ твердымъ голосомъ: »Прощай, Оксана! Ищи себѣ какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ.«

Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукою и убѣжалъ.

»Куда, Вакула?« кричали паробки, видя бѣгущаго кузнеца.

»Прощайте, братцы!« кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ: »дастъ Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте, не поминайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ Чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скрынѣ, на церковь! Прощайте!«

Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мѣшкомъ на спинѣ.

»Онъ повредился!« говорили паробки.

»Пропадшая душа!« набожно пробормотала проходившая мимо старуха: »пойти разсказать, какъ кузнецъ повѣсился!«

Вакула, между-тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевесть духъ. »Куда я въ самомъ дѣлѣ бѣгу!« подумалъ онъ: »Какъ-будто уже все пропало! Попробую еще средство: пойду къ Запорожцу пузáтому, Пацюкý. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что̀ захочетъ. Пойду, вѣдь душѣ все же придется пропадать!«

При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшкѣ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, стряхнувъ его на плечахъ, отправился къ пузáтому Пацюкý.

Этотъ пузатый Пацю́къ былъ точно когда-то Запорожцемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ, и пятнадцать, онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій Запорожецъ: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, не смотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно увѣсистъ. Притомъ шаровары, которыя носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было замѣтно, и казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ быть, это самое подало поводъ прозвать его пузатымъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотъ часъ призывалъ Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ-будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью — Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась, куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворя́нскому горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причина этому была, можетъ быть, лѣнь, а можетъ, и то, что пролѣзать въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне должны были отправляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу, по-Турецки, передъ небольшою кадушкою, на которой стояла миска съ галушка́ми. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебалъ жижу, схватывая по временамъ зубами галушки.

»Нѣтъ, этотъ«, подумалъ Вакула про-себя, »еще лѣнивѣе Чуба:

тотъ по крайней мѣрѣ ѣстъ ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!«

Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

»Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ!« сказалъ Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюкъ поднялъ голову, и снова началъ хлебать галушки.

»Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано...« сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ — »я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанесть какую обиду — приходишься немного съ родни чорту.«

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился всё еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ миской, пошлетъ ему прямо въ голову, отсторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки.

Ободренный кузнецъ рѣшился продолжать : »Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ, дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи! (Кузнецъ иногда умѣлъ ввернуть модное слово; въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику досчатый заборъ.) Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! ничто не помогаетъ на свѣтѣ! Что̀ будетъ, то̀ будетъ, приходится просить помощи у самого чорта. Что жъ, Пацюкъ«, произнесъ кузнецъ, видя непзмѣнное его молчаніе : »какъ мнѣ быть?«

»Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту!« отвѣчалъ Пацюкъ, не поднимая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

»Для того-то я и пришелъ къ тебѣ«, отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивая поклонъ : »кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги.«.

Пацюкъ ни слова, и доѣдалъ остальныя галу́шки. »Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи!« наступалъ кузнецъ. »Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена, или

иного прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся, разскажи хоть, какъ, примѣрно сказать, попасть къ нему на дорогу?«

»Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами«, произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ въ него глаза, какъ-будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. »Что̀ онъ говоритъ?« безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый ротъ готовился проглотить, какъ галу́шку, первое слово.

Но Пацюкъ молчалъ.

Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кадушки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревяныя миски: одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. »Посмотримъ«, говорилъ онъ самъ себѣ, »какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки; да и нельзя: нужно варенікъ сперва обмакнуть въ сметану.«

Только что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ; поглядѣлъ на вареники и еще больше разинулъ ротъ. Въ это время варенікъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ-разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ, и варенікъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать.

»Вишь, какое диво!« подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удивленія ротъ и тотъ же часъ замѣтилъ, что варенікъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ губы сметаною. Оттолкнувши варенякъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ человѣка нечистая сила, замѣтя притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему.

»Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что̀ за чортъ! вѣдь сегодня *голодная кутья* (1), а онъ

(1) *Голодная кутья* празднуется накануне Крещенія; накануне Рождества Христова —*богатая*, накануне Новаго Года — *щедрая*. *П. К.*

ѣстъ вареники, вареники скоромные! Что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!« и набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однакожъ чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобъ ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ: »Это я — твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь«, пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо, »Оксана будетъ сегодня же наша«, шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя.

»Изволь«, сказалъ онъ наконецъ, »за такую цѣну готовъ быть твоимъ!«

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ Кузнеца. »Теперь то попался кузнецъ!« думалъ онъ про себя, »теперь то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои маленья и небылицы, взводимыя на чертей! Что теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человѣкъ въ моихъ рукахъ?«

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ дразнить въ адѣ все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

»Ну, Вакула!« пропищалъ чортъ, всё такъ-же, не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ: »ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ.«

»Я готовъ!« сказалъ кузнецъ. »У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!«

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку — и хвать чорта за хвостъ.

»Вишь, какой шутникъ!« закричалъ, смѣясь, чортъ: »ну, полно, довольно уже шалить!«

»Постой, голубчикъ!« закричалъ кузнецъ: »а вотъ это какъ тебѣ покажется?« при этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ. »Постой же«, сказалъ

онъ, стаскивая его за хвостъ на землю : »будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ Христіянъ.«

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

»Помилуй, Вакула!« жалобно простоналъ чортъ : »все, что̀ для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе : не клади на меня страшнаго креста!«

»А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, Нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что̀ дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! слышишь, несп, какъ птица!«

»Куда?« пропзнесъ печальный чортъ.

»Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!« И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

Долго стояла Оксана, раздумывая о страшныхъ рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ. »Что̀, если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшится на что-нибудь страшное? Чего добраго! можетъ быть, онъ съ горя вздумаетъ влюбиться въ другую и съ досады станетъ называть ее первою красавицею на селѣ! Но нѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша! Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалитъ, прикидывается. Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ вѣрно придетъ поглядѣть на меня. Я, въ самомъ дѣлѣ, сурова. Нужно ему дать, какъ-будто нехотя, поцаловать себя. То̀-то онъ обрадуется!« И вѣтреная красавица уже шутила съ своими подругами.

»Постойте«, сказала одна изъ нихъ : »кузнецъ позабылъ мѣшки свои; смотрите : какіе страшные мѣшки! Онъ не по нашему наколядовалъ : я думаю, сюда по цѣлой четверти барана кидали; а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! цѣлые праздники можно объѣдаться.«

»Это кузнецовы мѣшки?« подхватила Оксана : »утащимъ скорѣе ихъ ко мнѣ въ хату и разглядимъ хорошенько, что̀ онъ сюда положилъ.«

Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

»Но мы не поднимемъ ихъ!« закричала вся толпа вдругъ, силясь сдвинуть мѣшки.

»Постойте«, сказала Оксана: »побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!«

И толпа побѣжала за санками.

Плѣшникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, не смотря на то, что дьякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ быть, онъ нашелъ бы средство вылѣзть; но вылѣзть изъ мѣшка при всѣхъ, показать себя на смѣхъ... это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка только покряхтывая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя, что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но какъ скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, то успокоился и не хотѣлъ уже вылѣзть, разсуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по крайней мѣрѣ, шаговъ съ сотню, а можетъ быть и другую; вылѣзши же, нужно же оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дивчата довезутъ на санкахъ.

Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ: въ то время, когда дѣвчата побѣжали за санками, худощавый кумъ выходилъ изъ шинка разстроенный и не въ духѣ. Шинкарка никакимъ образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ; онъ хотѣлъ было дожидаться, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный дворянинъ и попотчуетъ его; но какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные Христіане, ѣли кутью посреди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревяномъ сердцѣ Жидовки, продающей вино, кумъ набрелъ на мѣшки и остановился въ изумленіи. »Вишь, какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогѣ!« сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ: »должно быть, тутъ и свинина есть. Полѣзло же кому-то счастіе наколядовать столько всякой всячины! Экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками да коржами, и то *добре;* хотя бы были тутъ одни галяшицы, и то въ *шляхъ:* Жидовка за каждую галяшицу дастъ осьмуху водки. Утащить скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ.«

Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плеча мѣшокъ, съ Чубомъ и дьякомъ. но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ. »Нѣтъ, одному будетъ тяжело несть«, проговорилъ онъ; »а вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шапува́ленко. Здравствуй, Остапъ!«

»Здравствуй«, сказалъ, остановившись, ткачъ.

»Куда идешь?«

»А такъ, иду, куда ноги идутъ.«

»Помоги, человѣкъ добрый, мѣшки снесть! Кто-то колядовалъ, да и кинулъ посереди дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ.«

»Мѣшки? а съ чѣмъ мѣшки, съ кишками или паляницами?«

»Да, думаю, всего есть.«

Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

»Куда жъ мы понесемъ его? въ шинокъ?« спросилъ дорогою ткачъ.

»Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ, но вѣдь проклятая Жидовка не повѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ : жинки нѣтъ дома.«

»Да точно ли нѣтъ дома?« спросилъ осторожный ткачъ.

»Слава Богу, мы несовсѣмъ еще безъ ума«, сказалъ кумъ: »чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта.«

»Кто тамъ?« закричала кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь.

Кумъ остолбенѣлъ.

»Вотъ тебѣ на!« произнесъ ткачъ, опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ немало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома, и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и-зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только по утрамъ съ своимъ мужемъ, потому что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваръ волостнаго писаря : крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки; потому что

всякій, выходившій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ, въ надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что̀ ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если онъ не успѣвалъ ее пронять въ нинкѣ. Кумъ, не смотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и отъ того почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась разсказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себѣ представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видѣла старыми глазами, однакожъ мѣшокъ замѣтила. »Вотъ это хорошо!« сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба: »это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди; только нѣтъ, я думаю, гдѣ-нибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!«

»Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы«, сказалъ, пріосанясь, кумъ.

»Тебѣ какое дѣло?« сказалъ ткачъ: »мы наколядовали, а не ты.«

»Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница!« вскричала жена, ударивъ высокого кума кулакомъ въ подбородокъ и продираясь къ мѣшку.

Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попятиться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворно хватила кочергою мужа по рукамъ, ткача по спинѣ, и уже стояла возлѣ мѣшка.

»Что мы допустили ее?« сказалъ ткачъ, очнувшись.

»Э, что мы допустили! а отчего ты допустилъ?« сказалъ хладнокровно кумъ.

»У васъ кочерга, видно, желѣзная!« сказалъ послѣ небольшого

молчанія ткачъ, почесывая спину. »Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивконы: та ничего... не больно...«

Между-тѣмъ торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись. »Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ!« вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

»Кабанъ! слышишь, цѣлый кабанъ!« толкалъ ткачъ кума: »а всё ты виноватъ!«

»Что жъ дѣлать!« пропищесъ, пожимая плечами, кумъ.

»Какъ что? чего мы стоимъ? отнимемъ мѣшокъ! ну, приступай!«

»Пошла прочь! пошла! это нашъ кабанъ!« кричалъ, выступая, ткачъ.

»Ступай, ступай, чортова баба! это не твое добро!« говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ посреди сѣней, потягиваясь, какъ человѣкъ, только что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

»Что жъ она, дура, говоритъ: кабанъ! Это не кабанъ!« сказалъ кумъ, выпуча глаза.

»Вишь, какого человѣка кинуло въ мѣшокъ!« сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу. »Хоть, что хочешь, говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролѣзетъ въ окошко!«

»Это кумъ!« вскрикнулъ, вглядѣвшись, кумъ.

»А ты думалъ, кто?« сказалъ Чубъ, усмѣхаясь. »Что, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, не бось, хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Постойте же, я васъ порадую: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то навѣрно поросенокъ или иная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось.«

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы дьякъ, увидѣвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мѣшка.

Кумова жена, остолбенѣвъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала было тянуть дьяка изъ мѣшка.

»Вотъ и другой еще!« вскрикнулъ со страхомъ ткачъ: »чортъ знаетъ, какъ стало на свѣтѣ... голова идетъ кругомъ... не колбасы и не паляницы, а людей кидаютъ въ мѣшки!«

»Это дьякъ!« произнесъ, изумившись болѣе всѣхъ, Чубъ: »вотъ тебѣ на! ай да Солоха! посадить въ мѣшокъ... То-то я гляжу, у нея полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человѣка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... вотъ тебѣ и Солоха!«

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мѣшка.

»Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого«, лепетала Оксана.

Всѣ принялись за мѣшокъ и взвалили его на санки.

Голова рѣшился молчать, разсуждая, что если онъ закричитъ, чтобы его выпустили и развязали мѣшокъ — глупыя дивчата разбѣгутся, подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ, и онъ останется на улицѣ, можетъ быть, до завтра.

Дѣвушки между-тѣмъ, дружно взявшись за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрыпучему снѣгу. Многія изъ нихъ, шаля, садились на санки; другія взбирались на самого голову. Голова рѣшился сносить все.

Наконецъ пріѣхали, отворили настежъ дверь въ сѣнцахъ и въ хатѣ, и съ хохотомъ втащили мѣшокъ.

»Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ«, закричали всѣ, бросившись развязывать.

Тутъ икотка, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло.

»Ахъ, тутъ сидитъ кто-то!« закричали всѣ и въ испугѣ бросились вонъ изъ дверей.

»Что за чортъ! куда вы мечетесь, какъ угорѣлыя?« сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

»Ай, батько!« произнесла Оксана: »въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!«

»Въ мѣшкѣ! гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?«

»Кузнецъ бросилъ его посереди дороги«, сказали всѣ вдругъ.

»Ну, такъ, не говорилъ ли я?...« подумалъ про-себя Чубъ. »Чего жъ вы испугались? посмотримъ: а ну-ка, человичe, прошу не прогнѣваться, что не называемъ по имени и отчеству, вылѣзай изъ мѣшка!«

Голова вылѣзъ.

»Ау!« вскрикнули дѣвушки.

»И голова влѣзъ туда жъ«, говорилъ про-себя Чубъ въ недоумѣніи, мѣряя его съ головы до ногъ: »вишь какъ!... Э!...« болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не меньше смущенъ и не зналъ, что̀ начать. »Должно быть, на дворѣ холодно?« сказалъ онъ, обращаясь къ Чубу.

»Морозецъ есть«, отвѣчалъ Чубъ: »а позволь спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги, смальцемъ или дегтемъ?« Онъ хотѣлъ не то̀ сказать; онъ хотѣлъ спросить: какъ ты, голова, залѣзъ въ этотъ мѣшокъ? но самъ не понималъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

»Дегтемъ лучше«, сказалъ голова. »Ну, прощай, Чубъ!« и, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

»Для чего спросилъ я съ-дуру, чѣмъ онъ мажетъ сапоги?« произнесъ Чубъ, поглядывая на двери, въ которыя вышелъ голова. »Ай да Солоха! эдакого человѣка засадить въ мѣшокъ!... Вишь, чортова баба! А я дуракъ... да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?«

»Я кинула его въ уголъ, тамъ больше ничего нѣтъ«, сказала Оксана.

»Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидитъ! Встряхните его хорошенько... Что̀, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее — какъ святая, какъ-будто и скоромнаго никогда не брала въ ротъ.«

Но оставимъ Чуба изливать на досугѣ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

Сначала страшно показалось Вакулѣ, когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что, если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однакожъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ. Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ облакомъ клубился въ сторонѣ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него, и потомъ снова неслось далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація.) Чортъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ середи улицы.

Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извощики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными плошками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, досягая головою трубъ и крышъ.

Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господъ, въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. »Боже ты мой, сколько тутъ панства!« подумалъ кузнецъ: »я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! а тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ

со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то вѣрно коммиссары, а можетъ. еще и больше.« Его слова прерваны были вопросомъ чорта: »Прямо ли ѣхать къ царицѣ?« —»Нѣтъ, странно«, подумалъ кузнецъ; »тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали Запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; всё бы таки посовѣтоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ. да веди къ Запорожцамъ!«

Чортъ въ одну минуту похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, вошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ Запорожцевъ, которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавъ подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно кореньками.

»Здравствуйте, панове! помогай Богъ вамъ! вотъ гдѣ увидѣлись!« сказалъ кузнецъ, подошедши ближе и отвѣсивши поклонъ до земли.

»Что тамъ за человѣкъ?« спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другого. сидѣвшаго подалѣе.

»А вы не познали?« сказалъ кузнецъ: »это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтія, безъ малаго два дня. Я новую шину тогда поставилъ на переднее колесо вашей кибитки!«

»А!« сказалъ тотъ же Запорожецъ: »то тотъ самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

»А такъ, захотѣлось поглядѣть, говорятъ...«

»Что жъ, землякъ«, сказалъ, пріосанясь, Запорожецъ и желая показать, что онъ можетъ говорить и по-Русски: »што, балшой городъ?«

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ: притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ. »Губернія знатная!« отвѣчалъ онъ равно-

душно, »нечего сказать, домы балшуціе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе домы исписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!«

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

»Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше; теперь же мы ѣдемъ сейчасъ къ царицѣ«.

»Къ царицѣ? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!«

»Тебя?« произнесъ Запорожецъ съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехъ-лѣтнему своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь. »Что ты будешь тамъ дѣлать? Нѣтъ, не можно«. При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина. »Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое.«

»Возьмите!« настаивалъ кузнецъ. »Проси!« шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману.

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ другой Запорожецъ проговорилъ: »Возьмемъ его, въ самомъ дѣлѣ, братцы!«

»Пожалуй, возьмемъ!« произнесли другіе.

»Надѣвай же платье такое, какъ и мы.«

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошедшій съ позументами человѣкъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда онъ понесся въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъ-этажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась подъ ноги лошадямъ.

»Боже ты мой, какой свѣтъ!« думалъ про-себя кузнецъ: »у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло.«

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вошли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали подыматься на блистательно-освѣщенную лѣстницу.

»Что за лѣстница!« шепталъ про-себя кузнецъ: »жаль ногами топтать. Экія украшенія! Вотъ говорятъ: лгутъ сказки! кой чортъ

лгутъ! Боже ты мой, что̀ за перила! какая работа! тутъ одного желѣза рублей на пятьдесятъ пошло!«

Уже взобравшись на лѣстницу, Запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетѣ. Прошли три залы, кузнецъ всё еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ вписѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это было Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ.

»Что̀ за картина! что̀ за чудная живопись!« разсуждалъ онъ: »вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая! А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное! а краски! Боже ты мой, какія краски! тутъ вохры, я думаю, и на конѣйку не пошло, все ярь, да баканъ; а голубая такъ и горитъ! Важная работа! Должо быть, грунтъ наведенъ былъ блейвасомъ. Сколь однакожъ ни удивительны сіи малеванія, но эта мѣдная ручка«, продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ: »еще большаго достойна удивленія. Экъ какая чистая выдѣлка! Это всё, я думаю, Нѣмецкіе кузнецы, за самыя дорогія цѣны, дѣлали...«

Можетъ быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ велѣно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу.

Минуту спустя, вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человѣкъ въ гетманскомъ мундирѣ и желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растрепаны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спѣсиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнять его. Но гетманъ не обратилъ даже и вниманія на все это, едва кивнулъ головой и подошелъ къ Запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ поги.

»Всѣ ли вы здѣсь?« спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

»*Та вси, ба́тько?*« отвѣчали Запорожцы, кланяясь снова.

»Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!«

»Нѣтъ, батько, не позабудемъ.«

»Это царь?« спросилъ кузнецъ одного изъ Запорожцевъ.

»Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ«, отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ послышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ съ длинными хвостами, и придворныхъ, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назади. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего.

Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: »Помилуй, мамо, помилуй!«

Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ, со всѣмъ усердіемъ, на полу.

»Встаньте!« прозвучалъ надъ ними повелительный и вмѣстѣ пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали Запорожцевъ.

»Не встанемъ, мамо! не встанемъ! умремъ, а не встанемъ!« кричали Запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ Запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно-улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

»Свѣтлѣйшій обѣщалъ меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до сихъ поръ еще не видала«, говорила дама съ голубыми глазами, разсматривая съ любопытствомъ Запорожцевъ: »хорошо ли васъ здѣсь содержатъ?« продолжала она, подходя ближе.

»*Та спаси́би, ма́мо!* Провіянтъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что́ у насъ на Запорожьи, — почему жъ не жить какъ-нибудь?....«

Потемкинъ поморщился, видя, что Запорожцы говорятъ совершенно не то, чему онъ ихъ училъ. . .

Одинъ изъ Запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ: »Помилуй, мамо! чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвалъ? Развѣ держали мы руку поганаго Татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ Турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры*; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато Запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію черезъ Перекопъ и помогло твоимъ сынамъ порубать Крымцевъ?...«

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои бриллианты, которыми были унизаны его руки.

»Чего же хотите вы?« заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

»Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хотите?« сказалъ самъ себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю.

»Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевики, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ, не съумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надѣла такіе черевики!«

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тожъ. Потемкинъ хмурился и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

»Встань!« сказала ласково государыня. »Если тебѣ такъ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ вамъ«, продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу придворныхъ, »предметъ, достойный остроумнаго пера вашего!«

»Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, Лафонтенъ!« отвѣчалъ, поклонясь, господинъ съ перламутровыми пуговицами.

»По чести скажу вамъ: я до сихъ поръ безъ памяти отъ вашего »Бригадира«. Вы удивительно хорошо читаете! Однакожъ«, продолжала государыня, обращаясь снова къ Запорожцамъ, »я слышала, что на Сѣчи у васъ никогда не женятся.«

»*Якъ же, мамо!* вѣдь человѣку, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить«, отвѣчалъ тотъ самый Запорожецъ, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ Запорожецъ, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицею, какъ-будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ.

»Хитрый народъ!« подумалъ онъ самъ себѣ: »вѣрно, не даромъ онъ это дѣлаетъ.«

»Мы не чернецы«, продолжалъ Запорожецъ, »а люди грѣшные. Падки, какъ и все честное Христіянство, до скоромнаго. Есть у насъ немало такихъ, которые имѣютъ женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчи. Есть такіе, что̀ имѣютъ женъ въ Польшѣ; есть такіе, что̀ имѣютъ женъ въ Украйнѣ; есть такіе, что̀ имѣютъ женъ и въ Турецкинѣ.«

Въ это время кузнецу принесли башмаки.

»Боже ты мой, что̀ за украшеніе!« вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки: »ваше царское величество! что жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чаятельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ко́взаться*, какія жъ должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахару.«

Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ Запорожскомъ платьи могъ почесться красавцемъ, не смотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ да сало, и тому подобное; но, почувствовавъ, что Запорожцы толкаютъ его

подъ бока, рѣшился замолчать, и, когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчи, какіе обычаи водятся, онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: »Выноси меня отсюда поскорѣе!« и вдругъ очутился за плагбаумомъ.

»Утонулъ! ей Богу, утонулъ! вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ!« лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ Диканьскихъ бабъ, посереди улицы.

»Что жъ, развѣ я лгунья какая! развѣ я у кого-нибудь корову украла? развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ вѣры!« кричала баба въ козацкой свиткѣ съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками: »вотъ, чтобы мнѣ воды не захотѣлось пить, если старая Перепе́рчиха не видѣла собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!«

»Кузнецъ повѣсился? Вотъ тебѣ на!« сказалъ голова, выходившій отъ Чуба, остановился и протѣснился ближе къ разговаривавшимъ.

»Скажи лучше, чтобъ тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница!« отвѣчала ткачиха: »нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утонулъ! утонулъ въ проруби! Это я такъ знаю, какъ то, что ты была сейчасъ у шинкарки.«

»Срамница! вишь, чѣмъ стала попрекать?« гнѣвно возразила баба съ фіолетовымъ носомъ. »Молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дьякъ ходитъ каждый вечеръ.«

Ткачиха вспыхнула.

»Что́ дьякъ? къ кому дьякъ? что́ ты врешь?

»Дьякъ?« пропѣла, тѣснясь къ ссорившимся, дьячиха, въ тулупѣ изъ заячьяго мѣха, крытомъ синею китайкой: »я дамъ знать дьяка! Кто это говоритъ — дьякъ?«

»А вотъ къ кому ходитъ дьякъ!« сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

»Такъ это ты, сука«, сказала дьячиха, подступая къ ткачихѣ, »такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?«

»Отвяжись отъ меня, сатана!« говорила, пятясь, ткачиха.

»Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не дождалась дѣтей своихъ видѣть, негодная! тьфу!..« тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ.

Ткачиха хотѣла сдѣлать то же, но вмѣсто того плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ.

»А, скверная баба!« закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтись съ ругательствами, въ разныя стороны. »Экая мерзость!« повторялъ голова, продолжая обтираться. »Такъ кузнецъ утонулъ! Боже ты мой, а какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была! Да«, продолжалъ онъ, задумавшись, »такихъ людей мало у насъ на селѣ. То-то я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ Вотъ тебѣ и кузнецъ! былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!...« и будучи полонъ такихъ Христіянскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти; она мало вѣрила глазамъ Перепёрчихи и толкамъ бабъ: она знала, что кузнецъ довольно набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А врядъ ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы! Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую ночной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя; то, пріутихнувъ, рѣшалась ни о чемъ не думать — и всё думала, и вся горѣла, и къ утру влюбилась по уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости, ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна народа.

Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ, въ бѣлыхъ сукопыхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки, въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а иныя даже въ синихъ кунтушахъ съ золотыми назади усами, стояли впереди ихъ. Дивчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чубами, съ толстыми шеями, и только что выбритыми подбородками, всѣ большею частію въ кобенякахъ, изъ-подъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взглянь, видѣнъ былъ праздникъ. Голова облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дивчата помышляли о томъ, какъ онѣ будутъ *ко́взаться съ хлопцями* на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ козакъ Свербыгузъ клалъ поклоны.

Одна только Оксана стояла какъ-будто не своя: молилась и не молилась. На сердцѣ у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другого досаднѣе, одно другого печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали на глазахъ. Дивча́та не могли понять этому причины и не подозрѣвали, чтобы виною былъ кузнецъ.

Однакожъ, не одна Оксана была занята кузнецомъ. Всѣ міряне замѣтили, что праздникъ — какъ-будто не праздникъ; что какъ-будто всё чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду, дьякъ, послѣ путешествія въ мѣшкѣ, охрипъ и дребезжалъ едва слышнымъ голосомъ; правда, пріѣзжій пѣвчій славно бралъ баса, но куда бы лучше, если бы и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли »Отче нашъ« или »Иже херувимы«, всходилъ на крылосъ и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ исправлялъ должность церковнаго ктитора. Уже отошла заутреня; послѣ заутрени отошла обѣдня... куда жъ это, въ самомъ дѣлѣ, запропастился кузнецъ?

Еще быстрѣе въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ, и мигомъ очутился Вакула подлѣ своей хаты. Въ это время пропѣлъ пѣтухъ.

»Куда?« закричалъ кузнецъ, ухватя за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта : »постой, пріятель, еще не все : я еще не поблагодарилъ тебя.«

Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что выпарилъ засѣдатель. Итакъ, вмѣсто того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ.

Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко : »Я проспалъ заутреню и обѣдню!«

Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это, вѣрно, Богъ нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать, въ такой торжественный праздникъ, въ церкви. Но однакожъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу, и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась.

Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ Запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку изъ Рѣшетиловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться : тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему придти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и Запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ предъ нимъ новехонь-

кую шапку и поясъ, какого невидано было на селѣ, а самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ: »Помилуй, батько! не гнѣвись! вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ, отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только! Ты жъ, когда-то, братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и могорычъ пили.«

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усъ не дулъ, сгибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ его три раза по спинѣ. »Ну, будетъ съ тебя, вставай! старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что было межъ нами! Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?«

»Отдай, батько, за меня Оксану!«

Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно: »*Добре!* присылай сватовъ!«

»Ай!« вскрикнула Оксана, переступивъ черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостію въ него очи.

»Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики!« сказалъ Вакула: »тѣ самые, что носитъ царица.«

»Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ!« говорила она, махая руками и не сводя съ него очей: »я и безъ черевиковъ ...« далѣе она не договорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцѣловалъ ее, и лицо ея пуще загорѣлось, и она стала еще лучше.

Проѣзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село и, проѣзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою.

»А чья это такая размалеванная хата?« спросилъ преосвященный у стоявшей близъ дверей красивой женщины съ дитятей на рукахъ.

»Кузнеца Вакулы!« сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

»Славно! славная работа!« сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна всѣ были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были козаки на лошадяхъ съ трубками въ зубахъ.

Но еще больше похвалилъ преосвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый крылосъ зеленою краскою съ красными цвѣтами.

Это, однакожъ, не все: на стѣнѣ сбоку, какъ войдешь въ церковь, намалевалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что всѣ плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картинѣ и говорили: «*онъ бачъ, яка́ ка́ка намалёвана!*« и дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

I.

Шумитъ, гремитъ конецъ Кіева: осаулъ Горобець празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ осаулу въ гости. Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхалъ на гнѣдомъ копѣ своемъ и Запорожецъ Микита прямо съ разгульной попойки съ Перешляя поля, гдѣ поплъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ Данило Бурульбашъ, съ другого берега Днѣпра, гдѣ, промежъ двумя горами, былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивилися гости бѣлому лицу пани Катерины, чорнымъ, какъ Нѣмецкій бархатъ, бровямъ, полутабенеку, сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на Заднѣпровьи, а двадцать одинъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда уже та вышла за-мужъ и родила сына. Онъ, вѣрно, много наразсказалъ бы дивнаго. Да какъ и не разсказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ: и люди не тѣ, и церквей Христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ.

Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами, и на немаломъ блюдѣ каравай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами и, навремя притихнувъ, положили возлѣ себя цымбалы, скрыпки и бубны. Между-тѣмъ молодицы и

дивчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ рядовъ своихъ; а паробки, схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ на-встрѣчу — какъ старый осаулъ вынесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честнаго схимника, старца Варѳоломея. Не богата на нихъ утварь, не горитъ серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онѣ въ домѣ. Приподнявъ иконы вверхъ, осаулъ готовился сказать краткую молитву... какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшіе на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ козака. Кто онъ таковъ — никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на-славу козачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же осаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо козака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ, запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ козакъ — старикъ.

»Это онъ! это онъ!« кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

»Колдунъ показался снова!« кричали матери, хватая за руку дѣтей своихъ.

Величаво и сановито выступилъ впередъ осаулъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы: »Пропади, образъ сатаны, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста!« и, зашипѣвъ и щолкнувъ, какъ волкъ, зубами, пропалъ чудный старикъ.

Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ.

»Что это за колдунъ?« спрашивали молодые и небывалые люди.

»Бѣда будетъ!« говорили старые, качая головами. И вездѣ, по всему широкому подворью осаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разно, и навѣрно никто не могъ разсказать про него.

На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ Грецкаго вина; все повеселѣло снова; музыканты грянули — дивчата, молодицы, лихое козачество, въ яркихъ жупанахъ, понеслись.

Девяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ прилясывать, помня не даромъ пропавшіе годы. Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во-свояси: много осталось, почевать у осаула на широкомъ дворѣ; а еще больше козачества заснуло, непрошенное, подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва; гдѣ пошатнулась съ хмѣля козацкая голова, тамъ и лежитъ и храпитъ на весь Кіевъ.

II

Тихо свѣтитъ по всѣму міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. Будто Дамасскою дорогóю и бѣлою, какъ снѣгъ, киссею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Посереди Днѣпра плылъ дубъ. Сидятъ впереди два хлопца: чорныя козацкія шапки набекрень, и подъ веслами, какъ-будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны.

Отчего не поютъ козаки? Не говорятъ ни о томъ, какъ уже ходятъ по Украйнѣ ксензы и перекрещиваютъ козацкій народъ въ католиковъ; ни о томъ, какъ два дня билась при Соленомъ озерѣ орда? Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла: панъ ихъ Данило призадумался, и рукавъ его кармазиннаго жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду; панн ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ него очей, а на незаслапную полотномъ нарядную сýкню сѣрою пылью валится вода.

Любо глянуть съ середины Днѣпра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ, не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга, не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій посерединѣ круглое небо, и въ верхней половинѣ и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ.

Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою »Что, моя молодоя жена, моя золотая Катерина вдалася въ печаль?

»Я не въ печаль вдалася, панъ мой, Данило! Меня устрашили чудные разсказы про колдуна. Говорятъ, что онъ родился такимъ страшнымъ... и никто изъ дѣтей съизмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти разсказы«, говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти. На платкѣ были вышиты ею краснымъ шелкомъ листья и ягоды.

Панъ Данило ни слова, и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко, изъ-за лѣса, чернѣлъ земляной валъ, изъ-за вала подымался старый замокъ. Надъ бровями вдругъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы. »Не такъ еще страшно то, что колдунъ«, говорилъ онъ; »какъ страшно то, что онъ недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышалъ, что хотятъ Ляхи строить какую-то крѣпость, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ Запорожцамъ. Пусть это правда... Я размечу чертовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него есть какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ что и воронамъ нечего будетъ расклевать. Однакожъ, думаю, онъ не безъ золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъэтотъ дьяволъ! Если у него водится золото... Мы сейчасъ будемъ плыть мимо крестовъ — это кладбище! тутъ гніютъ его нечистые дѣды. Говорятъ, они всѣ готовы были себя продать за денежку сатанѣ и съ душою, и съ ободранными жупанами. Если жъ у него точно есть золото, то мѣшкать нечего теперь : не всегда на войнѣ можно добыть...«

»Знаю, что затѣваешь ты; не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго встрѣча съ нимъ. Но ты такъ тяжело дышешь, такъ сурово глянешь, брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи!...«

»Молчи, баба!« съ сердцемъ сказалъ Данило: »съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Хлопецъ, дай мнѣ огня въ люльку!«

Тутъ оборотился онъ къ одному изъ гребцовъ, который, выколотивши изъ своей люльки горячую золу, сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана. »Пугаетъ меня колдуномъ!« продолжалъ панъ Данило. »Козакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксензовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ: не такъ ли, хлопцы? наша жена люлька, да острая сабля!«

Катерина замолчала, потупивши очи въ сонную воду; а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть середи ночи.

Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистого берега. На берегу видѣлось кладбище: ветхіе кресты толпились въ кучу. Ни калина не растетъ межъ ними, ни трава не зеленѣетъ, только мѣсяцъ грѣетъ ихъ съ небесной вышины.

»Слышите ли, хлопцы, крики? Кто-то зоветъ насъ на помощь!« сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ.

»Мы слышимъ крики, и кажется, съ той стороны«, разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище.

Но все стихло Лодка поворотила, и стала огибать выдавшійся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижимо уставили очи. Остановился и панъ Данило: страхъ и холодъ прорѣзался въ козацкія жилы.

Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшій мертвецъ. Борода до пояса; на пальцахъ когти длинные, еще длиннѣе самыхъ пальцевъ. Тихо поднялъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ. »Душно мнѣ! душно!« простоналъ онъ дикимъ, нечеловѣчьимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, цараналъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю.

Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго; весь заросъ; борода по колѣни и еще длиннѣе костяные когти. Еще диче закричалъ онъ: »душно мнѣ!« и ушелъ подъ землю.

Пошатнулся третій крестъ, поднялся третій мертвецъ. Казалось, однѣ только кости поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты; пальцы съ длинными когтями вонзились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ-будто хотѣлъ достать

мѣсяцъ, и закричалъ такъ, какъ-будто кто-нибудь сталъ пилить его желтыя кости....

Дитя, спавшее на рукахъ Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Днѣпръ; самъ панъ вздрогнулъ.

Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однакожъ долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Бурульбашъ на молодую жену, которая въ испугѣ качала на рукахъ кричавшее дитя; прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ лобъ. »Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ!« говорилъ онъ, указывая по сторонамъ: »это колдунъ хочетъ устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки мнѣ сына!«

При семъ словѣ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ: »Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ? Нѣтъ«, говори: »тятя, я козакъ.« Полно же, перестань плакать! домой пріѣдемъ! пріѣдемъ домой — мать покормитъ кашею; положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Лю́лі, лю́лі, лю́лі!
Лю́лі, сынку, лю́лі!
Да выростáй, выростáй въ забáву!
Козáчеству на слáву,
Воро́женькамъ на роспрáву!

»Слушай, Катерина: мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Пріѣхалъ угрюмый, суровый, какъ-будто сердится... Ну, недоволенъ, зачѣмъ и пріѣзжать. Не хотѣлъ выпить за козацкую волю! не покачалъ на рукахъ дитяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что̀ лежитъ на сердцѣ, да не берется что-то, и рѣчь занкнулась. Нѣтъ, у него нѐ козацкое сердце! Козацкія сердца когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди на встрѣчу другъ другу! Что, мои любые хлопцы, скоро берегъ? Ну, шапки я вамъ дамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ; я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у Татарина; весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я выпустилъ на волю. Ну, причалнвай! Вотъ, Иванъ, мы и пріѣхали, а ты всё плачешь! Возьми его, Катерина!«

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломеная кровля : то дѣдовскія хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного козака.

III.

Хуторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинѣ, сбѣгающей къ Днѣпру. Не высокіе у него хоромы; хата на видъ, какъ и у простыхъ козаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки; густо на нихъ стоятъ миски, горшки, для трапезы; есть межъ ними и кубки серебряные, и чарки оправленныя въ золото, дарственныя и добытыя на войнѣ; ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ Татаръ, Турокъ и Ляховъ; немало за то и вызубрены; глядя на нихъ, панъ Данило какъ-будто по значкамъ припоминалъ свои схватки; подъ стѣною, внизу, дубовыя, гладко вытесанныя лавки: возлѣ нихъ, передъ лежанкою, висятъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька; во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило; на лежанкѣ старая прислужница; въ люлькѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ почуютъ молодцы. Но козаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужна; онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ; ему весело взглянуть, проснувшись середи ночи, на высокое, засѣянное звѣздами небо и вздрогнуть отъ ночного холода, пришесшаго свѣжесть козацкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается въ теплый кожухъ.

Нерано проснулся Бурульбашъ послѣ вчерашняго веселья и, проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ и началъ натачивать новую, вымѣнянную имъ, Турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шелковый ручникъ.

Вдругъ вошелъ Катерининъ отецъ, разсержень, пахмуренъ, съ заморскою люлькою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ выспрашивать ее: что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

»Про эти дѣла, тесть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ уже такъ водится, не погнѣвайся!« говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла: »можетъ, въ иныхъ не вѣрныхъ земляхъ этого не бываетъ — я не знаю.«

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя, и очи дико блеснули. »Кому жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой!« бормоталъ онъ про-себя. »Ну, я тебя спрашиваю: гдѣ таскался до поздней ночи?«

»А вотъ это дѣло, дорогой тесть! На это я тебѣ скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ, которыхъ бабы пеленаютъ. Знаю, какъ сидѣть на конѣ, умѣю держать и саблю острую, еще кое что умѣю... умѣю никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю.«

»Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умѣ недоброе дѣло.«

»Думай себѣ, что хочешь«, сказалъ Данило: »думаю и я себѣ. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну—не такъ какъ иные бродяги таскаются, Богъ знаетъ гдѣ, когда православные бьются насмерть, а послѣ нагрянутъ убирать не ими засѣянное жито; на уніятовъ даже не похожи, не заглянутъ въ Божію церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются.«

»Э, козакъ! знаешь ли ты... я плохо стрѣляю: всего за сто сажень пуля моя пронизываетъ сердце: я и рублюсь незавидно: отъ человѣка остаются куски мелче крупъ, изъ которыхъ варятъ кашу.«

»Я готовъ«, сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ-будто зналъ, на что ее выточилъ.

»Данило!« закричала громко Катерина, ухватившись его за руку и повисшувъ на ней: »вспомни, безумный, погляди, на кого ты подымаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!«

»Жена!« крикнулъ грозно панъ Данило: »ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!«

Сабли страшно звукнули; желѣзо рубило желѣзо, и искрами, будто пылью, осыпали себя козаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились козаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться на части; по всему тѣлу слышала она, какъ проходили звуки: тукъ, тукъ. »Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключемъ изъ бѣлаго тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый; а я лежу здѣсь!« И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату.

Ровно и страшно бились козаки; ни тотъ, ни другой не одолѣваетъ. Вотъ наступаетъ Катерининъ отецъ — подается панъ Данило; наступаетъ панъ Данило — подается суровый отецъ, и опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ! сабли звенятъ... и, гремя, отлетѣли въ сторону клинки.

»Благодарю тебя, Боже!« сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что козаки взялись за мушкеты; поправили кремни, взвели курки.

Выстрѣлилъ панъ Данило, не попалъ. Нацѣлился отецъ... онъ старъ, онъ видитъ не такъ зорко, какъ молодой, однакожъ не дрожитъ его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ... Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкраспла лѣвый рукавъ козацкаго жупана.

»Нѣтъ!« закричалъ онъ: »я не продамъ такъ дешево себя; не лѣвая рука, а правая отаманъ. Виситъ у меня на стѣнѣ Турецкій пистолетъ: еще ни разу во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ; слѣзай со стѣны, старый товарищъ! покажи другу услугу!« Данило протянулъ руку.

»Данило!« закричала въ отчаяніи, схватившп его за руку и бросившись ему въ ноги, Катерина: »не за себя молю; мнѣ одинъ конецъ: та недостойная жена, которая живетъ послѣ своего мужа; Днѣпръ, холодный Днѣпръ будетъ мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило! погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ, конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-казацки? Пропа-

дай сынъ мой! пропадай! тебя не хочетъ знать отецъ твой! гляди, какъ онъ отворачиваетъ лицо свое. О, я теперь знаю тебя! ты звѣрь, а не человѣкъ! у тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины! Я думала, что у тебя есть капля жалости, что въ твоемъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась. Тебѣ это радость принесетъ; твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услышатъ, какъ нечестивые звѣри Ляхи кинутъ въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ. О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздувать шапкою огонь, взвихрившійся подъ нимъ!«

»Постой, Катерина! ступай мой ненаглядный Иванъ, поцалую тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего; ты вырастешь на славу отчизны; какъ вихорь, будешь ты летать передъ козаками, съ бархатною шапочкою на головѣ, съ острою саблею въ рукѣ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее межъ нами! Что сдѣлалъ передъ тобою неправаго — винюсь. Что же ты не даешь руки?« говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва, ни примиренія.

»Отецъ!« вскричала Катерина, обнявъ и поцѣловавъ его: »не будь неумолимъ, прости Даниду: онъ не огорчитъ больше тебя!«

»Для тебя только, моя дочь, прощаю!« отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее и блеснувъ страшно очами.

Катерина немного вздрогнула: чуденъ показался ей и поцѣлуй, и страшный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненную свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-казацки сдѣлалъ онъ, прося прощенія, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

IV.

Блеснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но нерадостна: очи заплаканы, и вся она смут-

на и не спокойна. »Мужъ мой милый, мужъ дорогой, чудный мнѣ сонъ снился!«

»Какой сонъ, моя любая пани Катерина?«

»Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, будто на-яву, снилось мнѣ, что отецъ мой есть тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у осаула. Но прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Если бъ ты слышалъ, что онъ говорилъ...«

»Что же онъ говорилъ, моя золотая Катерина?«

»Говорилъ: »Ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди »напрасно говорятъ, что я дуренъ: я буду тебѣ славнымъ мужемъ. »Посмотри, какъ я поглядываю очами!« Тутъ навелъ онъ на меня огненныя очи, я вскрикнула и пробудилась.«

»Да, сны много говорятъ правды. Однакожъ, знаешь ли ты, что за горою не такъ спокойно; чуть ли не Ляхи стали выглядывать снова. Мнѣ Горобець прислалъ сказать, чтобы я не спалъ: напрасно только онъ заботится: я и безъ того не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣковъ. Посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ батоговъ.«

»А отецъ знаетъ объ этомъ?«

»Сидитъ у меня на шеѣ твой отецъ! я до сихъ поръ разгадать его не могу, Много, вѣрно; онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хоть бы разъ развеселился, какъ добрый козакъ! Не захотѣлъ выпить меду! слышишь, Катерина, не захотѣлъ выпить меду, который я вытрусилъ у Брестовскихъ Жидовъ. Эй, хлопецъ!» крикнулъ панъ Данило: »бѣги, малый, въ погребъ, да принеси Жидовскаго меду! Горѣлки даже не пьетъ! экая пропасть! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ. А, какъ тебѣ кажется?«

»Богъ знаетъ, что говоришь ты, панъ Данило!«

»Чудно, пани?« продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ козака: »поганые католики даже падки до водки; одни

только Турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?«

»Попробовалъ только, панъ!«

»Лжешь, собачій сынъ! вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, козаки! что за лихой народъ! все отдать готовъ товарищу, а хмѣльное высушитъ самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ, а?«

»Вотъ давно! а въ прошедшій...«

»Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и Турецкій игуменъ лѣзетъ въ дверь!« проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобъ войти въ дверь.

»А что жъ это, моя дочь!« сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на которомъ висѣла сабля съ чудными каменьями: »солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ«.

»Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ! Вынимай горшокъ съ галушками!« сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду: »постой, лучше я сама выну«, продолжала Катерина, »а ты позови хлопцевъ.«

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута панъ отецъ, по лѣвую руку панъ Данило, по правую руку пани Катерина и десять напвѣрнѣйшихъ молодцовъ, въ синихъ и желтыхъ жупанахъ.

»Не люблю я этихъ галушекъ!« сказалъ панъ отецъ, немного поѣвши и положивши ложку: »никакого вкусу нѣтъ!«

»Знаю, что тебѣ лучше Жидовская лапша«, подумалъ про-себя Данило. »Отчего же, тесть«, продолжалъ онъ въ слухъ, »ты говоришь, что вкусу нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что ли? Моя Катерина такъ дѣлаетъ галушки, что и гетману рѣдко достается ѣсть такія; а брезгать ими нечего: это Христіянское кушанье! Всѣ святые люди и угодники Божіи ѣдали галушки«.

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жаренаго кабана съ капустою и сливами. »Я не люблю свинины!« сказалъ Катерининъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

»Для чего не любить свинины?« сказалъ Данило: »одни Турки и Жиды не ѣдятъ свинины.«

Еще суровѣе нахмурился отецъ.

Только одну лемишку съ молокомъ и ѣлъ старый отецъ и потянулъ вмѣсто водки изъ фляжки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Сѣлъ и сталъ писать листы въ козацкое войско; а пани Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Спдитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ въ окошко. А изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо: но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любуется панъ Данило — глядитъ онъ на выдавшійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый замокъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это вѣрно показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумитъ внизу Днѣпръ и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибережными горами, лѣсами, лугами, и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море.

Вотъ по широкому Днѣпру зачернѣла лодка, и въ замкѣ снова какъ-будто блеснуло что-то. Потихоньку свиснулъ Данило и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопецъ. »Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтовку, да ступай за мною!«

»Ты идешь?« спросила пани Катерина.

»Иду, жена. Нужно посмотрѣть всѣ мѣста, все ли въ порядкѣ.«

»Мнѣ, однакожъ, страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонитъ; что, если мнѣ приснится то же самое? Я даже не увѣрена, точно ли то сонъ былъ, такъ это происходило живо.«

»Съ тобою старуха останется; а въ сѣняхъ и на дворѣ спятъ козаки!«

»Старуха спитъ уже, а козакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнатѣ, а ключь возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а козаки пусть лягутъ передъ дверями.«

»Пусть будетъ такъ!« сказалъ Данило, стирая пыль съ винтовки и насыпая на полку порохъ.

Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый во всей козацкой сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ и, промежъ спавшими своими козаками, вышелъ потихоньку изъ двора въ горы.

Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть навѣвалъ съ Днѣпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалось онѣмѣвшимъ. Но вотъ почудился шорохъ... Бурульбашъ съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ, съ двумя пистолетами, съ саблею на боку, спускался съ горы. »Это тесть!« проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста. »Зачѣмъ и куда ему идти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ.« Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и поворотилъ къ выдавшемуся мысу. »А! вотъ куда!« сказалъ панъ Данило: »Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло?«

»Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы видѣли бы его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ подлѣ замка.«

»Постой же, вылѣземъ, а потомъ пойдемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой не добрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный.«

Уже мелькнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдавшемся берегу; вотъ уже ихъ и невидно; непробудный лѣсъ, окружавшій замокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣтилось; внизу стоятъ козаки и думаютъ, какъ-бы влѣзть имъ: ни воротъ, ни дверей невидно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ грѣмятъ цѣпи и бѣгаютъ собаки.

»Что я думаю долго!« сказалъ панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ: »стой тутъ, малый! я полѣзу на дубъ; съ него прямо можно глядѣть въ окошко.«

Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобъ не звенѣла, и, ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ, возлѣ самаго окна, уцѣпился онъ рукою за дерево и глядитъ.

Въ комнатѣ и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни Турки, ни Крымцы, ни Ляхи, ни Христіяне, ни славный народъ Шведскій. Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрыпа дверь; входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлою скатертью. »Это онъ, это тесть!« Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву.

Но тестю некогда глядѣть, смотритъ ли кто въ окошко, или нѣтъ. Онъ приплелъ насмуренъ, не въ духѣ, сдернулъ со стола скатерть — и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ; только несмѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотого переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ, и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы.

Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ Турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, исписанная вся не Русскою и не Польскою грамотою. Глянулъ въ лицо — и лицо стало перемѣняться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами, ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у осаула. »Правдивъ сонъ твой, Катерина!« подумалъ Бурульбашъ.

Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ-будто потухъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ, и вдругъ пропалъ, и настала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрывалъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блеститъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темно-синее небо и холодъ ночного воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чу-

чится пану Данилѣ (Тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ ли.), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его Татарскія и Турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль; виситъ люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лежанкѣ... но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно. И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной чалмѣ своей. Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ-будто облако, вѣяло посреди хаты; и чудится пану Данилѣ, что облако то не облако, что то стоитъ женщина: только изъ чего она — изъ воздуха, что-ли, выткана? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки? Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... »Ахъ! это Катерина!« Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силился говорить, но губы шевелились безъ звука.

Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ. »Гдѣ ты была?« спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрепетала.

»О, зачѣмъ ты меня вызвалъ?« тихо простонала она. »Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ: и полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня добрая моя мать! Какая любовь у нея въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловали въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ!« тутъ она впилась въ колдуна блѣдныя очи: »зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою?«

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ. »Развѣ я тебя просилъ говорить про это?« и воздушная красавица задрожала. »Гдѣ теперь пани твоя?«

»Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать; мнѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?«

»Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера?« спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.

»Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многого не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея.«

»Это Катеринина душа«, подумалъ панъ Данило; но всё еще не смѣлъ пошевелиться.

»Покайся, отецъ! не страшно ли, что послѣ каждаго убійства твоего мертвецы подымаются изъ могилъ?«

»Ты опять за старое!« грозно прервалъ колдунъ: »я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина, полюбитъ меня!...«

»О, ты чудовище, а не отецъ мой!« простонала она: »нѣтъ, не будетъ по твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но одинъ только Богъ можетъ заставлять ее дѣлать то, что ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколѣ я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на Богопротивное дѣло. Отецъ! близокъ страшный судъ! Если бы ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу; если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ.«

Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подъ которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась...

»Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь?« закричалъ колдунъ.

Воздушная Катерина задрожала; но уже панъ Данило былъ давно на землѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы. »Страшно, страшно!« говорилъ онъ про-себя, почувствовавъ какую-то робость въ козацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ также крѣпко спали козаки, кромѣ одного, сидѣвшаго на сторожѣ и курившаго люльку

Небо все было засѣяно звѣздами.

V.

»Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что разбудилъ меня!« говорила Катерина, протирая очи шитымъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго передъ нею мужа: »какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! какъ тяжело дышала грудь моя! ухъ!... Мнѣ казалось, что я умираю...«

»Какой же сонъ? ужъ не этотъ ли?« и сталъ Бурульбашъ разсказывать женѣ своей все, имъ видѣнное.

»Ты какъ это узналъ, мой мужъ?« спросила, изумившись, Катерина. »Но нѣтъ, многое мнѣ не извѣстно изъ того, что ты разсказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ; нѣтъ, Данило, ты не такъ разсказываешь. Ахъ какъ страшенъ отецъ мой!«

»И не диво, что тебѣ многое не видѣлось; ты не знаешь и десятой доли того, что знаетъ душа; знаешь ли, что отецъ твой антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ Ляхами на Крымцевъ (Тогда еще я держалъ руку этого невѣрнаго народа.), мнѣ говорилъ игуменъ Братскаго монастыря (Онъ, жена, святой человѣкъ!), что антихристъ имѣетъ власть вызывать душу каждаго человѣка, а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около Божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца; если бы я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы кинулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ «

»Данило!« сказа Катерина закрывъ лицо руками, и рыдая: »я ли виновна въ чемъ передъ тобою? я ли измѣнила тебѣ, мой любый мужъ? чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? невѣрно развѣ служила тебѣ? сказала ли противное слово, когда ты ворочался навеселѣ съ молодецкой пирушки? тебѣ ли не родила черноброваго сына?...«

»Не плачь, Катерина, я тебя теперь знаю и не брошу ни за что! грѣхи всѣ лежатъ на отцѣ твоемъ.«

»Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ не отецъ мнѣ. Богъ

свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ антихристъ, Богоотступникъ! пропадай онъ, тони онъ — не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы — не подамъ воды напиться ему. Ты у меня отецъ мой!«

VI.

Въ глубокомъ подвалѣ у папа Данила, за тремя замками, сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзныя цѣпи; а подалѣ надъ Днѣпромъ горитъ бѣсовскій его замокъ, и алыя, какъ кровь, волны хлебещутъ и толпятся вокругъ старинныхъ стѣнъ. Не за колдовство и не за Богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ — имъ судія Богъ: сидитъ онъ за тайное предательство, за сговоры съ врагами православной Русской земли продать католикамъ Украинскій народъ и выжечь Христіянскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему; а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь его ждетъ: это еще милость, когда сварятъ его живого въ котлѣ, или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ колдунъ поникнулъ головою; можетъ быть, онъ уже и кается передъ смертнымъ часомъ; только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху передъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпями, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ ли его дочь. Она кротка, не памято-злобна, какъ голубка, не умилосердится ли надъ отцомъ... Но никого нѣтъ; внизу бѣжитъ дорога; по ней никто не пройдетъ; пониже ея, гуляетъ Днѣпръ; ему ни до кого нѣтъ дѣла: онъ бушуетъ, и уныло слышитъ колодникъ однозвучный шумъ его.

Вотъ кто-то показался по дорогѣ — это козакъ! И тяжело вздохнулъ узникъ; опять все пусто; вотъ, кто-то вдали спускается... развѣвается зеленый кунтушъ... горитъ на головѣ золотой кораблікъ... Это она! Еще ближе приникнулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко...

»Катерина! дочь! умилосердись, подай милостыню!...«

Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не наведетъ на тюрьму, и уже прошла, и уже скрылась. Пусто во всемъ мірѣ; унывно шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ ли эту грусть колдунъ?

День клонится къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его; уже и вечеръ; свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда то навѣваются звуки: вѣрно гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и веселится: по Днѣпру мелькаетъ лодка... кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ, кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ; это возвращается Катерина.

»Дочь, Христа ради! и свирѣпые волчепята не станутъ рвать свою мать, — дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!«

Она не слушаетъ и идетъ

»Дочь, ради несчастной матери!...«

Она остановилась.

»Приди принять послѣднее мое слово!«

»Зачѣмъ ты зовешь меня, Богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ никакого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?«

»Катерина! мнѣ близокъ конецъ: я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыльему хвосту и пустить по полю, а можетъ еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь...«

»Да развѣ есть на свѣтѣ казнь равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее; никто не станетъ просить за тебя.«

»Катерина! меня не казнь страшитъ, но муки на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина, душа твоя будетъ летать въ раю около Бога; а душа Богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнѣ вѣчномъ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронитъ, ни вѣтеръ не пахнетъ...«

»Этой казни я не властна умолить«, сказала Катерина, отвернувшись.

»Катерина! постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу; ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ; слышала ли

ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣшный человѣкъ, но послѣ покаялся — и сталъ святымъ.«

»Что я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу?« сказала Катерина:« мнѣ ли, слабой женщинѣ, объ этомъ подумать?«

»Если бы мнѣ удалось отсюда выдти, я бы все кинулъ; покаюсь: пойду въ пещеры, надѣну на тѣло жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу; не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! не постелю одежды, когда стану спать! и всё буду молиться, всё молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хоть сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю, или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи, ни питія, и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду.«

Задумалась Катерина. »Хотя я отопру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей.«

»Я не боюсь цѣпей«, началъ онъ: »ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нѣтъ; я напустилъ имъ въ глаза туманъ, и вмѣсто руки, протянулъ сухое дерево; вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи!« сказалъ онъ, выходя на середину: »я бы и стѣнъ этихъ не побоялся и прошелъ бы сквозь нихъ, но мужъ твой и не знаетъ, какія это стѣны; ихъ строилъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывесть колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю.«

»Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманешь?« сказала Катерина, остановившись передъ дверью: »и, вмѣсто того, чтобы покаяться, будешь опять братомъ чорта?«

»Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже недолго остается жить; близокъ и безъ казни мой конецъ. Неужели ты думаешь, что я предамъ себя на вѣчную муку?«

Замки загремѣли. »Прощай! храни тебя Богъ милосердый, дитя мое!« сказалъ колдунъ, поцѣловавъ ее.

»Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ; уходи скорѣе!...« говорила Катерина.

Но его уже не было.

»Я выпустила его«, сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны: »что я стану теперь отвѣчать мужу? Я пропала, мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!« и зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ колодникъ. »Но я спасла душу«, сказала она тихо, »я сдѣлала Богоугодное дѣло; но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О, какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! кто-то идетъ! это онъ! мужъ!« вскрикнула она отчаянно, и безъ чувствъ упала на землю.

VII.

»Это я, моя родная дочь! Это я, мое серденько!« услышала Катерина, очнувшись, и увидѣла передъ собою старую прислужницу. Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала и, протянувъ надъ нею пзсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою.

»Гдѣ я?« гововила Катерина, подымаясь и оглядываясь: »передо мною шумитъ Днѣпръ, за мною горы... Куда завела меня ты, баба?«

»Я тебя не завела, а вывела; вынесла на рукахъ мопхъ изъ душнаго подвала: замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана Данила.«

»Гдѣ же ключъ?« сказала Катерина, поглядывая на свой поясъ. »Я его не вижу.«

»Его отвязалъ мужъ твой, поглядѣть на колдуна, дитя мое.«

»Поглядѣть?... Баба, я пропала!« вскрикнула Катерина.

»Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое! Молчи только, моя панночка, никто ничего не узнаетъ!«

»Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слышала, Катерина, онъ убѣжалъ?« сказалъ панъ Данило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась на боку его. Помертвѣла жена.

»Его выпустилъ кто-нибудь, мой любой мужъ?« проговорила она дрожа.

»Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди, вмѣ-

сто его, бревно заковано въ желѣзо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не боится козачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ моихъ козаковъ, и я бы узналъ... то бы и казни ему не нашелъ!«

»А если бы я?...« невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

»Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой срединѣ Днѣпра!...«

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волосы стали отдѣляться на головѣ ея.

VIII.

На пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались Ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись вѣрно на какой-нибудь наѣздъ: у иныхъ и мушкеты есть; чокаются шпоры, брякаютъ сабли; паны веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ Украинскій своими холопьями, и важно крутятъ усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксензъ вмѣстѣ; только и ксензъ у нихъ на ихъ же стать: и съ виду даже не похожъ на Христіянскаго попа, пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ, и ходятъ козыремъ, какъ будто бы что путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другого по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ драка!... Паны бѣснуются и отпускаютъ штуки: хватаютъ за бороду Жида, малюютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцуютъ краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на Русской землѣ и отъ Татаръ: видно уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышно между общимъ содомомъ, что говорятъ про за-Днѣпровскій хуторъ пана Данилы, про красавицу жену его Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

IX.

Сидитъ панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подперши локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

»Что-то грустно мнѣ, жена моя!« сказалъ панъ Данило: »и голова болитъ у меня, и сердце болитъ; какъ-то тяжко мнѣ! видно гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя.«

»О, мой ненаглядный мужъ! приникни ко мнѣ головою своею! Зачѣмъ ты приголубливаешь къ себѣ такія черныя думы«, подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повинной головѣ, принимать мужнія ласки.

»Слушай, жена моя!« сказалъ Данило: »не оставляй сына, когда меня не будетъ; не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ; тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ; а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!«

»Что говоришь ты, мужъ мой? не ты ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? а теперь самъ говоришь, какъ слабая жена; тебѣ еще долго нужно жить.«

»Нѣтъ, Катерина, чуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтѣ; времена лихія приходятъ. Охъ! помню, помню я годы; имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава нашего войска, старый Конашевичъ! Какъ-будто передъ очами моими проходятъ теперь козацкіе полки! Это было золотое время, Катерина! Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестѣла въ рукѣ булава; вокругъ сердюки; по сторонамъ шевелилось красное море Запорожцевъ. Началъ говорить гетманъ — и все стало, какъ вкопанное. Заплакалъ старичина, какъ зачалъ воспоминать намъ прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если бы ты знала, Катерина, какъ рѣзались мы тогда съ Турками! На головѣ моей видѣнъ и донынѣ рубецъ; четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! дорогіе каменья шапками черпали козаки; какихъ коней, Катерина, если бъ ты знала

какихъ коней мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ, и тѣломъ бодръ, а мечъ казацкій вываливается изъ рукъ, живу безъ дѣла, и самъ не знаю, для чего живу. Порядку нѣтъ въ Украйнѣ: полковники и осаулы грызутся, какъ собаки, между собою, нѣтъ старшей головы надъ всѣми; шляхетство наше все перемѣнило на Польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унію; Жидовство угнетаетъ бѣдный народъ. О время, время! минувшее время! куда подѣвались вы, лѣта мои? Ступай, малый, въ подвалъ, принеси мнѣ кухоль меду! выпью за прежнюю долю и за давніе годы!«

»Чѣмъ будемъ принимать гостей, панъ? Съ луговой стороны идутъ Ляхи!« сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

»Знаю, зачѣмъ идутъ они«, вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста. »Сѣдлайте, мои вѣрные слуги, коней! надѣвайте сбрую! сабли на-голо! не забудьте набрать и свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей!«

Но еще не успѣли козаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже Ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листъ, усѣяли собою гору.

»Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться!« сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ, въ золотой сбруѣ. »Видно, еще разъ доведется намъ погулять на-славу! Натѣшься же, козацкая душа, въ послѣдній разъ! Гуляйте, хлопцы, пришелъ нашъ праздникъ!«

И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ миръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони; отъ крику безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнутъ очи; все перемѣшалось; но козакъ чуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ ли пуля — валится лихой сѣдокъ съ коня; свиснетъ сабля — катится по землѣ голова, бормоча языкомъ несвязныя рѣчи.

Но видѣнъ въ толпѣ красный верхъ козацкой шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ, вихремъ вьется грива вороного коня; какъ птица мелькаетъ онъ тамъ; покрикиваетъ и машетъ Дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча. Рубп, козакъ! гуляй, козакъ! тѣшь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотые сбруи и жупаны: топчи

подъ ноги золото и каменья! коли, козакъ! гуляй, козакъ! но оглянись назадъ: нечестивые Ляхи зажигаютъ уже хаты и угоняютъ напуганный скотъ. И, какъ вихорь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ уже возлѣ хатъ, и рѣдѣетъ вокругъ его толпа.

Не часъ, не другой бьются Ляхи и козаки; немного становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ копьемъ своимъ, топчетъ лихимъ конемъ пѣшихъ. Уже начали разбѣгаться Ляхи; уже обдираютъ козаки съ убитыхъ золотые жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило сбирается въ погоню, и взглянулъ, чтобы созвать своихъ. . и весь закипѣлъ отъ ярости: ему показался Катерининъ отецъ. Вотъ онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо къ нему...Козакъ, на гибель идешь!... Мушкетъ гремитъ — и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался козакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану — лежитъ панъ его, протянувшись на землѣ и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почуялъ вѣрнаго слугу своего; тихо приподнялъ вѣки, блеснулъ очами: »Прощай, Стецько! скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги!« и затихъ. Вылетѣла козацкая душа изъ дворянскаго тѣла; посинѣли уста; спитъ козакъ непробудно.

Зарыдалъ вѣрный слуга и машетъ рукою Катеринѣ: »Ступай, пани, ступай: подгулялъ твой панъ; лежитъ онъ пьянехонекъ на сырой землѣ; долго не протрезвиться ему!«

Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ снопъ, на мертвое тѣло. »Мужъ мой! ты ли лежишь тутъ, закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ, протяни ручку свою! приподымись! погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словечко!... Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный панъ! ты посинѣлъ, какъ Черное море; сердце твое не бьется! Отчего ты такой холодный, мой панъ? видно, не горючи мои слезы, не въ-мочь имъ согрѣть тебя! видно, не громокъ плачъ мой, не разбудить ему тебя! Кто же поведетъ теперь полки твои? кто понесется на твоемъ ворономъ коникѣ? громко загукаетъ и

замашетъ саблей предъ козаками? Козаки, козаки! гдѣ честь и слава ваша! Лежитъ честь и слава ваша, закрывши очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! засыпьте вмѣстѣ съ нимъ! засыпьте мнѣ очи землею! надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!«

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачетъ старый осаулъ Горобець на помощь.

X.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь, и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стекляныхъ водъ, и прибережнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею, — напрасно! нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Спитъ, си-

ній ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, видѣнъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса Дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать козака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на воронomъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливается горючими слезами.

Дико чернѣютъ промежъ ратующими волнами обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется о берегъ, подымаясь вверхъ и опускаясь внизъ, пристающая лодка. Кто изъ козаковъ осмѣлился гулять въ челнѣ, въ то время, когда разсердился старый Днѣпръ? Видно, ему не вѣдомо, что онъ глотаетъ людей, какъ мухъ

Лодка причалила, и вышелъ изъ нея колдунъ. Не веселъ онъ: ему горька тризна, которую свершили козаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Немало поплатились Ляхи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три холопа изрублены въ куски; а остальныхъ вмѣстѣ съ конями угнали въ плѣнъ продать Татарамъ.

По каменнымъ ступенямъ спустился онъ, между обгорѣлыми пнями, внизъ, гдѣ, глубоко въ землѣ, вырыта была у него землянка; тихо вошелъ онъ, не скрыпнувши дверью, поставилъ на столъ, закрытый скатертью, горшокъ и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ кухоль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія.

Показался розовый свѣтъ въ свѣтлицѣ; и страшно было гля-

дѣть тогда ему въ лицо: оно казалось кровавымъ, глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! уже и борода давно посѣдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а всё еще творитъ Богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ съ разпнутымъ ртомъ, не смѣя пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно къ нему въ гости; чѣмъ далѣе, выяснивалось больше и вперило неподвижныя очи. Черты его, брови, глаза, губы, — все не знакомое ему; никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало; а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако также неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало; а невѣдомыя черты еще рѣзче выказывались и острыя очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, несвоимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ... Все пропало.

XI.

»Успокой себя, моя любая сестра!« говорилъ старый осаулъ Горобець: »сны рѣдко говорятъ правду.«

»Прилягъ, сестрица!« говорила молодая его невѣстка: »я позову старуху, ворожею; противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ.«

»Ничего не бойся!« говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю: »никто тебя не обидитъ.«

Насмурно, мутными глазами, глядѣла на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи. »Я сама устроила себѣ погибель; я выпустила его.« Наконецъ она сказала: »Мнѣ нѣтъ отъ него покоя! вотъ уже десять дней я у васъ въ Кіевѣ, а горя ни капли не убилось; думала, буду хоть въ тишинѣ растить на месть сына.... страшенъ, страшенъ привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже сохрани и вамъ уви-

дѣть его! сердце мое до сихъ поръ бьется. »Я зарублю твое дитя,« Катерина!« кричалъ онъ, »если не выйдешь за меня замужъ...« и, зарыдавъ, кинулась она къ колыбели, а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало.

Кипѣлъ и сверкалъ сынъ осаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ осаулъ Горобець: »Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, придти сюда: отвѣдаетъ, бываетъ ли сила въ рукахъ стараго козака Богъ видитъ«, говорилъ онъ, подымая къ верху прозорливыя очи: »не летѣлъ ли я подать руку брату Данилу? Его святая воля! заснулъ уже на холодной постели, на которой много, много улеглось козацкаго народа; зато развѣ не пышна была тризна по немъ? выпустили ли хоть одного Ляха живого? Успокойся же, дитя мое! никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ, ни моего сына.«

Кончивъ слова свои, старый осаулъ пришелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши вшѣвшую на ремнѣ у него въ серебряной оправѣ красную люльку и гаманъ съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось. »По отцу пойдетъ!« сказалъ старый осаулъ, снимая съ себя люльку и отдавая ему: »еще отъ колыбели не осталъ, а ужъ думаетъ курить люльку.«

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провесть ночь вмѣстѣ и, немного погодя, уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только козаки, стоявшіе на сторожѣ. Вдругъ Катерина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ. »Онъ убитъ, онъ зарѣзанъ!« кричала она и кинулась къ колыбели.

Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ.

XII.

Далеко отъ Украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многолюдный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы.

Гора за горою, будто каменными цѣпями, перекидываютъ онѣ вправо и влѣво землю и обковываютъ ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменныя цѣпи въ Валахію и въ Семиградскую область и громадою стали, въ видѣ подковы, между Галичскимъ и Венгерскимъ народомъ. Нѣтъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазъ не смѣетъ оглянуть ихъ; а на вершину иныхъ не заходила и нога человѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимы въ воздухѣ? не оборвались ли съ неба тяжелыя тучи и загромоздили собою землю, ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ? Еще до Карпатскихъ горъ услышишь Русскую молвь, и за горами еще, кой-гдѣ, отзовется какъ-будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та. Живетъ не малолюдный народъ Венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ нехуже козака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижимы они и, какъ зеркало, отдаютъ въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы.

Но кто среди ночи, блещутъ, или не блещутъ звѣзды, ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчьимъ ростомъ скачетъ подъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамъ? Блещутъ чеканенныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шеломъ надвинутъ; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣсницы опущены — онъ спитъ и, сонный, держитъ повода́; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пажъ, и также спитъ, и, сонный, держится за богатыря. Кто онъ, куда, зачѣмъ ѣдетъ? кто его знаетъ! Не день, не два уже онъ переѣзжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его не видно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдетъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту, снова онъ видѣнъ и отдается въ озерахъ, и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взъѣхалъ на Криванъ. Горы этой нѣтъ выше между Карпа-

тами: какъ царь подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустясь, закрыли его.

XIII.

»Тс.... тише, баба! не стучи такъ, дитя мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спитъ. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзныя клещи.... ухъ, какія длинныя! и горятъ, какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! ты украдешь моего сына. Какой безтолковый этотъ осаулъ: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ; нѣтъ, здѣсь и мужъ мой, и сынъ, кто же будетъ смотрѣть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка, ни собака не услышали. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою — это совсѣмъ не трудно: нужно танцовать только, гляди, какъ я танцую....« и, проговоривъ такія несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта, звенѣли серебряныя подковы. Незаплетенныя черныя косы метались по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется на земь, или вылетитъ изъ міра.

Печально стояла старая няня и слезами налились ея глубокія морщины; тяжкій камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою пани.

Уже совѣмъ ослабѣла она и лѣниво топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ горлицу. »А у меня монисто есть, паробки!« сказала она наконецъ, остановившись: »а у васъ нѣтъ!.... Гдѣ мужъ мой?« вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса Турецкій кинжалъ. .»О! это не такой ножъ, какой нужно.« При этомъ и слезы, и тоска показались у нея на лицѣ. »У отца моего далеко сердце; онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ желѣза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ. Что жъ не идетъ отецъ мой? развѣ онъ не знаетъ, что пора зако-

лоть его? Видно, онъ хочетъ, чтобъ я сама пришла...« и, не докончивъ, чудно засмѣялась. »Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребали моего мужа. Вѣдь его живого погребли.... Какой смѣхъ забиралъ меня!... Слушайте, слушайте!« и, вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню:

Біжи́тъ возо̀къ крівáвенький:
Утімъ возку́ коза̀къ лежи́тъ,
Пострíляный, пору́баный,
Въ правій руці дрітòкъ держи́ть,
Съ тогó дрóту крівця̀ біжи́ть;
Біжи́ть рікá крівàвая;
Надъ рíчкою я̀воръ стоíть,
Надъ я́воромъ вòронъ кря́че.
За козакóмъ мàти плáче.
Не плàчь, мáти, не журѝся!
Бо же твій сынъ оженѝвся.
Та взявъ жíнку паня̀ночку,
Въ чи́стімъ пóлі земля̀ночку,
И безъ двéрець, безъ окóнець.
Та вже пíсні ви́йшовъ кóнець.
Танцевáла рыба зъ ракомъ....
А хто менé не полю̀бить, тря́сця ёгó мàтірь!

Такъ перемѣшивались у нея всѣ пѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слышать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжитъ отъ людей, и съ утра до поздняго вечера бродитъ по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плеча; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея — ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяцъ, а уже страшно ходить въ лѣсу: по деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещеныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой крапивѣ; изъ Днѣпровскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воду, какъ-будто-бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу.... она сгорѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы.... Бѣги, крещеный человѣкъ! уста ея — ледъ, постель — холодная вода; она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣ-

ку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, русалокъ, бѣгаетъ поздно съ ножемъ своимъ и пищетъ отца.

Съ раннимъ утромъ пріѣхалъ какой-то гость, статный собою, въ красномъ жупанѣ, и освѣдомляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, утираетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ плечами. Онъ, де, воевалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Бурульбашемъ; вмѣстѣ рубились они съ Крымцами и Турками; ждалъ ли онъ, чтобы такой конецъ былъ пана Данила. Разсказываетъ еще гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть пани Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что̀ говорилъ гость; напослѣдокъ стала, какъ разумная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ про то̀, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ, будто братъ съ братомъ; какъ укрылись разъ подъ греблею отъ Крымцевъ.... Катерина всё слушала и не спускала съ него очей.

»Она отойдетъ!« думали хлопцы, глядя на нее: »этотъ гость вылѣчитъ ее! она уже слушаетъ, какъ разумная!«

Гость началъ разсказывать между-тѣмъ, какъ панъ Данило, въ часъ откровенной бесѣды, сказалъ ему: »Гляди, братъ Копрянъ: когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтѣ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою....«

Страшно вонзила въ него очи Катерина. »А!« вскрикнула она: »это онъ! это отецъ!« и кинулась на него съ ножомъ.

Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у нея ножъ: наконецъ вырвалъ, замахнулся — совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою.

Изумившіеся козаки кинулись было на него; но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропалъ изъ виду.

XIV.

За Кіевомъ показалась неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою поды-

мавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская.

»А то что такое?« допрашивалъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи.

»То Карпатскія горы!« говорили старые люди: »межъ ними есть такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристаютъ и ночуютъ тамъ.«

Тутъ показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы, на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ человѣкъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ видѣнъ, какъ-бы стоялъ вблизи.

Тутъ, межъ дивившимся со страхомъ народомъ, одинъ вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ-будто ища очами, не гонится ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь, погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ перепугался онъ? Со страхомъ вглядѣвшись въ чуднаго рыцаря, узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое, незванное, показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ, и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покамѣсть не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ поворотилъ онъ домой, можетъ быть, допросить нечистую силу, что значитъ такое диво. Уже онъ хотѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣку, выступившую рукавомъ середи дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду, и — чудо, засмѣялся! бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волоса на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ-будто живыя, кивая черными бородами и вытягивая длинныя вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая всѣмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его.

Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ.

XV.

Одиноко сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и досчатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрылъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться.... Вдругъ вбѣжалъ человѣкъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ первый разъ и отступилъ, увидѣвъ такого человѣка. Весь дрожалъ онъ, какъ осиновый листъ; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо.

»Отецъ, молись! молись!« закричалъ онъ отчаянно: »молись о погибшей душѣ!« и грянулся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и, въ ужасѣ, отступилъ назадъ и выронилъ книгу: »Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! нѣтъ тебѣ помилованія! бѣги отсюда! не могу молиться о тебѣ!«

»Нѣтъ?« закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ.

»Гляди: святыя буквы на книгѣ налились кровью.... Еще никогда въ мірѣ не было такого грѣшника!«

»Отецъ! ты смѣешься надо мною!«

»Иди, окаянный грѣшникъ! не смѣюсь я надъ тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть человѣку съ тобою вмѣстѣ!«

»Нѣтъ, нѣтъ! ты смѣешься, не говори.... я вижу, какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ бѣлѣютъ рядами твои старые зубы!...«

И, какъ бѣшеный, кинулся онъ — и убилъ святого схимника.

Что-то тяжко застонало, и стонъ перепесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными когтями: затряслись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Всё чудится ему какъ-то смутно: въ ушахъ шумитъ, въ головѣ шумитъ, какъ-будто отъ хмѣля, и все, что́ ни есть передъ глазами, покрывается какъ-бы паутиною. Вскочивши на коня, поѣхалъ онъ прямо въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкасы направить путь къ Татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная для чего. Ѣдетъ онъ уже

день, другой, а Канева всё нѣтъ. Дорога та самая, пора бы ему уже давно показаться; но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей: но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву, и черезъ день показался городъ; но не Кіевъ, а Галичъ, городъ, еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже недалеко отъ Венгровъ. Не зная, что̀ дѣлать, поворотилъ онъ коня снова назадъ; но чувствуетъ снова, что ѣдетъ въ противную сторону и всё впередъ. Не могъ бы ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ разсказать, что̀ было на душѣ у колдуна; а если бы онъ заглянулъ и увидѣлъ, что̀ тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ, и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтѣ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать конемъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ, и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ, отъ чего. Весь взрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею; а конь всё несся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величіи всадникъ.... Онъ силится остановиться, крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и вдругъ открылъ свои очи, увидѣлъ несшагося къ нему колдуна и засмѣялся. Какъ громъ, разсыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все, что̀ было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ.... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева,

и отъ земли Галичской, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другого выше, одинъ другого костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукѣ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь, и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться отъ земли; но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать — такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а если бы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпатъ, и Семиградскую и Турецкую земли. Немного только подвинулся онъ — и пошло отъ того трясеніе по всей землѣ, и много поопрокидывалось вездѣ хатъ, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ-будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: то, въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человѣкъ, страшащійся проходить мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца до другого: то оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то, близъ моря, гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горящія рѣки. Но старики, которые живутъ и въ Венгріи, и въ Галичской землѣ, лучше знаютъ это и говорятъ, что то хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ, и трясетъ землю.

XVI.

Въ городѣ Глуховѣ собрался народъ около старца бандуриста, и уже съ-часъ слушалъ, какъ слѣпецъ игралъ на бандурѣ. Еще такихъ чудныхъ пѣсенъ и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетманщину за Сагайдачнаго и Хмѣльницкаго. Тогда иное было время: козачество было въ славѣ, топтало конями непріятелей, и никто не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣлъ и веселыя пѣсни старецъ и поважи-валъ своими очами на народъ, какъ-будто зрящій; а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали, какъ муха, по струнамъ

и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, старые люди понуривъ головы, а молодые поднявъ очи на старца, не смѣли и шептать между собою.

Постойте, сказалъ старецъ, я вамъ запою про-одно давнее дѣло. Народъ сдвинулея еще тѣснѣе, и слѣпецъ запѣлъ:

»За пана Степана, князя Седмиградскаго (былъ князь Седмиградскій королемъ и у Ляховъ) жило два козака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. »Гляди, Иванъ, все, что̀ »ни добудешь — все пополамъ: когда кому веселье, веселье и »другому; когда кому горе — горе и обоимъ; когда кому добыча — »пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ — другой про»дай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ « И правда, все, что̀ ни доставали козаки, все дѣлили пополамъ: угоняли ли чужой скотъ, или коней, все дѣлили пополамъ.

* * *

»Воевалъ король Степанъ съ Турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ Турчиномъ, а всё не можетъ его выгнать. А у Турчина былъ паша такой, что самъ съ десятью янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему пашу живого, или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько даетъ на все войско. »Пойдемъ, братъ, ловить пашу!« сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали козаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

* * *

»Поймалъ ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже Иванъ ведетъ пашу арканомъ за шею къ самому королю. »Бравый молодецъ!« сказалъ король Степанъ, и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвесть ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вы-

несть того, что Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

* * *

»Ѣхали оба рыцаря на жалованную королемъ землю, за Карпатъ. Посадилъ козакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязавъ его къ себѣ. Уже настали сумерки — они всё ѣдутъ. Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, козакъ, по горамъ дороги опасныя!.. Но у казака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не споткнется и не оступится. Есть между горами провалъ, въ провалѣ дна никто не видалъ; сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. Но надъ самымъ проваломъ дорога — два человѣка еще могутъ проѣхать, а трое ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ казакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго брата въ провалъ; и конь съ казакомъ и младенцемъ полетѣли въ провалъ.

* * *

»Ухватился, однакожъ, козакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ онъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ; не много уже не добрался, поднялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. »Боже ты »мой, праведный! лучше бъ мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, »какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!.. »Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написа»но на роду; но возьми сына: чѣмъ невинный младенецъ виноватъ, »чтобы ему пропасть такою лютою смертью?« Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, козакъ съ младенцемъ полетѣлъ на дно. Забралъ себѣ Петро все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

* * *

»Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. »Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ!« сказалъ Богъ. »Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты »самъ ему казнь!« Долго думалъ Иванъ, вымышляя казнь, и наконецъ сказалъ: »Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ »своего брата, какъ Іуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и »потомства на землѣ. А человѣкъ безъ честнаго рода и потомства, »что хлѣбное сѣмя, кинутое въ землю и пропавшее даромъ въ »землѣ. Всходу нѣтъ — никто и не узнаетъ, что кинуто было »сѣмя.

* * *

»Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло »на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, »какого еще и не бывало на свѣтѣ! и отъ каждаго его злодѣйства, »чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ и, »терия муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А »Іуда Петро, чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того тер»пѣлъ бы муку еще горшую; и ѣлъ бы, какъ бѣшеный, землю, и »корчился бы подъ землею.

* * *

»И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, »подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую »гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы »въ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣ»ды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ раз»ныхъ сторонъ земли грызть его, за тѣ муки, что онъ наносилъ »имъ и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его »муки! А Іуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы »рвался грызть и себѣ, но грызъ бы самого себя, а кости его рас»ли бы чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе стано»вилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная; ибо »для человѣка нѣтъ большей муки, какъ хотѣть отмстить, и не »мочь отмстить.«

* * *

»Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!« сказалъ Богъ: »пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ: но и ты сиди вѣчно »тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, по»камѣсть ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!« И то все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь, и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ ростетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю...«

Уже слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталъ перебирать струны; уже сталъ пѣть смѣшныя присказки про Хому и Ерему, про Стекляра Стокозу... но старые и малые всё еще не думали очнуться и долго стояли, потупивъ головы, раздумывая о страшномъ, въ старину случившемся дѣлѣ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА и ЕГО ТЕТУШКА.

Съ этой исторіей случилась исторія: намъ разсказывалъ ее пріѣзжавшій изъ Гадяча Степанъ Ивановичъ Курочка. Нужно вамъ знать, что память у меня, не возможно сказать, что̀ за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. То же самое, что̀ въ рѣшето воду лей. Зная за собою такой грѣхъ, нарочно просилъ его списать ее въ тетрадку. Ну, дай Богъ ему здоровья, человѣкъ онъ былъ всегда добрый для меня, взялъ и списалъ. Положилъ я ее въ маленькій столикъ; вы, думаю, его хорошо знаете: онъ стоитъ въ углу, когда войдешь въ дверь... Да, я и позабылъ, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, съ которой живу уже лѣтъ тридцать вмѣстѣ, грамотѣ съ роду не училась, — нечего и грѣха таить. Вотъ замѣчаю я, что она пирожки печетъ на какой-то бумагѣ. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печетъ; лучшихъ пирожковъ вы нигдѣ не будете ѣсть. Посмотрѣлъ какъ-то на сподку пирожка — смотрю: писанныя слова. Какъ-будто сердце у меня знало: прихожу къ столику — тетрадки и половины нѣтъ! Остальные листки всѣ растаскала на пироги. Что̀ прикажешь дѣлать? на старости лѣтъ не подраться же! Прошлый годъ случилось проѣзжать чрезъ Гадячъ; нарочно еще, не доѣзжая города, завязалъ узелокъ, чтобы не забыть попросить объ этомъ Степана Ивановича. Этого мало: взялъ обѣщаніе съ самого себя — какъ только чихну

въ городъ, то чтобы при этомъ вспомнить о немъ. Все напрасно. Проѣхалъ чрезъ городъ, и чихнулъ, и высморкался въ платокъ, а всё позабылъ; да уже вспомнилъ, какъ верстъ за шесть отъѣхалъ отъ заставы. Нечего дѣлать, пришлось печатать безъ конца. Впрочемъ, если кто желаетъ непремѣнно знать, о чемъ говорится далѣе въ этой повѣсти, то ему стоитъ только нарочно пріѣхать въ Гадячъ и попросить Степана Ивановича. Онъ съ большимъ удовольствіемъ разскажетъ ее, хоть, пожалуй, снова отъ начала до конца. Живетъ онъ недалеко возлѣ каменной церкви. Тутъ есть сейчасъ маленькій переулокъ: какъ только поворотишь въ переулокъ, то будутъ вторыя или третьи ворота. Да вотъ лучше: когда увидите на дворѣ большой шестъ съ перепеломъ, и выйдетъ на встрѣчу вамъ толстая баба въ зеленой юбкѣ (онъ, не мѣшаетъ сказать, ведетъ жизнь холостую), то это его дворъ. Впрочемъ, вы можете его встрѣтить на базарѣ, гдѣ бываетъ онъ каждое утро до девяти часовъ, выбираетъ рыбу и зелень для своего стола и разговариваетъ съ отцомъ Антиномъ, или съ Жидомъ-откупщикомъ. Вы его тотчасъ узнаете, потому что ни у кого нѣтъ, кромѣ него, панталонъ изъ цвѣтной выбойки и китайчатаго желтаго сюртука. Вотъ вамъ еще примѣта: когда ходитъ онъ, то всегда размахиваетъ руками. Еще покойный тамошній засѣдатель, Денисъ Петровичъ, всегда бывало, увидѣвши его издали, говорилъ: »Глядите, глядите, вонъ идетъ вѣтряная мельница!«

I.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА.

Уже четыре года, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ отставкѣ и живетъ въ хуторѣ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ Гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ, и надобно сказать, что былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель Россійской грамматики, Никифоръ Тимофѣевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что если бы всѣ у него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облинеенная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ, сидѣвшему впереди его товарищу, на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ *тѣсной бабы*. Когда кому нужда была въ ножикѣ очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Ѳедоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Ѳедоровичъ, тогда еще просто Ванюша, вынималъ его изъ небольшого кожанаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остріемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя Латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ страшный учитель, у котораго на кафедрѣ всегда лежало два пучка розогъ и половина слушателей стояла на колѣняхъ, сдѣлалъ Ивана Ѳедоровича аудиторомъ, не смотря на то, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями.

Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ ввѣренныхъ ему учениковъ, чтобы

склонить своего аудитора написать ему въ спискѣ *scil*, тогда, какъ онъ своего урока въ зубъ не зналъ, принесъ въ классъ завернутый въ бумагу облитый масломъ блинъ. Иванъ Ѳедоровичъ хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію: взялъ блинъ, поставилъ передъ собою книгу и началъ ѣсть, и такъ былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная рука, протянувшись изъ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса. »Подай сюда блинъ! подай, говорятъ тебѣ, негодяй!« сказалъ грозный учитель, схватилъ пальцами масляный блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ бѣгавшимъ по двору школьникамъ поднимать его. Послѣ этого тутъ же высѣкъ онъ пребольно Ивана Ѳедоровича по рукамъ, — и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе. Можетъ быть, это самое происшествіе было причиною того, что онъ не имѣлъ никогда желанія вступить въ штатскую службу, видя на опытѣ, что не всегда удается хоронить концы.

Было уже безъ малаго пятнадцать лѣтъ ему, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но, увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ.

П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки и, не смотря на то, что онъ большею частію стоялъ по деревнямъ, онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ иному и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать Жидовъ за пейсики нехуже гусаровъ; нѣсколько человѣкъ даже танцовали мазурку, и полковникъ П*** полка никогда не упускалъ случая замѣтить объ этомъ, разговаривая съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ. »У меня-съ«, говорилъ онъ обыкновенно, трепля себя по брюху послѣ каждаго слова:

»многіе пляшутъ-съ мазурку; весьма многіе-съ, очень многіе-съ.« Чтобы еще болѣе показать читателямъ образованность П*** нѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, что̀ не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать.

Обхожденіе съ такими товарищами, однакоже, ни чуть не уменьшило робости Ивана Ѳедоровича; и такъ какъ онъ не пилъ вымороэокъ, предпочитая имъ рюмку водки предъ обѣдомъ и ужиномъ, не танцовалъ мазурки и не игралъ въ банкъ, то, натурально, долженъ былъ всегда оставаться одинъ. Такимъ образомъ, когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ по мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя въ своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на постели.

Зато не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ полку, и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. Зато въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики.

Въ продолженіе этого времени онъ получилъ извѣстіе, что матушка скончалась, а тетушка, родная сестра матушки, которую онъ зналъ только потому, что она привозила ему въ дѣтствѣ и посылала даже въ Гадячъ сушеныя груши и дѣланные ею самою превкусные пряники (съ матушкой она была въ ссорѣ, и потому Иванъ Ѳедоровичъ послѣ не видалъ ея) — эта тетушка, по своему добродушію, взялась управлять небольшимъ его имѣніемъ, о чемъ извѣстила его въ своѐ время письмомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ, будучи совершенно увѣренъ въ благоразуміи тетушки, началъ по прежнему исполнять свою службу. Иной на его мѣстѣ, получивши такой чинъ, возгордился бы; но гордость совершенно была ему непзвѣстна, и, сдѣлавшись поручикомъ, онъ былъ тотъ же самый Иванъ Ѳедоровичъ, какимъ былъ нѣкогда и въ прапорщичьемъ чинѣ. Пробывъ четыре года послѣ этого замѣчательнаго для него событія, онъ готовился выступить вмѣ-

стѣ съ полкомъ изъ Могилевской губерніи въ Великороссію, какъ получилъ письмо такого содержанія :

»Любезный племянникъ, Иванъ Ѳедоровичъ !

»Посылаю тебѣ бѣлье — пять паръ питяныхъ карпетокъ и четыре рубашки тонкаго холста; да еще хочу поговорить съ тобою о дѣлѣ : такъ какъ ты уже имѣешь чинъ немаловажный, что̀, думаю, тебѣ извѣстно, и пришелъ въ такія лѣта, что пора и хозяйствомъ позаняться, то въ воинской службѣ тебѣ нѐ за чѣмъ болѣе служить. Я уже стара и не могу всего присмотрѣть въ твоемъ хозяйствѣ; да и дѣйствительно, многое притомъ имѣю тебѣ открыть лично. Пріѣзжай, Ванюша! въ ожиданіи подлиннаго удовольствія тебя видѣть, остаюсь многолюбящая твоя тетка

»Василиса Цуичевьска.

»Чудная въ огородѣ у насъ выросла рѣпа : больше похожа на картофель, чѣмъ на рѣпу.«

Черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма, Иванъ Ѳедоровичъ написалъ такой отвѣтъ :

»Милостивая государыня, тетушка, Василиса Кашпоровна!

»Много благодарю васъ за присылку бѣлья. Особенно карпетки у меня очень старыя, что даже деньщикъ штопалъ ихъ четыре раза, и очень отъ того стали узкія. На-счетъ вашего мнѣнія о моей службѣ, я совершенно согласенъ съ вами, и третьяго дня подалъ отставку. А какъ только получу увольненіе, то найму извощика. Прежней вашей коммиссіи, на счетъ сѣменъ пшеницы, Сибирской арнаутки, не могъ исполнить: во всей Могилевской губерніи нѣтъ такой. Свиней же здѣсь кормятъ большею частію брагой, подмѣшивая немного выгравшагося пива.

»Съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивая государыня тетушка, пребываю племянникомъ

»Иваномъ Шпонькою.«

Наконецъ Иванъ Ѳедоровичъ получилъ отставку, съ чиномъ поручика, нанялъ за сорокъ рублей Жида отъ Могилева до Гадяча и сѣлъ въ кибитку въ то самое время, когда деревья одѣлись молодыми, еще рѣдкими листьями, вся земля ярко зазеленѣла свѣжею зеленью и по всему полю пахло весною.

II

ДОРОГА.

Въ дорогѣ ничего не случилось слишкомъ замѣчательнаго. Ѣхали съ небольшимъ двѣ недѣли. Можетъ быть, еще и этого скорѣе пріѣхалъ бы Иванъ Ѳедоровичъ, но набожный Жидъ шабашовалъ по субботамъ и, накрывшись своею попоной, молился весь день. Впрочемъ Иванъ Ѳедоровичъ, какъ уже имѣлъ я случай замѣтить прежде, былъ такой человѣкъ, который не допускалъ къ себѣ скуки. Въ то время развязывалъ онъ чемоданъ, вынималъ бѣлье, разсматривалъ его хорошенько: такъ ли вымыто, такъ ли сложено; снималъ осторожно пушокъ съ новаго мундира, сшитаго уже безъ погончиковъ, и снова все это укладывалъ наилучшимъ образомъ. Книгъ онъ, вообще сказать, не любилъ читать; а если заглядывалъ иногда въ гадательную книгу, такъ это потому, что любилъ встрѣчать тамъ знакомое, читанное уже нѣсколько разъ. Такъ городской житель отправляется каждый день въ клубъ, не для того, чтобы услышать тамъ что-нибудь новое, но чтобы встрѣтить тѣхъ пріятелей, съ которыми онъ уже съ незапамятныхъ временъ привыкъ болтать въ клубѣ. Такъ чиновникъ съ большимъ наслажденіемъ читаетъ адресъ-календарь по нѣскольку разъ въ день, не для какихъ-нибудь дипломатическихъ затѣй, но его тѣшитъ до крайности печатная роспись именъ. »А! Иванъ Гавриловичъ такой-то!« повторяетъ онъ глухо про-себя. »А! вотъ и я! гм!...« и на слѣдующій разъ снова перечитываетъ его съ тѣми же восклицаніями.

Послѣ двухъ-недѣльной ѣзды, Иванъ Ѳедоровичъ достигнулъ деревушки, находившейся во ста верстахъ отъ Гадяча. Это было въ пятницу. Солнце давно уже зашло, когда онъ въѣхалъ съ кибиткою и съ Жидомъ на постоялый дворъ.

Этотъ постоялый дворъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, выстроенныхъ по небольшимъ деревушкамъ. Въ нихъ, обыкновенно, съ большимъ усердіемъ подчуютъ путешественника сѣномъ и овсомъ, какъ-будтобы онъ былъ почтовая лошадь. Но если бы

онъ захотѣлъ позавтракать, какъ обыкновенно завтракаютъ порядочные люди, то сохранилъ бы въ ненарушимости свой аппетитъ до другого случая. Иванъ Ѳедоровичъ, зная все это, заблаговременно запасся двумя вязками бубликовъ и колбасою и, спросивши рюмку водки, въ которой не бываетъ недостатка ни на одномъ постояломъ дворѣ, началъ свой ужинъ, усѣвшись на лавкѣ передъ дубовымъ столомъ, неподвижно вкопаннымъ въ глиняный полъ.

Въ продолженіе этого времени послышался стукъ брички. Ворота заскрыпѣли; но бричка долго не въѣзжала на дворъ. Громкій голосъ бранился со старухою, содержавшею трактиръ. »Я въѣду«, услышалъ Иванъ Ѳедоровичъ; »но если хоть одинъ клопъ укуситъ меня въ твоей хатѣ, то прибью, ей Богу прибью, старая колдунья! и за сѣно ничего не дамъ!«

Минуту спустя, дверь отворилась, и вошелъ, или, лучше сказать, влѣзъ толстый человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ. Голова его неподвижно покоилась на короткой шеѣ, которая казалась еще толще отъ двухъ-этажнаго подбородка. Казалось, и съ-виду онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не ломали никогда головы надъ пустяками, и которыхъ вся жизнь катилась по маслу.

»Желаю здравствовать, милостивый государь!« проговорилъ онъ, увидѣвши Ивана Ѳедоровича.

Иванъ Ѳедоровичъ безмолвно поклонился.

»А позвольте спросить; съ кѣмъ имѣю честь говорить?« продолжалъ толстый пріѣзжій,

При такомъ допросѣ Иванъ Ѳедоровичъ невольно поднялся съ мѣста и сталъ въ вытяжку, что̀ обыкновенно онъ дѣлывалъ, когда спрашивалъ его о чемъ полковникъ. »Отставной поручикъ, Иванъ Ѳедоровъ Шпонька«, отвѣчалъ онъ.

»А смѣю ли спросить, въ какія мѣста изволите ѣхать?«

»Въ собственный хуторъ-съ, Вытребе́ньки.«

»Вытребе́ньки!« воскликнулъ строгій допрощикъ. »Позвольте, милостивый государь, позвольте!« говорилъ онъ, подступая къ нему и размахивая руками, какъ-будтобы кто-нибудь его не допускалъ, или онъ продирался сквозь толпу, и, приблизившись,

принялъ Ивана Ѳедоровича въ объятія и облобызалъ сначала въ правую, потомъ въ лѣвую, и потомъ снова въ правую щеку. Ивану Ѳедоровичу очень понравилось это лобызаніе, потому что губы его приняли большія щеки незнакомца за мягкія подушки. »Позвольте, милостивый государь, познакомиться!« продолжалъ толстякъ: »я помѣщикъ того же Гадячскаго повѣта и вашъ сосѣдъ; живу отъ хутора вашего Вытребе́ньки не дальше пяти верстъ, въ селѣ Хортыщѣ; а фамилія моя Григорій Григорьевичъ Сторченко. Непремѣнно, непремѣнно, милостивый государь, и знать васъ не хочу, если не пріѣдете въ-гости въ село Хортыще. Я теперь спѣшу по надобности... А что̀ это?« проговорилъ онъ кроткимъ голосомъ вошедшему своему жокею, мальчику въ козацкой свиткѣ, съ заплатанными локтями, съ недоумѣвающею миною ставившему на столъ узлы и ящики. »Что̀ это? что̀?« и голосъ Григорія Григорьевича незамѣтно дѣлался грознѣе. »Развѣ я это сюда велѣлъ ставить тебѣ, любезный? Развѣ я это сюда говорилъ ставить тебѣ, подлецъ? Развѣ я не говорилъ тебѣ, напередъ разогрѣть курицу, мошенникъ? пошелъ!« вскрикнулъ онъ, топнувъ ногою. »Постой, рожа! гдѣ погребецъ со штофиками? Иванъ Ѳедоровичъ!« говорилъ онъ, наливая рюмку настойки: »прошу покорно лекарственной!«

»Ей Богу-съ, не могу... я уже имѣлъ случай...« проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ запинкою.

»И слушать не хочу, милостивый государь!« возвысилъ голосъ помѣщикъ: »и слушать не хочу! съ мѣста не сойду, покамѣсть не выкушаете...«

Иванъ Ѳедоровичъ, увидѣвши, что нельзя отказаться, не безъ удовольствія выпилъ.

»Это курица, милостивый государь«, продолжалъ толстый Григорій Григорьевичъ, разрѣзывая ее ножомъ въ деревяномъ ящикѣ. »Надобно вамъ сказать, что повариха моя, Явдоха, иногда любитъ куликнуть и отъ того часто пересушиваетъ. Эй, хлопче!« тутъ оборотился онъ къ мальчику въ козацкой свиткѣ, принесшему перину и подушки: »постели постель мнѣ на полу посереди хаты! Смотри же, сѣна повыше наклади подъ подушку! да выдерни у бабы изъ мычки клочокъ пеньки заткнуть мнѣ уши на ночь!

Надобно вамъ знать, милостивый государь, что я имѣю обыкновеніе затыкать на ночь уши съ того проклятаго случая, когда въ одной Русской корчмѣ залѣзъ мнѣ въ лѣвое ухо тараканъ. Проклятые кацапы, какъ я послѣ узналъ, ѣдятъ даже ищи съ тараканами. Невозможно описать, что происходило со мною: въ ухѣ такъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ... ну, хоть на стѣну! Мнѣ помогла уже въ нашихъ мѣстахъ простая старуха, и чѣмъ бы вы думали? просто, зашептываніемъ. Что вы скажите, милостивый государь, о лѣкаряхъ? Я думаю, что они, просто, морочатъ и дурачатъ насъ: иная старуха въ двадцать разъ лучше знаетъ всѣхъ этихъ лѣкарей.«

»Дѣйствительно, вы позволите говорить совершенную-съ правду. Иная точно бываетъ...« Тутъ онъ остановился, какъ-бы не прибирая далѣе приличнаго слова. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще не былъ щедръ на слова. Можетъ быть, это происходило отъ робости, а можетъ, и отъ желанія выразиться краснѣе.

»Хорошенько, хорошенько перетряси сѣно!« говорилъ Григорій Григорьевичъ своему лакею: »тутъ сѣно такое гадкое, что, того и гляди, какъ-нибудь попадетъ сучокъ. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже не увидимся: я выѣзжаю до зари. Вашъ Жидъ будетъ шабашевать, потому что завтра суббота, такъ вамъ нечего и вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать васъ не хочу, когда не пріѣдете въ село Хортыще.«

Тутъ каммердинеръ Григорья Григорьевича стащилъ съ него сюртукъ и сапоги, натянувъ на него вмѣсто того халатъ, и Григорій Григорьевичъ повалился на постель, и казалось, огромная перина легла на другую.

»Эй, хлопче! куда же ты, подлецъ? поди сюда, поправь мнѣ одѣяло! Эй, хлопче, подмости подъ голову сѣна! Да что, коней уже напоили? Еще сѣна! сюда, подъ этотъ бокъ! да поправь, подлецъ, хорошенько одѣяло! Вотъ такъ, еще! охъ!...«

Тутъ Григорій Григорьевичъ еще вздохнулъ раза два и пустилъ страшный посовой свистъ по всей комнатѣ, всхрапывая повременамъ такъ, что дремавшая на лежанкѣ старуха, пробудив-

шись, вдругъ смотрѣла въ оба глаза на всѣ стороны; но, не видя ничего, успокоивалась и засыпала снова.

На другой день, когда проснулся Иванъ Ѳедоровичъ, толстаго помѣщика уже не было. Это было одно только замѣчательное происшествіе, случившееся съ нимъ на дорогѣ. На третій день послѣ того приближался онъ къ своему хуторку.

Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилось, когда выглянула, махая крыльями, вѣтряная мельница, и когда, по мѣрѣ того, какъ Жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блестѣлъ сквозь нихъ прудъ и дышалъ свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался; въ этомъ самомъ прудѣ онъ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками. Кибитка взъѣхала на греблю, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони и черешни, по которымъ онъ когда-то украдкою лазилъ. Только-что въѣхалъ онъ во дворъ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурыя, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадямъ, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ; одна, стоя возлѣ кухни и накрывъ лапою кость, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ-бы приговаривая: »Посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человѣкъ!« Мальчишки, въ заначканныхъ рубашкахъ, бѣжали глядѣть. Свинья, прохаживавшаяся по двору съ шестнадцатью поросятами, подняла вверхъ съ испытующимъ видомъ свое рыло и хрюкала громче обыкновеннаго. На дворѣ лежало на землѣ множество рядень съ пшеницею, просомъ и ячменемъ, сушившимися на солнцѣ. На крышѣ тоже немало сушилось разнаго рода травъ: Петровыхъ батоговъ, нечуй-вѣтра, и другихъ.

Иванъ Ѳедоровичъ такъ былъ занятъ разсматриваніемъ этого, что очнулся тогда только, когда пѣгая собака укусила слѣзавшаго съ козелъ Жида за икру. Сбѣжавшаяся дворня, состоящая изъ поварихи, одной бабы и двухъ дѣвокъ въ шерстяныхъ исподницахъ, послѣ первыхъ восклицаній: »*та сежъ панычь нашъ!*« объявила, что тетушка садила въ огородѣ пшеничку, вмѣстѣ съ

дѣвкою Палáжкою и кучеромъ Омéлькомъ, исправлявшимъ часто должность огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще издали завидѣла рогожную кибитку, была уже здѣсь. И Иванъ Ѳедоровичъ изумился, когда она почти подняла его на рукахъ, какъ-бы не довѣряя, та ли это тетушка, которая писала къ нему о своей дряхлости и болѣзни.

III.

ТЕТУШКА.

Тетушка Васплиса Кашпаровна въ это время имѣла лѣтъ около пятидесяти. За-мужемъ она никогда не была и, обыкновенно, говорила, что жизнь дѣвическая для нея дороже всего. Впрочемъ, сколько мнѣ помнится, никто и не сваталъ ея. Это происходило оттого, что всѣ мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никакъ не имѣли духу сдѣлать ей признаніе. »Весьма съ большимъ характеромъ Васплиса Кашпаровна!« говорили женихи, и были совершенно правы, потому что Васплиса Кашпаровна хоть кого умѣла сдѣлать тише травы. Пьяницу мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она, собственною своею мужественною рукою, дергая каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ. Ростъ она имѣла почти исполинскій, дородность и силу совершенно соразмѣрную. Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый по будням капотъ съ мелкими сборками и красную Кашемировую шаль въ день Свѣтлаго Воскресенья и своихъ именинъ, тогда какъ ей болѣе всего шли бы драгунскіе усы и длинные ботфорты. Зато занятія ея совершенно соотвѣтствовали ея виду: она каталась сама на лодкѣ, гребя весломъ искуснѣе всякаго рыболова; стрѣляла дичь; стояла неотлучно надъ косарями; знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на баштанѣ; брала пошлину до пяти копѣекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ ея греблю; взлѣзала на дерево и трясла груши; била лѣнивыхъ вассаловъ своею страшною

рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она бранилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квасъ, варила медовое варенье и хлопотала во весь день и вездѣ поспѣвала. Слѣдствіемъ этого было то, что маленькое имѣньице Ивана Ѳедоровича, состоявшее изъ осьмнадцати душъ по послѣдней ревизіи, процвѣтало въ полномъ смыслѣ слова. Къ тому жъ она слишкомъ горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копѣйку.

По пріѣздѣ домой, жизнь Ивана Ѳедоровича рѣшительно измѣнилась и пошла совершенно другою дорогою. Казалось, натура именно создала его для управленія осьмнадцати-душнымъ имѣніемъ. Сама тетушка замѣтила, что онъ будетъ хорошимъ хозяиномъ, хотя впрочемъ не во всѣ еще отрасли хозяйства позволяла ему вмѣшиваться. »*Воно́ ще молода́ дыти́на!*« обыкновенно она говаривала, не смотря на то, что Ивану Ѳедоровичу было безъ малаго сорокъ лѣтъ: »гдѣ ему все знать!«

Однакожъ онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это доставляло наслажденіе неизъяснимое его кроткой душѣ: единодушный взмахъ десятка и болѣе блестящихъ косъ: шумъ падающей стройными рядами травы; изрѣдка заливающіяся пѣсни жницъ, то веселыя, какъ встрѣча гостей, то заунывныя, какъ разлука; спокойный, чистый вечеръ, — и что́ за вечеръ! какъ воленъ и свѣжъ воздухъ! какъ тогда оживлено все: степь краснѣетъ, синѣетъ и горитъ цвѣтами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насѣкомыхъ; отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ и вдругъ стройный хоръ; и все не молчитъ ни на минуту; а солнце садится и кроется. У! какъ свѣжо и хорошо! По полю, то тамъ, то тамъ, раскладываются огни и ставятъ котлы, и вкругъ котловъ садятся усатые косари; паръ отъ галушекъ несется, сумерки сѣрѣютъ... Трудно разсказать, что́ дѣлалось тогда съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ забывалъ, присоединясь къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ недвижимо на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку, или считая копы нажатаго хлѣба, уплывшія поле.

Въ непродолжительномъ времени объ Иванѣ Ѳедоровичѣ вездѣ пошли рѣчи, какъ о великомъ хозяинѣ. Тетушка не могла нара-

доваться своимъ племянникомъ и никогда не упускала случая имъ похвастаться. Въ одинъ день, это было уже по окончаніи жатвы и именно въ концѣ іюля, Василиса Кашпаровна, взявши Ивана Ѳедоровича съ таинственнымъ видомъ за руку, сказала, что она теперь хочетъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое съ давнихъ поръ уже ее занимаетъ.

»Тебѣ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ«, такъ она начала, »извѣстно, что въ твоемъ хуторѣ осьмнадцать душъ, впрочемъ это по ревизіи, а безъ того, можетъ, наберется больше, можетъ, будетъ до двадцати четырехъ. Но не объ этомъ дѣло: ты знаешь тотъ лѣсокъ, что за нашею левадою, и, вѣрно, знаешь за тѣмъ же лѣсомъ широкій лугъ: въ немъ двадцать безъ малаго десятинъ; а травы столько, что можно каждый годъ продавать больше чѣмъ на сто рублей, особенно, если, какъ говорятъ, въ Гадячѣ будетъ конный полкъ.«

»Какъ же-съ, тетушка, знаю: трава очень хорошая.«

»Это я сама знаю, что очень хорошая; но знаешь ли ты, что вся эта земля, по настоящему, твоя? Что жъ ты такъ выпучилъ глаза? Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что я говорю: »помнишь!« ты тогда былъ такимъ маленькимъ, что не могъ выговорить даже его имени. Куда жъ! я помню, когда пріѣхала на самое пущенье, передъ Филипповкою, и взяла было тебя на руки, ты чуть не испортилъ мнѣ всего платья; къ счастію, что успѣла передать тебя мамкѣ Матренѣ; такой ты тогда былъ гадкій!... Но не объ этомъ дѣло: вся земля, которая за нашимъ хуторомъ, и самое село Хортыще, было Степана Кузьмича. Онъ, надобно тебѣ объявить, еще тебя не было на свѣтѣ, какъ началъ ѣздить къ твоей матушкѣ, — правда, въ такое время, когда отца твоего не бывало дома. Но я, однакожъ, это не въ укоръ ей говорю, упокой Господи ея душу! хотя покойница была всегда неправа противъ меня. Но не объ этомъ дѣло: какъ бы то ни было, только Степанъ Кузьмичъ сдѣлалъ тебѣ дарственную запись на то самое имѣніе, о которомъ я тебѣ говорила. Но покойница, твоя матушка, между нами будь сказано, была пречуднаго нрава. Самъ чортъ (Господи, прости меня за это гадкое слово!) не могъ бы понять ее. Куда она дѣла эту запись — одинъ Богъ

знаетъ. Я думаю, просто, что она въ рукахъ этого стараго холостяка, Григорія Григорьевича Сторченка. Этой пузатой шельмѣ досталось все его имѣніе. Я готова ставить, Богъ знаетъ что̀, если онъ не утаплъ записи.«

»Позвольте-съ доложить, тетушка : не тотъ ли это Сторченко, съ которымъ я познакомился на станціи?« Тутъ Иванъ Ѳедоровичъ разсказалъ про свою встрѣчу.

»Кто его знаетъ!« отвѣчала, немного подумавъ, тетушка : »можетъ быть, онъ и не негодяй. Правда, онъ, всего только полгода, какъ переѣхалъ къ намъ жить ; въ такое время человѣка не узнаешь. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина, и говорятъ, большая мастерица солить огурцы ; ковры собственныя дѣвки ея умѣютъ отлично хорошо выдѣлывать. Но такъ какъ ты говоришь, что онъ тебя хорошо принялъ, поѣзжай къ нему : можетъ быть, старый грѣшникъ послушается совѣсти и отдастъ, что̀ принадлежитъ не ему. Пожалуй, можешь поѣхать и въ бричкѣ, только проклятая дитвора́ повыдергала сзади всѣ гвозди ; нужно будетъ сказать кучеру Омелькѣ, чтобы прибилъ вездѣ получше кожу.«

»Для чего, тетушка? я возьму повозку, въ которой вы ѣздите иногда стрѣлять дичь.«

Этимъ кончился разговоръ.

IV.

ОБѢДЪ.

Въ обѣденную пору Иванъ Ѳедоровичъ въѣхалъ въ село Хортыще и немного оробѣлъ, когда сталъ приближаться къ господскому дому. Домъ этотъ былъ длинный и не подъ очеретяною, какъ у многихъ окружныхъ помѣщиковъ, но подъ деревяною крышею. Два амбара на дворѣ тоже подъ деревяною крышею; ворота дубовыя. Иванъ Ѳедоровичъ похожъ былъ на того франта, который, заѣхавъ на балъ, видитъ всѣхъ, куда ни оглянется, одѣтыхъ щеголеватѣе его. Изъ почтенія онъ остановилъ свой возокъ возлѣ амбара и подошелъ пѣшкомъ къ крыльцу.

»А! Иванъ Ѳедоровичъ!« закричалъ толстый Григорій Григорьевичъ, ходившій по двору въ сюртукѣ, но безъ галстуха, жилета и подтяжекъ, однакожъ и этотъ нарядъ, казалось, обременялъ его тучную ширину, потому что потъ катился съ него градомъ. »Что жъ вы говорили, что сейчасъ, какъ только увидитесь съ тетушкой, пріѣдете, да и не пріѣхали?« Послѣ этихъ словъ, губы Ивана Ѳедоровича встрѣтили тѣ же самыя знакомыя подушки.

»Большею частію занятія по хозяйству... Я-съ пріѣхалъ къ вамъ на минутку, собственно по дѣлу...«

»На минутку? вотъ этого-то не будетъ. Эй, хлопче!« закричалъ толстый хозяинъ, и тотъ же самый мальчикъ въ козацкой свиткѣ выбѣжалъ изъ кухни. »Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчасъ заперъ, — слышишь? заперъ крѣпче! а коней вотъ этого пана распрегъ бы сію минуту. Прошу въ комнату; здѣсь такая жара, что у меня вся рубашка мокра.«

Иванъ Ѳедоровичъ, вошедши въ комнату, рѣшился не терять напрасно времени и, не смотря на свою робость, наступать рѣшительно.

»Тетушка имѣла честь... сказывала мнѣ, что дарственная запись покойнаго Степана Кузьмича...«

Трудно изобразить, какую непріятную мину сдѣлало при этихъ словахъ обширное лицо Григорія Григорьевича. »Ей богу, ничего не слышу!« отвѣчалъ онъ: »надобно вамъ сказать, что у меня въ лѣвомъ ухѣ сидѣлъ тараканъ (въ Русскихъ избахъ проклятые кацапы вездѣ поразводили таракановъ): невозможно описать никакимъ перомъ, что за мученіе было — такъ вотъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ. Мнѣ помогла уже одна старуха самымъ простымъ средствомъ...«

»Я хотѣлъ сказать...« осмѣлился прервать Иванъ Ѳедоровичъ, видя, что Григорій Григорьевичъ съ умысломъ хочетъ поворотить рѣчь на другое, »что въ завѣщаніи покойнаго Степана Кузьмича упоминается, такъ сказать, о дарственной записи... по ней слѣдуетъ мнѣ...«

»Я знаю, это вамъ тетушка успѣла наговорить. Это ложь, ей Богу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не дѣлалъ. Хотя, правда, въ завѣщаніи и упоминается о какой то записи; но

гдѣ же она? никто не представилъ ея. Я вамъ это говорю потому, что искренно желаю вамъ добра. Ей Богу, это ложь!«

Иванъ Ѳедоровичъ замолчалъ, разсуждая, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ тетушкѣ такъ только показалось.

»А вотъ идетъ сюда матушка съ сестрами!« сказалъ Григорій Григорьевичъ : »слѣдовательно обѣдъ готовъ. Пойдемте!«

Тутъ онъ потащилъ Ивана Ѳедоровича за руку въ комнату, въ которой стояли на столѣ водка и закуска.

Въ то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейникъ въ чепчикѣ, съ двумя барышнями — бѣлокурой и черноволосой. Иванъ Ѳедоровичъ, какъ воспитанный кавалеръ, подошелъ сначала къ старушкиной ручкѣ, а послѣ къ ручкамъ обѣихъ барышень.

»Это, матушка, нашъ сосѣдъ, Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька«, сказалъ Григорій Григорьевичъ.

Старушка смотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, или, можетъ быть, только казалась смотрящею. Впрочемъ это была совершенная доброта; казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Ѳедоровича: »Сколько вы на зиму насоливаете огурцовъ?«

»Вы водку пили?« спросила старушка.

»Вы, матушка, вѣрно, не выспались«, сказалъ Григорій Григорьевичъ: »кто жъ спрашиваетъ гостя, пилъ ли онъ? Вы подчуйте только; а пили ли мы, пли нѣтъ, это наше дѣло. Иванъ Ѳедоровичъ! прошу, золототысячниковой, или Трохимовской сивушки, — какую вы лучше любите? Иванъ Ивановичъ, а ты что стоишь?« произнесъ Григорій Григорьевичъ, оборотившись назадъ, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ подходившаго къ водкѣ Ивана Ивановича, въ долгополомъ сюртукѣ, съ огромнымъ стоячимъ воротникомъ, закрывавшимъ весь его затылокъ, такъ что голова его сидѣла въ воротникѣ, какъ-будто въ бричкѣ.

Иванъ Ивановичъ подошелъ къ водкѣ, потеръ руки, разсмотрѣлъ хорошенько рюмку, налилъ, поднесъ къ свѣту, вылилъ разомъ изъ рюмки всю водку въ ротъ, но, не проглатывая, пополоскалъ ею хорошенько во рту, послѣ чего уже проглотилъ, и, закусивши хлѣбомъ съ солеными опёнками, обратился къ Ивану Ѳедоровичу.

»Не съ Иваномъ ли Ѳедоровичемъ, господиномъ Шпонькою имѣю честь говорить?«

»Такъ точно-съ«, отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

»Очень много изволили перемѣниться съ того времени, какъ я васъ знаю. Какъ же!« продолжалъ Иванъ Ивановичъ: »я еще помню васъ вотъ этакими!« При этомъ поднялъ онъ ладонь на аршинъ отъ пола. »Покойный батюшка вашъ, дай Боже ему царствіе небесное; рѣдкій былъ человѣкъ. Арбузы и дыни всегда бывали у него такіе, какихъ теперь нигдѣ не найдете. Вотъ хоть бы и тутъ«, продолжалъ онъ, отводя его въ сторону: »подадутъ вамъ за столомъ дыни, — что̀ за дыни? смотрѣть не хочется! Вѣрите ли, милостивый государь, что у него было арбузы«, произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, разставляя руки, какъ-будтобы хотѣлъ обхватить толстое дерево: »Ей богу, вотъ такіе!«

»Пойдемте за столъ!« сказалъ Григорій Григорьевичъ, взявши Ивана Ѳедоровича за руку.

Григорій Григорьевичъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, въ концѣ стола, завѣсившись огромною салфеткою и походя въ этомъ видѣ на тѣхъ героевъ, которыхъ рисуютъ цырюльники на своихъ вывѣскахъ. Иванъ Ѳедоровичъ, краснѣя, сѣлъ на указанное ему мѣсто противъ двухъ барышень; а Иванъ Ивановичъ не преминулъ помѣститься возлѣ него, радуясь душевно, что будетъ кому сообщать свои познанія.

»Вы напрасно взяли куприкъ, Иванъ Ѳедоровичъ: это пидѣйка!« сказала статушка, обратившись къ Ивану Ѳедоровичу, которому въ это время поднесъ блюдо деревенскій офиціантъ въ сѣромъ фракѣ съ черною заплатою. »Возьмите спинку!«

»Матушка! вѣдь васъ никто не проситъ мѣшаться!« произнесъ Григорій Григорьевичъ. »Будьте увѣрены, гость самъ знаетъ, что̀ ему взять! Иванъ Ѳедоровичъ! возьмите крылышко, вонъ, другое, съ пупкомъ! Да что̀ жъ вы такъ мало взяли? возьмите стегнышко! Ты что̀ разинулъ ротъ съ блюдомъ? проси! становись, подлецъ, на колѣни! говори сейчасъ: »Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стег»нышко!«

»Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнышко!« проревѣлъ, ставъ на колѣна, офиціантъ съ блюдомъ.

»Гм! что̀ за индѣйки!« сказалъ въ полголоса Иванъ Ивановичъ съ видомъ пренебреженія, оборотившись къ своему сосѣду: »такія ли должны быть индѣйки! Если бы вы увидѣли у меня индѣекъ! Я васъ увѣряю, что жиру въ одной больше, чѣмъ въ десяткѣ такихъ, какъ эти. Вѣрите ли, государь мой, что даже противно смотрѣть, когда ходятъ онѣ у меня по двору, — такъ жирны!...«

»Иванъ Ивановичъ, ты лжешь!« произнесъ Григорій Григорьевичъ, вслушавшись въ его рѣчь.

»Я вамъ скажу«, продолжалъ всё такъ же своему сосѣду Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будтобы онъ не слышалъ словъ Григорья Григорьевича, »что прошлый годъ, когда я отправлялъ ихъ въ Гадячъ, давали по пятидесяти копѣекъ за штуку, и то еще не хотѣлъ брать.«

»Иванъ Ивановичъ! я тебѣ говорю, что ты лжешь!« произнесъ Григорій Григорьевичъ, для лучшей ясности, по складамъ и громче прежняго.

Но Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто это совершенно относилось не къ нему, продолжалъ такъ же, но только гораздо тише: »Именно, государь мой, не хотѣлъ брать. Въ Гадячѣ ни у одного помѣщика...«

»Иванъ Ивановичъ! вѣдь ты глупъ и больше ничего«, громко сказалъ Григорій Григорьевичъ. »Вѣдь Иванъ Ѳедоровичъ знаетъ все это лучше тебя и, вѣрно, не повѣритъ тебѣ.«

Тутъ Иванъ Ивановичъ совершенно обидѣлся, замолчалъ и принялся убирать индѣйку, не смотря на то̀, что она не такъ была жирна, какъ тѣ, на которыя противно смотрѣть.

Стукъ ножей, ложекъ и тарелокъ замѣнилъ на время разговоръ; но громче всего слышалось высмактываніе Григорьемъ Григорьевичемъ мозгу изъ бараньей кости.

»Читали ли вы«, спросилъ Иванъ Ивановичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, высовывая голову изъ своей брички къ Ивану Ѳедоровичу, »книгу: »Путешествіе Коробейникова ко Святымъ Мѣстамъ«? Истинное услажденіе души и сердца! Теперь такихъ книгъ не печатаютъ. Очень сожалительно, что не посмотрѣлъ, котораго году.«

Иванъ Ѳедоровичъ, услышавши, что дѣло идетъ о книгѣ, прилежно началъ набирать себѣ соусу.

»Истинно удивительно, государь мой, какъ подумаешь, что простой мѣщанинъ прошелъ всѣ мѣста эти: болѣе трехъ тысячъ верстъ, государь мой! болѣе трехъ тысячъ верстъ! Подлинно, его самъ Господь сподобилъ побывать въ Палестинѣ и Іерусалимѣ.«

»Такъ вы говорите, что онъ«, сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, который много наслышался о Іерусалимѣ еще отъ своего деньщика, »былъ и въ Іерусалимѣ!...«

»О чемъ вы говорите, Иванъ Ѳедоровичъ?« произнесъ съ конца стола Григорій Григорьевичъ.

»Я, то есть, имѣлъ случай замѣтить, что какія есть на свѣтѣ далекія страны!« сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, будучи сердечно доволенъ тѣмъ, что выговорилъ столь длинную и трудную фразу.

»Не вѣрьте ему, Иванъ Ѳедоровичъ!« сказалъ Григорій Григорьевичъ, не вслушавшись хорошенько: »всё вретъ!«

Между тѣмъ обѣдъ кончился. Григорій Григорьевичъ отправился въ свою комнату, по обыкновенію, немножко всхрапнуть; а гости пошли вслѣдъ за старушкою хозяйкою и барышнями въ гостиную, гдѣ тотъ самый столъ, на которомъ оставили они, выходя обѣдать, водку, какъ-бы превращеніемъ какимъ, покрылся блюдечками съ вареньемъ разныхъ сортовъ и блюдами съ арбузами, вишнями и дынями.

Отсутствіе Григорія Григорьевича замѣтно было во всемъ: хозяйка сдѣлалась словоохотнѣе и открывала сама, безъ просьбы, множество секретовъ на-счетъ дѣланія постилы и сушенія грушъ. Даже барышни стали говорить; но бѣлокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было около двадцати пяти лѣтъ, была молчаливѣе.

Но болѣе всѣхъ говорилъ и дѣйствовалъ Иванъ Иванычъ. Будучи увѣренъ, что его теперь никто не собьетъ и не смѣшаетъ, онъ говорилъ и объ огурцахъ, и о посѣвѣ картофеля, и о томъ, какіе въ старину были разумные люди, — куда противъ теперешнихъ! и о томъ, какъ все, чѣмъ далѣе, умнѣетъ и доходитъ къ выдумыванію мудрѣйшихъ вещей. Словомъ, это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ величайшимъ удовольствіемъ любятъ

позаняться услаждающимъ душу разговоромъ и будутъ говорить обо всемъ, о чемъ только можно говорить. Если разговоръ касался важныхъ и благочестивыхъ предметовъ, то Иванъ Ивановичъ вздыхалъ послѣ каждаго слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственныхъ, то высовывалъ голову изъ своей брички и дѣлалъ такія мины, глядя на которыя, кажется, можно было прочитать, какъ нужно дѣлать грушевый квасъ, какъ велики тѣ дыни, о которыхъ онъ говорилъ, и какъ жирны тѣ гуси, которые бѣгаютъ у него по двору.

Наконецъ съ великимъ трудомъ, уже ввечеру, удалось Ивану Ѳедоровичу распрощаться, и, не смотря на свою сговорчивость и на то, что его наспльно оставляли ночевать, онъ устоялъ таки въ своемъ намѣреніи ѣхать — и уѣхалъ.

V.

НОВЫЙ ЗАМЫСЕЛЪ ТЕТУШКИ.

»Ну, что? выманилъ у стараго лиходѣя запись?« Такимъ вопросомъ встрѣтила Ивана Ѳедоровича тетушка, которая съ нетерпѣніемъ дожидалась его уже нѣсколько часовъ на крыльцѣ и не вытерпѣла наконецъ, чтобы не выбѣжать за ворота.

»Нѣтъ, тетушка«, сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, слѣзая съ повозки, »у Григорія Григорьевича нѣтъ никакой записи.«

»И ты повѣрилъ ему! Вретъ онъ, проклятый! Когда-нибудь попаду, право, поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочемъ, нужно напередъ поговорить съ нашимъ подсудкомъ, нельзя ли судомъ съ него стребовать... Но не объ этомъ теперь дѣло: ну, что жъ, обѣдъ былъ хорошій?«

»Очень... да! весьма, тетушка!«

»Ну, какія жъ были кушанья? разскажи. Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней.«

»Сырники были со сметаною, тетушка. Соусъ съ голубями, начиненными...«

»А индѣйка со сливами была?« спросила тетушка, потому что сама была большая искусница приготовлять это блюдо.

»Была и индѣйка... Весьма красивыя барышни, сестрицы Григорья Григорьевича, особенно бѣлокурая.«

»А!« сказала тетушка и посмотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, который, покраснѣвъ, потупилъ глаза въ землю. Новая мысль быстро промелькнула въ ея головѣ. »Ну, что жъ?« спросила она съ любопытствомъ и живо, »какія у ней брови?« Не мѣшаетъ замѣтить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины въ бровяхъ.

»Брови, тетушка, совершенно-съ такія, какія, вы разсказывали, въ молодости были у васъ. И по всему лицу небольшія веснушки.«

»А!« сказала тетушка, будучи довольна замѣчаніемъ Ивана Ѳедоровича, который, однакожъ, не имѣлъ и въ мысляхъ сказать этимъ комплиментъ. »Какое же было на ней платье? хотя, впрочемъ, теперь трудно найти такихъ плотныхъ матерій, какая вотъ хоть бы, напримѣръ, у меня на этомъ капотѣ. Но не объ этомъ дѣло. Ну, что жъ, ты говорилъ о чемъ-нибудь съ нею?«

»То есть, какъ... я-съ, тетушка? Вы, можетъ быть, уже думаете...«

»А что жъ? что тутъ диковиннаго? такъ Богу угодно! Можетъ быть, тебѣ съ нею на роду написано жить парочкою.«

»Я не знаю, тетушка, какъ вы можете это говорить; это доказываетъ, что вы совершенно не знаете меня...«

»Ну, вотъ уже и обидѣлся!« сказала тетушка. »*Ще молода́ дытына*«, подумала она про-себя: »ничего не знаетъ! Нужно ихъ свести вмѣстѣ: пусть познакомятся!«

Тутъ пошла заглянуть въ кухню и оставила Ивана Ѳедоровича. Но съ этого времени она только и думала о томъ, какъ увидѣть скорѣе своего племянника женатымъ и понянчить маленькихъ внучатъ. Въ головѣ ея громоздились однѣ только приготовленія къ свадьбѣ, и замѣтно было, что она во всѣхъ дѣлахъ суетилась гораздо болѣе, нежели прежде, хотя, впрочемъ, эти дѣла болѣе шли хуже, нежели лучше. Часто, дѣлая какое-нибудь пирожное, котораго вообще она никогда не довѣряла кухаркѣ, она, поза-

бывшись и воображая, что возлѣ нея стоитъ маленькій внучекъ, просящій пирога, разсѣянно протягивала къ нему руку съ лучшимъ кускомъ, а дворовая собака, пользуясь этимъ, схватывала лакомый кусокъ и своимъ громкимъ чвяканьемъ выводила ее изъ задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою. Даже оставила она любимыя свои занятія и не ѣздила на охоту, особливо, когда, вмѣсто куропатки, застрѣлила ворону, чего никогда прежде съ нею не бывало.

Наконецъ, спустя дня четыре послѣ этого, всѣ увидѣли выкоченную изъ сарая на дворъ бричку. Кучеръ Омелько, онъ же и огородникъ и сторожъ, еще съ ранняго утра стучалъ молоткомъ и приколачивалъ кожу, отгоняя безпрестанно собакъ, лизавшихъ колеса. Долгомъ почитаю предувѣдомить читателей, что это была именно та самая бричка, въ которой ѣздилъ еще Адамъ, и потому, если кто будетъ выдавать другую за Адамовскую, то это сущая ложь, и бричка непремѣнно поддѣльная. Совершенно неизвѣстно, какимъ образомъ спаслась она отъ потопа: должно думать, что въ Ноевомъ ковчегѣ былъ особенный для нея сарай. Жаль очень, что читателямъ нельзя описать живо ея фигуры. Довольно сказать, что Василиса Кашпаровна была очень довольна ея архитектурою и всегда изъявляла сожалѣніе, что вывелись изъ моды старинные экипажи. Самое устройство брички немного на бокъ, то есть, такъ, что правая сторона ея была гораздо выше лѣвой, ей очень нравилось, потому что съ одной стороны можетъ, какъ она говорила, влѣзать малорослый, а съ другой — великорослый. Впрочемъ, внутри брички могло помѣститься штукъ пять малорослыхъ и трое такихъ, какъ тетушка.

Около полудня, Омелько, управившись около брички, вывелъ изъ конюшни тройку лошадей, немного чѣмъ моложе брички, и началъ привязывать ихъ веревкою къ величественному экипажу. Иванъ Ѳедоровичъ и тетушка, одинъ съ лѣвой стороны, другая съ правой, влѣзли въ бричку, и она тронулась. Попадавшіеся на дорогѣ мужики, видя такой богатый экипажъ (тетушка очень рѣдко выѣзжала въ немъ), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись въ-поясъ.

Часа черезъ два кибитка остановилась передъ крыльцомъ,—ду-

маю, не нужно говорить: предъ крыльцомъ дома Сторченка. Григорія Григорьевича не было дома. Старушка съ барышнями вышла встрѣтить гостей въ столовую. Тетушка подошла величественнымъ шагомъ, съ большою ловкостію отставила одну ногу впередъ и сказала громко:

»Очень рада, государыня моя, что имѣю честь лично доложить вамъ мое почтеніе; а вмѣстѣ съ респектомъ позвольте поблагодарить за хлѣбосольство ваше къ племяннику моему, Ивану Ѳедоровичу, который много имъ хвалится. Прекрасная у васъ гречиха, сударыня! я видѣла ее, подъѣзжая къ селу. А позвольте узнать, сколько копъ вы получаете съ десятины?«

Послѣ этого послѣдовало всеобщее лобызаніе. Когда же усѣлись въ гостиной, то старушка хозяйка начала:

»На счетъ гречихи я не могу вамъ сказать: это часть Григорья Григорьевича; я уже давно не занимаюсь этимъ, да и не могу — уже стара! Въ старину у насъ бывало, я помню, гречиха была по поясъ; теперь Богъ знаетъ что; хотя, впрочемъ, и говорятъ, что теперь все лучше.« Тутъ старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюдателю послышался бы въ этомъ вздохѣ вздохъ старинаго осьмнадцатаго столѣтія.

»Я слышала, моя государыня, что у васъ собственныя ваши дѣвки отличные умѣютъ выдѣлывать ковры«, сказала Васплиса Кашпаровна и этимъ задѣла старушку за самую чувствительную струну: при этихъ словахъ, она какъ-будто оживилась, и рѣчи у нея полилися о томъ, какъ должно красить пряжу, какъ приготовлять для этого нитку.

Съ ковровъ быстро съѣхалъ разговоръ на соленіе огурцовъ и сушеніе грушъ. Словомъ, не прошло часу, какъ обѣ дамы такъ разговорились между собою, будто вѣкъ были знакомы. Васплиса Кашпаровна многое уже начала говорить съ нею такимъ тихимъ голосомъ, что Иванъ Ѳедоровичъ ничего не могъ разслушать.

»Да не угодно ли посмотрѣть?« сказала, вставая, старушка хозяйка.

За нею встали барышни и Васплиса Кашпаровна, и всѣ потянулись въ дѣвичью. Тетушка, однакожъ, дала знакъ Ивану Ѳедоровичу остаться и сказала что-то тихо старушкѣ.

»Машенька!« сказала старушка, обращаясь къ бѣлокурой барышнѣ: »останься съ гостемъ да поговори съ нимъ, чтобы гостю не было скучно!«

Бѣлокурая барышня осталась и сѣла на диванъ. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ на иголкахъ, краснѣлъ и потуплялъ глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замѣчала и равнодушно сидѣла на диванѣ, разсматривая прилежно окна и стѣны, или слѣдуя глазами за кошкою, трусливо пробѣгавшею подъ стульями.

Иванъ Ѳедоровичъ немного ободрился и хотѣлъ было начать разговоръ; но казалось, что всѣ слова свои растерялъ онъ на дорогѣ. Ни одна мысль не приходила ему на умъ.

Молчаніе продолжалось около четверти часа. Барышня всё такъ же сидѣла.

Наконецъ Иванъ Ѳедоровичъ собрался съ духомъ: »Лѣтомъ очень-много мухъ, сударыня«, произнесъ онъ полудрожащимъ голосомъ.

»Чрезвычайно много«, отвѣчала барышня. »Братецъ нарочно сдѣлалъ хлопушку изъ стараго маменькинаго башмака, но всё еще очень много.«

Тутъ разговоръ опять прекратился, и Иванъ Ѳедоровичъ никакимъ образомъ уже не находилъ рѣчи.

Наконецъ хозяйка съ тетушкою и чернявою барышнею возвратилась. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпаровна распростилась съ старушкою и барышнями, не смотря на всѣ приглашенія остаться ночевать. Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись тетушкѣ и племяннику, выглядывавшимъ изъ брички.

»Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, о чемъ же вы говорили вдвоемъ съ барышнею?« спросила дорогою тетушка.

»Весьма скромная и благонравная дѣвица Марья Григорьевна«, сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

»Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ: я хочу поговорить съ тобою серьезно. Вѣдь тебѣ, слава Богу, тридцать осьмой годъ; чинъ ты уже имѣешь хорошій: пора подумать и объ дѣтяхъ! Тебѣ непремѣнно нужна жена...«

»Какъ, тетушка!« вскричалъ, испугавшись, Иванъ Ѳедоровичъ: »какъ, жена! Нѣтъ-съ, тетушка, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите... я еще никогда не былъ женатъ... Я совершенно не знаю, что̀ съ нею дѣлать!«

»Узнаешь, Иванъ Ѳедоровичъ, узнаешь«, промолвила улыбаясь тетушка и подумала про-себя: »*Куды жъ! ще зовсимъ молода̀ дытына:* ничего не знаетъ! — Да, Иванъ Ѳедоровичъ!« продолжала она вслухъ: »лучшей жены нельзя сыскать тебѣ, какъ Марья Григорьевна. Тебѣ же она притомъ очень понравилась. Мы уже насчетъ этого много переговорили съ старухою: она очень рада видѣть тебя своимъ зятемъ. Еще неизвѣстно, правда, что̀ скажетъ этотъ грѣходѣй Григорьевичъ; но мы не посмотримъ на него, и пусть только онъ вздумаетъ не отдать приданаго, мы его судомъ...«

Въ это время бричка подъѣхала къ двору, и древнія клячи ожили, чуя близкое стойло.

»Слушай, Омелько! конямъ дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчасъ распрегши къ водопою: онѣ лошади горячія. Ну, Иванъ Ѳедоровичъ«, продолжала, вылѣзая, тетушка, »я совѣтую тебѣ хорошенько подумать объ этомъ. Мнѣ еще нужно забѣжать въ кухню: я позабыла Солохѣ заказать ужинъ, а она, негодная, я думаю, сама и не подумала объ этомъ.«

Но Иванъ Ѳедоровичъ стоялъ, какъ-будто громомъ оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!... это казалось ему такъ страшно, такъ чудно, что онъ никакъ не могъ подумать безъ страха. Жить съ женою!... непонятно! Онъ не одинъ будетъ въ своей комнатѣ, но ихъ должно быть вездѣ двое!... Потъ проступалъ у него на лицѣ, по мѣрѣ того, какъ углублялся онъ въ размышленіе.

Ранѣе обыкновеннаго легъ онъ въ постель, но, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могъ заснуть. Наконецъ желанный сонъ, этотъ всеобщій успокоитель, посѣтилъ его; но какой сонъ! Еще несвязнѣе сновидѣній онъ никогда не видывалъ. То снилось ему, что вкругъ него все шумитъ, вертится, а онъ бѣжитъ-бѣжитъ, не чувствуетъ подъ собою ногъ... вотъ уже выбивается изъ силъ... вдругъ кто-то хватаетъ его за ухо. »Ай! кто это?« — »Это я.

твоя жена!« съ шумомъ говорилъ ему какой-то голосъ — и онъ вдругъ пробуждался. То представлялось ему, что онъ уже женатъ, что всё въ домикѣ ихъ такъ чудно, такъ странно : въ его комнатѣ стоитъ, вмѣсто одинокой, двойная кровать; на стулѣ сидитъ жена. Ему странно : онъ не знаетъ, какъ подойти къ ней, что говорить съ нею, и замѣчаетъ, что у нея гусиное лицо. Нечаянно поворачивается онъ въ сторону и видитъ другую жену, тоже съ гусинымъ лицомъ. Поворачивается въ другую сторону — стоитъ третья жена; назадъ — еще одна жена. Тутъ его беретъ тоска; онъ бросился бѣжать въ садъ; но въ саду жарко, онъ снялъ шляпу, видитъ — и въ шляпѣ сидитъ жена. Потъ выступилъ у него на лицѣ. Полѣзъ въ карманъ за платкомъ — и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу — и тамъ сидитъ жена... То вдругъ онъ прыгалъ на одной ногѣ; а тетушка, глядя на него, говорила съ важнымъ видомъ: »Да, ты долженъ прыгать, потому что ты теперь женатый человѣкъ.« Онъ къ ней; но тетушка, уже не тетушка, а колокольня. И чувствуетъ, что его кто-то тащитъ веревкою на колокольню.

»Кто это тащитъ меня?« жалобно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

»Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты колоколъ.«

»Нѣтъ, я не колоколъ, я Иванъ Ѳедоровичъ!« кричалъ онъ.

»Да, ты колоколъ«, говорилъ, проходя мимо, полковникъ П*** пѣхотнаго полка.

То вдругъ снилось ему, что жена вовсе не человѣкъ, а какая-то шерстяная матерія; что онъ въ Могилевѣ приходитъ въ лавку къ купцу. »Какой прикажете матеріи?« говоритъ купецъ: »вы возьмите жены, это самая модная матерія, очень добротная; изъ нея всѣ теперь шьютъ себѣ сюртуки.«

Купецъ мѣряетъ и рѣжетъ жену. Иванъ Ѳедоровичъ беретъ ее подъ мышку, идетъ къ Жиду, портному.

»Нѣтъ«, говоритъ Жидъ, »это дурная матерія! изъ нея никто не шьетъ себѣ сюртука...«

Въ страхѣ и безпамятствѣ просыпается Иванъ Ѳедоровичъ; холодный потъ льется съ него градомъ.

Какъ только всталъ онъ поутру, тотъ-часъ обратился къ гада-

тельной книгѣ, въ концѣ которой одинъ добродѣтельный книгопродавецъ, по своей рѣдкой добротѣ и безкорыстію, помѣстилъ сокращенный снотолкователь. Но тамъ совершенно не было ничего, даже хотя немного похожаго на такой безсвязный сонъ.

Между тѣмъ, въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ, о которомъ узнаете въ слѣдующей главѣ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

БЫЛЬ.

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

Ей Богу, уже надоѣло разсказывать! Да что вы думаете? право, скучно: разсказывай, да и разсказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я разскажу, только, ей-ей, въ послѣдній разъ! Да, вотъ вы говорили на-счетъ того, что человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно, конечно, то есть, если хорошенько подумать, бываютъ на свѣтѣ всякіе случаи... однакожъ не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ, ей Богу обморочитъ! — Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо; я тогда былъ еще дурень, всего мнѣ было лѣтъ одинадцать.... такъ нѣтъ же, не одинадцать: я помню какъ теперь, когда разъ побѣжалъ было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою: »Эй, Хома, Хома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!«

Дѣдъ былъ еще тогда живъ и на ноги — пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ — довольно крѣпокъ. Бывало вздумаетъ... да что жъ этакъ разсказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой за чѣмъ-то побѣжалъ за комору. Что, въ самомъ дѣлѣ!... добро бы по неволѣ, ато вѣдь сами же напросились... слушать, такъ слушать!

Батько еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два, или три воза снарядилъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнѣ. Съ собою взялъ онъ трехгодоваго брата, пріучать заранѣе чумаковать; насъ осталось: дѣдъ, мать, я да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешелъ жить въ курень; взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштана. Намъ это было, нельзя сказать, чтобы худо; бывало наѣшься въ день столько огурцовъ, дынь, рѣпы, цыбули, гороху, что въ животѣ, ей Богу, какъ-будто пѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проѣзжіе толкутся по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ, или дынею; да изъ окрестныхъ хуторовъ бывало нанесутъ на обмѣнъ куръ, яицъ, индѣекъ... житье было хорошее!

Но дѣду болѣе всего любо было то, что чумаковъ каждый день возовъ пятьдесятъ проѣдетъ. Народъ, знаете, бывалый; пойдетъ разсказывать — только уши развѣшивай; а дѣду это всё равно, что голодному галушки. Иной разъ бывало случится встрѣча со старыми знакомыми — дѣда всякій уже зналъ — можете посудить сами, что̀ бываетъ, когда соберется старье: тара, тара, тогда-то да тогда-то, такое-то да такое-то было... Ну, и разольются, вспомянутъ, Богъ знаетъ, когдашнее!

Разъ — ну вотъ, право, какъ-будто теперь случилось! — солнце стало уже садиться; дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не попеклись на солнцѣ.

»Смотри, Остапъ«, говорю я брату: »вонъ чумаки ѣдутъ!«

»Гдѣ чумаки?« сказалъ дѣдъ, положивши значокъ на большой дынѣ, чтобы на случай не съѣли хлопцы.

По дорогѣ тянулось точно возовъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сизыми усами. Не дошедши шаговъ, какъ бы вамъ сказать, на десять, онъ остановился.

»Здорово, Максимъ! вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!«

Дѣдъ прищурилъ глаза: »А! здорово, здорово! откуда Богъ несетъ? И Боля́чка здѣсь? здорово, здорово, братъ! Что̀ за дьяволъ! да тутъ всѣ: и Крутотры́щенко! и Печери́ця! и Ковéлшкъ! и Стецько! здорово! А, га, га! го, го!...« и пошли цѣловаться!

Воловъ распрягли и пустили пастись на траву; возы оставили на дорогѣ, а сами сѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда же тутъ до люлекъ? за росказнями да за роздобарами, врядъ ли и по одной досталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ подчивать гостей дынями. Вотъ каждый, взявши по дынѣ, обчистилъ ее чистенько ножикомъ (калачи всѣ были тертые, мыкали немало, знали уже, какъ ѣдятъ на свѣтѣ, — пожалуй и за панскій столъ, хоть сейчасъ, готовы сѣсть); обчистивши хорошенько, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку, выпилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ.

»Что жъ вы, хлопцы«, сказалъ дѣдъ, »рты свои разинули? танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сопилка? А ну-ка козачка! Хома, берись въ боки! Ну! вотъ такъ! гей, гопъ!«

Я былъ тогда малый подвижной. Старость проклятая! теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него ноги не постоятъ на мѣстѣ: такъ какъ-будто ихъ что-нибудь дергаетъ.

»Смотри, Хома«, сказалъ Остапъ, »если старый хрѣнъ не пойдетъ танцовать!«

Что жъ вы думаете? не успѣлъ онъ сказать — не вытерпѣлъ старичина: захотѣлось, знаете, прихвастнуть передъ чумаками. »Вишь, чортовы дѣти! развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ!« сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками.

Ну, нечего сказать, танцовать-то онъ танцовалъ такъ, что хоть бы и съ гетманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрѣнъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только-что дошелъ однакожъ до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую то свою штуку — не подымаются ноги да и только! Что за пропасть! разогнался снова, дошелъ до середины — не беретъ! что хочь дѣлай — не беретъ да и не беретъ! ноги, какъ деревяныя стали! »Вишь дьявольское мѣсто! вишь сатанинское навожденіе! вытается же Продъ, врагъ рода человѣческаго!« Ну, какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно,

мелко, любо глядѣть; до середины — нѣтъ! не вытанцовывается, да и полно! »А, шельмовскій сатана! чтобъ ты подавился гниплою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! вотъ на старость надѣлалъ стыда какого!«... И въ самомъ дѣлѣ сзади кто-то засмѣялся.

Оглянулся — ни баштану, ни чумаковъ, ничего; назади, впереди, по сторонамъ гладкое поле. »Э! ссс... вотъ тебѣ на!« Началъ прищуривать глаза — мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: съ боку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой то шестъ и виднѣлся прочь далеко въ небѣ. Что̀ за пропасть? да это голубятня, что у попа въ огородѣ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣетъ; вглядѣлся — гумно волостного писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку. Мѣсяца не было; бѣлое пятно мелькало вмѣсто его сквозь тучу. »Быть завтра большому вѣтру!« подумалъ дѣдъ. Глядь — въ сторонѣ отъ дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка. »Вишь!« сталъ дѣдъ и руками подперся въ боки, и глядитъ. Свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая. »Кладъ!« закричалъ дѣдъ: »я ставлю, Богъ знаетъ что̀, если не кладъ!« и уже поплевалъ было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа, ни лопаты. »Эхъ, жаль! ну, кто знаетъ? можетъ быть, сто́итъ только поднять дернъ, и онъ тутъ и лежитъ, голубчикъ. Нечего дѣлать, назначить по крайней мѣрѣ мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!«

Вотъ перетянувши, сломанную, видно, вихремъ, порядочную вѣтку дерева, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелькнулъ плетень. »Ну, такъ! не говорилъ ли я«, подумалъ дѣдъ, »что это попова левада? вотъ и плетень его! теперь и версты нѣтъ до баштана.«

Поздненько, однакожъ, пришелъ онъ домой, и галушекъ не захотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остапа, спросилъ только, давно ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда тотъ началъ было спрашивать: »А куда тебя, дѣдъ, черти дѣли сегодня?« — »Не спрашивай«, сказалъ онъ, завертываясь еще крѣпче, »не спрашивай, Остапъ; не то — посѣдѣешь!« и захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались было на баштанъ, поподымались съ перепугу

на воздухъ. По гдѣ ужъ тамъ ему спалось! Нечего сказать, хитрая была бестія, дай Боже ему царствіе небесное! умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясался, взялъ подъ мышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шапку, выпилъ кухоль спровцу, утеръ губы полою и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень, и низенькій дубовый лѣсъ; промежъ деревьевъ вьется дорожка и выходитъ въ поле; кажись, та самая. Вышелъ и на поле — мѣсто точь-въ-точь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ; но гумна не видно. »Нѣтъ, это не то мѣсто; то, стало быть, подалѣе; нужно, видно, поворотить къ гумну!« Поворотилъ назадъ, сталъ идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нѣтъ! Опять поворотилъ поближе къ голубятнѣ — гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну — голубятня пропала; къ голубятнѣ — гумно пропало.

»А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!« А дождь пустился, какъ изъ ведра.

Вотъ, скинувши новые сапоги, и обвернувши въ хустку, чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто панскій иноходецъ. Влѣзъ въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся ворчать что то сквозь зубы и приголубливать чорта такими словами, какихъ я еще отъ роду не слыхивалъ. Признаюсь, я бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю — уже дѣдъ ходитъ по баштану, какъ ни въ чемъ не бывало, и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшого брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ вмѣсто арбуза; а пообѣдавши, сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть; и далъ намъ забавляться дынею, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣю, — которую называлъ онъ Турецкою. Теперь такихъ дынь я нигдѣ и не видывалъ: правда, сѣмяна ему что-то дизалека достались.

Ввечеру, уже повечерявши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ проконать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы: »проклятое мѣсто!« взошелъ на середину, гдѣ не выганцовывалось позавчера, и ударилъ въ сердцахъ заступомъ. Глядь — вокругъ него опять то же самое поле: съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой гумно. »Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вонъ и дорожка! вонъ и могилка стоитъ! вонъ и вѣтка навалена! вонъ-вонъ горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться!«

Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъбудтобы хотѣлъ имъ попотчивать кабана, затесавшагося на баштанъ, и остановился передъ могилкою. Свѣчка погасла; на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою. »Этотъ камень нужно подпять!« подумалъ дѣдъ и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ. Великъ проклятый камень! вотъ, однакожъ, упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ его съ могилы. »Гу!« пошло по долинѣ. »Туда тебѣ и дорога! теперь живѣе пойдетъ дѣло.«

Тутъ дѣдъ остановился, досталъ рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку, и готовился было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головою его *чихи!* чихнуло что то такъ, что покачнулись деревья и дѣду забрызгало все лицо. »Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть!« проговорилъ дѣдъ, протирая глаза. Осмотрѣлся — никого нѣтъ. »Нѣтъ, не любитъ, видно, чортъ табаку!« продолжалъ онъ, кладя рожокъ за пазуху и принимаясь за заступъ. »Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду, ни отцу его не доводилось нюхать!« Сталъ копать — земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ; вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котелъ.

»А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!« вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ.

»А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!« запищалъ птичій носъ, клюнувши котелъ.

Посторонился дѣдъ и выпустилъ заступъ.

»А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!« заблеяла баранья голова съ верхушки дерева.

»А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!« заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло. Дрожь проняла дѣда.

»Да тутъ страшно слово сказать!« проворчалъ онъ про-себя

»Тутъ страшно слово сказать!« пискнулъ птичій носъ

»Страшно слово сказать!« заблеяла баранья голова

»Слово сказать!« ревнулъ медвѣдь.

»Гм...« сказалъ дѣдъ, и самъ перепугался.

»Гм!« пропищалъ носъ.

»Гм!« проблеялъ баранъ.

»Гумъ!« заревѣлъ медвѣдь.

Со страхомъ оборотился дѣдъ... Боже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ, ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна: надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! и чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя... у! у! носъ — какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри — хоть по ведру воды влей въ каждую; губы — ей Богу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула, и дразнитъ! »Чортъ съ тобою!« сказалъ дѣдъ, бросивъ котелъ: »на тебѣ и кладъ твой! экая мерзостная рожа!« и уже ударился было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣвши, что все было по-прежнему. »Это только пугаетъ нечистая сила!«

Принялся снова за котелъ — нѣтъ, тяжелъ! что дѣлать? тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками: »Ну, разомъ, разомъ! еще, еще, еще!« и вытащилъ. »Ухъ! теперь понюхать табаку!«

Досталъ рожокъ. Прежде, однакожъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого. Кажись, что нѣтъ; но вотъ, чудится ему, что пень дерева пыхтитъ и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, носъ поморщился, и вотъ, такъ и собирается чихнуть. »Нѣтъ, не понюхаю табаку!« подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ: »опять заплюетъ сатана очи!« Схватилъ скорѣе котелъ и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышитъ, что сзади что-то такъ и чешетъ

прутьями по ногамъ... »Ай! ай, ай!« покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь, и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

»Куда это зашелъ дѣдъ?« думали мы, дожидаясь часа три. Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами. Послѣ вечери вымыла мать горшокъ и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокругъ все были гряды; какъ видитъ, идетъ прямо къ ней на-встрѣчу кухва. На небѣ было таки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шаля, спрятался сзади и подталкиваетъ ее. »Вотъ кстати, сюда вылить помои!« сказала и вылила горячія помои.

»Ай!« что-то закричало басомъ. Глядь — дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! ей Богу, думали, что бочка лѣзетъ! Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а право, смѣшно показалось, когда сѣдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшена корками отъ арбузовъ и дынь.

»Вишь, чортова баба!« сказалъ дѣдъ, обтирая голову полою: »какъ онарила! какъ-будто свинью передъ Рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бубликн! будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вамъ принесъ!« сказалъ дѣдъ и открылъ котелъ.

Что жъ бы вы думали такое тамъ было? ну, по малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? вотъ то-то, что не золото: соръ, дрязгъ... стыдно сказать, что такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котелъ и руки послѣ того вымылъ.

И съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту. »И не думайте!« говорилъ онъ часто намъ: »все, что ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! у него правды и на копейку нѣтъ!« И бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ не спокойно: »А путе ребята, давайте крестить!« закричитъ намъ: »такъ его! такъ его! хорошенько!« и начнетъ класть кресты. А то проклятое мѣсто, гдѣ не вытанцовывалось, загородилъ плетнемъ, велѣлъ кидать все, что ни есть непотребнаго, весь бурьянъ и соръ, который выгребалъ изъ баштана.

Такъ вотъ какъ морочитъ нечистая сила человѣка! Я знаю хорошо эту землю: послѣ того нанимали ее у батька подъ баштанъ сосѣдніе козаки. Земля славная, и урожай всегда бывалъ на диво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузъ — не арбузъ, тыква — не тыква, огурецъ — не огурецъ.... чортъ знаетъ что̀ такое!

Конецъ Вечеровъ на Хуторѣ.

ЮНОШЕСКІЕ ОПЫТЫ.

ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ.

ИДИЛЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Сочиненіе В. Алова. (Писано въ 1827.)

Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восьмнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не удались; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. Но крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданіемъ юнаго таланта.

—

КАРТИНА I.

Свѣтаетъ. Вотъ прогляпула деревня,
Дома, сады Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучь на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой, въ серебряной водѣ :
Заборъ и домъ, и садикъ въ ней такіе жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Спнѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой — вотъ только не шумитъ.

На берегу, далеко вшедшемъ въ море,
Подъ тѣнью липъ, стоптъ уютный домикъ
Пастора. Въ немъ давно старикъ живетъ.
Ветшаетъ онъ, и старенькая кровля
Посупулась; труба вся почернѣла;
И лѣпится давно цвѣтистый мохъ
Ужъ по стѣнамъ; и окна искосились;
Но какъ-то мило въ немъ, и ни за что
Старикъ его бъ не отдалъ. Вотъ та липа,
Гдѣ отдыхать онъ любитъ, тожъ дряхлѣетъ;
Зато вкругъ ней зеленые прилавки
Изъ дерну свѣжаго. Въ дуплистыхъ порахъ
Ея гнѣздятся птички, старый домъ
И садъ веселой пѣснью оглашая.
Пасторъ всю ночь не спалъ, да предъ разсвѣтомъ
Ужъ вышелъ спать на чистый воздухъ;
И дремлетъ онъ подъ липой въ старыхъ креслахъ,
И вѣтерокъ ему свѣжитъ лицо,
И бѣлые взвѣваетъ волоса.

Но кто прекрасная подходитъ,
Какъ утро свѣжее горитъ,

И на него глаза наводитъ,
Очаровательно стопитъ?
Взгляните же, какъ мило будитъ
Ея лилейная рука,
Его касаяся слегка,
И возвратиться въ міръ нашъ нудитъ
И вотъ въ-полглаза онъ глядитъ,
И вотъ съ-просонья говоритъ :

»О дивный, дивный посѣтитель!
Ты навѣстилъ мою обитель!
Зачѣмъ же тайная тоска
Всю душу мнѣ насквозь проходитъ,
И на сѣдого старика
Твой образъ дивный сдалека
Волненье странное наводитъ?
Ты посмотри : уже я хилъ,
Давно къ живущему остылъ,
Себя погребъ въ себѣ давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О немъ и мыслить ужъ привыкъ.
О немъ и мелетъ мой языкъ.
Чего жъ ты, гостья молодая,
Къ себѣ такъ пламенно влечешь?
Или, жилица неба, рая
Ты мнѣ надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готовъ, да не достоинъ!
Велики тяжкіе грѣхи :
И я былъ злой на свѣтѣ воинъ,
Меня робѣли пастухи,
Мнѣ лютыя дѣла не новость.
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть«....

Тоски, смятенія полна,
»Сказать«, подумала она:
»Онъ Богъ знаетъ куда заѣдетъ...
Сказать ему, что онъ вѣдь бредитъ.«

Но онъ въ забвенье погруженъ,
Его объемлетъ снова сонъ.
Склонясь надъ нимъ, она чуть дышетъ...
Какъ почиваетъ! какъ онъ спитъ!
Вздохъ чуть замѣтный грудь колышетъ;
Незримымъ воздухомъ обвитъ,
Его архангелъ сторожитъ;
Улыбка райская сіяетъ,
Чело святое осѣняетъ.

Вотъ онъ открылъ свои глаза.
»Луиза, ты-ль? мнѣ снилось.... странно....
Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохла роса.
Сегодня, кажется, туманно.«

»Нѣтъ, дѣдушка, свѣтло, сводъ чистъ;
Сквозь рощу солнце свѣтитъ ярко;
Не колыхнется свѣжій листъ,
И поутру уже все жарко.
Узнаете ль, зачѣмъ я къ вамъ?
У насъ сегодня будетъ праздникъ,
У насъ ужъ старый Лодельгамъ,
Скрипачь, съ нимъ Фрицъ проказникъ;
Мы будемъ ѣздить по водамъ....
Когда бы Ганцъ....« Добросердечный
Пасторъ съ улыбкой хитрой ждетъ,
О чемъ разсказъ свой поведетъ
Младенецъ рѣзвой и безпечной.

»Вы, дѣдушка, вы можете помочь

Одни неслыханному горю :
Мой Ганцъ страхъ боленъ: день и ночь
Всё ходитъ къ сумрачному морю;
Все не по немъ, всему не радъ,
Самъ говоритъ съ собой, къ намъ скученъ;
Спроситъ — отвѣтитъ не въ попадъ,
И весь ужасно какъ измученъ.
Ему зазнаться ужъ съ тоской...
Да эдакъ онъ себя погубитъ.
При мысли я дрожу одной :
Быть можетъ, недоволенъ мной;
Быть можетъ, онъ меня не любитъ!
Мнѣ это — въ сердце ножъ стальной.
Я васъ проспть, мой ангелъ, смѣю...«
И кинулась къ нему на шею,
Стѣсненной грудью чуть дыша,
И вся зардѣлась, вся смѣшалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазкахъ показалась....
Ахъ, какъ Луиза хороша!

»Не плачь, спокойся другъ мой милой!
Вѣдь стыдно плакать«, наконецъ
Духовный молвилъ ей отецъ.
»Богъ намъ даритъ терпѣнье, силы:
Съ твоей усердною мольбой,
Тебѣ ни въ чемъ онъ не откажетъ.
Повѣрь, Ганцъ дышетъ лишь тобой;
Повѣрь, онъ то тебѣ докажетъ.
Зачѣмъ же мыслію пустой
Душевный растравлять покой?«

Такъ утѣшаетъ онъ свою Луизу,
Ее къ груди дряхлѣющей прижавъ.
Вотъ старая Гертруда ставитъ кофій,
Горячій и весь свѣтлый какъ янтарь.

Старикъ любилъ на воздухѣ пить кофій,
Держа во рту черешневой чубукъ;
Дымъ уходилъ и кольцами ложился.
И призадумавшись Лупза хлѣбомъ
Кормила съ рукъ своихъ кота, который
Мурлыча крался, слыша сладкій запахъ.
Старикъ привсталъ съ цвѣченыхъ старыхъ креселъ,
Принесъ мольбу и руку внучкѣ подалъ.
И вотъ надѣлъ парядный свой халатъ,
Весь изъ парчи серебряной, блестящей,
И праздничный неношенный колпакъ.
(Его въ подарокъ нашему пастору
Изъ города привезъ недавно Гапцъ.)
И, опираясь на плечо Лупзы
Лилейное, старикъ нашъ вышелъ въ поле.
Какой же день! Веселые вились
И пѣли жавронки; ходили волны
Отъ вѣтру золотого въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними дерева;
На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ;
Пчела работница срывала медъ
Съ живыхъ цвѣтовъ; рѣзвунья стрекоза
Треща вилась; разгульная вдали
Неслася пѣснь, — то пѣснь гребцовъ удалыхъ.
Рѣдѣетъ лѣсъ; видна уже долина;
По ней мычатъ игривыя стада;
А издали видна уже и кровля
Лупзина; краснѣютъ черепицы,
И ярко лучь по краямъ ихъ скользитъ.

КАРТИНА II.

Волнуемъ думой непонятной,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ:
На міръ великій, необъятной,
На свой незнаемой удѣлъ.
Доселѣ тихій, безмятежной
Онъ жизнью радостно игралъ;
Душой невинною и нѣжной
Въ ней горькихъ бѣдъ не прозрѣвалъ;
Земного міра уроженецъ,
Земныхъ губительныхъ страстей
Онъ не носилъ въ груди своей,
Безпечный, вѣтренный младенецъ.
И было весело ему:
Онъ разрѣзвлялся мило, живо
Въ толпѣ дѣтей; не вѣрилъ злу:
Предъ нимъ цвѣлъ міръ какъ-бы на диво.
Его подруга съ дѣтскихъ дней,
Дитя Лупза, ангелъ свѣтлый,
Блистала прелестью рѣчей;
Сквозь кольца русыя кудрей
Лукавый взглядъ жегъ непримѣтно;
Въ зеленой юпочкѣ сама,
Поетъ, танцуетъ ли она —
Все простодушно въ ней, все живо,
Все дѣтски въ ней краснорѣчиво;
На шейкѣ розовой платокъ,
Съ груди слетаетъ понемножку,
И стройно бѣлой башмачокъ
Ея охватываетъ ножку.
Въ лѣсу ль играетъ вмѣстѣ съ нимъ —
Его обгонитъ, все проникнетъ,
Въ кустъ притаясь съ желаньемъ злымъ,
Ему вдругъ въ уши громко крикнетъ

И испугаетъ; спитъ ли онъ —
Ему лицо все разрисуетъ:
И, звонкимъ смѣхомъ пробужденъ,
Онъ покидаетъ сладкій сонъ,
Шалунью рѣзвую цѣлуетъ.

Уходитъ за весной весна.
Кругъ дѣтскихъ игръ ихъ сталъ ужъ скроменъ
Межъ ними рѣзвость не видна;
Огонь очей его сталъ томенъ:
Она застѣнчиво грустна.
Они понятно угадали
Васъ, рѣчи первыя любви!
Покуда, сладкія печали!
Покуда, радужные дни!
Чего бъ желать съ Луизой милой?
Онъ съ ней и вечеръ, съ ней и день:
Къ ней привлеченъ онъ дивной силой,
Какъ вѣрно бродящая тѣнь.
Полны сердечнаго участья,
Не наглядятся старики
Ихъ простодушные, на счастье
Своихъ дѣтей; и далеки
Отъ нихъ дни горя, дни сомнѣній:
Ихъ осѣняетъ мирный геній.

Но скоро тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ;
И часто смотритъ онъ на даль.
И безпокоенъ весь и страненъ.
Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ:
Душа, въ волненьи темныхъ думъ,
О чемъ-то, скорбная, тоскуетъ.
Онъ какъ прикованный сидитъ,
На море буйное глядитъ;

Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ.

. . . . . .

Или въ долинѣ ходитъ думный;
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорятъ;
Огонь мгновенный колетъ тучи:
Дождя источники горючи
Сѣкутся звучно и шумятъ.
Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій
И, перевертывая листъ,
Онъ ловитъ буквы въ ней нѣмыя:
Глаголятъ въ нихъ вѣка сѣдые
И слово дивное гремитъ.
Часъ углубясь въ раздумья цѣлой,
Съ нее и глазъ онъ не сведетъ.
Кто мимо Ганца ни пройдетъ,
Кто ни посмотритъ, скажетъ смѣло:
Назадъ далеко онъ живетъ!
Чудесной мыслью очарованъ,
Подъ дуба сумрачную сѣнь
Идетъ онъ часто въ лѣтній день:
Къ чему-то тайному прикованъ
Онъ видитъ тайно чью-то тѣнь,
И къ ней онъ руки простираетъ,
Ее въ забвеньи обнимаетъ. —

А простодушна, и одна
Лиза ангелъ, что же? гдѣ же?
Ему всѣмъ сердцемъ предана,
Не знаетъ бѣдненькая спа;
Ему приноситъ ласки тѣ же:
Его рученкой обовьетъ,

Его невинно поцѣлуетъ.
Онъ на минуту растоскуетъ.
И снова то же запоетъ.

Онѣ прекрасны, тѣ мгновенья,
Когда прозрачною толпой
Далеко милыя видѣнья
Уносятъ юношу съ собой.
Но если міръ души разрушенъ,
Забытъ счастливый уголокъ,
Къ нему онъ станетъ равнодушенъ.
И для простыхъ людей высокъ, —
Онѣ ли юношу наполнятъ,
И сердце радостью ль исполнятъ?

Пока въ жилищѣ суеты,
Его подслушаемъ украдкой,
Доселѣ бывшія загадкой,
Разнообразныя мечты.

КАРТИНА III.

Земля классическихъ, прекрасныхъ созданій,
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля,
Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самого Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ:
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ.

И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дольнемъ мірѣ слово:
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ,
Персидскій Кандисъ весь пепенрепный блеститъ,
И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія! не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазъ ея встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ-нибудь
Волнуясь, падаютъ на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющомъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, пестовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось... что вы? гдѣ вы?...

Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада:
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ,
Хотя бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О, какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою, Греки, населили!
Какъ вы его обворожили!
А нашъ — и бѣденъ онъ и сиръ,
И расквадраченъ весь на мили.

И снова новыя мечты
Его смѣяся обнимаютъ;
Его воздушно подымаютъ
Изъ океана суеты.

КАРТИНА IV.

Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые ключи.
Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи;
Дыханіе амры и розы почной
Роскошно объемлетъ эѳиръ голубой;
И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
Плоды Мангустана златые горятъ;
Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ.
И смѣло накинутъ небесный шатеръ;
Роскошно валится дождь яркій цвѣтовъ,
То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ.
Я вижу тамъ Пери: въ забвеньи она
Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній полна.
Какъ солнца два, очи небесно горятъ;
Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ;
Дыханіе лилій серебряныхъ чадъ,
Когда засыпаетъ истомленный садъ
И вѣтеръ ихъ вздохи развѣетъ порой;
А голосъ, какъ звуки спринды ночой,
Или трепетанье серебряныхъ крылъ,
Когда ими звукнетъ рѣзвясь Нсразилъ,
Иль плески Хиндары таинственныхъ струй;
А что же улыбка! а что жъ поцѣлуй?
Но вижу, какъ воздухъ, она ужъ летитъ
Въ края поднебесны, къ родимымъ спѣшитъ.
Постой, оглянися! — Не внемлетъ она.
И въ радугѣ тонетъ, и вотъ не видна.
Но воспоминанье міръ долго хранитъ,
И благоуханьемъ весь воздухъ обвитъ.

. . . . . .

Живого юности стремленья
Такъ испестрялися мечты.
Порой, небеснаго черты,
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего.
Въ волненьяхъ сердца своего
Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ-будто міръ желалъ обнять, —
Того и самъ не могъ понять.
Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ.
Тогда когда бъ вы повидали
Какъ воздымалась буйно грудь;
Какъ взоры гордо трепетали,
Какъ сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной!
Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной,
Какая жаркая слеза
Живые полнила глаза!

КАРТИНА VI.

Отъ Висмара въ двухъ миляхъ та деревня,
Гдѣ ограничился лицъ нашихъ міръ.
Не знаю какъ теперь, но Люпендорфомъ
Она тогда, веселая, звалась.
Ужъ издали бѣлѣетъ скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника. Давно
Женившися на дочери пастора,
Его состроилъ онъ. Веселой домикъ!

Онъ выкрашенъ зеленой краской, крытъ
Красивою и звонкой черепицей.
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ-будто въ окна
Хотятъ продраться; изъ-за нихъ мелькаетъ
Рѣшетка изъ прекрасныхъ лозъ, красиво
И хитро сдѣлана самимъ Вильгельмомъ;
По ней вспитъ и змѣйкой вьется хмѣль.
Съ окна протянутъ шестъ; на немъ бѣлье
Блистаетъ бѣлое предъ солнцемъ. Вотъ
Въ проломъ на чердакѣ толпится стая
Мохнатыхъ голубей; протяжно клохчутъ
Индѣйки; хлопая встрѣчаетъ день
Крикунъ-пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи разгребаетъ
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвяся щиплютъ
Душистую траву. Давно курился
Ужъ дымъ изъ бѣлыхъ трубъ; курчаво онъ
Вился и облака пріумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ валилась краска
И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древніе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,
Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво колыхалъ, —
Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ, весь чистой
Покрытый скатертью и весь уставленъ
Душистой яствой: желтый вкусный сыръ,
Редисъ и масло въ фарфоровой уткѣ,
И пиво, и вино, и сладкій бишефъ,
И сахаръ, и коричневыя вафли;
Въ корзинѣ спѣлые, блестящіе плоды:
Прозрачный гроздь, душистая малина,
И, какъ янтарь, желтѣющія груши,
И сливы синія, и яркій персикъ,

Въ затѣйливомъ видѣлось все порядкѣ.
Сегодня праздновалъ живой Вильгельмъ
Рожденье дорогой своей супруги,
Съ пасторомъ и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшею Фанни.
Но Фанни нѣтъ, она давно пошла
Звать Ганца и не возвращалась. Вѣрно,
Онъ гдѣ-нибудь опять въ раздумьи бродитъ.
А милая Луиза всё глядитъ
Внимательно на темное окно
Сосѣда Ганца. Два шага всего вѣдь
Къ нему; но не пошла моя Луиза:
Чтобъ не замѣтилъ онъ въ ея лицѣ
Тоски докучливой, чтобъ не прочелъ
Въ ея глазахъ онъ ѣдкаго упрека.
Вотъ говоритъ Вильгельмъ-отецъ Луизѣ:
»Смотри ты, Ганца пожури порядкомъ:
Зачѣмъ онъ къ намъ такъ долго не идетъ?
Вѣдь ты его сама избаловала.«
И вотъ дитя-Луиза такъ въ отвѣтъ:
»Боюсь журить прекраснаго я Ганца:
И безъ того онъ боленъ, блѣденъ, худъ. ..«
»Что за болѣзнь?« сказала мать,
Живая Берта: »не болѣнь, тоска
Незванная къ нему сама пристала;
Вотъ женится, и отпадетъ тоска.
Такъ молодой побѣгъ совсѣмъ приглохшій,
Опрыснутый дождемъ, въ мигъ зацвѣтетъ.
И что жъ жена, какъ не веселье мужа?«
»Рѣчь умная!« сѣдой пасторъ примолвилъ:
»Все, вѣрь, пройдетъ, когда захочетъ Богъ,
И будь во всемъ Его святая воля!«
Уже два раза онъ изъ трубки выбивалъ
Золу, и въ споръ вступалъ съ Вильгельмомъ,
Разговорясь про новости газетъ,
Про злой неурожай, про Грековъ и про Турокъ,

Про Миссолунги, про дѣла войны.
Про славнаго вождя Колокотрони,
Про Каннинга, про парламентъ,
Про бѣдствія и мятежи въ Мадритѣ,
Какъ вдругъ Луиза вскрикнула и мигомъ
Увидя Ганца, бросилась къ нему.
Воздушный станъ ея обнявши стройный,
Съ волненьемъ юноша ее поцѣловалъ.
Оборотясь къ нему, вотъ молвитъ пасторъ:
»Эхъ стыдно, Ганцъ, забыть своего друга!
Да что! коли уже забылъ Лизу,
Объ насъ ли старикахъ и думать?« — »Полно
Тебѣ все Ганца, папенька, журить!«
Сказала Берта; »лучше сядемъ мы
Теперь за столъ, не то — простынетъ всё:
И каша съ рисомъ и виномъ душистымъ,
И сахарный горохъ, каплунъ горячій,
Зажаренный съ изюмомъ въ маслѣ.« Вотъ
За столъ они садятся мирно;
И скоро въ мигъ вино все оживило
И, свѣтлое, смѣхъ въ душу пролило.
Старикъ скрипачъ и Фрицъ на звонкой флейтѣ
Согласно грянули хозяйкѣ въ честь.
Всѣ понеслись и закружились въ вальсѣ.
Развеселясь, румяный нашъ Вильгельмъ
Пустился самъ съ своей женой, какъ съ павой;
Какъ вихорь, несся Ганцъ съ своей Лизой,
Въ бурливомъ вальсѣ, и предъ ними міръ
Вертѣлся весь въ чудесномъ, шумномъ строѣ.
А милая Луиза ни дохнуть,
Ни посмотрѣть вокругъ не можетъ: вся
Въ движеньи потерялась. Ими
Не налюбуясь, говоритъ пасторъ:
»Любезная, прекрасная чета!
Мила моя, веселая Луиза,
Прекрасенъ и уменъ, и скроменъ Ганцъ;

Сотворены они ужъ другъ для друга.
И счастливо свою жизнь проведутъ.
Благодарю тебя, о Боже милосердый!
Что ниспослалъ на старость благодать
Мои продлилъ дряхлѣющія силы —
Чтобы узрѣть такихъ прекрасныхъ внучатъ,
Чтобы сказать, прощаясь съ ветхимъ тѣломъ
Прекрасное я видѣлъ на землѣ!«

КАРТИНА VII.

Съ прохладою, спокойный тихій вечеръ,
Спускается; прощальные лучи
Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море,
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты, и въ далекѣ
Виднѣютъ, сквозь туманъ морской, утесы,
Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
Пастушьихъ лишь рожковъ унывный голосъ
Несется вдаль съ веселыхъ береговъ,
Да тихій шумъ въ водѣ всплеснувшей рыбы
Чуть пробѣжитъ и вздернетъ море рябью,
Да ласточка, крыломъ черпнувши моря,
Круги по воздуху скользя даетъ.
Вотъ заблестѣлъ вдали, какъ точка, катеръ;
А кто же въ немъ, въ томъ катерѣ сидитъ?
Сидитъ пасторъ, нашъ старецъ сѣдовласый,
И съ дорогой супругою Вильгельмъ;
А рѣзвая всегда шалунья Фанни
Съ удой въ рукахъ и, свѣсившись съ перилъ,
Смѣясь, ручейкою болтала волны;
Возлѣ кормы съ Луизой милой Ганцъ.
И долго всѣ въ молчаньи любовались:
Какъ за кормой широкая ходила
Волна и въ брызгахъ огнецвѣтныхъ вдругъ,

Весломъ разорванная, трепетала,
Какъ разъяспялась розовая дальность
И южный вѣтръ дыханье навѣвалъ.
И вотъ пасторъ, исполненъ умиленья,
Проговорилъ: »Какъ милъ сей Божій вечеръ!
Прекрасенъ, тихъ онъ, какъ благая жизнь
Безгрѣшнаго: она вѣдь также мирно
Кончаетъ путь и слезы умиленья
Священный прахъ, прекрасныя, кропятъ.
Пора и мнѣ ужъ; срокъ назначенъ,
И скоро, скоро я не буду вашъ...
Но эдакъ ли прекрасно опочію?«
Всѣ прослезились. Ганцъ, который нѣсню
Наигрывалъ на сладостномъ гобоѣ,
Задумался и выронилъ гобой;
И снова сонъ какой-то осѣнилъ
Его чело; далеко мчались мысли,
И чудное на душу натекло.
И вотъ ему такъ говоритъ Луиза:
»Скажи мнѣ Ганцъ, когда еще ты любишь
Меня, когда я пробудить могу
Хоть жалость, хоть живое состраданье
Въ душѣ твоей, не мучь меня, скажи.
Зачѣмъ одинъ, съ какой-то книгой
Ты ночь сидишь? (мнѣ видно все,
И окнами вѣдь другъ мы противъ друга.)
Зачѣмъ дичишься всѣхъ? зачѣмъ грустишь!
О, какъ меня твой грустный видъ тревожитъ!
О, какъ меня печаль твоя печалитъ!«
И, тронутый, смутился Ганцъ,
Ее къ груди съ тоскою прижимаетъ,
И брызнула невольная слеза.
»Не спрашивай меня, моя Луиза,
И безпокойствомъ спмъ тоски не множь!
Когда жъ кажусь погруженъ въ мысли,
Вѣрь, занятъ и тогда тобой одною

И думаю я, какъ бы отвратить
Всѣ отъ тебя печальныя сомнѣнья,
Какъ радостью твое наполнить сердце,
Какъ бы души твоей хранить покой,
Оберегать твой дѣтскій сонъ невинный:
Чтобы недоброе не приближалось,
Чтобы и тѣнь тоски не прикасалась:
Чтобъ счастіе твое всегда цвѣло.«
Спустясь къ нему головкою на грудь.
Въ избыткѣ чувствъ, въ признательности сердца,
Ни слова вымолвить она не можетъ.
По берегу неслася лодка плавно
И вдругъ причалила. Всѣ вышли
Въ мигъ изъ нее. »Ну! берегитесь дѣти«,
Сказалъ Вильгельмъ · »здѣсь сыро и роса,
Чтобъ не нажить несноснаго вамъ кашля.«
Дорогой Ганцъ нашъ мыслитъ: »Что же будетъ,
Когда услышитъ то, чего и знать бы
Не должно ей?« И на нее глядитъ
И чувствуетъ онъ въ сердцѣ укоризну :
Какъ-будтобы недоброе что сдѣлалъ,
Какъ-будтобы предъ Богомъ лицемѣрилъ.

КАРТИНА VIII.

На башнѣ бьетъ часъ полуночный.
Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ!
Свѣтъ лампы передъ нимъ дрожитъ
И блѣдно сумракъ освѣщаетъ,
Какъ-бы сомнѣнья разливаететъ.
Все спитъ. Ни чей блудящій взоръ
На полѣ никого не встрѣтитъ;
И, какъ далекій разговоръ,
Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ

Все тихо, дышетъ ночь одна
Теперь его глубокихъ думъ
Не потревожитъ дневный шумъ:
Надъ нимъ такая жъ тишина.

А что жъ она? Встаетъ она.
Садится прямо у окна:
»Онъ не посмотритъ, не примѣтитъ,
А насмотрюсь я на него;
Не спитъ для счастья моего!...
Благослови, Господь, его!«

Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ;
И вотъ надъ нею вьется сонъ
И голову невольно клонитъ.
Но Ганцъ всё такъ же въ мысляхъ тонетъ,
Въ глубь ихъ далеко погруженъ.

1.

Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать,
И не узнать иной мнѣ цѣли,
И цѣли лучшей не сыскать,
Себя обречь безславью въ жертву,
При жизни, быть для міра мертву?

2.

Душой ли славу полюбившей
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли къ счастью неостывшей
Волненья міра не испить,
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить,
Существованья не отмѣтить?

3.

Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошные края?

И день и ночь, какъ птицъ напѣвы,
Призывный голосъ слышу я;
И день и ночь мечтами скованъ,
Я вами, вами очарованъ.

4.

Я вашъ, я вашъ! изъ сей пустыни
Вижу я въ райскія мѣста;
Какъ пилигримъ бредетъ къ святынѣ.
. . . . . .
Корабль пойдетъ, забрызжутъ волны,
Имъ чувства вслѣдъ веселья полны.

5.

И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтитъ юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый.

6.

Творцы чудесныхъ впечатлѣній!
Рѣзецъ вашъ, кисть увижу я,
И вашихъ пламенныхъ твореній
Душа исполнится моя.
Шуми жъ, мой океанъ широкій,
Неси корабль мой одинокій!

7.

А ты прости, мой уголъ тѣсный,
И лѣсъ, и поле, лугъ, прости!
Кропи васъ чаще дождь небесный,
И дай Богъ долѣе цвѣсти!
По васъ душа какъ-будто страждетъ,
Въ послѣдній разъ обнять васъ жаждетъ.

8.

Прости мой ангелъ безмятежный!
Чела слезами не кропи,
Не предавайсь тоскѣ мятежной
И Ганца бѣднаго прости!
Не плачь, не плачь, я скоро буду,
Я возвращусь — тебя ль забуду?...

КАРТИНА IX.

Кто это позднею порой
Ступаетъ тихо, осторожно?
Видна котомка за спиной,
Посохъ за поясомъ дорожній.
Направо домикъ; передъ нимъ,
Налѣво дальная дорога.
Идти путемъ онъ хочетъ симъ,
И проситъ твердости у Бога.
Но мукой тайною томимъ,
Назадъ онъ ноги обращаетъ
И въ домикъ тотъ онъ поспѣшаетъ.

Одно окно открыто въ немъ;
Облокотясь предъ тѣмъ окномъ
Краса-дѣвица почиваетъ,
И, вѣя вѣтръ надъ ней крыломъ,
Ей сны чудесные внушаетъ;
И, ими милая полна,
Вотъ улыбается она.
Съ душеволеньемъ къ ней подходитъ...
Стѣснилась грудь: дрожитъ слеза....
И на прекрасную наводитъ
Свои блестящіе глаза.
Онъ наклонился къ ней, пылаетъ,
Ее цѣлуетъ и стенаетъ.

И вздрогнувъ, быстро онъ бѣжитъ
Опять дорогою далекой;
Но мраченъ неспокойный видъ,
Но грустно въ сей душѣ глубокой.
Вотъ оглянулся онъ назадъ:
Но ужъ туманъ окрестность кроетъ,
И пуще юноши грудь ноетъ,
Прощальный посылая взглядъ.
Вѣтръ пробудившися суровой
Качнулъ зеленою дубровой;
Исчезло все въ дали пустой.
Сквозь сонъ лишь смутною порой
Готлибъ привратникъ будто слышалъ,
Что изъ калитки кто-то вышелъ,
Да вѣрный песъ, какъ-бы въ укоръ,
Пролаялъ звучно на всѣ дворъ.

КАРТИНА X.

Не всходитъ долго свѣтлый вождь.
Ненастно утро; на поляны
Валятся сѣрые туманы;
Звенитъ по кровлямъ частый дождь.
Съ зарей красавица проснулась;
Сама дивится, что она
Проспала ночь всю у окна.
Поправивъ кудри, улыбнулась,
Но противъ воли, взоръ живой
Блеснулъ досадною слезой.
»Что Ганцъ такъ долго не приходитъ?
Онъ обѣщалъ мнѣ быть чуть свѣтъ.
Какой же день! тоску наводитъ:
Туманъ густой по полю ходитъ,
И вѣтръ свиститъ, а Ганца нѣтъ!«

Полна живого нетерпѣнья,
Глядитъ на милое окно —
Не отвернется оно.
Ганцъ, вѣрно, спитъ, и сновидѣнья
Ему творятъ любой предметъ;
Но день давно ужъ. Рвутъ долины
Ручьи дождя; дубовъ вершины
Шумятъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Ужъ скоро полдень. Непримѣтно
Туманъ уходитъ; лѣсъ молчитъ:
Громъ въ размышленіи гремитъ
Вдали.... Дугою семицвѣтной
Горитъ на небѣ райскій свѣтъ;
Унизанъ пескрами дубъ древній;
И пѣсни звонкія съ деревни
Звучатъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Что̀ бъ это значило?... находитъ
Злодѣйка грусть; слухъ утомленъ
Считать часы.... Вотъ кто-то входитъ..
И въ дверь.... Онъ! онъ!... ахъ, нѣтъ, не онъ!
Въ халатѣ розовомъ, покойномъ,
Въ цвѣтномъ передникѣ, съ каймой,
Приходитъ Берта: »Ангелъ мой!
Скажи, что̀ сдѣлалось съ тобой?
Ты ночь всю спала безпокойно:
Ты вся томна, ты вся блѣдна.
Не дождь ли помѣшалъ шумливый,
Или ревущая волна?
Или пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна?
Иль потревожилъ духъ нечистый
Во снѣ покой дѣвицы чистой,
Навѣялъ черную печаль?
Скажи: тебя всѣмъ сердцемъ жаль!«

»Нѣтъ, не мѣшалъ мнѣ дождь шумливый,
И ни ревущая волна,
И ни пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна;
Не эти сны, не тѣ печали
Мнѣ грудь младую взволновали,
Не ими духъ мой возмущенъ:
Иной мнѣ снился дивной сонъ.

»Мнѣ снилось: въ темной я пустынѣ,
Вокругъ меня туманъ и глушь;
И на болотистой равнинѣ
Нѣтъ мѣста, гдѣ была бы сушь.
Тяжелый запахъ; топко, вязко;
Что шагъ, то бездна подо мной:
Боюся я ступить ногой;
И вдругъ мнѣ сдѣлалось такъ тяжко,
Такъ тяжко, что нельзя сказать....
Гдѣ ни возьмись Гаицъ дикій, странный,
(Бѣжала кровь, струясь изъ раны)
Вдругъ началъ надо мной рыдать;
Но, вмѣсто слезъ, лились потоки
Какой-то мутныя воды....
Проснулась я: на грудь, на щеки,
На кудри русой головы,
Бѣжалъ ручьями дождь досадной;
И было сердцу не отрадно.
Меня предчувствіе беретъ....
И я кудрей не выжимала;
И я все утро тосковала:
Гдѣ онъ? и что съ нимъ? что не йдетъ?«

Стоитъ, качаетъ головою,
Разумная, предъ нею мать
»Ну, дочка! мнѣ съ твоей бѣдою
Не знаю, какъ ужъ совладать.

Пойдемъ къ нему, узнаемъ сами.
Да будь святая сила съ нами!«

Вотъ входятъ въ комнату онѣ;
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежитъ, въ густой пыли, томъ давній,
Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ
Да позабытый Винкельманъ;
Куски изодранной бумаги;
На полкѣ свѣжіе цвѣты;
Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты.
Но на столѣ мелькнуло что-то....
Записка!.... съ трепетомъ взяла
Луиза въ руки. Отъ кого-то?
Къ кому?... И что жъ она прочла?...
Языкъ лепечетъ странно пѣни....
И вдругъ упала на колѣни;
Ее кручина давитъ, жжетъ,
Гробовый холодъ въ ней течетъ.

КАРТИНА XI.

Ты посмотри, тиранъ жестокій,
На грусть убитыя души,
Какъ вянетъ цвѣтъ сей одинокій,
Забытый въ пасмурной глуши!
Вглядись, вглядись въ свое твореньe
Ее ты счастія лишилъ.
И жизни радость претворилъ
Въ тоску ей, въ адское мученье,
Въ гнѣздо разоренныхъ могилъ.
О, какъ она тебя любила!
Съ какимъ восторгомъ чувствъ живымъ

Простыя рѣчи говорила!
И какъ внималъ рѣчамъ ты симъ!
Какъ пламененъ и какъ невиненъ
Былъ этотъ блескъ ея очей!
Какъ часто ей, въ тоскѣ своей,
Тотъ день казался скученъ, длиненъ.
Когда, раздумью предана,
Тебя не видѣла она!
И ты ль, и ты ль ее оставилъ?
Ты ль отвернулся отъ всего?
Въ страну чужую путь направилъ,
И для кого? и для чего?
Но посмотри, тиранъ жестокій,
Она всё также, подъ окномъ,
Сидитъ и ждетъ, въ тоскѣ глубокой,
Не промелькнетъ (ли) милый въ немъ?
Ужъ гаснетъ день; сіяетъ вечеръ;
На все наброшенъ дивный блескъ;
Прохладный вьется въ небѣ вѣтеръ;
Волны чуть слышенъ дальній плескъ.
Уже ночь тѣни настилаетъ;
Но западъ всё еще сіяетъ.
Свирѣль чуть льется; а она
Сидитъ недвижно у окна.

НОЧНЫЯ ВИДѢНІЯ.

Темнѣетъ, тухнетъ вечеръ красный;
Спитъ въ упоеніи земля;
И вотъ на наши ужъ поля
Выходитъ важно мѣсяцъ ясный.
И все прозрачно, все свѣтло;
Сверкаетъ море какъ стекло.

Въ небѣ чудныя вотъ тѣни

Развилися и свились,
И чудесно понеслись
На небесныя ступени.
Прояснилось — двѣ свѣчи
Двое рыцарей косматыхъ,
Два зубчатые мечи
И чеканенныя латы;
Что-то ищутъ, стали въ рядъ
И зачѣмъ-то переходятъ,
И дерутся и блестятъ,
И чего-то не находятъ...
Все пропало, слилось съ тмой.
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ.
Чуть дышетъ ночь; земля сквозь сонъ
Мечтательно пѣвцу внимаетъ.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,
Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ.

Показался дивной феи
Слитый съ воздуха дворецъ,
И въ окнѣ поетъ пѣвецъ
Вдохновенныя затѣи.
На серебряномъ коврѣ,
Весь заткапный облаками,
Чудный духъ летитъ въ огнѣ;
Сѣверъ, югъ покрылъ крылами.
Видитъ — фея спитъ въ плѣну,
За рѣшеткою коральной;
Перламутрную стѣну
Рушитъ онъ слезой хрустальной.
Обнялись... слилися съ тмой...
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Сквозь паръ окрестность чуть сверкаетъ
Какую кучу тайныхъ думъ
Наводитъ моря странный шумъ!
Огромный китъ спиной мелькаетъ;
Рыбакъ закутался и спитъ;
А море всё шумитъ, шумитъ.

Вотъ изъ моря молодыя,
Дѣвы чудныя плывутъ;
Голубыя, огневыя,
Волны бѣлыя гребутъ.
Призадумавшись колышетъ
Грудь лилейную вода,
И красавица чуть дышетъ...
И роскошная нога
Стелетъ брызги въ два ряда...
Улыбается, хохочетъ,
Страстно манитъ и зоветъ,
И задумчиво плыветъ,
Будто хочетъ и не хочетъ;
И задумчиво поетъ
Про себя младу сирену,
Про коварную измѣну.
А на тверди голубой,
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Вотъ въ сторонѣ глухой кладбище:
Ограда ветхая кругомъ,
Кресты, каменья... скрыто мхомъ
Нѣмыхъ покойниковъ жилище.
Полетъ да крики только совъ
Тревожатъ сонъ пустыхъ гробовъ.

Подымается протяжно
Въ бѣломъ саванѣ мертвецъ,
Кости пыльныя онъ важно

Отпраетъ, молодецъ;
Съ чела давняго хладъ вѣетъ.
Въ глазѣ палевой огонь,
И подъ нимъ великій конь.
Необъятный, весь бѣлѣетъ
И всё болѣе растетъ...
Скоро небо обойметъ;
И покойники съ покою
Страшной тянутся толпою.
Земля колется и — бухъ
Тѣни разомъ въ бездну... Уфъ!

И стало страшно ей; мгновенно
Она прихлопнула окно.
Все въ сердцѣ трепетномъ смятенно,
И жаръ и дрожь попеременно
По немъ текутъ. Въ тоскѣ оно.
Вниманіе развлечено.
Когда, рукою безпощадной,
Судьба надвинетъ камень хладный
На сердце бѣдное, тогда
Скажите: кто разсудку вѣренъ?
Чья противъ золъ душа тверда?
Кто вѣчно тотъ же завсегда?
Въ несчастьи кто не суевѣренъ?
Кто крѣпкой не блѣднѣлъ душой
Передъ нечтожною мечтой?

Съ боязнью, съ горестію тайной,
Въ постель кидается она,
Но ждетъ напрасно въ ложе спа.
Въ тмѣ прошумитъ ли что случайно,

Скребунья мышь ли пробѣжитъ —
Отъ вѣждъ коварный сонъ летитъ.

КАРТИНА XIII.

Печальны древности Аѳинъ!
Колоннъ, статуй рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ,
Изломленъ немощный гранитъ,
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донынѣ величавъ,
Черпѣетъ дряхлый архитравъ,
И вьется плющъ по капители;
Упалъ разщепленный карнизъ
Въ давно-заглохшіе окопы.
Еще блеститъ сей дивный фризъ
Сіи рельефные метопы;
Еще донынѣ здѣсь груститъ
Коринѳскій орденъ многолѣпный,
(Рой ящерицъ по немъ скользитъ)
На міръ съ презрѣньемъ онъ глядитъ;
Всё тотъ же онъ великолѣпный,
Временъ минувшихъ вдавленъ въ тму,
И безъ вниманья ко всему.

Печальны древности Аѳинъ!
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ.
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ, —
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ!

Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разрушенье, и позоръ.
Промежъ колоннъ чалма мелькаетъ,
И мусульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ,
Копя свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ разоряетъ.
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ,
Души онъ тяжкій ропотъ внемлетъ:
Ему и горестно, и жаль,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровъ безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?
Пускай бы въ мысляхъ обитали
Сіи воздушныя мечты,
Пускай бы сердце волновали
Зерцаломъ чистой красоты!
Но и убійственно, и хладно
Разворожились вы теперь;
Безжалостно и безпощадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой,
Дверь въ тихій міръ мечтаній, жаркой!
И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ;
Клянется ихъ забыть душой,
И всё невольно помышляетъ
О жертвахъ брешности слѣпой.

КАРТИНА XVI.

Ушло два года. Въ мирномъ Люненсдорфѣ
По-прежнему красуется, цвѣтетъ;

Всё тѣ жъ заботы и забавы тѣ же
Волнуютъ жителей покойныя сердца.
Но не по-прежнему въ семьѣ Вильгельма:
Пастора ужъ давно на свѣтѣ нѣтъ.
Окончивъ путь и тягостный, и трудный,
Не пашимъ сномъ, онъ крѣпко опочилъ.
Всѣ жители останки провожали
Священные, съ слезами на глазахъ;
Его дѣла, поступки поминали:
Не онъ ли намъ спасеніемъ служилъ,
Насъ надѣлялъ своимъ духовнымъ хлѣбомъ;
Въ словахъ добру прекрасно поучая,
Не онъ ли былъ утѣхою скорбящихъ,
Сиротъ и вдовъ нетрепетнымъ щитомъ?
Въ день праздничный, какъ кротко онъ бывало
Всходилъ на каоедру! и съ умиленьемъ
Намъ говорилъ: про мучениковъ чистыхъ,
Про тяжкія страданія Христовы,
А мы ему, растроганны, внимали,
Дивилися и слезы проливали.

Отъ Висмара когда кто держитъ путь,
Встрѣчается налѣво отъ дороги
Ему кладбище: старые кресты
Склонилися, обшиты мхомъ,
И временн изведены рѣзцомъ.
По промежъ нихъ бѣлѣетъ рѣзко урна
На черномъ камнѣ, и надъ ней смиренно
Два явора зеленые шумятъ,
Далеко хладной обнимая тѣнью.
Тутъ бренные покоятся останки
Пастора. Вызвались на свой же счетъ
Сооружить надъ нимъ благіе поселяне
Послѣдній знакъ его существованья
Въ семъ мірѣ. Надпись съ четырехъ сторонъ
Гласитъ: какъ жилъ и сколько мирныхъ лѣтъ

Провелъ на паствѣ, и когда оставилъ
Свой долгій путь, и Богу духъ вручилъ.

И въ часъ, когда стыдливый развиваетъ
Румяные востокъ свои власы,
Подымется по полю свѣжій вѣтеръ,
Посыплется алмазами роса,
Въ своихъ кустахъ малиновка зальется,
Полсолнца на землѣ всходя горитъ, —
Къ нему идутъ младыя поселянки,
Съ гвоздиками и розами въ рукахъ:
Увѣшаютъ душистыми цвѣтами,
Гирляндою зеленой обовьютъ,
И снова въ путь назначенный идутъ
Изъ нихъ одна, младая, остается
И, опершись лилейною рукой,
Надъ нимъ сидитъ въ раздумьи долго, долго.
Какъ-будтобы о непостижномъ мыслитъ.
Въ задумчивой скорбящей дѣвѣ сей
Кто бъ не узналъ печальныя Луизы?
Давно въ глазахъ веселье не блеститъ:
Не кажется невинная усмѣшка
Въ ея лицѣ; не пробѣжитъ по немъ,
Хотя ошибкой, радостное чувство:
Но какъ мила она и въ грусти томной!
О, какъ возвышенъ невинной этотъ взглядъ!
Такъ свѣтлый серафимъ тоскуетъ
О пагубномъ паденьи человѣка.
Мила была счастливая Луиза,
Но какъ-то мнѣ въ несчастіи милѣе.
Осьмнадцать лѣтъ тогда минуло ей,
Когда преставился пасторъ разумный
Всей дѣтскою она своей душой
Богонодобнаго любила старца:
И думаетъ въ душевной глубинѣ:
»Нѣтъ, не сбылись живыя упованья

Твои! Какъ, добрый старецъ, ты желалъ
Насъ обвѣнчать передъ святымъ налоемъ,
На-вѣки нашъ союзъ соединить!
Какъ ты любилъ мечтательнаго Ганца!
А онъ.....«

Загляднемъ въ хижину Вильгельма.
Ужъ осень; холодно; и дома онъ
Вытачивалъ съ искусствомъ хитрымъ кружки
Изъ крѣпкаго слоями бука,
Затѣйливой рѣзьбою украшая;
У ногъ его свернувшися лежалъ
Любимый другъ, товарищъ вѣрный, Гекторъ
А вотъ разумная хозяйка Берта
Съ утра уже заботливо хлопочетъ
О всемъ. Толпится также подъ окномъ
Гусей ватага долгошейныхъ; также
Неугомонные кудахчутъ куры;
Чиликаютъ пахалы воробьи,
Весь день въ навозной кучѣ роясь.
Видали ужъ красавца снигиря,
И осенью давно запахло въ полѣ.
И пожелтѣлъ давно зеленый листъ.
И ласточки давно ужъ отлетѣли
За дальнія, роскошныя моря.
Кричитъ разумная хозяйка Берта:
»Такъ долго негодится быть Лунзѣ!
Темнѣетъ день: теперь не то, что лѣтомъ
Ужъ сыро, мокро, и густой туманъ
Такъ холодомъ всего и пронимаетъ
Зачѣмъ бродить? бѣда мнѣ съ этой дѣвкой
Не выкинетъ она изъ мыслей Ганца!
А Богъ знаетъ, онъ живъ ли, или нѣтъ.«
Не то совсѣмъ раздумываетъ Фанни,
За пяльцами сидя въ своемъ углу.
Шестнадцать лѣтъ ей, и, полна тоски

И тайныхъ думъ по идеальномъ другѣ,
Разсѣянно, невнятно говоритъ:
»И я бы такъ, и я бъ его любила.«

КАРТИНА XVII.

Унывна осени пора;
Но день сегодняшній прекраснъ:
На небѣ волны серебра,
И солнца ликъ блестящъ и ясенъ.
Одинъ дорогой почтовой
Бредетъ, съ котомкой за спиной,
Печальный путникъ изъ чужбины.
Унылъ и томенъ онъ, и дикъ,
Идетъ согнувшись, какъ старикъ;
Въ немъ Ганца нѣтъ и половины.
Полупотухшій бродитъ взоръ
По злачнымъ холмамъ, желтымъ нивамъ,
По разноцвѣтной цѣпи горъ;
Какъ-бы въ забвеніи счастливомъ,
Его касается мечта;
Но мысль не тѣмъ ужъ занята:
Онъ въ думы крѣпкія погруженъ.
Ему покой теперь бы нуженъ.

Прошелъ онъ дальній, видно, путь;
Страдаетъ больно, видно, грудь,
Душа страдаетъ, жалко ноя...
Ему теперь не до покоя.

О чемъ же думы крѣпки тѣ?
Дивится самъ онъ суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою,
И зло смѣется надъ собою,
Что повѣрялъ своей мечтой

Свѣтъ ненавистной, слабоумной,
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной,
Что не колеблясь смѣло онъ
Самъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмѣленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятья.
Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки.
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки.
Они позорятъ дивный даръ
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье;
Ихъ холодѣнъ притворный жаръ;
И гибельно ихъ пробужденье.
О, кто бъ нетрепетно проникъ
Въ ихъ усыпительный языкъ!
Какъ ядовито ихъ дыханье!
Какъ ложно сердца трепетанье!
Какъ ихъ коварна голова!
Какъ пустозвучны ихъ слова!

И много истинъ онъ, печальный,
Теперь извѣдалъ и узналъ,
Но самъ счастливѣе ли сталъ
Во глубинѣ души опальной?
Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава,
Но ложенъ чадъ ея густой,
Горька блестящая отрава

Склоняется на западъ день,
Вечерняя длинѣетъ тѣнь;
И облаковъ блестящихъ, бѣлыхъ
Ярчѣе алые края;

На листьяхъ темныхъ, пожелтѣлыхъ
Сверкаетъ золота струя.
И вотъ завидѣлъ странникъ бѣдный
Свои родимые луга,
И взоръ мгновенно вспыхнулъ блѣдный,
Блеснула жаркая слеза.
Рой прежнихъ, тѣхъ забавъ невинныхъ
И тѣхъ проказъ, тѣхъ думъ старинныхъ —
Все разомъ налегло на грудь
И не даетъ ему дохнуть.
И мыслитъ онъ : что̀ это значитъ?
И, какъ ребенокъ слабый, плачетъ.

ДУМА.

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ Небомъ избранный постигъ,
Цѣль высшую существованья.
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учитъ.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твердъ средь сихъ живыхъ обломковъ;
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.

Когда жъ коварныя мечты

Взволнуютъ жаждой яркой доли.
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средъ суеты, —
Не лучше ль въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать?

КАРТИНА XVIII.

Выходятъ звѣзды плавнымъ хоромъ,
Обозрѣваютъ кроткимъ взоромъ
Опочивающій весь міръ,
Блюдутъ сонъ тихій человѣка,
Неспосылаютъ добрымъ миръ,
А злымъ ядъ гибельный упрека.
Зачѣмъ же, звѣзды, грустнымъ вы
Не посылаете покоя?
Для горемычной головы
Вы — радость, и, на васъ покоя
Свой грустный стосковалый взоръ,
Страстей онъ слышитъ разговоръ
Въ душѣ, я васъ онъ призываетъ,
И вамъ онъ пѣнп повѣряетъ.
По-прежнему всегда томна,
Еще Луиза не раздѣлась.
Не спится ей; въ мечтахъ она
На ночь осеннюю заглядѣлась.
Предметъ и тотъ же, и одинъ...
И вотъ восторгъ къ ней въ душу входитъ:
Пѣснь стройную она заводитъ,
Звучитъ веселый клавесинъ.

Внимая шуму листопада,
Промежъ деревьевъ, гдѣ сквозитъ

Изъ стѣнъ рѣшетчатыхъ ограда,
Въ забвеньи сладостномъ, у сада
Нашъ Гаицъ закутавшись стоитъ.
И что же съ нимъ, когда онъ звуки
Давно-знакомые узналъ,
И голосъ тотъ, со дня разлуки,
Что долго, долго не слыхалъ,
И пѣсню ту, что въ страсти жаркой,
Въ любви, въ избыткѣ дивныхъ силъ.
Подъ строй души въ напѣвахъ яркой,
Ее, восторженный, сложилъ!
Чрезъ садъ она звенитъ, несется
И въ упоеньи тихомъ льется:

Тебя зову, тебя зову,
Твоей улыбкою чаруюсь,
Съ тобой не часъ, не два сижу,
Съ тебя очей я не свожу —
Дивуюся, не надивуюсь.

* * *

Поешь ли ты — и звонъ рѣчей
Твоихъ, таинственный, невинный,
Ударитъ въ воздухъ ли пустынный —
Звукъ въ небѣ льется соловьиный,
Гремитъ серебряный ручей.

* * *

Приди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ,
Въ жару чудеснаго волненья!
Пылаетъ сердце въ тишинѣ —
Онѣ горятъ, онѣ въ огнѣ,
Твои покойныя движенья.

* * *

Я безъ тебя грущу, томлюсь,
И позабыть тебя нѣтъ силы.
И пробуждаюсь ли, ложусь,
Всё о тебѣ молюсь, молюсь
Всё о тебѣ, мой ангелъ милый.

* *
*

И вотъ почудилося ей:
Чудеснымъ заревомъ очей
Возлѣ нее блистаетъ кто-то,
И слышитъ вздохъ она кого-то,
И страхъ, и дрожь ее беретъ...
И оглянулась...
»Ганцъ!«...
О, кто пойметъ
Всю эту радость чудной встрѣчи
И взоровъ пламенныя рѣчи,
И этотъ чувствъ счастливый гнетъ!
О, кто такъ пламенно опишетъ
Сію душевную волну,
Когда она грудь рветъ и пышетъ,
Терзаетъ серца глубину,
А самъ дрожишь, въ весельи млѣешь,
Ни думъ, ни словъ найти не смѣешь;
Въ восторгѣ, въ кучѣ сладкихъ мукъ,
Сольешься въ стройный, свѣтлый звукъ!

Опомнясь, Ганцъ глядитъ сквозь слезы
Въ глаза подруги своея
И мыслитъ: »Полно, это грезы;
Пусть же не просыпаюсь я!
Она всё та жъ, и такъ любила
Меня всей дѣтскою душой!
Чело печалію накрыла,
Румянецъ свѣжій изсушила,
Губила вѣкъ свой молодой;

А я, безумный, безтолковый,
Летѣлъ искать кручины новой!.. «
И спалъ страданій тяжкій сонъ
Съ его души; живой, спокойный
Переродился снова онъ,
На время бурей возмущенъ.
Такъ снова блещетъ міръ нашъ стройный.
Въ огнѣ закаленный булатъ
Такъ снова ярче во сто кратъ.

Пируютъ гости; рюмки, чаши
Кругомъ обходятъ и гремятъ;
И старики болтаютъ наши,
И въ танцахъ юноши кипятъ.
Звучитъ протяжнымъ, шумнымъ громомъ
Музыка яркая весь день;
Ворочаетъ веселье домомъ;
Гостепріимно блещетъ сѣнь.
И поселянки молодыя
Чету влюбленную дарятъ:
Несутъ фіалки голубыя,
Несутъ имъ розы огневыя,
Ихъ убираютъ и шумятъ:
Пусть вѣкъ цвѣтутъ ихъ дни младые,
Какъ тѣ фіалки полевыя!
Сердца любовью да горятъ,
Какъ эти розы огневыя!

И въ упоеньи, въ нѣгѣ чувствъ
Заранѣ юноша трепещетъ,
И свѣтлый взоръ весельемъ блещетъ;
И безпритворно, безъ искусствъ
Оковы сбросивъ принужденья,
Вкушаетъ сердце наслажденья
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужъ онъ не станетъ.

Земной поклонникъ красоты.
Но что жъ опять его туманитъ?
(Какъ непонятенъ человѣкъ!)
Прощаясь съ ними онъ на вѣкъ,
Какъ-бы по старомъ другѣ вѣрномъ,
Груститъ въ забвеніи усердномъ.
Такъ въ заключеньи школникъ ждетъ,
Когда желанный срокъ придетъ.
Лѣта къ концу его ученья —
Онъ, полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой,
И размышляетъ онъ, и стонетъ,
И съ невыразною тоской
Слезу невольную уронитъ.

ЭПИЛОГЪ.

Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши,
Въ моей невѣдомой святынѣ,
Такъ созидаются отнынѣ
Мечтанья тихія души.
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?
Взволнуетъ ли кого-нибудь:
Живую юноши ли думу,
Иль дѣвы пламенную грудь?
Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣснію тихую мою,
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.

Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гёте бережетъ,
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

ИТАЛІЯ.

Италія, роскошная страна!
По ней душа и стонетъ и тоскуетъ.
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ,
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ, и вѣетъ ароматъ.

И всю страну объемлетъ вдохновенье,
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣть великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ;
Душа кипитъ, и весь онъ — умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ, погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно-минувшихъ шуму.

Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ;
И радужной въ сіяньи красоты
И жарче, и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ;
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышетъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ;
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна,
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ, весь звукъ и трепетанье!...

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ПОВѢСТИ:

СТРАШНЫЙ КАБАНЪ.

I.

УЧИТЕЛЬ.

Прибытіе новаго лица въ благословенныя мѣста Голтвянскія надѣлало болѣе шуму, нежели пронесшіеся за два года предъ тѣмъ слухи о прибавкѣ рекрутъ, нежели внезапно поднявшаяся цѣна на соль, вывозимую изъ Крыма Украинскими степовиками. Въ шинкѣ, по улицамъ, на мельницѣ, въ винокурнѣ только и рѣчей было, что про пріѣзжаго учителя. Догадливые политики въ сѣрыхъ кобенякахъ и свиткахъ, пуская дымъ себѣ подъ носъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, пытались опредѣлить вліяніе такого лица, которому судьба, казалось, при рожденіи указала высоту чуть-чуть не надъ головами всѣхъ мірянъ, которое живетъ въ панскихъ покояхъ и обѣдетъ за однимъ столомъ съ обладательницею пятидесяти душъ ихъ селенія. Поговаривали, что званія учителя для него мало, что, безъ всякаго сомнѣнія, вліяніе его будетъ накинуто и на хозяйственную систему; по крайней мѣрѣ уже, вѣрно, не отъ другого кого-либо будетъ зависѣть наряженіе подводъ, отпускъ муки, сала и проч. Нѣкоторые съ значительнымъ видомъ давали замѣтить, что едва ли и самъ приказчикъ не будетъ теперь пулемъ. Одинъ только *мирóшникъ* (*), Солопій Чубкó,

(*) Мельникъ.

дерзнулъ утверждать, что старшинамъ со стороны его нечего опасаться, что готовъ онъ держать закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ Решетиловскихъ смушковъ, если смыслитъ учитель, какъ остановить пятерню и поворотить застоявшійся жерновъ. Но важная осанка, блистательное торжество надъ дьячкомъ, громоподобный басъ, приведши въ умиленіе всѣхъ прихожанъ, живы были во всеобщей памяти, и выгодное мнѣніе объ учителѣ подтверждалось. И если въ честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, зато любезныя сожительницы ихъ не ударили себя лицомъ въ грязь: одаренныя тѣмъ звонкимъ и пронзительнымъ языкомъ, который, по непсповѣдимымъ велѣніямъ судьбы, у женщинъ почти въ четверо быстрѣе поворачивается, нежели у мущинъ, онѣ гибко развертывали его, въ опроверженіе и защиту достоинствъ учителя.

Трескотня и разноголосица, прерываемыя взвизгиваньемъ и бранью, раздавались по мирнымъ закоулкамъ села Мандрыкъ. А какъ почтѣннѣйшія обитательницы его имѣли похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицамъ то и дѣло что находили кумушекъ, уцѣпившихся такъ плотно другъ за друга, какъ подлипало цѣпляется за счастливца, какъ скряга за свой боковой карманъ, когда улица уходитъ въ глушь и одинокій фонарь отливаетъ потухающій свѣтъ свой на палевыя стѣны уснувшаго города. Болѣе всего доставалось муженькамъ, пытавшимся разнимать ихъ: очипки, черепья какъ градъ летѣли имъ на голову, и часто раздраженная кумушка, въ пылу своего гнѣва, вмѣсто чужого, колотила собственнаго сожителя.

Въ это время педагогъ нашъ почти освоился въ домѣ Анны Ивановны. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ семинаристовъ, *убоявшихся бездны премудрости*; которыми ***ская семинарія снабжаетъ не слишкомъ зажиточныхъ панковъ въ Малороссіи, рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя. Впрочемъ Иванъ Осиповичъ дошелъ даже до Богословіи и залетѣлъ бы невѣсть куда, вѣроятно еще далѣе, если бы не шалуны, его товарищи, которые безпрестанно подсмѣивались надъ усами и колючею его бородой. Съ годами, когда одни выходили совсѣмъ, а на мѣсто ихъ поступали моложе и моложе, ему наконецъ не давали про-

хода: то бросали цѣпкимъ репейникомъ въ бороду и усы; то привѣшивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову пескомъ, или подсыпали въ табакерку его чемерки, такъ что Иванъ Осиповичъ, наскучa быть безмолвнымъ зрителемъ безпрестанно мѣнявшагося вѣтреннаго поколѣнія и дѣтской игрушкой, принужденъ былъ бросить семинарію и опредѣлиться *на ваканцію*. (1)

Перемѣщеніе это сдѣлало важную эпоху и переломъ въ его жизни. Безпрестанныя насмѣшки и проказы шалуновъ замѣстило наконецъ какое-то почтеніе, какая-то особенная пріязнь и расположеніе. Да и какъ было не почувствовать невольнаго почтенія, когда онъ появлялся бывало въ праздникъ въ своемъ свѣтло-синемъ сюртукѣ, — замѣтьте: въ свѣтло-синемъ сюртукѣ; это немаловажно. Долгомъ поставляю надоумить читателя, что сюртукъ вообще (не говоря уже о синемъ), будь только онъ не изъ смураго сукна, производитъ въ селахъ, на благословенныхъ берегахъ Голтвы, удивительное вліяніе: гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки, и солидныя, вооруженныя черными сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясь почтительные поклоны. Всѣхъ сюртуковъ, полагая въ то число и хламиду дьячка, считалось въ селѣ три; но какъ величественная тыква гордо громоздится и заслоняетъ прочихъ поселенцовъ богатой *бакши* (2), такъ и сюртукъ нашего пріятеля затемнялъ прочихъ собратьевъ своихъ. Болѣе всегопридавали ему прелести большія костяныя пуговицы, на которыя толпами заглядывались уличные ребятишки. Не безъ удовольствія слышалъ нашъ щеголеватый наставникъ юношества, какъ матери показывали на нихъ грудным ребятамъ, и малютки, протягивая ученки, лепетали: *Цяця, цяця* (3)! За столомъ пріятно было видѣть, какъ чинно, съ какимъ умиленіемъ, почтенный наставникъ, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія. Ни слова постороннаго, ни движенія лишняго; весь переселялся онъ, казалось, въ свою тарелку. Опоражнивъ ее такъ,

(1) Эти слова въ Украинскихъ семинаріяхъ значатъ: пойти въ домашніе учители.

(2) Пива, засѣянная арбузами, дынями, тыквами и т. п.

(3) Хорошо! хорошо! — *Пр. изд.: Цяця* — имя существительное и означаетъ: игрушка.

что никакія принадлежащія къ гастрономіи орудія, какъ-то: вилка и ножъ, ничего уже не могли захватить, отрѣзывалъ онъ ломтикъ хлѣба, вздѣвалъ его на вилку и этимъ орудіемъ проходилъ въ другой разъ по тарелкѣ, послѣ чего она выходила чистою, будто изъ фабрики. Но все это, можно сказать, были только наружныя достоинства, выказывавшія въ немъ знаніе тонкихъ обычаевъ свѣта, и читатель дастъ большой промахъ, если заключитъ, что тутъ-то были и всѣ способности его. Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ иныя держалъ подъ секретомъ, какъ-то: составленіе лекарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, искуство окрашивать посредствомъ одной только дубовой коры и острой водки въ лучшій красный цвѣтъ. Сверхъ того онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внучка Анны Ивановны фигурки изъ бумаги, въ зимніе вечера моталъ мотки и даже прялъ.

Удивительно ли, если съ такими даровавіями сдѣлался онъ необходимымъ человѣкомъ въ домѣ, если вся дворня была безъ ума отъ него, не смотря, что лицо его, и окладомъ, и цвѣтомъ, совершенно походило на бутылку, что огромнѣйшій ротъ его, котораго дерзкимъ покушеніямъ едва полагали преграду оттопырившіяся уши, поминутно строилъ гримассы, приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имѣли цвѣтъ яркой зелени, глаза, какими, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ герой въ лѣтописяхъ романовъ не былъ одаренъ! Но, можетъ быть, женщины видятъ болѣе насъ. Кто разгадаетъ ихъ? Какъ бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна свѣдѣніями учителя въ домашнемъ хозяйствѣ, въ умѣніи дѣлать настойку на шафранѣ и herba rabarbarum, въ искуспомъ разматываніи мотковъ и вообще въ великой наукѣ жить въ свѣтѣ. Ключницѣ болѣе всего нравился щегольской сюртукъ и умѣнье одѣваться; впрочемъ и она замѣтила, что учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать, или кушать. Маленькаго внучка забавляли до чрезвычайности бумажные пѣтухи и человѣчки. Самъ кудлатый бровко́, едва только завидитъ бывало его, выходящаго на крыльцо, какъ, ласково помахивая хвостомъ своимъ, побѣжитъ къ нему на-встрѣчу и безъ церемоніи цѣлуетъ его въ губы, если только

учитель, забывъ важность, приличную своему сану, соизволитъ присѣсть подъ величественнымъ фронтономъ. Одни толко два старшіе внука и домашніе мальчишки, съ которыми проходилъ онъ *Азъ — Ангелъ, Архангелъ. Буки, — Богъ, Божество, Богородица,* боялись краснорѣчивыхъ лозъ грознаго педагога.

Въ краткое пребываніе свое, Ивинъ Осиповичъ успѣлъ уже и самъ сдѣлать свои наблюденія и заключить въ головѣ своей будто на вогнутомъ стеклѣ, миніятюрное отраженіе окружавшаго его міра. Первымъ лицомъ, на которомъ остановилось почтительное его наблюденіе, какъ, вѣрно, вы догадаетесь, была сама владѣтельница помѣстья. Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною, въ темнокофейномъ ея капотѣ, въ чепчикѣ (покрой котораго утратился въ толпѣ событій, знаменовавшихъ XVIII столѣтіе), въ коричневомъ шушунѣ, въ башмакахъ безъ задковъ, глаза его узнали тотъ періодъ жизни, который есть слабое повтореніе минувшихъ, холодный, безцвѣтный переводъ созданій пламеннаго, кипящаго вѣчными страстями поэта, —тотъ періодъ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія. Впрочемъ вѣчныя заботы и страсть хлопотать нѣсколько одушевляли потухшую жизнь въ чертахъ ея, а бодрость и здоровье были вѣрною порукою еще за тридцать лѣтъ впередъ. Все время отъ пяти часовъ утра до шести вечера, то есть, до времени успокоенія, было безпрерывною цѣпью занятій. До семи часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ, успѣвала побраниться съ прикащикомъ, накормить куръ и домороще-ныхъ гусей, до которыхъ она была охотница. До обѣда, который не бывалъ позже двѣнадцати часовъ, завертывала въ пекарню и сама даже пекла хлѣбы и особеннаго рода кренделя на меду и на яйцахъ, которыхъ одинъ запахъ производилъ непостижимое волненіе въ педагогѣ, страстно привязанномъ ко всему, что питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка. Время отъ обѣда до ве-

чера мало ли чѣмъ заняться хозяйкѣ? красить шерсть, мѣрять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способовъ, секретовъ, домашнихъ средствъ производится въ это время въ дѣйство! Отъ наблюдательнаго взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславія, и потому положилъ онъ за правило разсыпаться, разумѣется, сколько позволяла природная его застѣнчивость, въ похвалахъ необыкновенному ея искусству и знанію хозяйничать; и это, какъ послѣ увидѣлъ онъ, послужило ему въ пользу: почтенная старушка до тѣхъ поръ не закупоривала сладкихъ наливокъ и варенья, покамѣсть Иванъ Осиповичъ, отвѣдавъ, не объявлялъ превосходной доброты того и другого. Всѣ прочія лица стояли въ тѣни предъ этимъ свѣтиломъ, такъ какъ всѣ строенія во дворѣ, казалось, пресмыкались предъ чуднымъ зданіемъ съ великолѣпнымъ его фронтономъ. Только для глазъ пронырливаго наблюдателя замѣтны были ихъ взаимныя соотношенія и особенный колоритъ, обозначавшій каждаго, и тогда ему открывалось, словно въ муравьиномъ рою, вѣчное движеніе, суматоха и ни на минуту неостанавливавшійся шумъ. И педагогъ нашъ, какъ мы уже видѣли, умѣлъ угодить на вкусъ всѣхъ и, какъ могучій чародѣй, приковать къ себѣ всеобщее почтеніе.

Непонятны только были причины, заставившія его сблизиться съ кухмистромъ. Высокое ли уваженіе, которое Иванъ Осиповичъ невольно чувствовалъ къ его искусству, другое ли какое обстоятельство, мы этого не беремся рѣшить. Довольно, что не прошло двухъ дней — и въ Мандрикахъ воскресли Орестъ и Пиладъ новаго міра. Но еще непонятнѣе была власть кухмистра надъ нашимъ педагогомъ, такъ что отъ природы скромный, застѣнчивый учитель, небравшій ничего въ ротъ, кромѣ лекарственной настойки на буквицу и herba rebarbarum, невольно плелся за нимъ по шинкамъ и по всѣмъ закоулкамъ, куда разгульный кухмистръ нашъ показывалъ только носъ свой. Ивану Осиповичу правилось романическое положеніе его мѣстопребыванія. Скоро осмотрѣлъ онъ обступившіе въ неравный кружокъ просторный господскій дворъ — кухню, сараи, анбары, конюшни и кладовыя, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на густо разросшемся садѣ, ко-

тораго гигантскіе обитатели, закутанные темно-зелеными плащами, дремали, увѣнчанные чудесными сновидѣніями, или вдругъ, освободясь отъ грезъ, рѣзали вѣтвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздухъ, и тогда по листамъ ходили непонятныя рѣчи, и мѣрныя, величественныя движенія всего ихъ тѣла напоминали древнихъ лицедѣевъ, вызывавшихъ на поприще Мельпомены великія тѣни усопшихъ. Но глаза нашего учителя искали своего предмета и лѣпились около не столь высокопарныхъ жильцовъ сада, зато увѣшанныхъ съ ногъ до головы грушами и яблоками, которыми кипитъ роскошная Украйна. Отсюда продирались они къ кухнѣ, за которою стлались плантаніи гороху, капусты, картофелю и вообще всѣхъ зелій, входящихъ въ микстуру деревенской кухни. Не безъ особеннаго удовольствія вошелъ онъ въ чистую, опрятно выбѣленную и прибранную комнату, опредѣленную для его помѣщенія, съ окошкомъ, глядѣвшимъ на прудъ и на луговую, окутанную туманомъ окрестность.

Мы имѣли уже случай замѣтить нѣчто о вліяніи нашего учителя на Мандрйковскихъ красавицъ: потупленные взгляды, перешептываніе, низкіе поклоны показывали, что овладѣніе имъ считала каждая изъ нихъ немаловажнымъ дѣломъ. Впрочемъ не мѣшаетъ припомнить любезному читателю, что на Иванѣ Осиповичѣ былъ синій фабричнаго сукна сюртукъ съ черными, величиною съ большой грошъ, костяными пуговицами; и такъ ему очень было простительно перетолковать въ свою пользу перемигиванья чернобровыхъ проказницъ. Но къ счастью, или несчастью, чувство, такъ много извѣстное бѣдному человѣчеству, наносившее ему съ незапамятныхъ временъ море нестерпимыхъ мукъ, не касалось нашего педагога. Въ этомъ случаѣ Иванъ Осиповичъ былъ настоящій стопкъ и, не смотря на то, что не дошелъ еще до *философіи*, онъ твердо зналъ, что ни одинъ изъ философовъ, начиная отъ Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинаріи, не ставилъ ни во что причудливую половину человѣческаго рода; ergo любви не существуетъ. Такія положенія, обратившіяся у него наконецъ въ правила, были слишкомъ, тверды... Homo proponit, Deus disponit, говаривалъ часто лекторъ ***ской семинаріи, отсчитывая удары линейкою лѣнивымъ своимъ слушателямъ; а потому и

мы въ слѣдующей главѣ увидимъ небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, доселѣ неуклонно шествовавшій стезею своихъ великихъ наставниковъ и бившій ровнымъ пульсомъ въ своей бутылкообразной сферѣ.

II

УСПѢХЪ ПОСОЛЬСТВА.

(Кухмистеръ, не смотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную имъ при видѣ мывшейся на берегу пруда Катерины, рѣшается исполнить данное имъ учителю обѣщаніе и быть посланникомъ и представителемъ его страсти. Съ такимъ намѣреніемъ отправляется онъ въ хату козака Харка Потылицы.)

Окончивъ туалетъ свой, Онисько не безъ боязни и тайнаго удовольствія переступилъ черезъ порогъ. Бѣсъ какъ-будто нарочно дразнилъ его (самъ онъ послѣ признавался въ этомъ), поминутно рисуя передъ нимъ стройныя ножки сосѣдки. »Эхъ, если бы не учитель!« повторялъ онъ нѣсколько разъ самъ себѣ: »ну что бы задумать ему немного позже влюбиться?«... И, въ задумчивости, тихими шагами онъ мѣрялъ широкій выгонъ, по которому бѣжала его дорога. Разноголосный лай прорѣзалъ облекавшую его тучу задумчивости, и мысли его, какъ дикія утки, переполошась, разлетѣлись во всѣ стороны. Поднявъ глаза, увидѣлъ онъ, что далѣе идти некуда. Передъ нимъ торчали ворота, сквозь которыя, какъ сквозь транспарантъ, свѣтилось все недвижимое имущество козака. Мелькнула спняя запаска, огненная лента... Сердце въ немъ вспрыгнуло:.. и бѣлокурая красавица, разгоняя хворостиной докучныхъ собакъ, встрѣтила его, отворяя ворота.

Дворъ Харка представлялъ собою большой на покатости къ пруду квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ плетнемъ. Когда ворота были отперты, глаза ударялись прямо въ чисто выбѣленную хату съ большими, неровной величины окнами, съ почернѣвшею отъ старости дубовою дверью, съ низенькимъ изъ глины

фундаментомъ *(при́сьбою)*, обремененнымъ, по обыкновенію Малороссіянъ, бѣльемъ, миской и какимъ-нибудь инвалидомъ-горшкомъ, которому, не смотря на раны и увѣчье, не даютъ отставки и, въ награду за ревностную службу, наливаютъ помоями. По сторонамъ избы, стояли съ растрепанными крышами хлѣвы и анбары. Изъ-за хаты возвышалось гумно; изъ-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверхъ которой уже ходили только одни облака и плавали голуби. Къ пруду, какъ богатая Турецкая шаль, развернулся огородъ козака. Кучи соломы разпесены были по всему двору.

Катерина показалась немного удивленною приходомъ Опи́ська. Полагая, что его, безъ всякаго сомнѣнія, завлекла нужда къ ея отцу, отворила въ половину только ворота и проговорила съ нѣкоторою застѣнчивостью: »*Ба́тька* нѣтъ дома, да врядъ ли и къ вечеру будетъ!«

»*Неха́й ёму́ такъ поле́генько икне́тця, якъ съ тыну ввірве́тця!* Что бы я былъ за олухъ Царя небеснаго, когда бы сталъ убирать постную кашу, когда передъ самимъ носомъ вареники въ сметанѣ?«

Бѣлокурая красавица остановилась въ недоумѣніи, не зная, какъ понимать слова его. Улыбка, вызванная наружу этою странностью, показалась на лицѣ ея и ожидала, казалось, пзъясненія.

Кухмистеръ почувствовалъ самъ, что выразился не совсѣмъ ясно и, притомъ, помянувъ отца ея немного шероховатыми словами, онъ продолжалъ: »Нелегкая понесла бы меня къ *батьку*, когда есть такая хорошенькая дочка!«

»А, вотъ что!« проговорила Катерина, усмѣхнувшись и покраснѣвъ. »Милости просимъ!« и пошла впередъ его къ дверямъ хаты.

Дѣвушки въ Малороссіи имѣютъ гораздо болѣе свободы, нежели гдѣ-либо, и потому не должно показаться удивительнымъ, что красавица наша, безъ вѣдома отца, принимала у себя гостя. »Ты пѣшкомъ сюда пришелъ, Опиcько?« спросила она его, садясь на *при́сьбѣ* у дверей хаты и стараясь принять степенный видъ, хотя лукавая улыбка явно измѣняла ей и заставляла противъ воли показать рядъ красивыхъ зубовъ.

»Какъ пѣшкомъ?... Что за нелегкая! неужели она знаетъ про вчерашнее?« подумалъ кухмистеръ. — »Безъ всякаго сомнѣнія пѣшкомъ, моя красавица. Чортъ ли бы заставилъ меня запрягать нарочно панскаго *тѣдого*, чтобы только перетанцться изъ одного двора въ другой!«

»Однакожъ отъ кухни до *коморы* не такъ-то далеко.«

Тутъ, не удержавшись болѣе, она захохотала.

»Нѣтъ, плутовка! самъ лукавый не хитрѣе этой дѣвки!« повторилъ самъ себѣ нѣсколько разъ кухмистеръ и громогласно послалъ учителя къ чорту, позабывъ и пріязнь, и дружбу ихъ.

»Однакожъ, моя красавица, я бы согласился, чтобъ у меня пригорѣли на сковородѣ караси съ свѣже-просольными *опёньками*, лишь бы только ты еще разъ этакъ засмѣялась.«

Сказавъ это, кухмистеръ не утерпѣлъ, чтобъ не обнять ее.

»Вотъ этого-то я ужъ и не люблю!« вскрикнула покраснѣвъ Катерина и принявъ на себя сердитый видъ. »Ей Богу, Опиcько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь, то я прямехонько пущу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ.«

При семъ словѣ, сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: я не въ состояніи буду этого сдѣлать.

»Полно же, полно! *не возомъ зацѣпилъ тебя*. Есть изъ чего сердиться! какъ-будто Богъ знаетъ какая бѣда — обнять красную дѣвушку.«

»Смотри, Опиcько: я не сержусь«, сказала она, садясь немного отъ него подалѣе и принявъ снова веселый видъ. »Да что̀ ты, послышалось мнѣ, упомянулъ про учителя?«

Тутъ лицо кухмистера сдѣлало самую жалкую мину и по крайней мѣрѣ на вершокъ вытянулось длиннѣе обыкновеннаго. »Учитель.... Иванъ Осиповичъ, то есть.... Тьфу, дьявольщина! у меня, какъ-будто послѣ запеканки, слова глотаются прежде, нежели успѣваютъ выскочить изо рта. Учитель.... вотъ что̀ я тебѣ скажу, *сердце!* Иванъ Осиповичъ *вклепался* (1) въ тебя такъ, что.... ну, словомъ — разсказать нельзя. Кручинится да горюетъ, какъ покойная бурая, которую *пани* купила у Жида, и ко-

(1) То есть влюбился.

торая околѣла послѣ *запала*. Что̀ дѣлать? сжалился надъ бѣднымъ человѣкомъ : пришелъ на-удачу похлопотать за него.«

»Хорошую же ты выбралъ себѣ должность!« прервала Катерина съ нѣкоторою досадой. »Развѣ ты ему сватъ, или *родичъ* какой? Я совѣтовала бы тебѣ еще набрать изо всего околотка бродягъ къ себѣ въ кухню, а самому отправиться по міру выпрашивать подъ окнами для нихъ милостыни.«

»Да это все такъ; однакожъ я знаю, что тебѣ любо, и слишкомъ любо, что вздумалось учителю приволокнуться....«

»Мнѣ любо? Слушай, Онисько : если ты говоришь съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надо мною, то съ этого мало тебѣ прибудетъ. Стыдно тебѣ же, что ты обносишь бѣдную дѣвушку! Если же вправду такъ думаешь, то ты, вѣрно, уже напглупѣйшій изо всего села. Слава Богу, я еще не ослѣпла; слава Богу, я еще при своемъ умѣ.... Но ты не съ дуру это сказалъ : я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты, вѣрно, думалъ.... Нѣтъ, ты недобрый человѣкъ!«

Сказавъ это, она отерла шитымъ рукавомъ своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардѣвшейся щечкѣ, будто падающая звѣзда по теплому вечернему небу.

»Чортъ побери всѣхъ на свѣтѣ учителей!« думалъ про-себя Онисько, глядя на зардѣвшееся личико Катерины, на которомъ по-прежнему показавшаяся улыбка долго спорила съ непріятнымъ чувствомъ и наконецъ разсѣяла его. — »Убей меня громъ на этомъ самомъ мѣстѣ!« вскричалъ онъ наконецъ, не могши преодолѣть внутренняго волненія и обхватывая одной рукою круглѣнькой станъ ея, »если я не такъ же радъ тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, какъ старый *бровко́*, когда я вынесу ему помои!«

»Нашелъ, чему радоваться! поэтому ты станешь еще болѣе скалить зубы, когда услышишь, что почти всѣ дѣвушки нашего села говорятъ то же.«

»Нѣтъ, Катерина, этого не говори. Дѣвушки-то любятъ его. Намедни шли мы съ нимъ черезъ село, такъ то и дѣло, что выглядываютъ изъ-за плетня, словно лягушки изъ болота. Глянь направо — такъ и пропала, а съ лѣвой стороны выглядываетъ дру-

гая. Только дьяволъ побери ихъ вмѣстѣ съ учителемъ! Я бы отдалъ штофъ лучшей третьепробной водки, чтобъ узнать отъ тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на копейку?«

»Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свѣтѣ не вышла за пьяницу. Кому любо жить съ нимъ? Несчастная доля семьѣ той, гдѣ выберется такой человѣкъ; въ хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодныя дѣти плачутъ.... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! пусть Богъ милуетъ! Дрожь обдаетъ меня при одной мысли объ этомъ....«

Тутъ прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Какъ осужденный, съ поникнутою головою, погрузился кухмистеръ въ свое протекшее. Тяжелыя думы, порожденія тайнаго угрызенія сердечнаго, вырѣзывались на лицѣ его и показывали ясно, что на душѣ у него не слишкомъ было радостно. Пронзительный взоръ Катерины, казалось, прожигалъ его внутренность и подымалъ наружу всѣ разгульные поступки, проходившіе передъ нимъ длинною, почти безконечною цѣпью.

»Въ самомъ дѣлѣ, на что я похожъ? кому угодно житье мое? только что досаждаю *панн*. Что я сдѣлалъ до сихъ поръ такого, за что бы сказалъ мнѣ спасибо добрый человѣкъ? Всё гулялъ да гулялъ! Да гулялъ ли когда-нибудь такъ, чтобы и на душѣ, и на сердцѣ было весело? Напьешься какъ собака, да и протрезвившься тоже какъ собака, если не протрезвятъ тебя еще хуже. Нѣтъ, прахъ возьми.... собачья моя жизнь!«

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философскія разсужденія съ самимъ собою, и потому, положивъ на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала въ полголоса: »Не правда ли, Онисько, ты не станешь болѣе пить?«

»Не стану, мое *сéрденько,* не стану; пусть ему всякая всячина! Все для тебя готовъ сдѣлать.«

Дѣвушка посмотрѣла на него умильно, и восхищенный кухмистеръ бросился обнимать ее, осыпая градомъ поцѣлуевъ, какими давно не оглашался мирный и спокойный огородъ Харка.

Едва только влюбленные поцѣлуи успѣли раздаться, какъ звонкій и пронзительный голосъ страшнѣе грома поразилъ слухъ раз-

нѣжившихся. Поднявъ глаза, кухмистеръ съ ужасомъ увидѣлъ стоявшую на плетнѣ Симониху.

»Славно, славно! ай да ребята! У насъ по селу еще и не знаютъ, какъ парни цѣлуются съ дѣвками, когда батька нѣтъ дома! Славно! ай да Мандрйковская овечка! Говорите же теперь, что лжетъ поговорка: въ тихомъ омутѣ черти водятся! Такъ вотъ что̀ дѣется! такъ вотъ какія шашни!...«

Со слезами на глазахъ, принуждена была красавица уйти въ хату, зная, что ничѣмъ инымъ нельзя было избавиться отъ ядовитыхъ рѣчей содержательницы шинка.

»Типунъ бы тебѣ подъ языкъ, старая вѣдьма!« проговорилъ кухмистеръ. »Тебѣ какое дѣло?«

»Мнѣ какое дѣло?« продолжала неутомимая шинкарка; »вотъ прекрасно! Парни изволятъ лазить черезъ плетни въ чужіе огороды, дѣвки подманиваютъ къ себѣ молодцовъ — и мнѣ нѣтъ дѣла! изволятъ *женихаться*, цѣлуются — и мнѣ нѣтъ дѣла! Ты слышалъ ли, Карпо?« вскричала она, быстро оборотясь къ мимо проходившему мужику, который, не обращая ни на что̀ вниманія, шелъ, помахивая батогомъ, впереди также медленно выступавшей коровы: »слышалъ ли ты? постой на минуточку. Тутъ такая исторія! Харькова дочка....«

»Тьфу, дьяволъ!« вскричалъ кухмистеръ, плюнувъ въ сторону и потерявъ послѣднее терпѣніе. »Самъ сатана перерядился въ эту бабу. Постой, яга! развѣ не найду уже, чѣмъ отплатить тебѣ!«

Тутъ кухмистеръ нашъ занесъ ногу на плетень и въ одно мгновеніе очутился въ панскомъ саду.

Было уже нерано, когда онъ пришелъ на кухню и принялся стряпать ужинъ. Евдоха, однакожъ, не могла не замѣтить во всемъ необыкновенной его разсѣянности. Часто задумчивый кухмистеръ подливалъ уксусу въ сметанную кашу, или съ важнымъ видомъ надвигалъ свою шапку на вертелъ и хотѣлъ жарить ее вмѣсто курицы. За ужиномъ Анна Ивановна никакъ не могла понять, отчего каша была кисла до невѣроятности, а соусъ такъ пересоленъ, что не было никакой возможности взять въ ротъ. Единственно только изъ уваженія къ понесеннымъ имъ въ тотъ день трудамъ

оставили его въ покоѣ : въ другое время это не прошло бы даромъ нашему герою.

»Нѣтъ, господинъ учитель!« твердилъ онъ, ложась на свою деревянную лавку и подмащивая подъ голову свою куртку, »не видать вамъ Катерины, какъ ушей своихъ!« И, завернувъ голову, какъ доморощенный гусь, погрузился въ мечты, а съ ними и въ сонъ.

ЖЕНЩИНА.

»Адское порожденіе! Зевсъ Олимпіецъ! О, ты неумолимъ въ своей ярости! Ты захотѣлъ наслать бичъ на міръ, ты извлекъ весь ядъ, незамѣтно разлитый въ нѣдрахъ прекрасной земли твоей, сжалъ его въ одну каплю, гнѣвно бросилъ ее свѣтодарною десницей и отравилъ ею чудесное твореніе свое: ты создалъ женщину! Тебѣ завидно стало бѣдное счастіе наше, тебѣ не желалось, чтобы человѣкъ источалъ вѣчное благословеніе изъ нѣдръ благодарнаго сердца; пусть лучше проклятіе сверкаетъ на преступныхъ устахъ его.... ты создалъ женщину!«

Такъ говорилъ, представъ передъ Платона, Телеклесъ, юный ученикъ его. Глаза его кидали пламя, по щекамъ бушевалъ пожаръ, и дрожащія губы пересказывали мятежную бурю растерзанной души. Рука его съ негодованіемъ откидывала пурпуровыя волны богатой одежды, и растегнутая пряжка небрежно впѣла на дѣвственной груди юноши.

»Что, мой божественный учитель? не ты ли представлялъ намъ ее въ богоподобномъ, небесномъ облаченіи? Не твои ли благоухающія уста лили дивныя рѣчи про нѣжную красоту ея? Не ты ли училъ насъ такъ пламенно, такъ невещественно любить ее? Нѣтъ, учитель! твоя божественная мудрость еще младенецъ въ познаніи безкопечной бездны коварнаго сердца. Нѣтъ, нѣтъ, и тѣнь свирѣпаго опыта не обхватывала свѣтлыхъ мыслей твоихъ: ты не знаешь женщины!«

Огненныя слезы брызнули изъ глазъ его; окутавъ голову хитономъ и закрывъ лицо руками, прислонился онъ къ мраморной ко-

лонѣ, на которой роскошно покоилось богатое Коринѳское оглавіе, осыпанное искрами лучей. Глубокій, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди юноши, какъ-будто всѣ тайные нервы души, всѣ чувства и все, что находится внутри человѣка, издало у него скорбные звуки и звуки эти прошли потрясеніемъ по всему составу, и созерцаемая чувствами природа, въ безсиліи разсказать безсмертныя, вѣчныя муки души, переродилась въ одинъ болѣзненный стонъ.

Между тѣмъ вдохновенный мудрецъ въ безмолвіи разсматривалъ его, выражая на лицѣ своемъ думы, еще напечатлѣнныя прежнимъ высокимъ размышленіемъ. Такъ остатки дивнаго сновидѣнія долго еще не разстаются и мѣшаются съ началами идей, покамѣстъ человѣкъ совершенно не входитъ въ міръ дѣйствительности. Свѣтъ сыпался роскошнымъ водопадомъ, чрезъ смѣлое отверстіе въ куполѣ, на мудреца и обливалъ его сіяніемъ; казалось, въ каждой вдохновенной чертѣ лица его свѣтилась мысль и высокія чувства.

»Умѣешь ли ты любить, Телеклесъ?« спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ.

»Умѣю ли любить я!« быстро подхватилъ юноша: »спроси у Зевса: умѣетъ ли онъ маніемъ бровей колебать землю? спроси у Фидія: умѣетъ ли онъ мраморъ зажечь чувствомъ и воплотить жизнь въ мертвой глыбѣ? Когда въ жилахъ моихъ кипитъ не кровь, но острое пламя, когда всѣ чувства, всѣ мысли, я весь перерождаюсь въ звуки, когда звуки эти горятъ и душа звучитъ одною любовью, когда рѣчи мои — буря, дыханіе — огонь... Нѣтъ, нѣтъ! я не умѣю любить! Скажи же мнѣ, гдѣ тотъ дивный смертный, кто обладаетъ этимъ чувствомъ? Ужъ не открыла ли премудрая пиѳія это чудо между людьми?«

»Бѣдный юноша! Вотъ что люди называютъ любовью! вотъ какая участь готовится для этого кроткаго существа, въ которомъ боги захотѣли отразить красоту, подарить міру благо и въ немъ показать свое присутствіе на землѣ! Бѣдный юноша! ты бы сжегъ своимъ раскаленнымъ дыханіемъ это кроткое существо; ты бы возмутилъ бурею страстей это чистое сіяніе! Знаю, ты хочешь говорить мнѣ объ измѣнѣ Алкиноя. Твои глаза были сами свидѣтелями... но были ли они свидѣтелями твоихъ собствен-

ныхъ мятежныхъ движеній, совершавшихся въ то время во глубинѣ души твоей? Высмотрѣлъ ли ты напередъ себя? Не весь ли бунтъ страстей кипѣлъ въ глазахъ твоихъ? а когда страсти узнавали истину? Чего хотятъ люди? они жаждутъ вѣчнаго блаженства, безконечнаго счастія, и довольно одной минутной горечи, чтобы заставить ихъ дѣтски разрушить все медленно строившееся зданіе! Пусть глазами твоими смотрѣла сама истина, пусть это правда, что прекрасная Алкиноя очернила себя коварною измѣной. Но вопроси свою душу: что былъ ты, что была она въ то время, когда ты и жизнь, и счастіе, и море восторговъ находилъ въ Алкиноиныхъ объятіяхъ? Переверни огненные листы своей жизни, и найдешь ли ты хотя одну страницу краснорѣчивѣе, божественнѣе той? Захотѣлъ ли бы ты взять всѣ драгоцѣнные камни царей Персидскихъ, все золото Ливіи за тѣ небесныя мгновенія? И что противъ нихъ и первая почесть въ Аѳинахъ, и верховная власть въ народѣ!... И существо, которое, какъ прометей, все, что ни похитило прекраснаго отъ боговъ, принесло въ даръ тебѣ, водворило небо со свѣтлыми его небожителями въ твою душу, ты поражаешь преступнымъ проклятіемъ, когда вся твоя жизнь должна переродиться въ благодарность, когда ты долженъ весь выплиться слезами и умиленіемъ, и кроткимъ гимномъ жизнедавцу Зевесу, да продлитъ прекрасную жизнь ея, да отвѣетъ облако печали отъ свѣтлаго чела ея.

»Устреми на себя испытующее око: чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкиноп! сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеній постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душою и во сколько придвинулся ближе къ верховному благу! Мы зрѣемъ и совершенствуемся, но когда? когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину. Посмотри на роскошныхъ Персовъ: они переродили своихъ женщинъ въ рабынь, и что же? имъ недоступно чувство пзящнаго — безконечное море духовныхъ наслажденій; у нихъ не выбьется изъ сердца искра при видѣ богини Праксителевой; восторженная душа ихъ не заговоритъ съ безсмертною душою мрамора и не найдетъ отвѣтныхъ звуковъ. Что женщина? языкъ боговъ! Мы дивимся кроткому свѣтлому челу

мужа, но не подобіе боговъ созерцаемъ въ немъ: мы видимъ въ немъ женщину, мы дивимся въ немъ женщинѣ, и въ ней только уже дивимся богамъ. Она поэзія, она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ горятъ ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе и чѣмъ въ большемъ объемѣ они отразились, тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается — она женщина: когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость — она мущина. Отчего же художникъ съ такимъ несытымъ желаніемъ стремится превратить безсмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Оттого, что имъ управляетъ одно высокое чувство —выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мущинѣ женщину. И если непарокомъ ударятъ въ нее очи жарко понимающаго искусство юноши, что они ловятъ въ безсмертной картинѣ художника? видятъ ли они вещество въ ней? Нѣтъ, оно исчезаетъ, и предъ ними открывается безграничная, безконечная, безплотная идея художника. Какими живыми пѣснями заговорятъ тогда духовныя его струны! какъ ярко отзовутся въ немъ, какъ-будто на призывъ родины, и безвозвратно умчавшееся, и неотразимо грядущее! какъ безплотно обнимется душа его съ божественною душою художника! Какъ сольются онѣ въ невыразимомъ духовномъ поцѣлуѣ!... Что бъ были высокія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не осѣнялись, не преображались нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у міра — и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Анда. Что такое любовь? Отчизна души, прекрасное стремленіе человѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ эонномъ лонѣ души женщины, когда отыщетъ въ ней своего отца — вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ — дотолѣ невыразимыя землею чувства и явленія, что тогда съ нею? Тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки,

прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности...«

Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ ними стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе ихъ бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амврозіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами поножья нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ, сбросивъ ревнивую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полуприкрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными, живописными линіями на помостъ. Казалось, тонкій, свѣтлый эѳиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море непзъяснимой музыки, —казалось, этотъ эѳиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны, надвигались на лилейное чело ея и лились сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу..... Нѣтъ, никогда сама царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновеніе, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!...

Въ изумленіи, въ благоговѣніи, повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ КЪ ЮНОШЕСКИМЪ ОПЫТАМЪ.

Стихотвореніе »Италія« было напечатано безъ всякаго имени въ 12-мъ № »Сына Отечества и Сѣвернаго Архива« 1839 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода въ свѣтъ »Ганца Кюхельгартена«; но, какъ самъ авторъ напечаталъ на заглавномъ листкѣ своей идилліи, что она писана въ 1827 году, то она помѣщена здѣсь прежде »Италіи«.

Два отрывка изъ Малороссійской повѣсти: »Страшный Кабанъ« впервые помѣщены въ »Литературной Газетѣ« на 1831 годъ. Подъ первымъ изъ нихъ (»Учитель«) (въ 1-мъ №) выставленъ псевдонимъ *И. Глечикъ;* второй (»Успѣхъ Посольства«) явился въ 17-мъ № того же года, безъ подписи. Оба эти отрывка признаны были потомъ самимъ Гоголемъ недостойными войти въ собраніе его сочиненій, хотя въ одной изъ записныхъ его книгъ и встрѣчаемъ въ оглавленіи статей, составившихъ Арабески: *Учитель* и *Женщина.* Замѣтно, что эти два отрывка поправлены кѣмъ-нибудь изъ редакторовъ »Литературной Газеты«.

»Женщина« первоначально помѣщена въ 4-мъ № »Литер. Газеты« за 1831 годъ. Подъ ней въ первый разъ встрѣчаемъ полную подпись *Н. Гоголь.*

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

СЛУЖАЩІЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ВЕЧЕРОВЪ НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Миргородъ нарочито пребольшой при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ 1 канатную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтреныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМѢЩИКИ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ »старосвѣтскими« и которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи.

Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ; за нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишень и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ, развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою

свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ, и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него. Все это для меня имѣетъ непзъяснимую прелесть, можетъ быть, оттого, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ-будтобы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ.

Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ, и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, — были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду,

я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ-пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьёзна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что̀ было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ, вѣрно бы, укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, деруть послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія, такъ же какъ и всѣ Малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь: они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна.

»Это вы продавали стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?«

»Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна; это я.«

Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за

него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ никогда не говорилъ.

Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія замѣнились спокойною и уединенною жизнію, тѣми дремлющими и вмѣстѣ гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ, радуга крадется изъ-за деревьевъ и, въ видѣ полуразрушеннаго свода, свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ, — или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ и душистая трава, вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами, лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу.

Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему; иногда и самъ говорилъ, но больше разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, разспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ, и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самого потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда пылкая молодежь, прозябнувши отъ преслѣдованія за какой-нибудь смуглянкой, вбѣгаетъ въ нихъ, по-

хлопывая въ ладоши. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками: одинъ представлялъ какого-то архіерея, другой Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ, запачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ-то привыкаешь почитать за пятна на стѣнѣ и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностію, съ какою, вѣрно, не содержится ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣло по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли. Перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стопущій звукъ, такъ-что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: »Батюшки, я зябну!« Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ,

уже поставленнымъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Стулья въ комнатѣ были деревяные, массивные, какими обыкновенно отличается старина: они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и нѣсколько походили на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехъугольные столики по угламъ, четырехъугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которые мухи усѣяли черными точками; передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ: вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія-нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частію бѣгали на кухню и спали. Пульхерія Ивановна почитала необходимостью держать ихъ въ домѣ и строго смотрѣла за ихъ нравственностью; но, къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы у которой-нибудь изъ ея дѣвушекъ станъ не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго. Тѣмъ болѣе это казалось удивительно, что въ домѣ почти никого не было изъ холостыхъ людей, выключая развѣ только комнатнаго мальчика, который ходилъ въ сѣромъ полуфракѣ съ босыми ногами и если не ѣлъ, то ужъ, вѣрно, спалъ. Пульхерія Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было На стеклахъ оконъ звенѣло страшное множество мухъ, которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями осъ; но какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя впрочемъ ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ, и смотрѣлъ до-

вольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ, или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, постилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки и къ концу этого процесса никогда не бывалъ въ состояніи поворотить языка, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы наконецъ весь дворъ (потому что Пульхерія Ивановна всегда, сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила приготовлять еще на запасъ), если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Прикащикъ, соединившись съ войтомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на-срубъ для мельницъ сосѣднимъ козакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожаными фартухами отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ возжами и лошади, служившія еще въ милиціи, трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скобка звенѣли до того, что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ

верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними.

»Отчего это у тебя, Ничипоръ«, сказала она, обратясь къ своему прикащику, тутъ же находившемуся, »дубки сдѣлались такъ рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки.«

»Отчего рѣдки?« говаривалъ обыкновенно прикащикъ: »пропали! такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили; пропали, пани, пропали.«

Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишень и большихъ зимнихъ дуль.

Эти достойные правители, прикащикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ и эту половину привозили они заплеснѣвшую, или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали прикащикъ и войтъ, какъ ни ужасно жрали всѣ во дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ, и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ, сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что̀ все обращалось ко всемірному источнику, то есть, къ шинку, сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи; но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и какъ только двери заводили свой разноголосный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платкомъ, говорилъ: »Кышъ, кышъ! пошли, гуси, съ крыльца!« На дворѣ ему обыкновенно попадался прикащикъ; онъ, по обыкно-

венію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, распрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но прикащикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: »А что, Пульхерія Ивановна? можетъ быть, пора закусить чего-нибудь?«

»Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?«

»Пожалуй, хоть и рыжиковъ, или пирожковъ«, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ,— и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣлье старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ, самыхъ близкихъ къ обѣду.

»Мнѣ кажется, какъ будто эта каша«, говарпвалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ, »немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?«

»Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соусу съ грибками и подлейте къ ней.«

»Пожалуй«, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку, »попробуемъ, какъ оно будетъ.«

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часокъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: »Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.«

»Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ серединѣ«, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: »бываетъ, что и красный, да нехорошій.«

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ ко двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили, кучу всякаго дрязгу въ деревяныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, почовкахъ и въ прочихъ фрукто-хранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной, или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: »Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?«

»Чего же бы такого?« говорила Пульхерія Ивановна: »развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?«

»И то до́бре«, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

»Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселику?«

»И то хорошо«, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ; послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобъ было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя спльный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала: »Что́ вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?»

»Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна; какъ-будто немного животъ болитъ«, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

»А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?«

»Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна; впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть?«

»Кислаго молочка, или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.«

»Пожалуй, развѣ такъ только, попробовать«, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: »Теперь такъ какъ-будто сдѣлалось легче.«

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

»А что, Пульхерія Ивановна«, говорилъ онъ, »если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ? куда бы мы дѣлись?«

»Вотъ это, Боже сохрани!« говорила Пульхерія Ивановна крестясь.

»Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ; куда бы мы перешли тогда?«

»Богъ знаетъ, что вы говорите Аѳанасій Ивановичъ! какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.«

»Ну, а если бы сгорѣлъ?«

»Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.«

»А если бы и кухня сгорѣла?«

»Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣсть выстроился бы новый домъ.«

»А если бы и кладовая сгорѣла?«

»Богъ знаетъ что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.«

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время,

когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что̀ у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что̀ только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой притворности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

»Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!« всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ, или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ.)

»Конечно«, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ; »неравно всякаго случая: нападутъ разбойники, или другой недобрый человѣкъ.«

»Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!« говорила Пульхерія Ивановна; »и къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники, не разбойники, а время темное, негодится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тенди́тный да маленькій; его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.«

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ согнувшись сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя. Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказы-

валъ, что Французъ тайно согласился съ Англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говаривалъ, какъ-будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

»Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу идти на войну?«

»Вотъ уже и пошелъ!« прерывала Пульхерія Ивановна. »Вы не вѣрьте ему«, говорила она, обращаясь къ гостю: »гдѣ ему, старому, идти на войну! его первый солдатъ застрѣлитъ; ей Богу, застрѣлитъ! вотъ такъ таки прицѣлится и застрѣлитъ.«

»Что жъ?« говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, »и я его застрѣлю.«

»Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!« подхватывала Пульхерія Ивановна: »куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалечитъ, и навѣки несчастнымъ останется!«

»Что жъ?« говорилъ Аѳанасій Ивановичъ; »я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю, или козацкую пику«.

»Это все выдумки; такъ вотъ вдругъ прійдетъ въ голову, и начнетъ разсказывать!« подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. »Я и знаю, что онъ шутитъ, а всё-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.«

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. »Вотъ это«, говорила она, снимая пробку съ графина, »водка, настоенная на деревій, или шалфей: если у кого болятъ лопатки, или поясница, то очень помогаетъ; вотъ это — на золототысячникъ: если въ ушахъ звенитъ и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетъ: а вотъ это перегонная на персиковыя косточки; вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ! Если какъ-нибудь, вставая съ кровати, ударится кто объ уголъ шкапа, или стола, и набѣжитъ на лбу гу́гля,

то стóитъ только одну рюмочку выпить передъ обѣдомъ — и все какъ рукой сниметъ, въ ту же минуту все пройдетъ, какъ-будто вовсе не бывало.« Послѣ этого, такой перечетъ слѣдовалъ и другимъ графинамъ, всегда почти имѣвшимъ какія-нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявшихъ тарелокъ. »Вотъ это грибки съ чебрецомъ; это съ гвоздиками и волошскими орѣхами. Солить ихъ выучила меня Туркéня, въ то время, когда еще Турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая Туркеня, и не замѣтно совсѣмъ, чтобы Турецкую вѣру исповѣдывала: такъ совсѣмъ и ходитъ почти, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородиннымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ; а вотъ это большія травянки. Я ихъ еще въ первый разъ отваривала въ уксусѣ; не знаю, каковы-то онѣ. Я узнала секретъ отъ отца Ивана: въ маленькой кадушкѣ прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потомъ посыпать перцемъ и селитрою и положить еще, что̀ бываетъ на нечуй-витрѣ цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разостлать вверхъ. А вотъ это пирожки съ сыромъ; это съ у́рдою; а вотъ это тѣ, которые Аѳанасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею.«

»Да«, прибавлялъ Аѳанасій Ивановичъ, »я ихъ очень люблю: они мягкіе и немножко кисленькіе.«

Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! она вся принадлежала гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ, и, хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно, однакожъ я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства, помогающаго пищеваренію, потому что, если бы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички!... Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ,

что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, наоборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями. Какой-нибудь завоеватель собираетъ всѣ силы своего государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, полководцы его прославляются, и наконецъ все это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка земли, на которомъ негдѣ посѣять картофеля; а иногда, напротивъ, два какіе-нибудь колбасника двухъ городовъ подерутся между собою за вздоръ, и ссора объемлетъ наконецъ города, потомъ села и деревни, а тамъ и цѣлое государство. Но оставимъ эти разсужденія; они нейдутъ сюда; притомъ я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованная кошечка вытягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но, просто, привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ, однакожъ, часто подшучивалъ надъ такою привязанностію.

»Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что̀ вы такого находите въ кошкѣ: на что̀ она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту; а кошка на что̀?«

»Ужъ молчите, Аѳанасій Ивановичъ«, говорила Пульхерія Ивановна: »вы любите только говорить и больше ничего. Собака не чистоплотна, собака нагадитъ, собака перебьетъ все, а кошка тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла.«

Впрочемъ Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, который былъ совершенно пощаженъ предпріимчивымъ прикащикомъ, можетъ быть, оттого, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ; старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Лѣсныхъ дикихъ котовъ не должно смѣшивать съ тѣми удальцами,

которые бѣгаютъ по крышамъ домовъ; находясь въ городахъ, они, не смотря на крутой нравъ свой, гораздо болѣе цивилизованы, нежели обитатели лѣсовъ. Это, напротивъ того, большею частію народъ мрачный и дикій; они всегда ходятъ тощіе, худые, мяукаютъ грубымъ, необработаннымъ голосомъ; они подрываются иногда подземнымъ ходомъ подъ самые амбары и крадутъ сало; являются даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ растворенное окно, когда замѣтятъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ. Вообще никакія благородныя чувства имъ неизвѣстны; они живутъ хищничествомъ и душатъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны и наконецъ подманили ее, какъ отрядъ солдатъ подманиваетъ глупую крестьянку. Пульхурія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее; но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою зелеными, свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ-будто по инстинкту, произнесла: »Кисъ, кисъ!« и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая: замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла близко подойти: видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самого забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія, знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса и, сидя передъ нею, наслаждалась жадностію бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка почти въ глазахъ ея растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно; Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная, видно, уже слишкомъ свыклась съ хищными котами, или набралась романическихъ правилъ, что бѣдность при любви лучше палатъ, а коты были голы, какъ соколы; какъ бы то ни

было, она выпрыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Задумалась старушка. »Это смерть моя приходила за мною!« сказала она сама себѣ, и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила; Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

»Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?«

»Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе. Я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру; смерть моя уже приходила за мною!«

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились; онъ хотѣлъ, однакожъ, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ: »Богъ знаетъ что вы говорите, Пульхерія Ивановна! вы, вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили перспковой.«

»Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила перспковой«, сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

»Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю«, сказала Пульхерія Ивановна. »Когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю Атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье, — на что оно ей? а вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ, на случай когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.«

»Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна!« говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: »когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами!«

»Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однакожъ, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да и вы уже стары; мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.«

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

»Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея): я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы—какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами.« При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

»Смотри мнѣ, Явдоха«, говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать: »когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глáза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, ато, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить, —не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ: я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія.«

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностію распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кон-

чинѣ такъ была сильна и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. »Можетъ быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна?« говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, какъ-будто хотѣла она что то сказать, пошевелила губами — и дыханіе ея улетѣло.

Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ; это такъ казалось ему дико, что онъ даже не заплакалъ; мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ-бы не понимая значенія трупа.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу; онъ на все это глядѣлъ безчувственно. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ; множество гостей пріѣхало на похороны; длинные столы разставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали ихъ кучами; гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу наконецъ понесли, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею. Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашонкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ гробъ поставили надъ ямой; ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу. Онъ подошелъ, поцѣловалъ; на глазахъ его показались слезы, но какія-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ безоблачнымъ небомъ; работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму. Въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: »Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?....« Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ, онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время! какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ! Я зналъ одного человѣка въ цвѣтѣ юныхъ еще силъ, исполненнаго истиннаго благородства и достоинствъ; я зналъ его влюбленнымъ нѣжно, страстно, бѣшено, дерзко, скромно, и при мнѣ, при моихъ глазахъ почти, предметъ его страсти — нѣжная, прекрасная, какъ ангелъ, была поражена ненасытною смертію. Я никогда не видалъ такихъ ужасныхъ порывовъ душевнаго страданія, такой бѣшеной, палящей тоски, такого пожирающаго отчаянія, какія волновали несчастнаго любовника. Я никогда не думалъ, чтобы могъ человѣкъ создать для себя такой адъ, въ которомъ ни тѣни, ни образа и ничего, что бы сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать изъ глазъ; отъ него спрятали всѣ орудія, которыми бы онъ могъ умертвить себя. Двѣ недѣли спустя, онъ вдругъ побѣдилъ себя: началъ смѣяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что онъ употребилъ ее, это было — купить пистолетъ. Въ одинъ день внезапно раздавшійся выстрѣлъ перепугалъ ужасно его родныхъ; они вбѣжали въ комнату и увидѣли его распростертаго, съ раздробленнымъ черепомъ. Врачъ, случившійся тогда, объ искусствѣ котораго гремѣла всеобщая молва, увидѣлъ въ немъ признаки существованія, нашелъ рану несовсѣмъ смертельною, и онъ, къ изумленію всѣхъ, былъ вылеченъ. Присмотръ за нимъ увеличили еще болѣе; даже за столомъ не клали возлѣ него ножа и старались удалить все, чѣмъ бы могъ онъ себя ударить. Но онъ въ скоромъ времени нашелъ новый случай и бросился подъ колеса проѣзжавшаго экипажа. Ему раздробило руку и ногу; но онъ опять былъ вылеченъ. Годъ послѣ этого я видѣлъ его въ одномъ многолюдномъ залѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ, весело говорилъ *птит-увертъ*, закрывши одну карту, и за нимъ стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истеченіи сказанныхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи

Ивановны, я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳанасія Ивановича навѣстить моего старинаго сосѣда, у котораго когда-то пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими пздѣліями радушной хозяйки. Когда я подъѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе; крестьянскія избы совсѣмъ легли на бокъ, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень во дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хворосту. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу; тѣ же самые барбосы и бровки, уже слѣпые, или съ перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверхъ свои волнистые, обвѣшанные репейниками хвосты. На-встрѣчу вышелъ старикъ. Такъ, это онъ! я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнаты. Казалось, все было въ нихъ по-прежнему; но я замѣтилъ во всемъ какой-то странный безпорядокъ, какое-то ощутительное отсутствіе чего-то; словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя овладѣваютъ нами, когда мы вступаемъ въ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ; о хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою, и очень хорошо сдѣлала, потому что безъ того онъ бы весь халатъ свой запачкалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и разсказывалъ ему разныя новости. Онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею и, вмѣсто того, чтобы поднести ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы во-

ткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: »Что это такъ долго не несутъ кушанья?« Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

»Вотъ это то кушанье«, сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ *миѝшки* со сметаною, »это то кушанье«, продолжалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ; но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее, »это то кушанье, которое по... по... покой... покойни...« и вдругъ брызнулъ слезами; рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, какъ немолчно текущій фонтанъ, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

»Боже!« думалъ я, глядя на него, »пять лѣтъ всепстребляющаго времени... старикъ, уже безчувственный, старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ яденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ — и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнѣе надъ нами: страсть, или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ жеданій и кипящихъ страстей есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста, и только потому одному кажутся глубоки и сокрушительны? Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачь дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастіе; это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пуншу; нѣтъ, это были слезы, которыя текли не спра-

шиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ не долго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ о его смерти. Странно, однакожъ, то, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностію, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: »Аѳанасій Ивановичъ!« Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты — нигдѣ никого. День былъ тихъ, и солнце сіяло. Онъ на минуту задумался; лицо его какъ-то оживилось, и онъ наконецъ произнесъ: »Это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!«

Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшенная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины, среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ на-встрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ, такъ какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы мо-

гло поддержать бѣдное ея пламя. »Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны« — вотъ все, что̀ произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простого народу и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предпріимчивый прикащикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетащили въ свои избы всѣ оставшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница.

Скоро пріѣхалъ, неизвѣстно откуда, какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ, не помню, въ какомъ полку, страшный реформаторъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ Англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный нумеръ и наконецъ такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полиняломъ мундирѣ) перевела въ непродолжительное время всѣхъ куръ и всѣ яйца. Избы, почти совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частію числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель, который впрочемъ жилъ довольно мирно съ своею опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ не долго. Онъ до сихъ поръ ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи: тщательно освѣдомляется о цѣнахъ на разныя большія произведенія, продающіяся оптомъ, какъ-то: муку, пеньку, медъ и прочее, но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ-то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще все то̀, что̀ не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Въ первоначальномъ видѣ

I.

»А поворотись, сы́ну! цуръ тебѣ, какой ты смѣшной! Что̀ это на васъ за поповскіе подрясники? И эдакъ всѣ ходятъ въ академіи?«

Такими словами встрѣтилъ старый Бу́льба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ-подъ лоба, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень сконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

»Постойте, постойте дѣти«, продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: »какія же длинныя на васъ свитки (¹)! Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попадете ли вы?«

»Не смѣйся, не смѣйся, батьку!« сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.

»Фу, ты какой пышной! а отчего жъ бы не смѣяться?«

(¹) Свиткой называется верхняя одежда у Малороссіянъ.

»Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!«

»Ахъ, ты сякой, такой сынъ! Какъ! батька?« сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

»Да хоть и батка. За обиду не посмотрю и не уважу никого.«

»Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?«

»Да ужъ на чемъ бы то ни было.«

»Ну, давай на кулаки!« говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

»Вотъ это сдурѣлъ старый!« говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и неуспѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. »Ей Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ Богъ знаетъ что̀: биться на-кула́чки!«

»Да онъ славно бьется!« говорилъ Бульба остановившись. »Ей Богу, хорошо!... такъ таки«, продолжалъ онъ, немного оправляясь, »хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ козакъ! Ну, здоровъ, сы́нку! почело́мкаемся!« И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. »Добре, сы́нку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай (1)! А всё-таки на тебѣ смѣшное убранство. Что̀

(1) Считаю долгомъ замѣтить, что эта сцена между полковникомъ Бульбою и его сыномъ исторически не возможна. Самый безпутный человѣкъ въ Малороссіи, будучи въ трезвомъ видѣ и здравомъ умѣ, не позволитъ себѣ такой возмутительной шутки. Изъ старинныхъ народныхъ Украинскихъ думъ дошли до насъ большею частію тѣ, въ которыхъ воспѣваются — благословеніе Божіе надъ почтительными дѣтьми и кара Божія надъ тѣми, которыя своихъ родителей *не шановали* и *не поважали*. Наша »коля́дка«, при своемъ религіозномъ характерѣ, осуждаетъ на вѣчныя адскія муки человѣка, который только подумалъ побранить отца и мать (»Записки о Южной Руси«, т. II, стр. 243), и ни въ одной лѣтописи, ни въ одномъ судебномъ актѣ, ни въ одномъ преданіи не сохранилось ни одной черты, которая бы допускала возможность подобнаго боя на кулакахъ между отцомъ и сыномъ. Если Бульба принадлежалъ къ дворянству, у котораго было что-нибудь общаго съ дворянствомъ Польскимъ; то надобно вспомнить, что въ его время у Поляковъ взрослый сынъ не смѣлъ сѣсть въ присутствіи отца, безъ приглашенія. Если же дворянство Южно-Русское было не что̀ иное, какъ простонародье, съ особенными правами; то, не зная вовсе Малороссіи, но зная жизнь другихъ юныхъ, нецивилизованныхъ и воинственныхъ гражданскихъ обществъ, никакъ нельзя допустить, чтобы отецъ, въ виду жены, слугъ и подчиненныхъ, позволилъ сыну поднять на себя руку. По-моему, это грубѣйшая ошибка, въ какую когда-либо впадалъ Гоголь отъ незнанія своего простонародья, ко-

это за веревка виситъ? А ты, бе́йбасъ, что́ стоишь и руки опустилъ?« говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. »Что́ жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?«

»Вотъ еще выдумалъ что́!« говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. »И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било родного отца? Притомъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно отночить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ биться!«

»Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу!« говорилъ Бульба. »Не слушай, сы́ну, матери: она баба; она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да доброй конь; вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, все это *ка́ зна що,* я плевать на все это!« Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно, и потому его можно пропустить. »Я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа! вотъ тамъ только наберетесь разуму!«

»И только всего одну недѣлю быть имъ дома?« говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать. »И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!«

»Полно, полно старуха! Козакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Стунай скорѣе да неси намъ все, что́ ни есть, на столъ. Пампу́шекъ, маковниковъ, медовниковъ и другихъ пу́ндиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да гори́лки, чтобы горилки было побольше! Не этой разной, что́ съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребе́ньками, а чистой гори́лки, настоящей, такой, чтобы шипѣла какъ бѣсъ!«

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, изъ которой пугливо выбѣжали двѣ здоровыя дѣвки въ красныхъ монистахъ, увидѣвши пріѣхавшихъ панычей, которые не любили спускать нико-

торое было заслонено отъ его наблюдательности дворовыми людьми — этимъ разложеніемъ здоровыхъ началъ жизни народной, равно непріятнымъ для души простолюдина и человѣка съ высшимъ нравственнымъ развитіемъ. *И. К.*

му. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусѣ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только что начинала рождаться мысль объ уніи. Все было чисто, вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькіе, съ круглыми матовыми стеклами, какіе встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки Венеціянской, Турецкой и Черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями, чрезъ третьи и четвертыя руки, что̀ было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разъѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая Русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякой козакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

»Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горилки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурменовъ били, и Турковъ бы били, и Татарву били бы; когда и Ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и Ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Что̀, хороша горилка? А какъ по-Латыни горилка? То-то сынку, дурни были Латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горилка. Какъ-бишъ того звали, что̀ Латинскія вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню; Горацій, кажется?«

»Вишъ какой батько!« подумалъ про-себя старшій сынъ, Остапъ: »все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается.«

»Я думаю, архимандритъ«, продолжалъ Бульба, »не давалъ вамъ и понюхать горилки. А что̀, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему? а можетъ,

такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ суботки, драли васъ и по середамъ, и по четвергамъ!«

»Нечего, батько, вспоминать«, говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ: »что было, то уже прошло.«

»Теперь мы можемъ росписать всякаго«, говорилъ Андрій, »саблями да списáми. Вотъ пусть только попадется Татарвá.«

»Добре, сынку! ей Богу, добре! да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу, ѣду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что! я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я козакъ! я не хочу! Такъ что же, что пѣтъ войны? я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей Богу, ѣду!« И старый Бульба мало-помалу горячился и наконецъ разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и пріосанившись топнулъ ногою. »Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что эти горшки?« При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука — и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ то спорнымъ, перѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украйна. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ, подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ

на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели Пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ Татаръ соединенными Польскими и козацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну и Польскія войска получили болѣе преимущества. Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: »Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы!«

Дѣйствительно онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ, и совершенно покорствовался его желанію. Вообще онъ былъ охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ посомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. »Ну, дѣти! что и какъ? кого и за что нужно бить?« обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ, или отрѣзывала часть земли, или коммисары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались надъ православною вѣрою; въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, Татаръ и Турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, Христіянства и козачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще несведенное ни въ какую систему, даже неприведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядового козака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повели-

тельности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защищать что-нибудь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: »Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ!« Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны, представитъ своимъ сотоварищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ въ началѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему осаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, разчищая своею саблею, какъ-будтобы мѣсилъ тѣсто, — какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ чортомъ.

»Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что̀ Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.«

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что̀ ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежъ-

де всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. »Сыны мои, сыны мои милые! что̀ будетъ съ вами? что̀ ждетъ васъ? Хоть бы недѣльку мнѣ поглядѣть на васъ!« говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо.

Въ самомъ дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что̀ за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что̀ есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюютъ хищная подорожная птица и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все! Рыдая глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій

сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: »Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ! Можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.«

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она всё сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхнія листья вербъ начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по нимъ до самого низу. Она просидѣла до самого свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что̀ приказывалъ вчера.

»Ну, хлопцы, полно спать! пора! пора! Напойте коней! А гдѣ стара́? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою.) Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великой лежитъ!«

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что̀ нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; козакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь; опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные Турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать!

она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

»Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать!« произнесъ наконецъ Бульба. »Теперь, по обычаю Христіянскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.«

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

»Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!« сказалъ Бульба. »Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую (1), чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ.«

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. »Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...« далѣе она не могла продолжать.

»Ну, пойдемъ, дѣти!« сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего чорта, который бѣшенно отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ козака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали она за ворота, она, со всею легкостію дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые козаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однакоже, съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣ-

(1) Рыцарскую.

рый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ-разладъ. Они, проѣхавши, огляпулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ-будто ушелъ въ землю; только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; одни только вершины деревъ, деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили какъ бѣлки: одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни, отъ лѣтъ, когда качались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую козачку, боязливо летѣвшую чрезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телеги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ козакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей; онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьяхъ его.

Они были отданы по двѣнадцатому году въ Кіевскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣсколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый

годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлые двадцать лѣтъ и что онъ не увидитъ Запорожья во-вѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Ни къ чему не могли привязать они своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. При томъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, все это должно́ было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, пробуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, все это соединившись рождало въ нихъ ту предпріимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эта бурса составляла совершенно отдѣльный міръ : въ кругъ высшій, состоявшій изъ Польскихъ и Русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель, не смотря на оказываемое покровитель-

ство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, пороли своихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ наконецъ сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, не смотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже Богословію, но никакъ не избавлялся неумолимыхъ розгъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ, или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; но крайней мѣрѣ никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развиты. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣтатель, нежели его братъ; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощію изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но,

вмѣстѣ съ нею, душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философическіе диспуты, видѣлъ ее мимолетно, свѣжую, черноокую, пѣжную. Предъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать козаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ Старомъ Кіевѣ, гдѣ жили Малороссійскіе и Польскіе дворяне и домы были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію.

Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого-то Польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница, съ престрашными усами, хлыснулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ; съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ, они рванули — и Андрій, къ счастію, успѣвши отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, какъ не знаю что, черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ какую-то сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ; онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ-было узнать отъ дворни, которая кучею, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши играв-

шаго молодого бандуриста; но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время Ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостію, онъ пролѣзъ чрезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, раскинувшееся вѣтвями, управшими въ самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и черезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги.

Прекрасная Полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнесть ни одного слова; но когда увидѣла, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости поворотить рукою, когда узнала въ немъ того же самого, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ Полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительноясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ поворотить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностію дитяти, которою отличаются вѣтреныя Полячки и которая повергла бѣднаго бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи.

Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную Татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывесть его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его.

Послѣ этого, проходить возлѣ дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ ее еще разъ въ костёлѣ. Она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода Ковенскій скоро уѣхалъ, и, вмѣсто прекрасной, обольстительной брюнетки, выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лицо.

Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленыя объятія, и высокая трава обступившп скрыла ихъ, и только козачьи черныя шапки одиѣ мелькали между ея колосьями.

«Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли?« сказалъ наконецъ Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: »какъ-будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ! Всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!«

И козаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія скимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, въ мигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самого Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытоптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шап-

ками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Наши путешественники нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда; при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, изъ 10 козаковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя бокла́жки съ горилкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, пили коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ и они становились темно-зелеными: испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголубатемному, какъ-будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые оврашки выползывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись сре-

ди полей, избирали ночлегъ; раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, козаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ копей своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, карканье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдруъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; всё та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: »Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ Татаринъ!«

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что козаковъ было тринадцать человѣкъ.

»А ну, дѣти, попробуйте догнать Татарина!... И не пробуйте; во-вѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего чорта.«

Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающею въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Чрезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста,

служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и наконецъ обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣснялн его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Козаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣча, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевощиками. Козаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники спдѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками спдѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ баранью катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горилку. Но первый, кто попался имъ на-встрѣчу, это былъ Запорожецъ, спавшій на самой серединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

»Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!« говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ это была картина довольно смѣлая. Запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли. Шаровары алаго дорогого сукна были заначканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія.

Полюбовавшись, Бульба пробрался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшихъ это предмѣстіе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ они минули предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ, или, по-Татарски, войлокомъ. Иные установлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревяныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Небольшой валъ и засѣка, нехранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ Запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: »Здравствуйте, папо́ве!« — »Здравствуйте и вы!« отвѣчали Запорожцы. На простанствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Онѣ всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣчь! вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! вотъ откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ Запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ серединѣ которыхъ отплясывалъ молодой Запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: »Живѣе играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горилки православнымъ Христіанамъ!« И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого Запорожца четыре старыхъ вырабатывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслися въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та! Толпа, чѣмъ далѣе, росла; къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти

площадь покрылась приседающими Запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самой вольной, самой бѣшеной, какой только видѣлъ когда-либо міръ и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носитъ названіе козачка.

Тарасъ Бульба крикнулъ отъ нетерпѣнія и досадуя, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Чрезъ-чуръ дряхлые, прислонившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступника, топали и перемпнали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли придти въ голову человѣку въ разгульномъ весельи, раздавались свободно.

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: »А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!« И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: »А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Индсытокъ?« и слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Индсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самой Царь-Градъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: »Добрые были козаки!«

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало могли заниматься военною школою, не смотря на то, что отецъ ихъ особенно просплъ опытныхъ и искусныхъ наѣздниковъ быть имъ руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожьѣ не было никакого теоретическаго изученія, или какихъ-нибудь общихъ правилъ; все юно-

шество воспитывалось и образовывалось въ немъ однимъ опытомъ. въ самомъ пылу битвы, которыя отъ того были почти безпрерывны. Промежутки же между ними козаки почитали скучнымъ занимать изученіемъ какой-нибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры. Они все время отдавали гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе. Это было какое-то безпрерывное пиршество, — балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Это не было какое-нибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ горя: это было, просто, какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякой приходящій сюда позабывалъ и бросалъ все, что̀ дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на все прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, неимѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника Разсказы, балагары, которыя можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть только флегматическую наружность Запорожца, чтобы не смѣяться отъ всей души. Это не былъ какой-нибудь пьяный кабакъ, гдѣ безсмысленно, мрачно искаженными чертами веселія забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Вся разница была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ, на пяти тысячахъ коней,—вмѣсто луга, на которомъ производилась игра въ мячикъ, у нихъ были неохраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ Татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ Турокъ, въ зеленой чалмѣ своей; разница та, что, вмѣсто насильной воли, соединявшей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ;

что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копейки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ Жидовъ, карманы можно было выворотить, безъ всякаго опасенія что-нибудь уронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, которые не вынесли академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что̀ такое Горацій, Цицеронъ и Римская республика. Тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить: что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Здѣсь было много офицеровъ изъ Польскихъ войскъ. Впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь себѣ работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показаться ни одна женщина.

Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа и хоть бы кто-нибудь спросилъ ихъ, откуда они, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ-будтобы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: »Здравствуй! Что̀, во Христа вѣруешь?« — »Вѣрую«, отвѣчалъ приходившій. — »И въ Троицу Святую вѣруешь?« — »Вѣрую.« — »И въ церковь ходишь?« — »Хожу.« — »А ну, перекрестись!« — Пришедшій крестился. — »Ну, хорошо«, отвѣчалъ кошевой; »ступай же въ который самъ знаешь, курень.« Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви, и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію Жиды, Армяне и Татары осмѣливались жить и

торговать въ предмѣстьи, потому что Запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка. Они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что, какъ только у Запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была та Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись, со всею пылкостію юношей, въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и домъ отцовскій, и все, что̀ тайно волнуетъ еще свѣжую душу. Они гуляли, братались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни.

Между тѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ, какъ бы скорѣе затѣять какое-нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣятельности.

»Что̀, кошевой?« сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ ота́ману, »можетъ быть, пора бы погулять Запорожцамъ?«

»Негдѣ погулять«, отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ въ сторону.

»Какъ негдѣ? Можно пойти въ Туре́цкину, или на Татарву́.«

»Не можно ни въ Турецкину, ни на Татарву«, отвѣчалъ кошевой, взявши опять въ ротъ трубку.

»Какъ не можно?«

»Такъ: мы обѣщали султану миръ.«

»Да онъ вѣдь бусурменъ: и Богъ, и Священное Писаніе велитъ бить бусурменовъ.«

»Не имѣемъ права. Если бъ мы не клялись нашею вѣрою, то, можетъ быть, какъ-нибудь еще и можно было.«

»Какъ же это, кошевой? какъ же ты говоришь, что права не имѣемъ? Вотъ у меня два сына, молодые люди; имъ нужно пріучиться и узнать, что̀ такое война; а ты говоришь, что Запорожцамъ не нужно на войну идти.«

»Что̀ жъ дѣлать?« отвѣчалъ кошевой съ такимъ же хладнокровіемъ. »Нужно подождать.«

Но этимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ старшинъ и куренныхъ отáмановъ и задалъ имъ пирушку на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгула, они вмѣстѣ отправились на площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада и стòяли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у дóвбиша, они схватили по полѣну и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, не смотря на то, страшно заспаннымъ.

»Кто смѣетъ бить въ литавры?« закричалъ онъ.

»Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велятъ!« отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, начали собираться черныя кучи Запорожцевъ.

За кошевымъ отправились нѣсколько человѣкъ и привели его на площадь.

»Не бойся ничего!« сказали вышедшіе къ нему на-встрѣчу старшины. »Говори міру рѣчь, когда хочешь, чтобы не было худого, говори рѣчь объ томъ, чтобы идти Запорожцамъ на войну противъ бусурмановъ!«

Кошевой, увидѣвши, что дѣло не на шутку, вышелъ на середину площади, раскланялся на всѣ четыре стороны и произнесъ: »Панóве Запорожцы, добрые молодцы! позволитъ ли господарство ваше рѣчь держать?«

»Говори, говори!« зашумѣли Запорожцы.

»Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панóве добродѣйство, да вы, можетъ быть, и сами лучше это знаете, что многіе Запорожцы позадолжались въ шинки Жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры не́ймет. Притомъ же, въ разсужденіи того, есть очень много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что̀ такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панóве, безъ войны не можно про-

быть. Какой и Запорожецъ изъ него, если онъ еще ни раза не билъ бусурмана?«

»Вишь, онъ хорошо говоритъ«, сказалъ писарь, толкнувъ локтемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

»Не думайте, пано́ве, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ. Сохрани Богъ! я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій — грѣхъ сказать, что́ такое. Вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣчь, а до сихъ поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутреннiе образа безъ всякаго убранства. Хотя бы серебряную рясу кто догадался имъ выковать. Они только то и получили, что́ отказали въ духовной пные козаки. Да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей. Такъ я всё веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами, ибо мы обѣщали султану миръ и намъ бы великой былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему.«

»Вишь проклятой! что́ это онъ путаетъ такое?« сказалъ Бульба писарю.

»Да, такъ видите, пано́ве, что войны неможно начать : честь лыцарская не велитъ. А по своему бѣдному разуму вотъ что́ я думаю : пустить съ челнами однихъ молодыхъ; пусть немного понáрпаютъ берега Анатолiи. Какъ думаете, пано́ве?«

»Ведп, ведп всѣхъ!« закричала со всѣхъ сторонъ толпа : »за вѣру мы готовы положить головы!«

Кошевой испугался. Онъ ни мало не желалъ тревожить всего Запорожья. Притомъ ему казалось неправымъ дѣломъ разорвать миръ. »Позвольте, пано́ве, рѣчь держать!«

»Довольно!« кричали Запорожцы : »лучшаго не скажешь.«

»Когда такъ, то пусть по вашему, только для насъ будетъ еще большее раздолье. Вамъ извѣстно, пано́ве, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы, вотъ видите, будемъ на-готовѣ, и силы у насъ будутъ свѣжія. Притомъ же и Татарва́ можетъ напасть во время нашей отлучки. Да если сказать правду, то у насъ и челновъ нѣтъ въ запасѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли.«

Хитрый ота́манъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные ота́маны совѣщаться, и рѣшили на томъ, чтобы отправить нѣсколько молодыхъ людей, подъ руководствомъ опытныхъ и старыхъ.

Такимъ образомъ всѣ были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимаютъ свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу, занимавшему опасныя границы среди буйныхъ сосѣдей. И странно, если бы они поступили иначе. Татары разъ десять перерывали свое шаткое перемиріе и служили обольстительнымъ примѣромъ. Притомъ, какъ можно было такимъ гуллявымъ рыцарямъ и въ такой гуллявой вѣкъ пробыть нѣсколько недѣль безъ войны!

Молодежь бросилась къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Нѣсколько плотниковъ явились въ мигъ съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкочленистые Запорожцы, съ просѣдью въ усахъ, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канатомъ. Нѣсколько человѣкъ было отправлено въ скарбницу на противоположной утесистый берегъ Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ тайникѣ они скрывали часть пріобрѣтенныхъ орудій и добычу. Бывалые поучали другихъ съ какимъ-то наслажденіемъ, сохраняя при всемъ томъ степенной, суровой видъ. Весь берегъ получилъ движущійся видъ, и хлопотливость овладѣла дотолѣ безпечнымъ народомъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Куча состояла изъ козаковъ въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный костюмъ (у нихъ ничего не было, кромѣ рубашки и трубки), показывалъ, что они были слишкомъ угнетены бѣдою, или уже черезъчуръ гуляли и прогуляли все, что̀ ни было на тѣлѣ. Между ними отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый, лѣтъ пятидесяти человѣкъ. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

»Богъ въ помощь вамъ, пано́ве Запорожцы!«

»Здравствуйте!« отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, пріостановивъ свое занятіе.

»Позвольте, панóве Запорожцы, рѣчь держать!«

»Говори!«

И толпа усѣяла и обступила весь берегъ.

»Слышали ли вы, что̀ дѣлается на Гетма́нщинѣ?«

»А что̀?« произнесъ одинъ изъ куренныхъ ота́мановъ.

»Такія дѣла дѣлаются, что и разсказывать нечего.«

»Какія же дѣла?«

»Что̀ и говорить! И родились и крестились, еще не видали такого«, отвѣчалъ приземистый козакъ, поглядывая съ гордостью владѣющаго важной тайной.

»Ну, ну, разсказывай, что̀ такое!« кричала въ одинъ голосъ толпа.

»А развѣ вы, панóве, до сихъ поръ не слыхали?«

»Нѣтъ, не слыхали.«

»Какъ же это? что жъ, вы развѣ за горами живете, или Татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши ваши?«

»Разсказывай! полно толковать!« сказали нѣсколько старшинъ, стоявшихъ впереди.

»Такъ вы не слышали ничего про то, что Жиды уже взяли церкви святыя, какъ шинки, на аренды?«

»Нѣтъ!«

»Такъ вы не слышали и про то, что уже Христіянину и пасхи не можно ѣсть, покамѣсть разсобачій Жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою?«

»Ничего не слышали!« кричала толпа, подвигаясь ближе.

»И что ксензы ѣздятъ изъ села въ село въ таратайкахъ, въ которыхъ запряжены — пусть бы еще кони, это бы еще ничего, ато просто православные Христіяне! Такъ вы, можетъ быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочетъ, чтобъ мы кинули и вѣру нашу Христіянскую? Вы, можетъ быть, не слышали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ Жидовки шьютъ себѣ юбки?

»Стой, стой!« прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, углубивши глаза въ землю, какъ и всѣ Запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія. »Стой, и я скажу слово. А что̀ жъ вы, врагъ бы поко-

лотилъ вашего батька, чтóжъ вы? развѣ у васъ сабель не было что̀ ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?«

»Э, какъ поступили такому беззаконію!« отвѣчалъ приземистый козакъ. »А попробовали бы вы, когда пятьдесять тысячъ было однихъ Ляховъ, да еще къ тому и часть гетма́нцевъ приняла ихъ вѣру!«

»А гетма́нъ вашъ, а полковники что̀ дѣлали?«

»Э, гетма́нъ и полковники! А знаете, гдѣ теперь гетманъ и полковники?«

»Гдѣ?«

»Полковниковъ головы и руки развозятъ по ярмаркамъ, а гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, и до сихъ поръ лежитъ еще въ Варшавѣ.«

Содроганіе пробѣжало по всей толпѣ; молчаніе, какое обыкновенно предшествуетъ бурѣ, остановилось на устахъ всѣхъ, и, мигъ послѣ того, чувства, подавляемыя дотолѣ въ душѣ силою дюжаго характера, брызнули цѣлымъ потокомъ рѣчей.

»Какъ, чтобы нашу Христову вѣру гнала проклятая Жидова́! чтобы эдакое дѣлать съ православными Христіянами! чтобы такъ замучить нашихъ! да еще кого? полковниковъ и самого гетмана! да чтобы мы стерпѣли все это! Нѣтъ, этаго не будетъ!« Такія слова перелетали во всѣхъ концахъ обширной толпы народа.

Зашумѣли Запорожцы и разомъ почувствовали свои силы. Это не было похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались всѣ характеры тяжелые и крѣпкіе. Они раскалялись медленно, упорно, но зато раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

»Какъ, чтобы Жидовство надъ нами пановало! А ну, паны браты, перевѣшаемъ всю Жидову́! чтобы и духу ея не было!« произнесъ кто-то изъ толпы. Эти слова пролетѣли молніей, и толпа ринулась на предмѣстье, съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ Жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, разстерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горилочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже заползывали подъ юбки своихъ Жидовокъ; но неумолимые, безпощадные мстители вездѣ ихъ находили.

»Ясневельможные паны!« кричалъ одинъ высокій и тощій Жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ, »ясновельможные паны! мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!«

»Ну, пусть скажутъ!« сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

»Ясные паны!« произнесъ Жидъ. »Такихъ пановъ еще никогда не видывано, — ей Богу, никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ.... »Голосъ его умиралъ и дрожалъ отъ страха. »Какъ можно, чтобы мы думали про Запорожцевъ что-нибудь нехорошее! Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ! ей Богу, не наши! то совсѣмъ не Жиды: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?«

»Ей Богу, правда!« отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ еломкáхъ, оба бѣлые, какъ глина.

»Мы никогда еще«, продолжалъ высокій Жидъ, »не соглашались съ непріятелями. А католиковъ мы и знать не хотимъ. Пусть имъ чортъ приснится! Мы съ Запорожцами, какъ братья родные...«

»Какъ! чтобъ Запорожцы были съ вами братья!« произнесъ одинъ изъ толпы: »Не дождетесь, проклятые Жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панóве! всѣхъ потопить поганцевъ!«

Эти слова были сигналомъ; Жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалкій крикъ раздался со всѣхъ сторонъ; но суровые Запорожцы только смѣялись, видя какъ Жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ. Бѣдный высокій ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: »Великій господинъ, ясне-вельможный панъ! я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша. Какой былъ славной воинъ! Я ему восемь-сотъ цѣхиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у Турковъ.«

»Ты зналъ брата?« спросилъ Тарасъ.

»Ей Богу, зналъ! великодушный былъ панъ!«

»А какъ тебя зовутъ?«

»Янкель.«

»Хорошо, я тебя проведу.« Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли козаки его. »Ну, полѣзай подъ телегу, лежи тамъ и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте Жида.«

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому что раздавшійся бой литавровъ возвѣстилъ собраніе рады. Не смотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украйнѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ представлявшимся широкимъ раздольемъ для подвиговъ, и притомъ для подвиговъ такихъ, которые представляли ему мученическій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣчь, все, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, куренные атаманы, по короткомъ совѣщаніи, рѣшили на томъ, чтобы идти съ войсками прямо на Польшу, такъ какъ оттуда произошло все зло, желая внести опустошеніе въ землю непріятельскую и предвидя себѣ при этомъ добычу.

И вся Сѣчь вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрипъ телегъ: все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа; это былъ неограниченный повелитель. Это былъ почти деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гуливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія тихо, съ разстановкою, какъ глубоко знающій свое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его въ исполненіе. Въ деревяной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою, всѣ цѣловали крестъ.

Когда все Запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы всѣхъ обратились назадъ. »Прощай, наша мать!« сказали почти всѣ въ одно слово. »Пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастія!«

Проходя предмѣстіе, Тарасъ Бульба увидѣлъ съ изумленіемъ, что Жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе-то кремешки и всякую дрянь. »Дурень, что ты здѣсь сидишь?«

сказалъ онъ ему : »развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?»

»Молчите«, отвѣчалъ Жидъ: »я пойду за вами и войскомъ, и буду продавать провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще никогда никто не продавалъ. Ей Богу, такъ! вотъ увидите!«

Бульба пожалъ плечами и отъѣхалъ къ своему отряду.

IV.

Скоро весь Польскій югозападъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про Запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-Жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ-бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ Польскихъ войскъ : онъ былъ разсѣваемъ при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться Азіятской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивиловскомъ монастырѣ. прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между Запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. »Скажи епископу отъ лица всѣхъ Запорожцевъ«, сказалъ кошевой, »чтобы онъ ничего не боялся : это козаки еще только люльки раскуриваютъ.« И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя Готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, Жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля.

Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ. Толпы вольныхъ наѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вы-

терпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомоществованіе не могло придти въ городъ, играли въ четъ и нечетъ, курили люльки и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли и, не смотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія. Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, сгарали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіяціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, іюньская прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище : вблизи и вдали были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды и оторванные охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый, черный монастырь, какъ суровый картезіянскій монахъ стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, принимали цвѣтъ

червонаго золота, даже видны были издали сливы, получившія фосфорической, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этого иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго Жида, или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіеся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдругъ почувствовалъ какъ-будто присутствіе чего-то; ему казалось, какъ-будто возлѣ него кто-то стоялъ. Онъ оглянулся и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ стоявшую подлѣ себя женщину. Смуглыя черты лица ея и Азіятская физіономія показались ему какъ-то знакомыми. Онъ сталъ глядѣть пристальнѣе: такъ, это была Татарка! та самая Татарка, которая служила горничною при дочери Ковенскаго воеводы. Онъ встрепенулся. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь, и все минувшее, что̀ было въ глубинѣ, что̀ было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ бытомъ, все это всплыло разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее; вся гордая сила юности зажглась вдругъ самымъ томительнымъ приливомъ безпокойства нестерпимаго и страстнаго. Вопросы потокомъ излились изъ его груди: »Откуда? какъ? гдѣ твоя панна? какъ ты явилась здѣсь? что̀ это значитъ? говори, не мучь меня!«

»Тише, ради Бога тише!« говорила Татарка и закуталась въ козацкій кобеняк̀ъ, который было-сбросила съ себя. »Панна узнала васъ между Запорожцами. Она въ городѣ.«

»Милосердый Іисусъ! она здѣсь? что̀ ты говоришь? она въ городѣ?«

Татарка кивнула утвердительно головою.

»Что жъ она? говори, говори! что жъ ты молчишь?«

»Она другой день уже ничего не ѣла.«

»Какъ!«

»Ни у одного изъ жителей въ городѣ нѣтъ куска хлѣба. Всѣ давно уже ѣдятъ одну землю.«

»Спаситель Іисусъ! И вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки!«

»Нельзя: Запорожцы кругомъ облегли стѣны. Одинъ только потаенный ходъ и есть; но на томъ самомъ мѣстѣ стоятъ ваши обозы, и если только узнаютъ этотъ ходъ, то городъ уже взятъ. Панна приказала мнѣ все объявить вамъ, потому что вы не захотите измѣнить ей.«

»Боже, измѣнить ей! И я ее увижу! О, когда бы мнѣ не умереть только до того часу!« Вся грудь его была пронпкнута самымъ пронзительнымъ остріемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился изъ шатра своего, началъ отыскивать все, что только могъ найти съѣстного, и скоро два небольшіе мѣшки были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки Татаркѣ, закуталъ ее плащомъ и приказалъ сказать паннѣ, что онъ скоро будетъ самъ. Онъ велѣлъ Татаркѣ, отнесши припасы, ожидать его прихода. Онъ теперь думалъ только, какъ бы безопаснѣе привести ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Этотъ ходъ былъ подъ самымъ возомъ, наполненнымъ военными снарядами. Къ счастію его, Запорожцы, по обыкновенной своей безпечности, всѣ спали мертвецки. Тихо шелъ онъ съ нею рука объ руку и, желая обойти спящихъ толкнулъ ее нечаянно локтемъ; кобенякъ слетѣлъ, и зарево яркимъ блескомъ освѣтило ея бѣлое платье. Спаситель, она открыта! все пропало. Онъ со страхомъ и мертвою, убитою душою повелъ глазами вокругъ. Боже, какое счастіе! даже зоркій сторожъ, стоявшій на самомъ опасномъ постѣ, спалъ, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крѣпче въ кобенякъ, полѣзла подъ телегу; небольшой четвероугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю.

Торопливо онъ воротился къ своему мѣсту, желая обсмотрѣть, всѣ ли спятъ и все ли спокойно.

»Андрій!« сказалъ въ это время, поднявши голову, старый Бульба, »какая это къ тебѣ Татарка приходила?«

Если бы кто-нибудь въ то время посмотрѣлъ на Андрія, то бы почелъ его за мертвеца, вставшаго изъ могилы.

»Эй, смотри, сынъ! ей Богу, отдѣлаю тебя батогомъ такъ, что

до преставленія свѣта будетъ болѣть спина! Бабы не доведутъ тебя къ добру.«

Сказавши это, Бульба, или былъ утружденъ заботами, или занятъ какимъ-нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, чтобы эта Татарка была изъ города, а признавъ ее за какую-нибудь бѣглянку изъ села, съ которою сынъ его свелъ интригу, какъ бы то ни было, только онъ поворотился на другую сторону и заснулъ.

Андрій отдохнулъ. Съ трепещущимъ сердцемъ бросился онъ къ обозамъ, обшарилъ, гдѣ только было съѣстное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои, и, во все продолженіе этого, сердце его млѣло, духъ занимался и, казалось, улеталъ при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще разъ обсмотрѣлся онъ вокругъ, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра, и поползъ подъ телегу. Небольшое отверстіе вдругъ открылось передъ нимъ и снова за нимъ захлопнулось.

Онъ вдругъ очутился въ совершенной темнотѣ. Онъ чувствовалъ подъ ногами своими ступени, идущія внизъ, кто-то схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ ступени прекратились, подъ нимъ была гладкая земля. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ.

»Теперь идите прямо«, говорилъ ему голосъ: это была Татарка.

Корридоръ шелъ подъ городской стѣною и оканчивался такою же лѣстницею вверхъ. Наконецъ онъ очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивалъ утренній вѣтеръ. Ни одна труба не дымилась. Мертвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными стонами, которые не могли не поразить его. На стражѣ стояли часовые, блѣдные, какъ смерть; это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный, поразительный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ вслѣдъ за Татаркою; онъ летѣлъ всѣми чувствами видѣть ту, за счастіе которой онъ готовъ былъ отдать всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ взошелъ въ комнату. Вездѣ была тишина: все или спало, утомленное страданіемъ, или безмолвно мучилось.

Онъ вступилъ на порогъ спальни. О, какъ замерло его сердце! какъ замѣлъ онъ весь, когда оно ему сказало, что черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидитъ!

И онъ ее увидѣлъ, увидѣлъ ту, которая когда-то была беззаботна, весела, вѣтрена, шаловлива, которая когда-то надѣвала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, какъ крылья мотыльковъ, убранствами. Онъ опять увидѣлъ ее. Она сидѣла на диванѣ, подвернувши подъ себя обворожительную, стройную ножку. Она была томна; она была блѣдна, но бѣлизна ея была пронзительна, какъ сверкающая одежда серафима. Гебеновыя брови, тонкія, прекрасныя, придавали что-то стремительное ея лицу, обдающее священнымъ трепетомъ сладкой боязни въ первый разъ взглянувшаго на нее. Рѣсницы ея, длинныя, какъ мечтанія, были опущены и темными тонкими иглами виднѣлись рѣзко на ея небесномъ лицѣ. Что̀ это было за созданіе! И это созданіе, которое, казалось, для чуда было рождено среди міра, къ ногамъ котораго повергнуть весь міръ, всѣ сокровища казалось малою жертвою, это небесное созданіе терпѣло голодъ и все, что̀ есть горькаго для жителей земли. Заплѣсневѣлая корка хлѣба, лежавшая на золотомъ блюдѣ, какъ драгоцѣнность, показывала, что еще недавно здѣсь было чувствуемо все свирѣпство голода. Услышавши шумъ, она приподняла свою голову и обратила къ нему взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять, казалось, исчезнулъ и потерялся. Лицо ея съ перваго раза ему показалось какъ-будто другимъ: въ немъ были прежнія черты, но въ немъ же заключалась бездна новыхъ, прекрасныхъ, какъ небеса. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный видъ... о, какъ она была лучше прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, приникъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыбка какой-то радости сверкнула на ея устахъ, и въ то же время слеза, какъ бриліантъ, повисла на рѣсницѣ.

»Царица!« сказалъ онъ, »что̀ для тебя сдѣлать? чего ты хочешь?«

Она смотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ страсти покрылъ онъ ее поцѣлуями.

»Нѣтъ, я не пойду отъ тебя! я умру возлѣ тебя! Пусть же у ногъ твоихъ, пожираемый голодомъ, я умру, какъ и ты, моя панна! и за смерть, за сладкую смерть у твоихъ ногъ, ничего не хочу!«

»А твои товарищи, а твой отецъ? ты долженъ идти къ нимъ«, говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ, и глаза ея, полныя слезъ, не сводились съ него.

»Что ты говоришь!« произнесъ Андрій со всею силою и крѣпостью воли. »Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросить! Нѣтъ, моя панна, нѣтъ моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну, все, что ни есть на землѣ, все отдаю за тебя, все прощай! я теперь вашъ! я твой! чего еще хочешь?

Она склонилась къ нему головою. Онъ почувствовалъ, какъ электрически-пламенная щека ея коснулась его щеки, и лобзаніе, у, какое лобзаніе! слило уста ихъ, прикипѣвшія другъ къ другу.

V.

»Папе!« сказалъ Жидъ Янкель, высунувъ свой еломóкъ въ шатеръ, гдѣ сидѣлъ Бульба. Это былъ тотъ самый Янкель, котораго онъ избавилъ отъ смерти и который теперь маркитанствовалъ и шпіонничалъ при Запорожскомъ войскѣ. »Пане, знаете ли, что дѣлается?«

»А что?«

»Идетъ пятнадцать тысячь войска Польскаго и пушки везутъ.«

»Били двадцатерыхъ, побьемъ и пятнадцать!« отвѣчалъ Бульба.

»А знаете ли, еще что дѣлается?«

»А что?«

»Вашъ сынъ Андрій, ой вей миръ, что эта за славной рыцарь!...«

»Ну?«

»Онъ теперь держитъ сторону Польши.«

»Какъ!« подхватилъ Бульба, вскочивши: »чтобы дитя мое... чтобы мой сынъ... да я тебя убью, проклятой Жидъ! врешь ты, чортово племя!«

»Ай, ай! какъ можно, чтобы я вралъ! Пусть отцу моему не будетъ счастья на томъ свѣтѣ, если я вру!«

»Какъ! чтобы сынъ Тараса Бульбы да посягнулъ на такое дѣло!«

»Далибугъ, ей же Богу, такъ!«

»Чтобы онъ продалъ Христову вѣру и отчизну!«

»Далибугъ, такъ. Я его видѣлъ самъ собственными глазами. Фай, какой важной рыцарь! Сто восемдесятъ червоныхъ стóятъ одинѣ латы... богатыя латы: всѣ въ золотѣ. А если бы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруетъ солдатами!«

Тарасъ Бульба былъ пораженъ, какъ-будто громомъ. »Ты путаешь, проклятой Іуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало вѣру. Если бы онъ былъ Турокъ, или нечистый Жидъ... Нѣтъ, не можетъ онъ такъ сдѣлать! ей Богу, не можетъ!«

Но однакоже онъ вспомнилъ, что уже два дни, какъ его не видалъ; онъ вспомнилъ про Татарку, появлявшуюся въ его ставкѣ — и глаза его сверкнули. Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ. »Вишь чортова дѣтина, ты таки свое взяла! Породилъ же тебя чортъ, на позоръ всему роду!«

Съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ ставки и далъ приказъ сѣдлать коней.

Между тѣмъ кошевой раздавалъ повелѣнія отъ себя быть всѣмъ въ готовности и не позволять никакимъ образомъ осажденнымъ соединиться съ приближавшимся Польскими войсками. Непріятельскихъ войскъ было, однакоже, болѣе, нежели пятнадцать тысячь. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ старшинъ рѣшили на томъ, чтобы усилить болѣе ту линію, которая обращена къ непріятелю. Черезъ это цѣпь съ противуположной стороны города ослабѣла, и хотя Польскія войска были отбиты съ перваго раза, и притомъ съ большимъ урономъ, но отрядъ, остававшійся въ городѣ, рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія и дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду Запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волоса съ досады, что уже не возможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ густую непреломную стѣну:

маневръ, всегда доставлявшій имъ существенную выгоду, потому что тактика ихъ соединяла Азіятскую стремительность съ Европейскою крѣпостію. Непріятель, не смотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не былъ въ силахъ удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ начальствъ, и три коронные полка, не въ состояніи будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бѣгству, какъ вдругъ онъ обратилъ всѣ силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ отрядъ, стоявшій, повидимому, въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ отдалъ кое-какіе наставленія Остапу, какъ продолжать дѣло, а самъ съ небольшимъ числомъ бросился, какъ бѣшеный, на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ, какъ подлый трусъ, спрятался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ оттуда своимъ войскомъ. Силы Тараса были немногочисленны: съ нимъ было только восемнадцать человѣкъ; но онъ ринулся съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ сверхъестественнымъ стремленіемъ, что ряды уступали со страхомъ передъ этимъ разгнѣваннымъ вепремъ. Врядъ ли тогда его можно было съ чѣмъ-нибудь сравнить. Шапки давно не было на его головѣ; волосы его развѣвались, какъ пламя, и чубъ, какъ змѣя, раскидывался по воздуху; бѣшеной конь его грызъ и кусалъ коней непріятельскихъ; дорогой акшаметъ былъ на немъ разорванъ; онъ уже бросилъ саблю и ружье и размахивалъ только одной ужасной непомѣрной тяжести булавой, усѣянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидѣть олицетворенное свирѣпство, чтобы извинить трусость Андрія, чувствовавшаго свою душу не совсѣмъ чистою. Блѣдный, онъ видѣлъ, какъ гибли и разсѣевались его Поляки, онъ видѣлъ, какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже готовы были бѣжать, онъ видѣлъ, какъ уже нѣкоторые, поворотивши коней своихъ, бросали ружья: »Спасите!« кричалъ онъ, отчаянно простирая руки, »куда бѣжите вы! глядите — онъ одинъ!«

Опомнившіеся воины на минуту остановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши, что ихъ гонитъ только одинъ съ тре-

мя утомленными козаками. Но напрасно силились бы они устоять противъ такой отчаянной воли.

»Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня!« кричалъ Тарасъ, поражая бѣгущихъ, начинавшихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ самимъ дьяволомъ.

Отчаянный Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздо : ужасный отецъ уже былъ передъ нимъ. Безнадежно онъ остановился на одномъ мѣстѣ. Тарасъ оглянулся: уже никого не было позади его, всѣ сотоварищи его полегли въ разныхъ мѣстахъ поля. Ихъ только было двое.

»Что́, сы́нку?« сказалъ Бульба, глянувши ему въ очи.

Андрій былъ безотвѣтенъ.

»Что́, сы́нку?« повторилъ Тарасъ, »помогли тебѣ твои Ляхи?«

Андрій не произнесъ ни слова; онъ стоялъ, какъ осужденный.

»Такъ продать, продать вѣру! Проклятъ тотъ и часъ, въ который ты родился на свѣтъ!«

Сказавъ это, онъ глянулъ съ какимъ-то изумительно-сверкающимъ взглядомъ по сторонамъ.

»Ты думалъ, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ, я тебя породилъ, я тебя и убью! Стой и не шевелись, и не проси у Господа Бога отпущенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтѣ!«

Андрій, блѣдный какъ полотно, прошепталъ губами одно только имя: но это не было имя родины, или отца, или матери : это было имя прекрасной Полячки.

Тарасъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье прицѣлился.... выстрѣлъ грянулъ...

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалися на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и думалъ: предать ли тѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чтобы хищныя птицы растрепали его и сѣромахи волки разша́рпали и разнесли его желтыя кости, или честно погребсти въ землѣ?

Въ это время подъѣхалъ Остапъ. »Батько!« сказалъ онъ.

Тарасъ не слышалъ.

»Батько, это ты убилъ его?«

»Я, сы́нку!«

Лицо Остапа выразило какой-то безмолвный упрекъ. Онъ бросился обнимать своего товарища и спутника, съ которымъ двадцать лѣтъ росли вмѣстѣ, жили пополамъ.

»Полно, сы́нку, довольно! Понесемъ мертвое тѣло, похоронимъ!« сказалъ Тарасъ, который въ то время сжа́лъ въ груди своей подступавшее ѣдкое чувство.

Они взяли тѣло и понесли на плечахъ въ обгорѣлый лѣсъ, стоявшій въ тылу Запорожскихъ войскъ, и вырыли саблями и копьями яму.

Тарасъ оставилъ копье и взглянулъ на трупъ сына. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, еще сохраняло въ себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты.

»Чѣмъ бы не козакъ былъ?« сказалъ Тарасъ: »и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою, — пропалъ! пропалъ безъ славы!...«

Трупъ опустили, засыпали землею, и чрезъ минуту уже Тарасъ размахивалъ саблею въ рядахъ непріятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница въ томъ только, что онъ бился съ бо́льшимъ изступленіемъ, сгарая желаніемъ отмстить смерть сына. Прибывшій въ то время его собственный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, доставилъ ему значительный перевѣсъ. Онъ наконецъ узналъ, кто былъ виною отступничества его сына, и положилъ, во что́ бы ни стало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ это; свирѣпый, онъ бы протекъ, какъ смерть, по его улицамъ; онъ бы вытанцилъ ее своею желѣзною рукою, ее, обворожительную, нѣжную, блистающую; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинныя, обольстительныя волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ея голубинаго горла.... Но одно непредвидѣнное происшествіе остановило его на пути непримиримой мести.

VI.

Въ Запорожское войско пришло извѣстіе, что Сѣчь взята, разорена Татарами и большая часть остававшихся Запорожцевъ забрана въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно козаки старались, не теряя времени, настигнуть хищниковъ на возвратной ихъ дорогѣ и перехватить добычу, потому что, тремя недѣлями позже, уже этого сдѣлать было невозможно и плѣнные козаки могли вдругъ очутиться на рынкахъ Великой Азіи. Кошевой положилъ, и мнѣніе его подкрѣпили прочіе чины, идти на помощь немедленно, разсуждая, что уже довольно они отомстили за измѣну Полякамъ и смерть гетмановъ, и что опустошенныя поля будутъ помнить, какъ гостили на нихъ Запорожцы.

На это изъявилъ согласіе и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотѣлось взять городъ. Уже онъ отправился, чтобы отдать приказъ вьючить коней и мазать телеги, какъ вдругъ остановился и сказалъ: »Я хотѣлъ спросить еще объ одномъ у тебя, отáманъ! Вѣдь, кажется, въ непріятельскомъ войскѣ есть нашихъ человѣкъ тридцать въ плѣну?«

»Я посылалъ просить размѣна, — не соглашаются.«

»Такъ мы, стало быть, ихъ и оставимъ такъ?«

»Что̀ жъ дѣлать!«

»Какъ! чтобы они опять замучили ихъ?«

»А что̀ жъ дѣлать?« отвѣчалъ кошевóй: »вѣдь помочь нельзя; хоть и останемся, то не одолѣемъ, а между тѣмъ и свое прогуляемъ: Татарвá не станетъ ожидать насъ.«

»Такъ, стало быть, пусть еретичное поганство какъ хочетъ, такъ и ругается надъ Христіянскою вѣрою?«

Кошевой пожалъ плечами.

»А мнѣ кажется, отáманъ, такъ не бывать этому.«

»А отчего жъ бы не бывать?«

»Да такъ; я уже знаю.«

»Овва, какъ важно!« сказалъ кошевой, прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.

»Слышали ли вы, панóве, что кошевой хочетъ сдѣлать?« сказалъ Бульба, выходя отъ кошевого и обращаясь къ Запорожцамъ. »Онъ хочетъ, чтобы мы теперь же отправились на Сѣчу, а товарищей, тѣхъ, что попались въ плѣнъ непріятелю, такъ бы и оставили, чтобы ихъ замучило поганое еретичество. Что вы скажете на это?«

»Не послушаемъ мы кошевого!« сказала въ одинъ голосъ часть Запорожцевъ, отдѣлилась и стала на сторонѣ. Ихъ было около тысячи человѣкъ.

Кошевой вышелъ. Онъ уже слышалъ волненіе, которое произвелъ неугомонный Бульба. »Чего вы хотите? Изъ чего подняли вы такой гвалтъ?« закричалъ онъ грозно.

»Мы не хотимъ идти на Сѣчу! Мы остаемся здѣсь!» кричала толпа.

»Что вы? сдурѣли? Я васъ, чортовы дѣти, перевяжу всѣхъ!«

»Какую онъ можетъ имѣть власть?« сказалъ Тарасъ, обращаясь къ Запорожцамъ. »Мы вольные козаки!«

»А что жъ? мы вольные козаки!« говорили Запорожцы.

»Дамъ я вамъ вольныхъ! Вы гдѣ вольные? на Сѣчѣ; вотъ тамъ вы вольные! Тамъ вы можете снять съ меня достоинство, связать меня и убить, и все, что хотите; а тутъ вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право? — А ты что тутъ заводишь бунтъ?« сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

»Нѣтъ, я не бунтъ чиню, а исполняю долгъ Христіянской!« хладнокровно отвѣчалъ Тарасъ. »Я стою за права наши, ибо мы должны защищать Христіянскую кровь.«

»Я тебя, старый чортъ, присмыкну́ къ обозу.«

»А ну, попробуй!«

»Слушайте, пане-браты!« сказалъ кошевой, нѣсколько смягчивши рѣчь. »За что же вы оставляете тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ на Сѣчѣ забрала Татарва́ въ полонъ? Или вы думаете, что Татары поступятъ лучше, чѣмъ Ляхи?«

»То Татарва́, а то Ляхи — другое дѣло«, отвѣчалъ Бульба. »Еще у бесурмана есть совѣсть и страхъ Божій, а у католичества и не было, и не будетъ. Постойте, хлопцы, и я скажу: Что, если бы вы попались въ плѣнъ да начали бы съ васъ живыхъ драть кожу,

или жарить на сковродахъ? что̀ бы вы тогда сказали? А изъ вашихъ земляковъ, изъ товарищей, изъ тѣхъ, что̀ должны до послѣдней крови защищать, изъ тѣхъ товарищей ни одинъ бы не захотѣлъ подать руку помощи, — что̀ бы вы тогда сказали?«

»А что̀ бы сказали?« пропзнесли нѣкоторые; »сказали бы: »Вы помоп, а не Запорожцы!« Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ.

»Стойте, хлопья́та, и я скажу!« крпчалъ ота́манъ. »Ну, скажите, пано́ве-браты, куда вашъ умъ дѣлся? Посудите сами, гдѣ вамъ управиться съ такими непріятелями? Ихъ больше десяти тысячъ, а васъ, можетъ быть, двѣ. Вѣдь пропадете всѣ на мѣстѣ!«

»Пропадать, такъ пропадать!« сказалъ Бульба.

»Оставайтеся же тутъ, если уже такъ захотѣли своей погибели, а тѣ, которые разумнѣе васъ, гайда въ дорогу!«

»Вы дѣлайте свое, а мы будемъ дѣлать свое!« сказалъ Бульба

Обѣ стороны неподвижно стали одна противъ другой и минуту сохраняли мертвое молчаніе.

Наконецъ стоявшіе въ первыхъ рядахъ посѣдѣвшіе Запорожцы, утупивъ глаза въ землю, начали говорить: »Оно конечно, если разсудить по справедливости, то и вы исполняете честь лыцарскую, и мы поступаемъ по лыцарскому обычаю. На то и живетъ человѣкъ, чтобы защищать вѣру и обычай. Притомъ жизнь такое дѣло, что если о ней сожалѣть, то уже не знаемъ, о чемъ не жалѣть. Скоро будемъ жалѣть, что бросили женъ своихъ. Нужно же попробовать, что̀ такое смерть. Вѣдь пробовали всякія невзгоды въ жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны питать другъ противъ друга никакой непріязни. Мы всѣ Запорожцы, всѣ изъ одного гнѣзда, всѣхъ насъ вспоила Сѣчь, всѣ мы братья родные. .. Спрашиваемъ каждаго: не имѣетъ ли противъ насъ какого неудовольствія?«

»Никакого! всегда были довольны!« закричали всѣ въ одинъ голосъ.

»Ну, такъ пусть же на разставаньи... что̀ будетъ впредь, то Богъ одинъ знаетъ; можетъ быть, ни одинъ изъ насъ уже не увидитъ дружка дружку; такъ поцѣлуемся всѣ.«

И двѣ тысячи войска перецѣловались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

»Ну, прощайте же, паны-браты, молодцы! Дай же, Боже, чтобы все было такъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, то вы разскажете про насъ, что такіе-то гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы повѣдаемъ, чтобы знала вся Украйна, да и другія земли, что были такіе молодцы, которые и вѣру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! пусть благословеніе Божіе будетъ и съ вами, и съ нами!«

Обѣ половины войска соединились вмѣстѣ, чтобы не дать узнать непріятелю о своемъ раздѣленіи, и отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокій яръ. Удалявшаяся половина съ кошевымъ отáманомъ опустилась по скату горы и яромъ, невидимая непріятелемъ, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи.

Стоявшій на высотѣ отрядъ Польскаго войска не могъ не замѣтить нѣкотораго движенія въ войскахъ Запорожскихъ и уже рѣшился-было въ тотъ же часъ сдѣлать нападеніе, но Французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ Польскихъ войскахъ, большой знатокъ военнаго дѣла, остановилъ ихъ, сказавши: »Нѣтъ, нѣтъ, господа! это не то, что̀ вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада. О, этотъ народъ Запороги!« сказалъ онъ, положивши палецъ на свой ястребиный носъ, причемъ голосъ его, дотолѣ хриплый, пискнулъ дискантомъ, »этотъ народъ Запóроги хитеръ, какъ самъ чортъ, или какъ капитанъ-дьяволъ!«

»Ну, папóве молодцы!« сказалъ Бульба по удаленія войска, »теперь пришла намъ пора показать честь Запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то, папóве, чтобы всѣ полегли на мѣстѣ, чтобы ни одинъ не остался вживѣ, чтобы всѣ, какъ добрые товарищи, пóкотомъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ, выпьемъ, паны-браты, горилки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой долженъ веселиться всякой человѣкъ.«

Пятьдесятъ козаковъ отправились къ обозамъ и вынули бок-

ла́жки, готовясь отправлять должность виночерпіевъ. Двѣ тысячи козаковъ подставили свои рукавицы.

»Прежде всего, пане-браты«, сказалъ Бульба, поднявши вверхъ свою рукавицу, »долгъ велитъ выпить за вѣру Христову! Чтобы пришло наконецъ такое время, чтобы по всему свѣту разошлась она и всѣ бусурмены подѣлались бы наконецъ Христіянами! Да за одинмъ уже разомъ и за Сѣчь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурменству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ другого лучше, одинъ другого лучше! Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, что не постыдили товарищества и не выдали своихъ! Итакъ, панове-браты, чтобы, какъ эта горилка играетъ и шибаетъ пузырями, такъ бы и мы шли на смерть. Ну-те, разомъ за вѣру!«

»За вѣру!« повторили ближніе ряды, поднявъ вверхъ рукавицы. »За вѣру!« подхватили дальніе.

»За Сѣчь!« сказалъ Бульба, поднявъ снова рукавицу.

»За Сѣчь!« гряпули ближніе. »За Сѣчь!« отозвалось въ дальнихъ.

»За славу и за всѣхъ Христіянъ, какіе живутъ на Божьемъ свѣтѣ!«

»За славу и Христіянъ!« повторили ближніе. »За славу и Христіянъ!« повторили дальніе.

»Теперь на коней, хлопьята!«

Всѣ очутились на коняхъ и выѣхали вмѣстѣ стройною кучею. Всѣ дышали силою, свыше естественной. Это не былъ дикой энтузіазмъ, порожденный отчаяніемъ: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновеніе веселости, какой-то трепетъ величія ощущался въ сердцахъ этой гуллявой и храброй толпы. Ихъ черные и сѣдые усы величаво опускались внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на непріятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но какъ-будто веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пуль выступали они, какъ подъ свадебную музыку. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностію, какъ-будто-

бы происходившею оттого, что сердца ихъ и страсти были въ одинъ тактъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не отдѣлялся: нигдѣ не разрывалась эта масса. Польскія войска, которыя было приняли ихъ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать, пораженные робостію и думая, не сверхъ-естественная ли какая сила начала помогать козакамъ. Лучшія распоряженія арміи были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась какъ-то вдохновенно, не измѣняясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французскій инженеръ, который былъ истинный въ душѣ артистъ, бросилъ фитиль, которымъ готовился зажигать пушки, и позабывшись билъ въ ладони, крича громко: »Браво, месье Запороги!«

Около двухъ тысячъ человѣкъ непріятеля было убито и столько же разсыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжее новоприбывшее войско остановилось какъ-бы въ недоумѣніи. Запорожцы, съ своей стороны, не рѣшались идти далѣе. Въ виду самого непріятеля, взяли они оставленныя пушки, часть обоза съ провіантомъ и отступили такъ же страшно, въ такомъ же точно порядкѣ, къ обгорѣвшему монастырю, котораго положеніе чрезвычайно благопріятствовало укрытію. Бульба ипровалъ вмѣстѣ съ Запорожцами послѣ такой славной битвы; но когда обсмотрѣлъ и перечелъ ряды свои, ихъ оставалось всего только не больше тысячи. Между тѣмъ новыя войска приходили безпрестанно на помощь, и если что спасло отъ непріятельскаго нападенія, такъ это глубокая догадка Французскаго инженера, заставлявшаго опасаться скрытаго множества Запорожцевъ.

Между тѣмъ Бульба узналъ, что Запорожскіе плѣнники отправлены съ конвоемъ по Варшавской дорогѣ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль перехватить ихъ. Объявивши объ этомъ войску, онъ началъ тайно готовиться къ отступленію. Цѣлый день козаки мазали дегтемъ свои телеги, чтобы не скрипѣли; большую половину пушекъ закопали въ землю, чтобы онѣ не могли достаться непріятелю, и продолжали безпрестанную перестрѣлку. Часть Запорожцевъ скинула съ себя верхнюю одежду; изъ нее подѣлали чучелъ и разставили на стѣнахъ монастырскихъ, вездѣ, гдѣ была

стража. За монастыремъ они нашли дорогу, о которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего не знали непріятели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленнымъ лѣсомъ и непломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они тронулись, потянулись гужемъ со всѣмъ обозомъ, продирались около пяти верстъ и наконецъ пробрались на чистое поле, гдѣ совершенно уже не было видно непріятеля. Запорожцы пріударили коней и понеслись. Еще полчаса времени — и они бы, вѣрно, встрѣтили своихъ закованныхъ земляковъ, они бы имѣли еще достаточное время броситься на проселочную дорогу и, благодаря быстротѣ Татарскихъ коней, можетъ быть, Сѣчь увидѣла бы вновь своихъ главныхъ защитниковъ.

Но, какъ нарочно, Польскія войска вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь. Дальновидный инженеръ искусно зажегъ лѣсъ, къ нему примыкавшій, увѣряя, что всѣ будутъ имѣть славное жаркое изъ козачьей дичи. Но глубокая тишина изумила ихъ. Изумленіе еще болѣе увеличилось, когда онѣ увидѣли, вмѣсто замѣченныхъ ими издали Запорожцевъ, однѣ чучелы. По всѣмъ признакамъ, они видѣли, что Запорожцевъ было небольшое число. Это увеличило ихъ досаду, и начальствовавшій войсками, человѣкъ запальчивый, въ ту же минуту отдалъ приказъ устремиться на преслѣдованіе.

Если бы Бульба не выбрался такъ громоздко, то онъ могъ бы быть до сихъ поръ гораздо далѣе и тѣмъ, можетъ быть, ускользнуть отъ преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставить нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ онъ подымавшуюся пыль отъ многочисленнаго, съ двухъ сторонъ шедшаго войска. »Вишъ, чортъ поберп! Ляхи пронюхали«, сказалъ онъ, выпустивъ изо рта люльку, которую уже началъ-было курить съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго отступленія отъ такого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, далъ повелѣніе сдвинуть обозъ въ кучу и окружить его нѣсколькими рядами Запорожцевъ. Этотъ маневръ считался совершенствомъ козацкой атаки и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ теоретикахъ тогдашняго военнаго искусства. Его цѣль состояла въ

томъ, чтобы скрыть тылъ. Тутъ козаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непроломною стѣною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицомъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не утомляя чрезъ это ихъ рядовъ, — тѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе настигнуть, отправился налегкѣ. Войска Польскія, всегда отличавшіяся нетерпѣливостію, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны Запорожцевъ не облегчила ихъ.

Въ это время Остапъ, выстрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостію и негодуя на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мелкую перестрѣлку, а потомъ и въ рукопашную битву. Его свирѣпое мужество разсѣяло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ стиснувшимъ его множествомъ, и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднятъ нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками и уведенъ въ толпу. Желаніе подать помощь и освободить любимаго сына заставило его позабыть важность своего поста. Онъ отдѣлился вмѣстѣ съ большею частію Запорожцевъ отъ обоза и ударилъ въ середину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись въ толпѣ, раздѣленные толпою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно, и нужно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ ворочался, какъ молнія, на всѣ стороны, дѣйствуя и саблей, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся, лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ Запорожцевъ не остался въ-живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ; и ни одинъ живой трофей не былъ свидѣтелемъ побѣды, одержанной Польскими войсками.

VII.

»Долго же я спалъ!« говорилъ Бульба, осматривая углы избенки, въ которой онъ лежалъ, весь израненный и избитый. »Спалъ ли я это, или на-яву видѣлъ?«

»Да чуть было ты на-вѣки не заснулъ!« отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачъ, лицо котораго одну минуту только блеснуло живостью и опять погрузилось въ обыкновенное свое хладнокровіе.

»Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? Вѣдь, кажется, я совсѣмъ былъ подъ сабельными ударами, и что̀ было далѣе, я уже ничего не помню...«

»Объ томъ нечего толковать, какъ спасся; хорошо, что спасся.«

Товкачъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла молча и никогда не говорятъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ Бульбы видно было усиліе припомнить обстоятельства. »А что̀ же сынъ мой?... что̀ Остапъ? И онъ легъ также вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу?«

Товкачъ молчалъ.

»Что̀ жъ ты не говоришь? Постой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ плѣнъ нечестивые католики... И я не высвободилъ тебя, сынъ мой, Остапъ мой! измѣнила наконецъ сила!«

Морщины сжались на лбу его, и раздумье крѣпко осѣнило лицо, покрытое рубцами.

»Молчи, панъ Тарасъ. Чему быть, тому быть. Молчи да крѣпись: еще намъ больше ста верстъ нужно проѣхать.«

»Зачѣмъ?«

»Затѣмъ, что тебя теперь ищетъ всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесетъ ее, тому дадутъ 2000 червонцевъ?«

Но Тарасъ не слышалъ рѣчей Товкача. »Сынъ мой, Остапъ мой!« говорилъ онъ, »я не высвободилъ тебя!«

И приливъ тоски повергнулъ его въ безпамятство. Товкачъ

оставался цѣлый день въ избѣ; но съ наступленіемъ ночи онъ увезъ безчувственнаго Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ на подобіе койки, укрѣпилъ поперегъ сѣдла и пустился во всю прыть на Татарскомъ бѣгунѣ. Пустынные овраги и непроходимыя мѣста видѣли его, летѣвшаго съ тяжелою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчъ и преслѣдованій, и хотя уже онъ былъ на степи, которой хозяевами болѣе другихъ могли считаться Запорожцы, но тогдашнія границы были такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почитая тамъ его менѣе въ безопасности, нежели на Запорожьѣ, куда онъ держалъ теперь путь свой. Онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними товарищами, пирушки и новыя битвы оживятъ его скорѣе и развлекутъ его.

Онъ дѣйствительно не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ, не смотря на то, что ему было шестьдесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. Повидимому, самыя пиршества Запорожцевъ казались ему чѣмъ-то ѣдкимъ. Съ нимъ неразлучно было то время, которому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, то время, когда онъ гулялъ съ своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ — и на этомъ, дотолѣ ничѣмъ неколеблемомъ лицѣ прорывалась раздирающая горесть, и онъ тихо, понуривъ голову, говорилъ: »Сынъ мой, Остапъ мой!

Запорожцы собрались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ; и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цвѣтущіе берега ея, видѣла чалмы своихъ Магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ; она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ Запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; Персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свои свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ Запорожскія коротенькія люльки. Они

весело плыли назадъ; за ними гнался десяти-пушечный Турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью бочонками, набитыми цѣхинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижно сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произнося: »Остапъ мой, Остапъ мой!« Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

Когда Жидъ Янкель, который въ то время очутился въ городѣ Уманѣ и занимался какими-то подрядами и сношеніями съ тамошними арендаторами, когда Жидъ Янкель молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ саваномъ и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2000 червоныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ эту вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу Жида.

»Слушай, Янкель!« сказалъ Тарасъ Жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. »Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу!«

Лицо Жида нѣсколько поморщилось. »Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?«

»Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву!«

»Въ Варшаву? какъ! въ Варшаву?« сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

»Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву! Что бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово.«

»Какъ можно такое говорить?« говорилъ Жидъ, разставивъ пальцы обѣихъ рукъ своихъ. »Развѣ панъ не слышалъ, что уже...«

»Знаю, знаю все: за мою голову дают 2000 червоных. Знают же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ двѣнадцать дамъ. Вотъ тебѣ 2000 сейчасъ!« При этомъ Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана́ 2000 червоныхъ, »а остальные какъ ворочусь.«

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенцо и накрылъ имъ червонцы. »Славная монета!« сказалъ онъ, вертя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и пробуя на зубахъ.

«Я бы не просилъ тебя, я бы самъ, можетъ быть, пашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые Ляхи; ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, Жиды, на то уже и созданы; вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки. Вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!«

»А какъ же вы думаете мнѣ спрятать пана?«

«Да ужъ вы, Жиды, знаете, какъ: въ порожнюю бочку, или тамъ во что-нибудь другое.«

»Какъ можно въ бочку? Всякъ подумаетъ, что горилка!«

»Ну что́ жъ? То и хорошо.«

»Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно этакое говорить! Развѣ панъ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горилку, чтобы ее всякой пробовалъ? Тамъ всѣ такіе ласуны, что Боже упаси! А особливо военный народъ: будетъ бѣжать верстъ пять за бочкою, продолбитъ какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: Жидъ не повезетъ порожнюю бочку: вѣрно, тутъ есть что-нибудь.«

»Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою.«

»Охъ вей миръ! не можно, ей Богу, не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные, какъ собаки; раскрадутъ, какъ ни береги, и пана нащупаютъ.«

»Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!«

»Стойте, стойте! теперь возятъ по дорогамъ много кирпичу. Тамъ строятъ какія-то крѣпости. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичо́мъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду, и потому ему ничего, что будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.«

»Дѣлай какъ хочешь, только вези!«

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Уманя, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ еломка, по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади.

VIII.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣздчиковъ, этой страшной грозы предпріимчивыхъ людей, и потому всякой могъ везти, что̀ ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частію для своего собственнаго удовольствія, особливо если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главныя городскія ворота.

Бульба въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ короткомъ, запачканномъ пылью рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились Жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора.

Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревяные домы со множествомъ протянутыхъ изъ оконъ жердей, увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху ощекотуренной кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякой, что̀ было только у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможныя удобства питать всѣ чувства

свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли Жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико Еврейки, убранное потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча Жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій Жидъ, съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна, тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи, и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой Жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ; и когда Бульба выкарабкался наконецъ изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ Жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и хотя трудно уговорить стражей, но однакожъ онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ тремя Жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его. На грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія. Старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

»Слушайте, Жиды!« сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное. »Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского, и пословица давно уже говоритъ, что Жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ! Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать-тысячъ червоныхъ, — я прибавлю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ

тѣмъ, чтобы все, что̀ ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ!«

»О, не можно, любезный панъ! не можно!« сказалъ со вздохомъ Янкель.

»Нѣтъ, не можно!« сказалъ другой Жидъ.

Всѣ три Жида взглянули одинъ на другого.

»А попробовать«, сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ. »Можетъ быть, Богъ дастъ.«

Всѣ три Жида заговорили по-Нѣмецки. Бульба, какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать. Онъ слышалъ только часто произносимое слово *Мардохай*, и больше ничего.

»Слушай, панъ!« сказалъ Янкель: »нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ! и не впускай никого.« Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный Жидовскій проспектъ. Три Жида остановились посрединѣ улицы и стали говорить довольно азартно. Къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое *Мардохай*, *Мардохай*. Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы. Наконецъ въ концѣ ея, изъза одного дряннаго дома, показалась нога въ Жидовскомъ банмакѣ, и замелькали фалды полукафтанья. »А, Мардохай! Мардохай!« закричали всѣ Жиды въ одинъ голосъ.

Тощій Жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ Жиды наперерывъ спѣшили разсказывать ему, причемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку, и вынималъ какія-то побрякушки, причемъ показывалъ прескверныя свои панталоны. Наконецъ всѣ Жиды подняли такой крикъ, что Жидъ, стоявшій на сторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опа-

саться за свою безопасность, но, вспомнивши, что Жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, Жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: »Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно.«

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была, просто, страшилище. Толщина ея, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство; душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ: онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой Жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ наконецъ весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ уже ввечеру поздо показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

»Что? удачно?« спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели Жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопрятно, но всё же вился кольцами изъ-подъ еломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понялъ.

Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ-будтобы страдалъ простудою.

»О, любезный панъ!« сказалъ Янкель : »теперь совсѣмъ неможно! ей Богу, неможно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить.«

Тарасъ глянулъ въ глаза Жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

»А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и одинъ левéнтарь обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья, ой вей миръ, что̀ это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ. 50 червонцевъ я далъ каждому, а левéнтарю...«

»Хорошо. Веди меня къ нему!« произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ Нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный Жидъ.

Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій Жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ, для Бульбы. Янкель легъ на полу на такомъ же тюфякѣ. Рыжій Жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своею Жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое Жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа.

Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго Жидъ съ-просонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

»Вставай, Жидъ, и давай твою графскую одежду!«

Въ минуту одѣлся онъ, вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя

маленькую темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему козаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати-пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей. Тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы, или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другого билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ: »Это мы... слышите, паны? это мы!«

»Ступайте«, говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ корридоръ узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу, съ маленькими окошками вверху.

»Кто идетъ?« закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. »Намъ никого не велѣно пускать.«

»Это мы!« кричалъ Янкель, »ей Богу, мы, ясные паны!«

Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастію, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

«Панъ, это жъ мы! Вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить.«

»Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого

не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу...«

Продолженія краспорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.

«Это мы, это я, это свои!« говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

»А что, можно теперь?« спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они наконецъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ корридоръ уже оканчивался.

»Можно, только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна; вмѣсто его стоитъ другой«, отвѣчалъ часовой.

»Ай, ай!« произнесъ тихо Жидъ. »Это скверно, любезный панъ!«

»Веди!« произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся къ верху остріемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему. »Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!«

»Ты, Жидъ, это мнѣ говоришь?«

»Вамъ, ясновельможный панъ.«

»Гм... а я просто гайдукъ!« сказалъ трехъ-ярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

»А я, ей Богу, думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай!..« при этомъ Жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. »Ай, какой важный видъ! Ей Богу, полковникъ! совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скораго, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!«

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ; причемъ глаза его совершенно развеселились.

»Что за народъ военный!« продолжалъ Жидъ, »охъ вей миръ, что за народъ хорошій! Шнуре́чки, бляше́чки... такъ отъ нихъ

блеститъ, какъ отъ солнца: а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!« Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

»Прошу пана оказать услугу!« произнесъ Жидъ. »Вотъ князь пріѣхалъ изъ чужого края, хочетъ посмотрѣть на козаковъ. Онъ еще съ роду не видѣлъ, что̀ это за народъ козаки.«

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полу-Азіятскій уголъ Европы (Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи); и потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

»Я не знаю, ваша яновельможность«, говорилъ онъ, »зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ.«

»Врешь ты, чортовъ сынъ!« сказалъ Бульба; »самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретичную вѣру не уважаютъ!«

»Эге, ге!« сказалъ гайдукъ, »а я знаю, пріятель, кто ты: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня! Постой же, я позову сюда нашихъ!«

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастію, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

»Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ козакъ? А если бы онъ былъ козакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графской?«

»Разсказывай себѣ!« и гайдукъ уже растворилъ-было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

»Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради Бога!« закричалъ Янкель: »Молчите! мы ужъ вамъ за это заплотимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца «

»Эге, два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ. Я цирюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды

выбрилъ. Сто червоныхъ давай, Жидъ!« Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы. »А какъ не дашь ста червоныхъ, сейчасъ закричу!«

»И на что бы такъ много?« горестно сказалъ поблѣднѣвшій Жидъ, развязывая кожаной мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать. »Панъ! панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ!« сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ-бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

»Что жъ ты, чортовъ гайдукъ? сказалъ Бульба, »деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не въ-правѣ теперь отказать.«

»Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то — я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ.... Уносите ноги, говорю я вамъ, скорѣе!«

»Панъ! панъ! пойдемъ, ей Богу, пойдемъ! Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно!« кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

»И на что бы трогать? Пусть бы собака бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ вей міръ, какое счастіе посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червоныхъ. О Боже мой! Боже милосердый!«

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу. Она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

»Пойдемъ!« сказалъ онъ вдругъ, какъ-бы встряхнувшись, »пойдемъ на площадь! Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить.«

»Ой, панъ, зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже.«

»Пойдемъ!« упрямо сказалъ Бульба, и Жидъ, какъ нянька, вздыхая побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣй-

шихъ зрѣлищъ, не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали съ-просонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однакоже, случая полюбопытствовать. »Ахъ, какое мученье!« кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однакоже простаивали иногда довольное время. Иной и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повидиѣе. Изъ толпы узкихъ небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но бо́льшая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что́ ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу.

На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что́ у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. »Вотъ это, душечка Юзыся«, говорилъ онъ, »весь народъ, что́ вы видите, пришелъ затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что́, вывидите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубитъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только от-

рубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше не будетъ головы.« И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ.

Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перилы. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разныя напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на-подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокой шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полинялом красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощію длинныхъ рукъ; цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ. перегнувши на бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ.

Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: »Ведутъ! ведутъ! козаки!«

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами. Бороды у нихъ были отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья, изъ дорогого сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: »Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ му-

чится Христіянинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!« Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

»Добре, сынку, добре!« сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланныя станки и... я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волоса. Они были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою до такой степени, что сдѣлался глухъ для человѣколюбія. Должно, однакожъ, сказать, что король всегда почти являлся первымъ противникомъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе козачьей націи. Но король не могъ сдѣлать ничего противъ дерзкой воли государственныхъ магнатовъ, которые непостижимою недальновидностью, дѣтскимъ самолюбіемъ, гордостью и неосновательностью превратили сеймъ въ сатиру на правленіе.

Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполинъ, съ невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, такъ что ужасный хрясктъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда паняики отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его; лицо его не дрогнулось.

Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми, однакоже, глазами, и одобрительно только говорилъ: »Добре, сынку, добре!«

Наконецъ сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя орудія казни, которыми готовились вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться. »Батько!« произнесъ онъ всё еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилить муки, »батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?

»Слышу!« раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отдалились отъ него, онъ

со страхомъ оборотился назадъ; но Тараса уже возлѣ него не было; его и слѣдъ простылъ.

IX.

Слѣдъ Тарасовъ отыскался; тридцать тысячъ козацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не былъ какой-нибудь отрядъ, выступавшій для добычи, или своей отдѣльной цѣли: это было дѣло общее. Это цѣлая нація, которой терпѣніе уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленныя права свои, за униженную религію свою и обычай, за вѣроломныя убійства гетмановъ своихъ и полковниковъ, за насиліе Жидовскихъ арендаторовъ и за все, въ чемъ считалъ себя оскорбленнымъ угнетенный народъ.

Верховнымъ начальникомъ войска былъ гетманъ Остраница, еще молодой, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить утѣснительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ государственныхъ магнатовъ, и очистить Украйну отъ Жидовства, уніи и посторонняго сброда. Возлѣ него былъ виденъ престарѣлый и опытный товарищъ и совѣтникъ его, Гуня. Сорокъ тысячъ лошадей нетерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь полковъ, изъ которыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ суконныхъ алыхъ, синихъ и желтыхъ кафтанахъ, выступали браво и гордѣливо. Восемь опытныхъ полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли, или останавливали нетерпѣливый походъ ихъ.

Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Бульба. Преклонныя лѣта, слава и опытность давали ему значительный перевѣсъ въ совѣтѣ; но неумолимая и свирѣпая жестокость его казалась ужасною даже для глубоко оскорбленныхъ защитниковъ. Его совѣтъ дышалъ только однимъ истребленіемъ, и сѣдая голова его опредѣляла только огонь и висѣлицу.

Не буду описывать тѣхъ битвъ, гдѣ отличались козаки, ни постепеннаго хода всей великой кампаніи: это принадлежитъ исторіи. Тамъ изображено подробно, какъ бѣжали Польскіе гарнизо-

ны изъ освобождаемыхъ городовъ, какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-Жиды, какъ слабъ былъ коронный гетманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы, какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска, какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные козацкіе полки и какъ приведенный въ крайность Польскій гетманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ со стороны короля и государственныхъ чиновъ и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ; но козаки, наученные прежнимъ вѣроломствомъ, были неумолимы, и Потоцкій не красовался бы болѣе на шести-тысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ панъ и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ Русское духовенство. Торжественная процессія съ образами и крестами и мольбы священника-старца тронули козаковъ, еще чувствовавшихъ узы, привязывавшія ихъ къ королю. Гетманъ и полковники рѣшились отпустить Потоцкаго не прежде, какъ заключивши трактатъ, обезпечившій бы во всемъ козаковъ.

Но непреклонный Тарасъ вырвалъ изъ бѣлой головы своей клокъ волосъ, когда увидѣлъ такое, по словамъ его, бабье малодушіе полковниковъ. »Не понущу, полковники, чтобы вы учинили такое дѣло!« вскричалъ онъ твердо. Но на этотъ разъ совѣтъ его былъ отвергнутъ. »Эй, не вѣрьте, паны, Ляхамъ!« повторилъ онъ опять тѣмъ же голосомъ, помахивая нагайкою и хлеснувъ ею по пушкѣ. Когда же полковой писарь подалъ уже написанное условіе подписать гетману, онъ махнулъ рукою и сказалъ: »Оставайтесь же себѣ, паны! меня вы больше не увидите. Глядите, паны, вы вспомните меня!« и голосъ его имѣлъ въ себѣ что-то пророческое. »Вы думаете, что купили этимъ спокойствіе и будете теперь пановать? Увидите, что не будетъ сего! Сдерутъ съ твоей головы, геманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго уцѣлѣетъ голова! пропадете вы въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменныя стѣны, если не сварятъ васъ живыхъ въ котлахъ, какъ барановъ!«

»А вы, хлопцы, хотите умирать?« продолжалъ онъ, обращаясь

къ своему полку: »умирать такъ, какъ умираютъ честные козаки? А можетъ быть, вы думаете еще пожить да залечь дома на печь, да и лежать тамъ, покамѣсть не приберетъ врагъ? Что жъ лучше? спрашиваю я васъ, молодцы: воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила васъ жинка, и напившись пропасть гдѣ-нибудь подъ тыномъ, какъ собака; или всѣмъ, какъ вѣрнымъ лыцарямъ, какъ братьямъ роднымъ, лечь вмѣстѣ на полѣ и оставить по себѣ славу на-вѣки?«

»За тобою, пане полковнику! за тобою всѣ!« отвѣчали передніе въ полку. »Веди! ей Богу, веди!«

»Добре, паны молодцы!« сказалъ Тарасъ, взявши свою шапку въ руки и потомъ опять надѣвши ее на голову. Глаза его сверкнули. »Вырѣжемъ все католичество! чтобы его и духу не было! Пусть пропадутъ нечестивые! Гайда, хлопцы!«

Сказавши это, изступленный сѣдой фанатикъ отправился съ полкомъ своимъ въ путь. Другіе козаки съ завистью глядѣли на удалявшихся сотоварищей, и только одно строгое повиновеніе къ полковникамъ, бывшее всегдашнею ихъ добродѣтелію, препятствовало многимъ охотникамъ къ нимъ присоединиться.

Гетманъ и полковники не остановили удалявшагося полка. Казалось, предсказаніе Тараса нѣсколько смутило ихъ; по крайней мѣрѣ они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро, однакоже, пророческія слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя, послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова гетмана вздернута была на колъ вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи. Что жъ дѣлалъ Тарасъ съ своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костёловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ поступалъ неожиданно, скрывая свои намѣренія, и когда одно селеніе, или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу и несъ гибель туда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмѣлилась бы изобразить всѣхъ тѣхъ свирѣпствъ, которыми бы-

ли означены разрушительныя его опустошенія. Ничто похожее на жалость не проникало въ это старое сердце, кипѣвшее только отмщеніемъ. Никому не оказывалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя матери и молодыя жены и дѣвицы, изъ которыхъ иныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у алтарей: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ костёломъ, и когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ отчаянія, подымались изъ ужаснаго потопа огня и дыма къ небу и растрепанныя волосы сквозь дымъ разсыпались по плечамъ ихъ, а свирѣпые козаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ наслажденія и говорилъ: »Это вамъ, вражьи Ляхи, поминки по Остапѣ!« И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи. Наконецъ Польское правительство увидѣло, что поступки Тараса были нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Тарасъ понялъ опасность и поворотилъ назадъ. Проселочными дорогами, ночью, скакалъ онъ съ своими козаками во всю мочь, и одни только Татарскіе кони, которыхъ онъ имѣлъ обычай держать цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства. Но на этотъ разъ Потоцкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною неутомимостью и наконецъ настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для небольшого роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивалась къ рѣкѣ такою страшною, почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать саженъ внизъ шумѣлъ Днѣстръ. Здѣсь-то облегъ его Потоцкій своими войсками съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарасъ, съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать тщетными всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ опустѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія, а козаки менѣе всего могли сносить голодъ, особливо когда видѣли, что онъ долженъ нако-

нецъ окончиться медленною смертью. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узкой дорожки висѣла вверху, остальная упала въ волны съ недавно отколовшеюся глыбою скалы и вмѣсто нея осталась стремнина.

Тарасъ рѣшился оставить крѣпость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадяхъ и пуститься съ ними вплавь. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости и уже козаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарасъ, остановившись и нагнувшись въ землю, сказалъ: »Стой, братцы! уронилъ люльку!« Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двигнулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. »Эхъ, старость, старость!« сказалъ онъ, почти что не заплакавъ.

Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ видѣнъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волоса. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козаки. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладонѣ. »Занимайте, хлопцы«, кричалъ онъ, »занимайте, вражьи дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, что̀ за лѣсомъ: туда не подступятъ они!« Но вѣтеръ не донесъ его словъ. »Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что̀!« говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестѣлъ Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника три кормы. Онъ собралъ всѣ усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близъ него: »Хлопцы, къ берегу! къ берегу! Подъ кручею, гдѣ

крѣпость, стоятъ челны! а за вами въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу! Да забирайте всѣ челны, чтобы не было погони!«

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны козаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ переворотилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій.

Козаки поворотили коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ всё еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли понижёнія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною: одвѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недосягаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Козаки только одинъ мигъ ока остановились, подняли свои нагайки, свиснули — и Татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухѣ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился; но зацѣпился копытомъ и, привыкшій къ Крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ.

Отрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности (онъ былъ братъ прекрасной Полячки, обворожившей бѣднаго Андрія), безъ дальняго размышленія, рѣшился повторить и себѣ то же, и, желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но острые камни изорвали его, пропавшагося среди пропасти, въ клочки, и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими козаковъ, садившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градъ пуль сыпался сверху на козаковъ, но они не обращали никакого вниманія и отчаливали отъ береговъ. »Прощайте, паны-браты товарищи!« говорилъ онъ имъ сверху; »вспоминайте иной часъ обо мнѣ; объ

участи же моей не заботьтесь! я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимутъ по кускамъ и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ; да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, паны-браты товарищи! да глядите, прибывайте на слѣдующее лѣто опять! да погуляйте хорошенько!...« Ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ поберн! да есть ли что̀ на свѣтѣ, чего бы побоялся козакъ? Немалая рѣка Днѣстръ; а какъ погонитъ вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестываетъ до самого мѣсяца. Козаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно минали зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ; дружно и мѣрно ударяли веслами и говорили про своего ота́мана.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

ВХОДЯЩІЯ:

ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ВЕЧЕРОВЪ НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ 1 канатную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтреныхъ мельницъ.

Географіи Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВІЙ. (1)

Какъ только ударялъ въ Кіевѣ поутру довольно звонкій семинарскій колоколъ, висѣвшій у воротъ Братскаго монастыря, то уже со всего города спѣшили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, съ тетрадями подъ мышкой, брели въ классъ. Грамматики были еще очень малы; идя, толкали другъ друга и бранились между собою самымъ тоненькимъ дискантомъ; они были всѣ почти въ изодранныхъ, или запачканныхъ платьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ-то: бабками, свистѣлками, сдѣланными изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, а иногда даже и маленькими воробышками, изъ которыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ средн необыкновенной тишины въ классѣ, доставлялъ своему патрону порядочныя пали въ обѣ руки, а иногда и вишневыя розги. Риторы шли солиднѣе; платья у нихъ были часто совершенно цѣлы; но зато на лицѣ всегда почти бывало какое-нибудь украшеніе, въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или, вмѣсто губы, цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта; эти говорили и божились между собою теноромъ. Философы цѣлою октавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ табачныхъ корешковъ, ничего не было; запасовъ они не дѣлали никакихъ и все, что̀ попадалось, съѣдали тогда же;

(1) Вій — есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у Малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ.

отъ нихъ слышалась трубка и горилка, иногда такъ далеко, что проходившій мимо ремесленникъ долго, остановившись, нюхалъ, какъ гончая собака, воздухъ.

Рынокъ въ это время обыкновенно только что начиналъ шевелиться, и торговки, съ бубликами, булками арбузными сѣмечками и маковниками, дергали на-подхватъ за полы тѣхъ, у которыхъ полы были изъ тонкаго сукна, или какой-нибудь бумажной матеріи.

»Панічи, панічи! сюды, сюды!« говорили онѣ со всѣхъ сторонъ: »ось бу́блики, маковники́, ве́ртички, буханці́ хоро́ши! ей Богу, хоро́ши! на меду́! сама пекла!«

Другая, поднявъ что-то длинное, скрученное изъ тѣста, кричала: »Ось сосу́лька! панічи́, купите сосульку!«

»Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная, и носъ нехорошій, и руки нечистыя...«

Но философовъ и богослововъ онѣ боялись задѣвать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу, и притомъ цѣлою горстью.

По приходѣ въ семинарію, вся толпа размѣщалась по классамъ, находившимся въ низенькихъ, довольно, однакоже, просторныхъ комнатахъ съ небольшими окнами, съ широкими дверьми и запачканными скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разноголосными жужжаніями; авди́торы выслушивали своихъ учениковъ; звонкій дискантъ грамматика попадалъ какъ разъ въ звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія окна, и стекло отвѣчало почти тѣмъ же звукомъ; въ углу гудѣлъ риторъ, котораго ротъ и толстыя губы должны бы принадлежать по крайней мѣрѣ философіи. Онъ гудѣлъ басомъ, и только слышно было издали *бу, бу, бу, бу*... Авди́торы, слушая урокъ, смотрѣли однимъ глазомъ подъ скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго бурсака выглядывала булка, или вареникъ, или сѣмяна изъ тыквъ.

Когда вся эта ученая толпа успѣвала приходить нѣсколько ранѣе, или когда знали, что профессоры будутъ позже обыкновеннаго, тогда, со всеобщаго согласія, замышлялся бой, и въ этомъ бою должны были участвовать всѣ, даже и цензоры, обязанные смотрѣть за порядкомъ и нравственностію всего учащагося сословія. Два богослова обыкновенно рѣшали, какъ происходить

битвѣ: каждый ли классъ долженъ стоять за себя особенно, или всѣ должны раздѣлиться на двѣ половины, на бурсу и семинарію. Во всякомъ случаѣ, грамматики начинали прежде всѣхъ, и какъ только вмѣшивались риторы, они уже бѣжали прочь и становились на возвышеніяхъ наблюдать битву. Потомъ вступала философія съ черными длинными усами, а наконецъ и богословія, въ ужасныхъ шароварахъ и съ претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что богословія побивала всѣхъ, и философія, почесывая бока, была тѣснима въ классъ и помѣщалась отдыхать на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ классъ и участвовавшій когда-то самъ въ подобныхъ бояхъ, въ одну минуту, по разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушателей, узнавалъ, что бой былъ недуренъ, и въ то время, когда онъ сѣкъ розгами по пальцамъ риторику, въ другомъ классѣ другой профессоръ отдѣлывалъ деревянными лопатками по рукамъ философію. Съ богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію профессора богословія, отсыпалось по мѣркѣ *крупнаго гороху*, что̀ состояло въ коротенькихъ кожаныхъ канчукахъ.

Въ торжественные дни и праздники, семинаристы и бурсаки отправлялись по домамъ съ вертепами; иногда разыгрывали комедію, и въ такомъ случаѣ всегда отличался какой-нибудь богословъ, ростомъ мало-чѣмъ пониже Кіевской колокольни, представлявшій Продіаду, или Пентеффрію, супругу Египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полотна, или мѣшокъ проса, или половину варенаго гуся и тому подобное. Весь этотъ ученый народъ, какъ семинарія, такъ и бурса, которые питали какую-то наслѣдственную непріязнь между собою, былъ чрезвычайно бѣденъ на средства къ прокормленію и притомъ необыкновенно прожорливъ, такъ что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за ужиномъ галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло; и потому доброхотныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны. Тогда сенатъ, состоявшій изъ философовъ и богослововъ, отправлялъ грамматиковъ и риторовъ, подъ предводительствомъ одного философа, а иногда присоединялся и самъ, съ мѣшками на плечахъ, опустошать чужіе огороды — и въ бурсѣ появлялась каша изъ тыквъ. Сенаторы столько объѣдались арбу-

зовъ и дынь, что на другой день авдиторы слышали отъ нихъ, вмѣсто одного, два урока: одинъ происходилъ изъ устъ, другой ворчалъ въ сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и семинарія носили какія-то длинныя подобія сюртуковъ, простиравшихся *по сіе время:* слово техническое, означавшее — далѣе пятокъ.

Самое торжественное для семинаріи событіе было — вакансіи: время съ іюня мѣсяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усѣявали грамматики, философы и богословы. Кто не имѣлъ своего пріюта, тотъ отправлялся къ кому-нибудь изъ товарищей. Философы и богословы отправлялись *на кондиціи*, то есть, брались учить, или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ, и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и на сюртукъ. Вся ватага эта тянулась вмѣстѣ цѣлымъ таборомъ; варила себѣ кашу и ночевала въ полѣ. Каждый тащилъ за собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно когда была грязь. Тогда они, засучивъ шаровары по колѣна, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ только завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ большой дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый козакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: »Жинко! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть.« И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ; порядочный кусокъ сала, нѣсколько пляницъ, а иногда и связанная курица помѣщались вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ запасомъ, грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чѣмъ далѣе, однакоже, шли они, тѣмъ болѣе уменьшалась толпа ихъ Всѣ почти разбродились по домамъ и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ, во время подобнаго странствованія, три бурсака своротили съ большой дороги въ сторону, съ тѣмъ чтобы въ пер-

вомъ попавшемся хуторѣ запастись провіантомъ, потому что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пустъ. Это были: богословъ Халя́ва, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобе́цъ.

Богословъ былъ рослый, плечистый мущина и имѣлъ чрезвычайно странный нравъ: все, что́ ни лежало бывало возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ. Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ, и когда напивался онъ пьянъ, то прятался въ бурьянѣ, и семинаріи стоило большого труда сыскать его тамъ.

Философъ Хома Брутъ былъ нрава веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку; если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ трепака. Онъ часто пробовалъ *крупнаго гороху*, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что чему быть, того не миновать.

Риторъ Тиберій Горобець еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горилку и курить люльку. Онъ носилъ только оселедецъ, и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій воинъ. Богословъ Халява и философъ Хома часто драли его за чубъ, въ знакъ своего покровительства, и употребляли въ качествѣ депутата.

Былъ уже вечеръ, когда они своротили съ большой дороги; солнце только-что сѣло, и дневная теплота оставалась еще въ воздухѣ. Богословъ и философъ шли молча, куря люльки; риторъ Тиберій Горобець сбивалъ палкою головки съ будяковъ, росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими лугъ; отлогости и небольшія горы, зеленыя и круглыя, какъ куполы, иногда перемежали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣстахъ нива съ вызрѣвавшимъ житомъ давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а между тѣмъ имъ не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, и только на западѣ блѣднѣлъ остатокъ алаго сіянія.

»Что́ за чортъ!« сказалъ философъ Хома Брутъ: »сдавалось совершенно, какъ-будто сейчасъ будетъ хуторъ!«

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окрестностямъ, потомъ опять взялъ въ ротъ свою люльку, и всѣ продолжали путь.

»Ей Богу!« сказалъ опять, остановившись, философъ, »ни чортова кулака не видно!«

»А можетъ быть, далѣе и попадется какой-нибудь хуторъ«, сказалъ богословъ, не выпуская люльки.

Но между тѣмъ уже была ночь, ночь довольно темная; небольшія тучи усилили мрачность и, судя по всѣмъ примѣтамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ, ни мѣсяца. Бурсаки замѣтили, что они сбились съ пути и давно шли не по дорогѣ.

Философъ, пошаривши ногами во всѣ стороны, сказалъ наконецъ отрывисто: »А гдѣ же дорога?«

Богословъ замолчалъ и, надумавшись, примолвилъ: »Да, ночь темная.«

Риторъ отошелъ въ-сторону и старался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали только въ лисьи норы. Вездѣ была одна степь, по которой, казалось, никто не ѣздилъ.

Путешественники еще сдѣлали усиліе пройти нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь. Философъ попробовалъ перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по сторонамъ и не встрѣтилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спустя только, послышалось слабое степаніе, похожее на волчій вой.

»Вишь! что̀ тутъ дѣлать?« сказалъ философъ.

»А что̀? оставаться и заночевать въ полѣ!« сказалъ богословъ и полѣзъ въ карманъ достать огниво и закурить снова свою люльку. Но философъ не могъ согласиться на это: онъ всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полупудовую краюху хлѣба и фунта четыре сала, и чувствовалъ на этотъ разъ въ желудкѣ своемъ какое-то несносное одиночество; притомъ, не смотря на веселый нравъ свой, философъ боялся нѣсколько волковъ.

»Нѣтъ, Халява, не можно«, сказалъ онъ. »Какъ же, не подкрѣпивъ себя ничѣмъ, растянуться и лечь, какъ собака? Попробуемъ еще; можетъ быть, набредемъ на какое-нибудь жилье, и хоть чарку горилки удастся выпить на ночь.«

При словѣ *горилка*, богословъ сплюнулъ на сторону и примолвилъ: »Оно конечно, въ полѣ оставаться нечего.«

Бурсаки пошли впередъ и, къ величайшей радости ихъ, въ отдаленіи почудился лай. Прислушавшись, съ которой стороны, они отправились бодрѣе и, немного пройдя, увидѣли огонекъ.

»Хуторъ! ей Богу, хуторъ!« сказалъ философъ.

Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли точно небольшой хуторокъ, состоявшій изъ двухъ только хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣтился огонь; десятокъ сливныхъ деревъ торчалъ подъ тыномъ. Взглянувши въ сквозныя досчатыя ворота, бурсаки увидѣли дворъ, установленный чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ это время на небѣ.

»Смотрите же, братцы, не отставать! во что̀ бы то ни было, а добыть ночлега!«

Три ученые мужа дружно ударили въ ворота и закричали: »Отвори!«

Дверь въ одной хатѣ заскрипѣла, и, минуту спустя, бурсаки увидѣли передъ собою старуху въ нагольномъ тулупѣ.

»Кто тамъ?« закричала она, глухо кашляя.

»Пусти, бабу́ся, переночевать; сбились съ дороги; такъ въ полѣ скверно, какъ въ голодномъ брюхѣ.«

»А что̀ вы за народъ?«

»Да народъ необидчивый: богословъ Халява, философъ Брутъ, и риторъ Горобець.«

»Не можно«, проворчала старуха: »у меня народу полонъ дворъ и всѣ углы въ хатѣ заняты. Куда я васъ дѣну? да еще всѣ какой рослый и здоровый народъ! Да у меня и хата развалится, когда помѣщу такихъ. Я знаю этихъ философовъ и богослововъ: если такихъ пьяницъ начнешь принимать, то и двора скоро не будетъ. Пошли, пошли! тутъ вамъ нѣтъ мѣста.«

»Умилосердись, бабуся! какъ же можно, чтобы Христіянскія души пропали ни за что̀, ни про что̀? Гдѣ хочешь, помѣсти насъ; и если мы что-нибудь какъ-нибудь того, или какое другое что̀ сдѣлаемъ, — то пусть намъ и руки отсохнутъ, и такое будетъ, что Богъ одинъ знаетъ! вотъ что̀!«

Старуха, казалось, немного смягчилась. »Хорошо«, сказала она, какъ-бы размышляя, »я впущу васъ, только положу всѣхъ

въ разныхъ мѣстахъ: ато у меня не будетъ спокойно на сердцѣ, когда будете лежать вмѣстѣ.«

»На то твоя воля: не будемъ прекословить«, отвѣчали бурсаки.

Ворота заскрипѣли, и они вошли во дворъ.

»А что, бабуся, сказалъ философъ, идя за старухой, »если бы такъ, какъ говорятъ... ей Богу, въ животѣ какъ-будто кто колесами сталъ ѣздить! съ самого утра вотъ хоть бы щепка была во рту.«

»Вишь, чего захотѣлъ!« сказала старуха: »нѣтъ, у меня нѣтъ ничего такого, и печь не топилась сегодня.«

»А мы бы уже за все это«, продолжалъ философъ, »расплатились бы завтра, какъ слѣдуетъ — чистоганомъ. Да!« продолжалъ онъ тихо, »чорта съ два получишь ты что-нибудь!«

»Ступайте, ступайте! и будьте довольны тѣмъ, что даютъ вамъ. Вотъ чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничей!«

Философъ Хома пришелъ въ совершенное уныніе отъ такихъ словъ; но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушоной рыбы; онъ глянулъ на шаровары богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ: богословъ уже успѣлъ подтибрить съ воза цѣлаго карася, и такъ какъ онъ это производилъ не изъ какой-нибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и позабывши совершенно о своемъ карасѣ, уже разглядывалъ, что бы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса, то философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и вытащилъ карася.

Старуха размѣстила бурсаковъ: ритора положила въ хатѣ, богослова заперла въ пустую комору, философу отвела тоже пустой овечій хлѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минуту съѣлъ карася, осмотрѣлъ плетеныя стѣны хлѣва, толкнулъ погою въ морду просунувшуюся изъ другого хлѣва любопытную свинью и поворотился на правый бокъ, чтобы заснуть мертвецки. Вдругъ низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла въ хлѣвъ.

»А что, бабуся? чего тебѣ нужно?« сказалъ философъ.

Но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками.

»Эге, ге!« подумалъ философъ: »только нѣтъ, голубушка, устарѣла!«

Онъ отодвинулся немного подальше, но старуха, безъ церемоніи, опять подошла къ нему.

»Слушай, бабуся!« сказалъ философъ: »теперь постъ; а я такой человѣкъ, что и за тысячу золотыхъ не захочу оскоромиться.«

Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сдѣлалось страшно, особливо, когда онъ замѣтилъ, что глаза ея сверкнули какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. »Бабуся! что ты? ступай, ступай себѣ съ Богомъ!« закричалъ онъ.

Но старуха не говорила ни слова и схватила его руками.

Онъ вскочилъ на ноги, съ намѣреніемъ бѣжать; но старуха стала въ дверяхъ, вперила на него сверкающіе глаза и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но, къ удивленію, замѣтилъ, что руки его не могутъ приподняться, ноги не двигались, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила съ быстротою кошки къ нему на спину, ударила его метлою по боку, и онъ, подпрыгивая, какъ верховый конь, понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что философъ едва могъ опомниться и схватилъ обѣими руками себя за колѣна, желая удержать ноги; но онѣ, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣе Черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ и передъ ними открылась ровная лощина, а въ сторонѣ потянулся черный, какъ уголь, лѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ-себѣ: »Эге, да это вѣдьма!«

Обращенный мѣсячный серпъ свѣтлѣлъ на небѣ; робкое полночное сіяніе, какъ сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по землѣ; лѣса, луга, небо, долины — все, казалось, какъ-будто спало съ открытыми глазами; вѣтеръ хоть бы разъ вспорхнулъ гдѣ-нибудь; въ ночной свѣжести было что-то влажно-теплое; тѣни отъ деревъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами

падали на отлогую равнину: такая была ночь, когда философъ Хома Брутъ скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувствовалъ какое-то томительное, непонятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу. Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою. Онъ видѣлъ, какъ, вмѣсто мѣсяца, свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему — и вотъ ея лицо, съ глазами свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣньемъ, вторгавшимся въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось; и вотъ она опрокинулась на спину — и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ, непокрытый глазурью, просвѣчивали передъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности. Вода, въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, осыпала ихъ; она вся дрожитъ и смѣется въ водѣ....

Видитъ ли онъ это, или не видитъ? На-яву ли это, или снится? Но тамъ что? вѣтеръ, или музыка? звенитъ, звенитъ и вьется, и подступаетъ, и вонзается въ душу какою-то нестерпимою трелію...

»Что это?« думалъ философъ Хома Брутъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ; онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе; ему часто казалось, какъ-будто сердца уже вовсе не было у него, и онъ со страхомъ хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, онъ началъ припоминать всѣ, какія только зналъ, молитвы; онъ перебиралъ всѣ заклятія противъ духовъ и вдругъ почувствовалъ какое-то освѣженіе; чувствовалъ, что шагъ его начиналъ становиться лѣнивѣе, вѣдьма какъ-то слабѣе держалась на спинѣ его, густая трава

касалась его, и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго. Свѣтлый серпъ свѣтилъ на небѣ.

»Хорошо же!« подумалъ про-себя философъ Хома и началъ почти вслухъ произносить заклятія. Наконецъ, съ быстротою молніи, выпрыгнулъ изъ-подъ старухи и вскочилъ въ свою очередь къ ней на спину. Старуха мелкимъ, дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быстро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чуть мелькала подъ нимъ; все было ясно при мѣсячномъ, хотя и неполномъ свѣтѣ; долины были гладки; но все отъ быстроты мелькало неясно и сбивчиво въ его глазахъ. Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полѣно и началъ имъ изо всѣхъ силъ колотить старуху. Дикіе вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо, едва звенѣли, какъ тонкіе серебряные колокольчики, и заронялись ему въ душу; и невольно мелькнула въ головѣ мысль: точно ли это старуха? »Охъ, не могу больше!« произнесла она въ изнеможеніи и упала на землю.

Онъ сталъ на ноги и посмотрѣлъ ей въ очи: разсвѣтъ загорался, и блестѣли золотыя главы вдали Кіевскихъ церквей. Передъ нимъ лежала красавица, съ растрепанною роскошною косою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами. Безчувственно отбросила она на обѣ стороны бѣлыя, нагія руки и стонала, возведя кверху очи, полныя слезъ.

Затрепеталъ, какъ древесный листъ, Хома; жалость и какое-то странное волненіе, и робость, невѣдомыя ему самому, овладѣли имъ. Онъ пустился бѣжать во весь духъ. Дорогой билось безпокойно его сердце, и никакъ не могъ онъ истолковать себѣ, что̀ за странное, новое чувство имъ овладѣло. Онъ уже не хотѣлъ болѣе идти на хутора и спѣшилъ въ Кіевъ, раздумывая всю дорогу о такомъ непонятномъ происшествіи.

Бурсаковъ почти никого не было въ городѣ: всѣ разбрелись по хуторамъ, или на кондиціи, или, просто, безъ всякихъ кондицій; потому что по хуторамъ Малороссійскимъ можно ѣсть галушки, сыръ, сметану и вареники величиною въ шляпу, не заплативъ гроша денегъ. Большая, разъѣхавшаяся хата, въ которой помѣщалась бурса, была рѣшительно пуста, и сколько философъ ни

шарилъ во всѣхъ углахъ и даже ощупалъ всѣ дыры и западни въ крышѣ, но нигдѣ не отыскалъ ни куска сала, или по крайней мѣрѣ стараго книша, что̀, по обыкновенію, запрятываемо было бурсаками.

Однакоже философъ скоро сыскался, какъ поправить свое горе: онъ прошелъ, посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-то молодою вдовою въ желтомъ очипкѣ, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса — и былъ въ тотъ же день накормленъ пшеничными варениками, курицею.... и словомъ — перечесть нельзя, что̀ у него было за столомъ, накрытымъ въ маленькомъ, глиняномъ домикѣ, среди вишневаго садика. Въ тотъ же самой вечеръ видѣли философа въ корчмѣ. Онъ лежалъ на лавкѣ, покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросилъ Жиду-корчмарю ползолотой. Передъ нимъ стояла кружка; онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

Между тѣмъ распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ сотниковъ, котораго хуторъ находился въ пятидесяти верстахъ отъ Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки, вся избитая, едва имѣвшая силы добресть до отцовскаго дома, находится при смерти и передъ смертнымъ часомъ изъявила желаніе, чтобы отходную по ней и молитвы въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти читалъ одинъ изъ Кіевскихъ семинаристовъ, Хома Брутъ. Объ этомъ философъ узналъ отъ самого ректора, который нарочно призывалъ его въ свою комнату и объявилъ, чтобы онъ, безъ всякаго отлагательства, спѣшилъ въ дорогу, что именитый сотникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому-то безотчетному чувству, котораго онъ самъ не могъ растолковать себѣ. Темное предчувствіе говорило ему, что ждетъ его что-то недоброе. Самъ не зная почему, объявилъ онъ напрямикъ, что не поѣдетъ.

»Послушай, domine Хома!« сказалъ ректоръ (онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялся очень вѣжливо съ своими подчиненными): »тебя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я тебѣ скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню не нужно будетъ ходить.«

Философъ, почесывая слегка за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ раздумьи сходилъ онъ съ крутой лѣстницы, проводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голосъ ректора, дававшаго приказанія своему ключнику и еще кому-то, вѣроятно, одному изъ посланныхъ за нимъ отъ сотника.

»Благодари пана за крупу и яйца«, говорилъ ректоръ, »и скажи, что какъ только будутъ готовы тѣ книги, о которыхъ онъ пишетъ, то я тотчасъ пришлю: я отдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой го́лубе, прибавить пану, что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба, и особенно осетрина, то при случаѣ прислалъ бы: здѣсь на базарахъ и нехороша, и дорога. А ты, Явту́хъ, дай молодцамъ по чаркѣ горилки; да философа привязать, а не то — какъ разъ удереть«.

»Вишь, чортовъ сынъ!« подумалъ про себя философъ: »пронюхалъ, длинноногій вьюнъ!«

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибитку, которую принялъ-было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ. Въ самомъ дѣлѣ она была такъ же глубока, какъ печь, въ которой обжигаютъ кирпичи. Это былъ обыкновенный Краковскій экипажъ, въ какомъ Жиды полсотнею отправляются вмѣстѣ съ товарами во всѣ города, гдѣ только слышитъ ихъ носъ ярмарку. Его ожидало человѣкъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ козаковъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свитки изъ тонкаго сукна съ кистями показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владѣльцу; небольшіе рубцы говорили, что они бывали когда-то на войнѣ не безъ славы.

»Что́ жъ дѣлать? Чему быть, тому не миновать!« подумалъ про-

себя философъ и, обратившись къ козакамъ, произнесъ громко: »Здравствуйте, братья товарищи!«

»Будь здоровъ, панъ философъ!« отвѣчали нѣкоторые изъ козаковъ.

»Такъ вотъ это мнѣ приходится сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знатная!« продолжалъ онъ, влѣзая. »Тутъ бы, только нанять музыкантовъ, то и танцовать можно.«

»Да, соразмѣрный экипажъ«, сказалъ одинъ изъ козаковъ, садясь на облучокъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову тряпицею, вмѣсто шапки, которую онъ успѣлъ оставить въ шинкѣ. Другіе пять вмѣстѣ съ философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, наполненныхъ разною закускою, сдѣланною въ городѣ.

»Любопытно бы знать«, сказалъ философъ: »если бы, примѣромъ, эту брику нагрузить какимъ-нибудь товаромъ, положимъ, солью, или желѣзными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?«

»Да«, сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій на облучкѣ козакъ, »достаточное бы число потребовалось копей.«

Послѣ такого удовлетворительнаго отвѣта, козакъ почиталъ себя въ-правѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотѣлось узнать обстоятельнѣе, кто таковъ былъ этотъ сотникъ, каковъ его нравъ, что̀ слышно о его дочкѣ, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ возвратилась домой и находилась при смерти и которой исторія связалась теперь съ его собственною, какъ у нихъ и что̀ дѣлается въ домѣ. Онъ обращался къ нимъ съ вопросами; но козаки, вѣрно, были тоже философы, потому что, въ отвѣтъ на это, молчали и курили люльки, лежа на мѣшкахъ.

Одинъ только изъ нихъ обратился къ сидѣвшему на козлахъ возницѣ съ коротенькимъ приказаніемъ: »Смотри, Овéрко, ты старый разиня, какъ будешь подъѣзжать къ шинку, что̀ на Чухрáйловской дорогѣ, то не позабудь остановиться и разбудить меня и другихъ молодцовъ, если кому случится заснуть.«

Послѣ этого, онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ эти наставленія были совершенно напрасны, потому что, едва только

приблизилась исполинская брика къ шинку на Чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: »Стой!« Притомъ лошади Оверка были такъ уже пріучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ.

Не смотря на жаркій іюльскій день, всѣ вышли изъ брики, отправились въ низенькую, запачканную комнату, гдѣ Жидъ-корчмарь, съ знаками радости, бросился принимать своихъ старыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, тотчасъ отворотился отъ этого запрещеннаго Талмудомъ плода. Всѣ усѣлись вокругъ стола; глиняныя кружки показались предъ каждымъ изъ гостей. Философъ Хома долженъ былъ участвовать въ общей пирушкѣ. И такъ какъ Малороссіяне, когда подгуляютъ, непремѣнно начнутъ цѣловаться, или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаніями. »А ну, Спиридъ, почеломкаемся! Иди сюда, Дорошъ, я обниму тебя!«

Одинъ козакъ, бывшій постарѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подставивши руку подъ щеку, началъ рыдать отъ души о томъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, что онъ остался однимъ одинъ на свѣтѣ. Другой былъ большой резонеръ и безпрестанно утѣшалъ его, говоря: »Не плачь, ей Богу, не плачь! что жъ тутъ... ужъ Богъ знаетъ, какъ и что такое.« Одинъ, по имени Дорошъ, сдѣлался чрезвычайно любопытенъ и, оборотившись къ философу Хомѣ, безпрестанно спрашивалъ его: »Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ бурсѣ учатъ: тому ли самому, что и дьякъ читаетъ въ церкви, или чему другому?«

»Не спрашивай!« говорилъ протяжно резонеръ: »пусть его тамъ будетъ, какъ было. Богъ уже знаетъ, какъ нужно; Богъ все знаетъ.«

»Нѣтъ, я хочу знать«, говорилъ Дорошъ, »что тамъ написано въ тѣхъ книжкахъ; можетъ быть, совсѣмъ другое, чѣмъ у дьяка.«

»О Боже мой, Боже мой!« говорилъ этотъ почтенный наставникъ, »и на что такое говорить? такъ уже воля Божія положила; уже что Богъ далъ, того не можно перемѣнить.«

»Я хочу знать все, что ни написано; я пойду въ бурсу, ей Богу, пойду! Что ты думаешь, я не выучусь? Всему выучусь, всему!«

»О Боже жъ мой, Боже мой!...« говорилъ утѣшитель и спустилъ свою голову на столъ, потому что совершенно былъ не въ силахъ держать ее долѣе на плечахъ. Прочіе козаки толковали о панахъ и о томъ, отчего на небѣ свѣтитъ мѣсяцъ.

Философъ Хома, увидя такое расположеніе головъ, рѣшился воспользоваться и улизнуть. Онъ сначала обратился къ сѣдовласому козаку, грустившему объ отцѣ и матери: »Что жъ ты, дядько, расплакался?« сказалъ онъ: »я самъ сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! на что я вамъ?«

»Пустимъ его на волю!« отозвались нѣкоторые: »вѣдь онъ сирота; пусть себѣ идетъ, куда хочетъ.«

»О Боже жъ мой! Боже мой!« произнесъ утѣшитель, поднявъ свою голову: »отпустите его! пусть идетъ себѣ!«

И козаки уже хотѣли сами вывести его въ чистое поле; но тотъ, который показалъ свое любопытство, остановилъ ихъ, сказавши: »Не трогайте; я хочу съ нимъ поговорить о бурсѣ; я самъ пойду въ бурсу....«

Впрочемъ врядъ ли бы этотъ побѣгъ могъ совершиться, потому что когда философъ вздумалъ подняться изъ-за стола, то ноги его сдѣлались какъ-будто деревянными, и дверей въ комнатѣ начало представляться ему такое множество, что врядъ ли бы онъ отыскалъ настоящую.

Только ввечеру вся эта компанія вспомнила, что нужно отправиться далѣе въ дорогу. Взмостившись въ брику, они потянулись, погоняя лошадей и напѣвая пѣсню, которой слова и смыслъ врядъ ли бы кто разобралъ. Проколесивши бо́льшую половину ночи, безпрестанно сбиваясь съ дороги, выученной наизусть, они наконецъ спустились съ крутой горы въ долину, и философъ замѣтилъ по сторонамъ тянувшійся частоколъ, или плетень, съ низенькими деревьями и выказывавшимися изъ-за ихъ крышами. Это было большое селеніе, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькія звѣздочки мелькали кое-гдѣ; ни въ одной хатѣ не видно было огня. Они въѣхали, въ сопровожденіи собачьяго лая, во дворъ. Съ обѣихъ сторонъ были замѣтны крытые соломою сараи и домики; одинъ изъ нихъ, находившійся какъ разъ посрединѣ противъ воротъ, былъ болѣе

другихъ и служилъ, какъ казалось, пребываніемъ сотника. Бричка остановилась передъ небольшимъ подобіемъ сарая и путешественники наши отправились спать. Философъ хотѣлъ, однакоже, нѣсколько осмотрѣть снаружи панскія хоромы; но, какъ онъ ни пялилъ свои глаза, ничто не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома, представлялся ему медвѣдь; изъ трубы дѣлался ректоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги бѣгали въ-попыхахъ взадъ и впередъ; старухи нѣкоторыя плакали; толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ-будто бы могла что-нибудь увидѣть. Философъ началъ на досугѣ осматривать тѣ мѣста, которыя онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое небольшое строеніе, какія обыкновенно строились въ старину въ Малороссіи; онъ былъ покрытъ соломою; маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на поднятый къ верху глазъ, былъ весь измалеванъ голубыми и желтыми цвѣтами, и красными полумѣсяцами; онъ былъ утвержденъ на дубовыхъ столбикахъ, до половины круглыхъ, и снизу шестигранныхъ, съ вычурною обточкою вверху. Подъ этимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко, съ скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на такихъ же столбикахъ, видѣ витыхъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояло среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведшей къ дому. За амбарами, къ самымъ воротамъ, стояли треугольниками два погреба, одинъ напротивъ другого, крытые также соломою; треугольная стѣна каждаго изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями: на одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ козакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: *Все выпью!* на другой фляжка, сулеи и по сторонамъ, для красоты, лошадь, стоящая вверхъ ногами, трубка, бубны и надпись: *Вино козацкая потъха*. Съ чердака одного изъ сараевъ выглядывали, сквозь огромное слуховое окно, барабанъ и мѣдныя трубы. У воротъ стояли двѣ пушки.

Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтряныя мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки деревъ видны были однѣ только темныя шляпки трубъ, скрывавшихся въ зеленой гущѣ хатъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самого двора. При взглядѣ на нее снизу, она казалась еще круче, и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные стебли тощаго бурьяна и черпѣли на свѣтломъ небѣ; обнаженный глинистый видъ ея навѣвалъ какое-то уныніе; она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣстахъ торчали двѣ хаты; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями съ насыпною землей. Яблоки, сбиваемыя вѣтромъ, скатывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины вилась по всей горѣ дорога и, опустившись, шла мимо двора въ селенье. Когда философъ измѣрилъ страшную круть ея и вспомнилъ вчерашнее путешествіе, то рѣшилъ, что или у папа были слишкомъ умныя лошади, или у козаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмѣльномъ чаду умѣли не полетѣть вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримой брикою и багажемъ. Философъ стоялъ на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ, и когда оборотился и глянулъ въ противоположную сторону, ему представился совершенно другой видъ. Селеніе вмѣстѣ съ отлогостію скатывалось на равнину; необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень ихъ темнѣла по мѣрѣ отдаленія, и цѣлые ряды селеній синѣли вдали, хотя разстояніе ихъ было болѣе, нежели на двадцать верстъ. Съ правой стороны этихъ луговъ тянулись горы, и чуть замѣтною вдали полосою горѣлъ и темнѣлъ Днѣпръ.

»Эхъ, славное мѣсто!« сказалъ философъ: »вотъ тутъ бы жить, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и въ прудахъ, охотиться съ тенетами, или съ ружьемъ за стрепетами и крольшнепами; впрочемъ, я думаю, и дрофъ не мало въ этихъ лугахъ. Фруктовъ же можно насушить и продать въ городъ множество, или еще лучше — выкурить изъ нихъ водку; потому что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ пѣнни-

комъ не сравнится. Да не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ бы улизнуть отсюда.«

Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяномъ; поставилъ машинально на нее ногу, думая напередъ только прогуляться, а потомъ тихомолкомъ, промежъ хатъ, да и махнуть въ поле, какъ внезапно почувствовалъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую руку

Позади его стоялъ тотъ самый старый козакъ, который вчера такъ горько соболѣзновалъ о смерти отца и матери и о своемъ одиночествѣ.

»Напрасно ты думаешь, панъ философъ, улепетнуть изъ хутора!« говорилъ онъ: »тутъ не такое заведеніе, чтобы можно было убѣжать; да и дороги для пѣшехода плохи; а ступай лучше къ пану: онъ ожидаетъ тебя давно въ свѣтлицѣ.«

»Пойдемъ! что жъ... я съ удовольствіемъ«, сказалъ философъ, и отправился вслѣдъ за козакомъ.

Сотникъ, уже престарѣлый, съ сѣдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ столомъ въ свѣтлицѣ, подпершн обѣими руками голову. Ему было около пятидесяти лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой-то блѣдно-тощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ въ одну минуту и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли на-вѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ козакомъ, онъ отнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ.

Хома и козакъ почтительно остановились у дверей.

»Кто ты и откуда, и какого званія, добрый человѣкъ?« сказалъ сотникъ ни ласково, ни сурово.

»Изъ бурсаковъ, философъ, Хома Брутъ.«

»А кто былъ твой отецъ?«

»Не знаю, вельможный панъ.«

»А мать твоя?«

»И матери не знаю. По здравому разсужденію, конечно, была мать; но кто она и откуда, и когда жила, ей Богу, добродію, не знаю.«

Сотникъ помолчалъ и, казалось, минуту оставался въ задумчивости.

»Какъ же ты познакомился съ моею дочкою?

»Не знакомился, вельможный панъ, ей Богу, не знакомился! Еще никакого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣтѣ. Цуръ имъ, чтобы не сказать непристойнаго!«

»Отчего же она не другому кому, а тебѣ именно назначила читать?«

Философъ пожалъ плечами: »Богъ его знаетъ, какъ это растолковать! Извѣстное уже дѣло, что панамъ подъ-часъ захочется такого, что и самый напграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ; и пословица говоритъ: *Скачи, враже, якъ панъ каже.*«

»Да не врешь ли ты, панъ философъ?«

»Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пусть громомъ такъ и хлопнетъ, если лгу!«

»Если бы только минуточкой долѣе прожила ты«, грустно сказалъ сотникъ, »то, вѣрно бы, я узналъ все. »Никому не давай читать по мнѣ, но пошли, тату, сей же часъ въ Кіевскую семинарію и привези бурсака Хому Брута; пусть три ночи молится по »грѣшной душѣ моей. Онъ знаетъ...« А что такое знаетъ, я уже не услышалъ: она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человѣкъ, вѣрно извѣстенъ святою жизнію своею и богоугодными дѣлами, и она, можетъ быть, наслышалась о тебѣ.«

»Кто? я!« сказалъ бурсакъ, отступивши отъ изумленія, »я святой жизни?« произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза сотнику: »Богъ съ вами, панъ! Что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстного четверга.«

»Ну... вѣрно, уже недаромъ такъ назначено. Ты долженъ съ сего же дня начать свое дѣло.«

»Я бы сказалъ на это вашей милости... оно, конечно, всякій человѣкъ, вразумленный Святому Писанію, можетъ по соразмѣрности... только сюда приличнѣе бы требовалось дьякона, или по крайней мѣрѣ дьячка. Они народъ толковый и знаютъ, какъ все это уже дѣлается; а я... да у меня и голосъ не такой, и самъ я чортъ знаетъ что. Никакого виду съ меня нѣтъ.«

»Ужъ какъ ты себѣ хочешь, только я все, что завѣщала мнѣ моя голубка, исполню, ничего не пожалѣя. И когда ты съ сего

дня три ночи совершишь, какъ слѣдуетъ, надъ нею молитвы, то я награжу тебя; а не то — и самому чорту не совѣтую разсердить меня!«

Послѣднія слова произнесены были сотникомъ такъ крѣпко, что философъ понялъ вполнѣ ихъ значеніе.

»Ступай за мною!« сказалъ сотникъ.

Они вышли въ сѣни. Сотникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ остановился на минуту въ сѣняхъ высморкаться и съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ переступилъ черезъ порогъ.

Весь полъ былъ устланъ красною китайкой. Въ углу, подъ образами, на высокомъ столѣ лежало тѣло умершей, на одѣялѣ изъ синяго бархату, убранномъ золотою бахрамою и кистями. Высокія восковыя свѣчи, увитыя калиною, стояли въ ногахъ и въ головахъ, изливая свой мутный, терявшійся въ дневномъ сіяніи свѣтъ. Лицо умершей было заслонено отъ него неутѣшнымъ отцомъ, который сидѣлъ передъ нею, обратясь спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, которыя онъ услышалъ:

»Я не о томъ жалѣю, моя наимилѣйшая мнѣ дочь, что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣку, на печаль и горесть мнѣ, оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что не знаю того, кто былъ, лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И если бы я зналъ, кто могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказалъ что-нибудь непріятное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если только онъ такъ же старъ, какъ и я, ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ, и тѣло его было бы выброшено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ! Но горе мнѣ, моя полевая наги́дочка, моя перепели́чка, моя я́сочка, что проживу я остальной вѣкъ свой безъ потѣхи, утирая полою дробныя слезы, текущія изъ старыхъ очей моихъ, тогда какъ врагъ мой будетъ веселиться и втайнѣ посмѣваться надъ хилымъ старцемъ!...«

Онъ остановился, и причиною этого была разрывающая горесть, разрѣшившаяся цѣлымъ потокомъ слезъ.

Философъ былъ тронутъ такою безутѣшною печалію; онъ за-

кашлялъ и издалъ глухое крехтаніе, желая очистить имъ свой голосъ.

Сотникъ оборотился и указалъ ему мѣсто въ головахъ умершей, передъ небольшимъ налоемъ, на которомъ лежали книги.

»Три ночи какъ-нибудь отработаю«, подумалъ философъ; »за то панъ набьетъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами.«

Онъ приблизился и, еще разъ откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого вниманія на сторону и не рѣшаясь взглянуть въ лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣтилъ, что сотникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую и...

Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: передъ нимъ лежала красавица, какая когда-либо бывала на землѣ. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала, какъ живая; чело прекрасное, нѣжное, какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечнаго дня, тонкія, ровныя, горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами; а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній; уста — рубины, готовые усмѣхнуться... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно-пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ-будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровію къ самому сердцу. Вдругъ что-то страшно-знакомое показалось въ лицѣ ея. »Вѣдьма!« вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ, отвелъ глаза въ сторону, поблѣднѣлъ весь и сталъ читать свои молитвы. Это была та самая вѣдьма, которую убилъ онъ.

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли въ церковь. Философъ однимъ плечомъ своимъ поддерживалъ черный траурный гробъ и чувствовалъ на плечѣ своемъ что-то холодное, какъ ледъ. Сотникъ самъ шелъ впереди, неся рукою правую сторону тѣснаго дома умершей. Церковь деревянная, почернѣвшая, убранная зеленымъ мохомъ, съ тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не отправлялось никакого служенія. Свѣчи были зажжены по-

чти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили посереднѣ противъ самого алтаря. Старый сотникъ поцѣловалъ еще разъ умершую, повергнулся ницъ и вышемъ вмѣстѣ съ посильщиками вонъ, давъ повелѣніе хорошенько накормить философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ несшіе гробъ, начали прикладывать руки къ печкѣ, что обыкновенно дѣлаютъ Малороссіяне, увидѣвши мертвеца.

Голодъ, который въ это время началъ чувствовать философъ, заставилъ его на нѣсколько минутъ позабыть вовсе объ умершей Скоро вся дворня мало-помалу начала сходиться въ кухню. Кухня въ сотниковомъ домѣ была чѣмъ-то похожимъ на клубъ, куда стекалось все, что ни обитало во дворѣ, считая въ томъ числѣ и собакъ, приходившихъ съ машущими хвостами къ самымъ дверямъ за костьми и помоями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ и по какой бы то ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавкѣ и выкурить люльку. Всѣ холостяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ козацкихъ свиткахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ, однимъ словомъ — гдѣ только можно было сыскать удобное мѣсто для лежанья. Притомъ всякій вѣчно позабывалъ въ кухнѣ или шапку, или кнутъ отъ чужихъ собакъ, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и табунщикъ, успѣвшій загнать своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ тѣ, которыхъ въ теченіе дня нельзя было увидѣть. За ужиномъ болтовня овладѣвала самыми неговорливыми языками; тутъ обыкновенно говорилось обо всемъ, и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка. Тутъ было множество бонмотистовъ, въ которыхъ между Малороссіянами нѣтъ недостатка.

Философъ усѣлся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ, на вольномъ воздухѣ, передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очипкѣ высунулась изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку; иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ только ус-

та стали двигаться немного медленнѣе, и волчій голодъ всего этого собранія немного утишился, многіе начали заговаривать. Разговоръ, натурально, долженъ былъ обратиться къ умершей.

»Правда ли«, сказалъ одинъ молодой овчаръ, который насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговки, »правда ли, что панночка, не тѣмъ будь помянута, знался съ нечистымъ?«

»Кто? панночка?« сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему философу; »да она была цѣлая вѣдьма! я присягну, что вѣдьма!«

»Полно, полно, Дорошъ«, сказалъ другой, который во время дороги изъявлялъ большую готовность утѣшать: »это не наше дѣло; Богъ съ ней! нечего объ этомъ толковать.« Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчать; онъ только-что передъ тѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-то нужному дѣлу и, наклонившись раза два къ двумъ, или тремъ бочкамъ, вышелъ оттуда чрезвычайно веселый и говорилъ безъ умолку.

»Что̀ ты хочешь? Чтобы я молчалъ?« сказалъ онъ: »да она на мнѣ самомъ ѣздила! ей Богу, ѣздила!«

»А что̀, дядько?« сказалъ молодой овчаръ съ пуговицами, »можно ли узнать по какимъ-нибудь примѣтамъ вѣдьму?«

»Нельзя«, отвѣчалъ Дорошъ, »никакъ не узнаешь; хоть всѣ псалтыри перечитай, то не узнаешь.«

»Можно. можно, Дорошъ, не говори этого«, произнесъ прежній утѣшитель: »уже Богъ не даромъ далъ всякому особый обычай: люди, знающіе науку, говорятъ, что у вѣдьмы есть маленькій хвостикъ.«

»Когда стара баба, то и вѣдьма«, сказалъ хладнокровно сѣдой козакъ.

»О, ужъ хорошп и вы!« подхватила баба, которая подливала въ то время свѣжихъ галушекъ въ очистившійся горшокъ: »настоящіе толстые кабаны!«

Старый козакъ, котораго имя было Явту́хъ, а прозваніе Ковту́нъ, выразилъ на губахъ своихъ улыбку удовольствія, замѣтивъ, что слова его задѣли за живое старуху; а погонщикъ скотины пус-

тилъ такой густой смѣхъ, какъ-будтобы два быка, ставши одинъ противъ другого, замычали разомъ.

Начавшійся разговоръ возбудилъ непреодолимое желаніе и любопытство философа узнать обстоятельнѣе про умершую сотникову дочь, и потому, желая опять навести его на прежнюю матерію, обратился къ сосѣду своему съ такими словами: »Я хотѣлъ спросить, почему все это сословіе, что̀ сидитъ за ужиномъ, считаетъ панночку вѣдьмою? Что̀ жъ, развѣ она кому-нибудь причинила зло, или пзвела кого-нибудь?«

»Было всякаго«, отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицомъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопату. »А кто не припомнитъ псаря Микиту, или того...«

»А что жъ такое псарь Микита?« сказалъ философъ.

»Стой! я разскажу про псаря Микиту«, сказалъ Дорошъ.

»Я разскажу про псаря Микиту«, отвѣчалъ табунщикъ, »потому что онъ былъ мой кумъ.«

»Я разскажу про Микиту«, сказалъ Спири́дъ.

»Пускай, пускай Спиридъ разскажетъ!« закричала толпа.

Спиридъ началъ: »Ты, панъ философъ Хома, не зналъ Микиты. Эхъ, какой рѣдкій былъ человѣкъ! Собаку каждую онъ бывало такъ знаетъ, какъ родного отца. Теперешній псарь Микола, что̀ сидитъ третьимъ за мною, и въ подметки ему не годится; хотя онъ тоже разумѣетъ свое дѣло, но онъ противъ него — дрянь, помоп.«

»Ты хорошо разсказываешь, хорошо!« сказалъ Дорошъ, ободрительно кивнувъ головою.

Спиридъ продолжалъ: »Зайца увидитъ скорѣе, чѣмъ табакъ утрешь изъ носу. Бывало, свиснетъ: а ну, Разбой! а ну, Быстрая! а самъ на конѣ во всю прыть — и уже разсказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свиснетъ вдругъ, какъ не бывало. Славный былъ псарь! Только съ недавняго времени началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вклепа́лся ли онъ точно въ нее, или уже она такъ его околдовала, только пропалъ человѣкъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался чортъ знаетъ что̀, пфу! непристойно сказать.«

»Хорошо«, сказалъ Дорошъ.

»Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ, Разбоя зоветъ Бровкóмъ, спотыкается и ни-вѣсть что̀ дѣлаетъ. Одинъ разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. Дай, говоритъ, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А онъ, дурень, и радъ тому: говоритъ, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую и полную, и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и, схватившн обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только воротился едва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка; и когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою. А такой былъ псарь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти!«

Когда Спиридъ окончилъ разсказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли толки о достоинствахъ бывшаго псаря.

»А про Шепчиху ты не слышалъ?« сказалъ Дорошъ, обращаясь къ Хомѣ.

»Нѣтъ.«

»Эге, ге, ге! Такъ у васъ въ бурсѣ, видно, не слишкомъ большому разуму учатъ. Ну, слушай. У насъ есть на селѣ козакъ Шептунъ, хорошій козакъ! Онъ любитъ иногда украсть и сорвать безъ всякой нужды, но... хорошій козакъ. Его хата не такъ далеко отсюда. Въ такую самую пору, какъ мы теперь сѣли вечерять, Шептунъ съ жинкою, окончивши вечерю, легли спать, и такъ какъ время было хорошее, то Шепчиха легла на дворѣ, а Шептунъ въ хатѣ, на лавкѣ; или, нѣтъ: Шепчиха въ хатѣ на лавкѣ, а Шептунъ на дворѣ...«

»И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха«, подхватила баба, стоя у порога и подпершн рукою щеку

»Дорошъ поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ: »Когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу, то нехорошо будетъ.«

Это предостереженіе имѣло свое дѣйствіе. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи.

Дорошъ продолжалъ: »А въ люлькѣ, висѣвшей среди хаты, лежало годовое дитя, не знаю, мужескаго, или женскаго пола. Шепчиха лежала, а потомъ слышитъ, что за дверью скребется собака и воетъ такъ, хоть изъ хаты бѣги. Она испугалась; ибо бабы такой глупый народъ, что высунь ей подъ вечеръ изъ-за дверей языкъ, то и душа уйдетъ въ пятки. Однакожъ думаетъ: »Дайка я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть!« и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она немного отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка; да притомъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала — это бы еще ничего; но вотъ вещь и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: »Охъ, лишечко!« да изъ хаты. Только видитъ, что въ сѣняхъ двери заперты; она на чердакъ; сидитъ и дрожитъ глупая баба; а потомъ видитъ, что панночка къ ней идетъ и на чердакъ, кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку, всю искусанную и посинѣвшую; а на другой день и умерла глупая баба. Такъ вотъ какія устройства и обольщенія бываютъ! Оно хоть и панскаго помету, да все, когда вѣдьма, то вѣдьма.«

Послѣ такого разсказа, Дорошъ самодовольно оглянулся и засунулъ палецъ въ свою трубку, приготовляя ее къ набивкѣ табакомъ. Матерія о вѣдьмѣ сдѣлалась непсчерпаемою. Каждый въ свою очередь спѣшилъ что-нибудь разсказать. Къ тому вѣдьма, въ видѣ скирды сѣна, пріѣхала къ самымъ дверямъ хаты; у другого украла шапку, или трубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ отрѣзала косу; у другихъ выпила по нѣскольку ведеръ крови.

Наконецъ вся компанія опомнилась и увидѣла, что заболталась уже черезъ-чуръ, потому что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали разбродиться по почлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

»А ну, панъ Хома! теперь и намъ пора идти къ покойницѣ«, сказалъ сѣдой козакъ, обратившись къ философу, и всѣ четве-

ро, въ томъ числѣ и Спиридъ, и Дорошъ, отправились въ церковь, стегая кнутами собакъ, которыхъ на улицѣ было великое множество и которыя со злости грызли ихъ палки.

Философъ, не смотря на то, что успѣлъ подкрѣпить себя доброю кружкою горилки, чувствовалъ втайнѣ подступавшую робость, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ освѣщенной церкви. Разсказы и странныя исторіи, слышанныя имъ, помогали еще болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ подъ тыномъ и деревьями начиналъ рѣдѣть; мѣсто становилось обнаженнѣе. Они вступили наконецъ за ветхую церковную ограду въ небольшой дворикъ, за которымъ не было ни деревца и открывалось одно пустое поле да поглощенные ночнымъ мракомъ луга. Три козака вошли вмѣстѣ съ Хомою по крутой лѣстницѣ на крыльцо и вступили въ церковь. Здѣсь они оставили философа, пожелавъ ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ остался одинъ. Сначала онъ зѣвнулъ, потомъ потянулся, потомъ фукнулъ въ обѣ руки и наконецъ уже осмотрѣлся. Посереди нѣ стоялъ черный гробъ; свѣчи теплились предъ темными образами; свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и слегка середину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показывалъ глубокую ветхость; сквозная рѣзьба его, покрытая золотомъ, еще блестѣла одними только искрами; позолота въ одномъ мѣстѣ отпала, въ другомъ вовсе почернѣла; лики святыхъ, совершенно потемнѣвшіе, глядѣли какъ-то мрачно. Философъ еще разъ осмотрѣлся. »Что жъ?« сказалъ онъ, »чего тутъ бояться? Человѣкъ придти сюда не можетъ, а отъ мертвецовъ и выходцевъ съ того свѣта есть у меня молитвы, такія, что какъ прочитаю, то они меня и пальцемъ не тронутъ. Ничего!« повторилъ онъ, махнувъ рукою, »будемъ читать.« Подходя къ клиросу, увидѣлъ онъ нѣсколько связокъ свѣчей. »Это хорошо«, подумалъ философъ: »нужно освѣтить всю церковь такъ, чтобы видно было, какъ днемъ. Эхъ, жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!«

И онъ принялся прилѣплять восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, налоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ ни мало, и скоро вся

церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ-будто сильнѣе, и мрачные образа глядѣли угрюмѣй изъ старинныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотою. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостію посмотрѣлъ въ лицо умершей — и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ. Такая страшная, сверкающая красота!

Онъ отворотился и хотѣлъ отойти; но, по странному любопытству, по странному поперечивающему себѣ чувству, неоставляющему человѣка, особенно в овремя страха, онъ не утерпѣлъ уходя не взглянуть на нее и потомъ, ощутивши тотъ же трепетъ, взглянулъ еще разъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкая красота усопшей казалась страшною. Можетъ быть, даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго; оно было живо, и философу казалось, какъ-будтобы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ-будто изъ-подъ рѣсницы праваго глаза ея покатилась слеза, и когда она остановилась на щекѣ, то онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно отошелъ къ клиросу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободрить себя, началъ читать самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразилъ церковныя деревяныя стѣны, давно молчаливыя и оглохлыя; однако, безъ эха, сыпался онъ густымъ басомъ въ совершенно мертвой тишинѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чтецу. »Чего бояться?« думалъ онъ между тѣмъ самъ про-себя: »вѣдь она не встанетъ изъ своего гроба, потому что побоиться Божьяго Слова. Пусть лежитъ! Да и что я за козакъ, когда бы устрашился? Ну, выпилъ лишнее — оттого и показывается страшно. А понюхать табаку. Эхъ, добрый табакъ! славный табакъ! хорошій табакъ!« Однакоже, перелистывая каждую страницу, онъ посматривалъ искоса на гробъ, и невольное чувство, казалось, шептало ему: »Вотъ, вотъ встанетъ! вотъ подымется, вотъ выглянетъ изъ гроба!«

Но тишина была мертвая; гробъ стоялъ неподвижно; свѣчи лили цѣлый потопъ свѣта. Страшна освѣщенная церковь ночью, съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣть на разные голоса, желая заглушить остатки боязни; но чрезъ каждую минуту обращалъ глаза свои на гробъ, какъ-будто бы задавая невольный вопросъ: »Что, если подымется, если встанетъ она?«

Но гробъ не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь живое существо! даже сверчокъ не отозвался въ углу. Чуть только слышался легкій трескъ какой-нибудь отдаленной свѣчки, или слабый, слегка хлопнувшій звукъ восковой капли, падавшей на полъ.

Ну, если подымется?...«

Она приподняла голову...

Онъ дико взглянулъ и протеръ глаза. Но она точно уже не лежитъ, а сидитъ въ своемъ гробѣ. Онъ отвелъ глаза свои и опять съ ужасомъ обратилъ ихъ на гробъ. Она встала... идетъ по церкви съ закрытыми глазами, безпрестанно расправляя руки, какъ-бы желая поймать кого-нибудь.

Она идетъ прямо къ нему. Въ страхѣ, очертилъ онъ около себя кругъ : съ усиліемъ началъ читать молитвы и произносить заклинанія, которымъ научилъ его одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ.

Она стала почти на самой чертѣ; но видно было, что не имѣла силъ переступить ее, и вся посинѣла, какъ человѣкъ, уже нѣсколько дней умершій. Хома не имѣлъ духу взглянуть на нее: она была страшна; она ударила зубами въ зубы и открыла мертвые глаза свои; но, не видя ничего, съ бѣшенствомъ — что выразило ея задрожавшее лицо — обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столпъ и уголъ, стараясь поймать Хому. Наконецъ остановилась, погрозивъ пальцемъ, и легла въ свой гробъ.

Философъ всё еще не могъ придти въ себя и со страхомъ поглядывалъ на это тѣсное жилище вѣдьмы. Наконецъ гробъ вдругъ сорвался съ своего мѣста и со свистомъ началъ летать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченнаго, и усилилъ свои заклинанія. Гробъ грянулся на серединѣ церкви и остался непо-

движнымъ. Трупъ онять поднялся изъ него синій, позеленѣвшій Но въ то время послышался отдаленный крикъ пѣтуха: трупъ опустился въ гробъ и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось, и потъ катился градомъ; но, ободренный пѣтушьимъ крикомъ, онъ дочитывалъ быстрѣе листы, которые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли смѣнить его дьячокъ и сѣдой Явтухъ, который на тотъ разъ отправлялъ должность церковнаго старосты.

Пришедши на отдаленный ночлегъ, философъ долго не могъ заснуть; но усталость одолѣла, и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное событіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали, для подкрѣпленія силъ, кварту горилки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, присовокупилъ кое къ чему замѣчанія и съѣлъ почти одинъ довольно большого поросенка; но однакоже о своемъ событіи въ церкви онъ не рѣшился говорить по какому-то безотчетному для него самого чувству, и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: »Да, были всякія чудеса.« Философъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ, если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и безпрерывно поплевывалъ въ сторону.

Послѣ обѣда философъ былъ совершенно въ духѣ. Онъ успѣлъ обходить все селеніе, перезнакомиться почти со всѣми; изъ двухъ хатъ его даже выгнали; одна смазливая молодка хватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ было пощупать и полюбопытствовать, изъ какой матеріи у нея была сорочка и плахта. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, тѣмъ задумчивѣе становился философъ. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ крагли, родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣетъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщикъ, широкій, какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свинаго пастуха, щедушнаго, низенькаго, всего состоявшаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подставлялъ свою спину, и Дорошъ, вскочивши на нее, всегда говорилъ: »Экой здоровый быкъ!« У порога кухни сидѣли

тѣ, которые были посолиднѣе. Они глядѣли чрезвычайно серьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь отъ души смѣялась какому-нибудь острому слову погонщика, или Спирида. Хома напрасно старался вмѣшаться въ эту игру: какая-то темная мысль, какъ гвоздь, сидѣла въ его головѣ. За вечерей сколько ни старался онъ развеселить себя, но страхъ загорался въ немъ вмѣстѣ съ тьмою, распростиравшеюся по небу.

»А ну, пора намъ, панъ бурсакъ!« сказалъ ему знакомый сѣдой козакъ, подымаясь съ мѣста вмѣстѣ съ Дорошемъ: »пойдемъ на работу.«

Хому опять такимъ же самымъ образомъ отвели въ церковь; опять оставили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ только онъ остался одинъ, робость начала внѣдряться снова въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ темные образа, блестящія рамы и знакомый черный гробъ, стоявшій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

»Что жъ?« произнесъ онъ, »теперь вѣдь мнѣ не въ диковинку это диво. Оно съ перваго раза только страшно. Да, оно только съ перваго раза немного страшно, а тамъ оно уже и нестрашно; оно уже совсѣмъ нестрашно.«

Онъ поспѣшно сталъ на клиросъ, очертилъ около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ читать громко, рѣшась не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманія ни на что. Уже около часа читалъ онъ и начиналъ нѣсколько уставать и покашливать; онъ вынулъ изъ кармана рожокъ и прежде нежели поднесъ табакъ къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. На сердцѣ у него захолонуло.

Трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чертѣ и вперилъ на него мертвые, позеленѣвшіе глаза. Бурсакъ содрогнулся и холодъ чувствительно пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Потупивъ очи въ книгу, сталъ онъ читать громче свои молитвы и заклятья, и слышалъ, какъ трунъ опять ударилъ зубами и замахалъ руками, желая схватить его. Но, покосивши слегка однимъ глазомъ, увидѣлъ онъ, что трунъ не тамъ ловилъ его, гдѣ стоялъ онъ, и, какъ видно, не могъ видѣть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшныя слова; хрипло

всхлипывали онѣ, какъ клокотанье кипящей смолы. Что̀ значили онѣ, того не могъ бы сказать онъ, но что-то страшное въ нихъ заключалось. Философъ въ страхѣ понялъ, что она творила заклинанія.

Вѣтеръ пошелъ по церкви отъ словъ, и послышался шумъ, какъ-бы отъ множества летящихъ крылъ. Онъ слышалъ, какъ бились крыльями въ стекла церковныхъ оконъ и въ желѣзныя рамы, какъ царапали съ визгомъ когтями по желѣзу и какъ несмѣтная сила громила въ двери и хотѣла вломиться. Сильно у него билось во все время сердце: зажмуривъ глаза, всё читалъ онъ заклятья и молитвы. Наконецъ вдругъ что-то засвистало вдали: это былъ отдаленный крикъ пѣтуха. Изнуренный философъ остановился и отдохнулъ духомъ.

Вошедшіе смѣнить его нашли его едва жива; онъ опершя спиною объ стѣну и, выпуча глаза, глядѣлъ неподвижно на пришедшихъ козаковъ. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ встряхнулся и велѣлъ себѣ подать кварту горилки. Выпивши ее, онъ пригладилъ на головѣ свои волосы и сказалъ: »Много на свѣтѣ всякой дряни водится! а страхи такіе случаются, ну...« При этомъ философъ махнулъ рукою.

Собравшіеся вокругъ его потупили голову̀, услышавъ такіе слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня почитала въ-правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню, или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ.

Въ это время проходила мимо еще несовсѣмъ пожилая бабенка, въ обтянутой плотно запаскѣ, выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь пришпилить къ своему очѝпку: или кусокъ ленточки, или гвоздичку, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

»Здравствуй Хома!« сказала она, увидѣвъ философа. »Ай, ай, ай! что̀ это съ тобою?« вскрикнула она, всплеснувъ руками.

»Какъ что̀, глупая баба?«

»Ахъ, Боже мой! да ты весь посѣдѣлъ!«

»Эге, ге! Да она правду говоритъ!« произнесъ Спиридъ, всматриваясь въ него пристально: »ты точно посѣдѣлъ, какъ нашъ старый Явтухъ!«

Философъ, услышавши это, побѣжалъ опрометью въ кухню, гдѣ онъ замѣтилъ прилѣпленный къ стѣнѣ, опачканный мухами, треугольный кусокъ зеркала, передъ которымъ были натыканы незабудки, барвинки и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшіе назначеніе его для туалета щеголеватой кокетки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ истину ихъ словъ: половина волосъ его точно побѣлѣла.

Повѣсилъ голову Хома Бругъ и предался размышленію. »Пойду къ пану«, сказалъ онъ наконецъ: »разскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляетъ меня сей же часъ въ Кіевъ.«

Въ такихъ мысляхъ направилъ онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.

Сотникъ сидѣлъ почти неподвиженъ въ своей свѣтлицѣ. Та же самая безнадежная печаль, какую онъ встрѣтилъ прежде на его лицѣ, сохранялась въ немъ и донынѣ. Только щеки его опали гораздо болѣе прежняго. Замѣтно было, что онъ очень мало употреблялъ пищи, или, можетъ быть, даже вовсе не касался ея. Необыкновенная блѣдность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

»Здравствуй, небóже!« произнесъ онъ, увидѣвъ Хому, остановившагося съ шапкою въ рукахъ у дверей. »Что, какъ идетъ у тебя? все благополучно?«

»Благополучно-то, благополучно; такая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетывай, куда ноги несутъ.«

»Какъ такъ?«

»Да ваша, панъ, дочка... по здравому разсужденію, она, конечно, есть панскаго роду; въ томъ никто не станетъ прекословить; только, не во гнѣвъ будь сказано, упокой Богъ ея душу...«

»Что же дочка?«

»Припустила къ себѣ сатану. Такіе страхи задаетъ, что никакое писаніе не учитывается.«

»Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя: она заботилась,

голубонька моя, о душѣ своей и хотѣла молитвами изгнать всякое дурное помышленіе.«

»Власть ваша, панъ. ей Богу, не въ моготу!«

»Читай, читай!« продолжалъ тѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ сотникъ: »тебѣ одна ночь теперь осталась; ты сдѣлаешь Хрістіянское дѣло, и я награжу тебя.«

»Да какія бы ни были награды... Какъ ты себѣ хочь, панъ, а я не буду читать!« произнесъ Хома рѣшительно.

»Слушай, философъ!« сказалъ сотникъ, и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и грозенъ: »я не люблю этихъ выдумокъ. Ты можешь это дѣлать въ своей бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то, что ректоръ. Знаешь ли ты, что такое хорошіе кожаные канчуки?«

»Какъ не знать?« сказалъ философъ, понизивъ голосъ: »всякому извѣстно, что такое кожаные канчуки: при большомъ количествѣ, вещь нестерпимая.«

»Да. Только ты не знаешь еще, какъ хлопцы мои умѣютъ парить!« сказалъ сотникъ грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усыпленный только на время горестью. »У меня прежде выпарятъ, потомъ спрыснуть горилкою, а послѣ опять. Ступай, ступай, исправляй свое дѣло! Не исправишь — не встанешь; а исправишь — тысяча червоныхъ!«

»Ого, го! да это хватъ!« подумалъ философъ, выходя: »съ этимъ нечего шутить. Стой, стой, пріятель; я такъ навострю лыжи, что ты съ своими собаками не угонишься за мною.«

И Хома положилъ непремѣнно бѣжать. Онъ выжидалъ только послѣобѣденнаго часу, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забираться въ сѣно подъ сараями и, открывши ротъ, пускать такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику.

Это время наконецъ настало. Даже и Явтухъ зажмурилъ глаза, растянувшись передъ солнцемъ. Философъ со страхомъ и дрожью отправился потихоньку въ панскій садъ, откуда ему казалось удобнѣе и незамѣтнѣе было бѣжать въ поле. Этотъ садъ, по обыкновенію, былъ страшно запущенъ и, стало быть, чрезвычайно спо-

собствовалъ всякому тайному предпріятію. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухомъ, просунувшими на самый верхъ свои высокіе стебли съ цѣпкими розовыми шишками. Хмѣль покрывалъ, какъ-будто сѣтью, вершину всего этого пестраго собранія деревъ и кустарниковъ, и составлялъ надъ ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую съ него вьющимися змѣями, вмѣстѣ съ дикими полевыми колокольчиками. За плетнемъ, служившимъ границею сада, шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытствовалъ заглядывать, и коса разлетѣлась бы въ дребезги, если бы захотѣла коснуться лезвеемъ своимъ одеревянѣвшихъ толстыхъ стеблей его.

Когда философъ хотѣлъ перешагнуть черезъ плетень, зубы его стучали, и сердце такъ сильно билось, что онъ самъ испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала къ землѣ, какъ-будто ее кто приколотилъ гвоздемъ. Когда онъ переступалъ плетень, ему, казалось, съ оглушительнымъ свистомъ трещалъ въ ушп какой-то голосъ: »Куда, куда?« Философъ юркнулъ въ бурьянъ и пустился бѣжать, безпрестанно спотыкаясь о старые корни и давя ногами кротовъ. Онъ видѣлъ, что ему, выбравшись изъ бурьяна, стопло перебѣжать поле, за которымъ чернѣлъ густой терновникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, и пройдя который, онъ, по предположенію своему, думалъ встрѣтить дорогу прямо въ Кіевъ. Поле онъ пробѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ терновникѣ. Сквозь терновникъ онъ пролѣзъ, оставивъ, вмѣсто пошлины, куски своего сюртука на каждомъ остромъ шипѣ, и очутился на небольшой лощинѣ. Верба съ раздѣлившимися вѣтвями преклонялась низдѣ почти до самой земли. Небольшой источникъ сверкалъ чистый, какъ серебро. Первое дѣло философа было прилечь и напиться, потому что онъ чувствовалъ жажду нестерпимую. »Добрая вода!« сказалъ онъ, утирая губы: »тутъ бы можно отдохнуть.«

»Нѣтъ, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будетъ погоня!«

Эти слова раздались у него надъ ушами. Онъ оглянулся — передъ нимъ стоялъ Явтухъ

»Чортовъ Явтухъ!« подумалъ въ сердцахъ про-себя философъ: я бы взялъ тебя да за ноги.... и мерзкую рожу твою, и всё, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ!«

»Напрасно далъ ты такой крюкъ«, продолжалъ Явтухъ: »гораздо лучше было выбрать ту дорогу, по какой шелъ я: прямо мимо конюшни. Да притомъ и сюртука жаль! а сукно хорошее. Почемъ платилъ за аршинъ? Однакожъ погуляли довольно: пора и домой.«

Философъ, почесываясь, побрелъ за Явтухомъ. »Теперь проклятая вѣдьма задастъ мнѣ пфейферу!« подумалъ онъ. »Да впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего боюсь? Развѣ я не козакъ? Вѣдь читалъ же двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью. Видно, проклятая вѣдьма порядочно грѣховъ надѣлала, что нечистая сила такъ за нее стоитъ.«

Такія размышленія занимали его, когда онъ вступалъ на панскій дворъ. Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ упросилъ Дороша, который посредствомъ протекціи ключника, имѣлъ иногда входъ въ панскіе погреба, вытащить сулею сивухи, и оба пріятеля, сѣвши подъ сараемъ, вытянули немного не полведра, такъ что философъ, вдругъ поднявшись на ноги, закричалъ: »Музыкантовъ! непремѣнно музыкантовъ!« и, не дождавшись музыкантовъ, пустился средп двора на разчищенномъ мѣстѣ отплясывать трепака. Онъ танцовалъ до тѣхъ поръ, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ плюнула и пошла прочь, сказавши: »Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!« Наконецъ философъ тутъ же легъ спать, и добрый ушатъ холодной воды могъ только пробудить его къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о томъ, что такое козакъ и что онъ не долженъ бояться ничего на свѣтѣ.

»Пора«, сказалъ Явтухъ, »пойдемъ.«

»Спичка тебѣ въ языкъ, проклятый кнуръ!« подумалъ философъ и, вставъ на ноги, сказалъ: »Пойдемъ!«

Идя дорогою, философъ безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ и слегка заговаривалъ съ своими провожатыми. Но Явтухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки выли вдали цѣлою стаей, и самъ-лай собачій былъ какъ-то страшенъ.

»Кажется, какъ-будто что-то другое воетъ: это не волкъ«, сказалъ Дорошъ. Явтухъ молчалъ. Философъ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились къ церкви и вступили подъ ея ветхіе деревянные своды, показывавшіе, какъ мало заботился владѣтель помѣстья о Богѣ и о душѣ своей. Явтухъ и Дорошъ по-прежнему удалились, и философъ остался одинъ.

Все было такъ же, все было въ томъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ на минуту остановился. Посерединѣ всё такъ же неподвижно стоялъ гробъ ужасной вѣдьмы. »Не побоюсь, ей Богу не побоюсь!« сказалъ онъ, и, очертивши по-прежнему около себя кругъ, началъ припоминать всѣ свои заклинанія. Тишина была страшная; свѣчи трепетали и обливали свѣтомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потомъ перевернулъ другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то, что̀ писано въ книгѣ. Со страхомъ перекрестился онъ и началъ пѣть. Это нѣсколько ободрило его; чтеніе пошло впередъ, и листы мелькали одинъ за другимъ.

Вдругъ.... среди тишины... съ трескомъ лопнула желѣзная крышка гроба и поднялся мертвецъ. Еще страшнѣе былъ онъ, чѣмъ въ первый разъ. Зубы его страшно ударялись рядъ о рядъ, въ судорогахъ задергались его губы, и дико взвизгивая, понеслись заклинанія. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетѣли сверху внизъ разбитыя стекла окошекъ. Двери сорвались съ петлей, и несмѣтная сила чудовищъ влетѣла въ Божью церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и отъ царапанья когтей наполнилъ всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышелъ изъ головы послѣдній остатокъ хмѣля. Онъ только крестился да читалъ, какъ попало, молитвы. И въ то же время слышалъ, какъ нечистая сила металась вокругъ его, чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ. Не имѣлъ духу разглядѣть онъ ихъ; видѣлъ только, какъ во всю стѣну стояло какое-то огромное чудовище въ своихъ перепутанныхъ волосахъ, какъ въ лѣсу; сквозь сѣть волосъ глядѣли страшно два глаза, поднявъ немного вверхъ брови. Надъ нимъ держалось въ

воздухѣ что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячью протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клочками. Всѣ глядѣли на него, искали и не могли увидѣть его, окруженнаго таинственнымъ кругомъ. »Приведите Вія! ступайте за Віемъ!« раздались слова мертвеца.

И вдругъ настала тишина въ церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его, засыпанныя землею, ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступаясь. Длинныя вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было на немъ желѣзное. Его привели подъ руки и прямо поставили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Хома.

»Подымите мнѣ вѣки: не вижу!« сказалъ подземнымъ голосомъ Вій — и все сонмище кинулось подымать его вѣки.

»Не гляди!« шепнулъ какой-то внутренній голосъ философу. Не вытерпѣлъ онъ и глянулъ.

»Вотъ онъ!« закричалъ Вій и уставилъ на него желѣзный палецъ, и всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ на землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха.

Раздался пѣтушій крикъ. Это былъ уже второй крикъ: первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто какъ попало, въ окна и двери, чтобы поскорѣе вылетѣть; не тутъ-то было: такъ и остались они тамъ, завязнувши въ дверяхъ и окнахъ.

Вошедшій священникъ остановился при видѣ такого посрамленья Божьей святыни и не посмѣлъ служить панихиду въ такомъ мѣстѣ. Такъ на вѣки и осталась церковь, съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ, и никто не найдетъ теперь къ ней дороги.

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева, и богословъ Халява услышалъ наконецъ о такой участи философа Хомы, то предался

цѣлый часъ раздумью. Съ нимъ, въ продолженіе того времени, произошли большія перемѣны. Счастіе ему улыбнулось: по окончаніи курса наукъ, его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни, и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому что деревяная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безолаберно сдѣлана.

»Ты слышалъ, что̀ случилось съ Хомою?« сказалъ, подошедши къ нему, Тиберій Горобець, который въ то время былъ уже философъ и носилъ свѣжіе усы.

»Такъ ему Богъ далъ«, сказалъ звонарь Халява. »Пойдемъ въ шинокъ да помянемъ его душу!«

Молодой философъ, который съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами, такъ что на немъ и шаровары, и сюртукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками, въ ту же минуту изъявилъ готовность.

»Славный былъ человѣкъ Хома!« сказалъ звонарь, когда хромой шинкарь поставилъ передъ нимъ третью кружку; »знатный былъ человѣкъ! а пропалъ ни за что!«

»А я знаю, почему пропалъ онъ: оттого, что̀ побоялся; а если бы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это: Вѣдь, у насъ, въ Кіевѣ, всѣ бабы, которыя сидятъ на базарѣ, всѣ вѣдьмы.«

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но, замѣтивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ осторожно всталъ изъ-за стола и, пошатываясь на обѣ стороны, пошелъ спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ. Причемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, утащить старую подошву отъ сапога, валявшуюся на лавкѣ.

ПОВѢСТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ ПОССОРИЛСЯ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ.

ГЛАВА I.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ И ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! фу, ты пропасть, какія смушки! сизыя, съ морозомъ! Я ставлю Богъ знаетъ что̀, если у кого-либо найдутся такія! Взгляните, ради Бога, на нихъ, — особенно, если онъ станетъ съ кѣмъ-нибудь говорить, взгляните съ боку: что̀ это за объѣденіе! Описать нельзя: бархатъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворецъ, угодникъ Божій! отчего же у меня нѣтъ такой бекеши! Онъ сшилъ ее тогда спце, когда Агафья Ѳедосѣевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агафью Ѳедосѣевну? Та самая, что откусила ухо у засѣдателя.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него со всѣхъ сторонъ навѣсъ на дубовыхъ столбахъ; подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу, и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ, и глядитъ, что̀ дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ самыми окнами! Отворите только окно —

такъ вѣтви и врываются въ комнату. Это всё передъ домомъ, а посмотрѣли бы, что̀ у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ? Сливы, вишни, черешни, огородина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни: это его̀ любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Ганкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмяна въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Ганкѣ принести чернильницу и самъ, собственной рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣмянами: *Сія дыня съѣдена такого-то числа* Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: *участвовалъ такой-то*.

Покойный судья Миргородскій всегда любовался, глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень не дуренъ. Мнѣ нравится, что къ нему со всѣхъ сторонъ пристроены сѣни и сѣнечки, такъ что если взглянуть на него издали, то видны однѣ только крыши, посаженныя одну на другую, что̀ весьма походитъ на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше, на губки, наросшія на деревѣ. Впрочемъ крыши всѣ крыты очеретомъ; ива, дубъ и двѣ яблони облокотились на нихъ своими раскидистыми вѣтвями. Промежъ деревъ мелькаютъ и выбѣгаютъ даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными, выбѣленными ставнями.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаетъ и коммиссаръ Полтавскій. Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ нему. А протопопъ отецъ Петръ, что̀ живетъ въ Колибердѣ, когда соберется у него человѣкъ пятокъ гостей, всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ Христіянскій и умѣлъ жить, какъ Иванъ Ивановичъ.

Боже, какъ летитъ время! Уже тогда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣтей у него не было. У Ганки есть дѣти и бѣгаютъ по двору. Иванъ Ивановичъ всегда дастъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Ганка у него носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ; отъ большого же сундука, что̀ стоитъ въ его спальнѣ, и отъ средней коморы ключъ Иванъ Ивановичъ держитъ у себя и не любитъ никого туда пус-

кать. Гапка дѣвка здоровая, ходитъ въ запаскѣ, съ свѣжими икрами и щеками.)

А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Вошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная доброта. »Здорово, небого!« обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ. »Откуда ты, бѣдная?«

»Я, паночку, изъ хутора пришла. Третій день, какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственныя дѣти.«

»Бѣдная головушка! что жъ ты пришла сюда?«

»А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ.«

»Гмъ! что жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?« обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.

»Какъ не хотѣть! голодна, какъ собака.«

»Гмъ!« отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ. »Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?«

»Да все, что милость ваша дастъ, всемъ буду довольна.«

»Гмъ! развѣ мясо лучше хлѣба?«

»Гдѣ ужъ голодному разбирать? Все, что пожалуете, все хорошо.« При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку.

»Ну, ступай же съ Богомъ«, говорилъ Иванъ Ивановичъ. »Чего жъ ты стоишь? вѣдь я тебя не бью!« И обратившись, съ такими разспросами, къ другому, къ третьему, наконецъ возвращается домой, или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему.

Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему кто-нибудь сдѣлаетъ подарокъ, или гостинецъ. Это ему очень нравится.

Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою прія

тели, какихъ свѣтъ не производилъ. Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ, который до сихъ поръ еще ходитъ въ коричневомъ сюртукѣ съ голубыми рукавами и обѣдаетъ по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чортъ связалъ веревочкой: куда одинъ, туда и другой плетется.

Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя проговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? Такъ какъ пронесли было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ назади! Но эта выдумка такъ нелѣпа и вмѣстѣ гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужнымъ опровергать предъ просвѣщенными читателями, которымъ, безъ всякого сомнѣнія, извѣстно, что у однѣхъ только вѣдьмъ, и то у весьма немногихъ, есть назади хвостъ. Вѣдьмы, впрочемъ, принадлежатъ болѣе къ женскому полу, нежели къ мужескому.

Не смотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья несовсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры изъ ихъ сравненія. Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ, или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь — и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ, но зато если влѣпитъ словцо, то держись только: отбрѣетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже; но зато распространяется въ толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ; ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда-нибудь, или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле — ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ лежитъ весь день на крыльцѣ; если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставитъ спину на

солнце, и никуда не хочетъ идти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство и опять на покой. Въ прежнія времена зайдетъ бывало къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тонкій человѣкъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажетъ неприличнаго слова, и тотчасъ обидится, если услышитъ его. Иванъ Никифоровичъ иногда не обережется. Тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ встаетъ съ мѣста и говоритъ: »Довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце; чѣмъ говорить такія богопротивныя слова.« Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя — и тарелку кинетъ, и хозяйку достанется. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ бреетъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопытенъ. Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему разсказывать, да не доскажешь! Если жъ чѣмъ бываетъ недоволенъ, то тотчасъ даетъ замѣтить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажетъ. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича, напротивъ того, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ. У Ивана Ивановича большіе выразительные глаза табачнаго цвѣта, и ротъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу;* у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ если попотчиваетъ васъ табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, поднесши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы: »Смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?« если же незнакомы, то: »Смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отечества, объ одолженіи?« Иванъ же Никифоровичъ дастъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавитъ только: »Одолжайтесь.« Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень

не любятъ блохъ; и оттого ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ Жида съ товарами, чтобы не купить у него элексира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ Еврейскую вѣру.

Впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ, прекрасные люди.

ГЛАВА II,

ИЗЪ КОТОРОЙ МОЖНО УЗНАТЬ, ЧЕГО ЗАХОТѢЛОСЬ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ, О ЧЕМЪ ПРОИСХОДИЛЪ РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ИВАНОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ И ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ И ЧѢМЪ ОНЪ ОКОНЧИЛСЯ.

Утромъ — это было въ іюлѣ мѣсяцѣ — Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ разспросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда и почему, уходился страхъ, и прилегъ отдохнуть. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сарай, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про-себя: »Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! чего у меня нѣтъ! Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... чего жъ еще нѣтъ у меня?... Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?«

Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули черезъ заборъ во дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье, и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро старый мундиръ, съ изношенными обшлагами, протянулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту; за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ; бѣлыя казимировыя пан-

талоны съ пятнами, которыя когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которыя можно теперь натянуть развѣ на его пальцы; за ними скоро повисли другія въ видѣ буквы Л. Потомъ синій козацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Никифоровичъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда готовился-было вступить въ милицію и отпустилъ было уже усы. Наконецъ, одно къ одному, выставилась шпага, походившая на шницъ, торчащій въ воздухѣ. Потомъ завертѣлись фалды чего-то похожаго на кафтанъ трявяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами, величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ жилетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напереди. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрѣлище, между тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій, или зеленый рукавъ, красный обшлагъ, или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шницѣ, дѣлали его чѣмъ-то необыкновеннымъ, похожимъ на тотъ вертепъ, который развозятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи; особливо когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на царя Прода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрыпка; Цыганъ бренчитъ руками по губамъ своимъ вмѣсто барабана, а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ свѣжимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хуторянокъ.

Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и таща на себѣ старинное сѣдло съ оборванными стременами, съ истертыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ когда-то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными бляхами.

»Вотъ глупая баба!« подумалъ Иванъ Ивановичъ: »она еще вытащитъ и самаго Ивана Никифоровича провѣтривать!«

И точно: Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минутъ черезъ пять воздвигнулись нанковыя шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла еще шапку и ружье.

»Что жъ это значитъ?« подумалъ Иванъ Ивановичъ. »Я не ви-

дѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что̀ жъ это онъ? стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что̀ жъ оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое; мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецомъ. Эй, баба, баба!« закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

»Что̀ это у тебя, бабуся, такое?«

»Видите сами, ружье.«

»Какое ружье?«

»Кто его знаетъ, какое! Если бъ оно было мое, то я, можетъ быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское.«

Иванъ Ивановичъ всталъ и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ, и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его вмѣстѣ съ шпагою провѣтривать.

»Оно, должно думать, желѣзное«, продолжала старуха.

»Гмъ! желѣзное. Отчего жъ оно желѣзное?« говорилъ про-себя Иванъ Ивановичъ. »А давно ли оно у пана?«

»Можетъ быть, и давно.«

»Хорошая вещица!« продолжалъ Иванъ Ивановичъ. »Я выпрошу его. Что̀ ему дѣлать съ нимъ? Или промѣняюсь на что-нибудь. Что̀, бабуся, дома панъ?«

»Дома.«

»Что̀ онъ, лежитъ?«

»Лежитъ.«

»Ну, хорошо; я приду къ нему.«

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ собакъ, потому что въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ, нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень, однакожъ Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ уже не могли разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ, схвативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону на улицу, нѣ-

шеходъ же убрался, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ переулокъ выходили съ одной стороны сарай Ивана Ивановича, съ другой амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдой. Извнутри поднялся собачій лай; но разношерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостами, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣстами зелень, мѣстами изломанное колесо, или обручъ отъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ: картина, которую любятъ живописцы! Тѣнь отъ развѣшанныхъ платьевъ покрывала почти весь дворъ и сообщала ему нѣкоторую прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ и, зазѣвавшись, стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ, — надежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсть необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ.

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противустоявшую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшаннаго на дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

»Помоги Богъ!« сказалъ Иванъ Ивановичъ.

»А, здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!« отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Ивана Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ. »Извините, что я передъ вами въ натурѣ.« Иванъ Никифоровичъ лежалъ безо всего, даже безъ рубашки.

»Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ?«

»Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ?«

»Почивалъ.«

»Такъ вы теперь и встали?«

»Я теперь всталъ! Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! какъ можно спать до сихъ поръ! Я только-что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасныя жита по дорогѣ! восхитительныя! и сѣно такое рослое, мягкое, злачное!«

»Горпина!« закричалъ Иванъ Никифоровичъ, »принеси Ивану Ивановичу водки да пироговъ со сметаною.«

»Хорошее время сегодня.«

»Не хвалите, Иванъ Ивановичъ; чтобъ его чортъ взялъ! некуда дѣваться отъ жару.«

»Вотъ, такп нужно помянуть чорта! Эй, Иванъ Никифоровичъ! вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова.«

»Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ.«

»Полно уже, полно, Иванъ Никифоровичъ!«

»Ей Богу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!«

»Странно, что перепела до сихъ поръ не йдутъ подъ дудочку.«

»Какъ вы себѣ хотите, думайте, что̀ вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ.«

»Не знаю, отчего они не йдутъ«, говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ-бы не слушая Ивана Никифоровича: »время ли не приспѣло еще... только время, кажется, такое, какое нужно.«

»Вы говорите, что жита хорошія?«

»Восхитительныя жита, восхитительныя!«

За симъ послѣдовало молчаніе.

»Что̀ это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете?« наконецъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

»Да, прекрасное, почти новое платье загнонла проклятая баба; теперь провѣтриваю; сукно тонкое, превосходное, только вывороти — и можно снова носить.«

»Мнѣ тамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ.«

»Какая?«

»Скажите пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ?« Тутъ Иванъ Ивановичъ подпесъ табаку. »Смѣю ли просить объ одолженіи?«

»Ничего, одолжайтесь; я понюхаю своего.« При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. »Вотъ глупая баба! такъ она и ружье туда же повѣспла! Хорошій табакъ Жидъ дѣластъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! на канупёръ немного похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда ли, похоже на канупёръ? возьмите, одолжайтесь!«

»Скажите пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я всё на-счетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? вѣдь оно вамъ не нужно.«

»Какъ не нужно? а случится стрѣлять?«

»Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ! когда же вы будете стрѣлять? развѣ по второмъ пришествіи? Вы, сколько я знаю и другіе запомнятъ, ни одной еще качки не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную: какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще? что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе. (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, необыкновенно живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ!«

»Какъ можно! это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у Турчина; а теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно! это вещь необходимая.«

»На что же она необходимая?«

»Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники...? Еще бы не необходимая! Слава тебѣ Господи! теперь я спокоенъ и не боюсь никого; а отчего? оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье.«

»Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ.«

»Что жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать конопляным масломъ, чтобъ не ржавѣлъ.«

»Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни.«

»Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками — я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали, пусть себѣ играютъ!«

»Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся.«

»Что жъ вы дадите мнѣ за него?« При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

»Я вамъ дамъ за него бурую свинью, ту самую, что я откормилъ въ сажу. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ.«

»Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? развѣ чорту помники дѣлать?«

»Опять! безъ чорта таки-пельзя обойтиться! Грѣхъ вамъ, ей Богу, грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!«

»Какъ же вы, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье чортъ знаетъ что такое — свинью!«

»Отчего же она, чортъ знаетъ что такое, Иванъ Никифоровичъ?«

»Какъ же? вы бы сами посудили хорошенько: это таки ружье, вещь извѣстная; а то чортъ знаетъ что такое—свинья! Если бы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону.«

»Что жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?«

»За кого же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? чтобъ я свинью...«

»Садитесь, садитесь! не буду уже... Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ коморѣ; не хочу больше говорить о немъ!«

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

»Говорятъ«, началъ Иванъ Ивановичъ, »что три короля объявили войну царю нашему.«

»Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ. Что жъ это за война? и отчего она?«

»Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли Турецкую вѣру.«

»Вишь, дурни, чего захотѣли!« произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

»Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. »Нѣтъ«, говоритъ, »примите вы сами вѣру Христову!«

»Что жъ? вѣдь паши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ?«

»Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?«

»Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ, вы, кажется, человѣкъ извѣстный ученостью, а говорите, какъ недоросль. Что бы я за дуракъ такой...«

»Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ! пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить!«

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ сметаною. »Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ, кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса; вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ.«

»Ей Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно, гороху наѣвшись. (Это еще ничего: Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ.) Гдѣ видно, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небойсь, бекеши своей не поставите!«

»Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ.«

»Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье?«

»Да что жъ, развѣ мало?«

»За ружье?«

»Конечно за ружье.«

»Два мѣшка за ружье?«

»Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?«

»Поцѣлуйтесь съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!«

»О, васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія Богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться.«

»Позвольте, Иванъ Ивановичъ: ружье вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...«

»Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, какъ *дурень съ писаною торбою*«, сказалъ Иванъ Иванович съ досадою, потому что дѣйствительно начиналъ уже сердиться.

»А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій *гуса́къ*.«

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

»Что́ вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?« спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

»Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!«

»Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе, и уваженіе къ чину и фамиліи челове́ка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?«

»Что́ жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?«

»Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?«

»Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что́ вы такъ раскудахтались?«

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы* и сдѣлался похожимъ на О; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно

было для этого его сильно разсердить. »Такъ я жъ вамъ объявляю«, произнесъ Иванъ Ивановичъ, »что я знать васъ не хочу!«

»Большая бѣда! ей Богу, не заплачу отъ этого!« отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. Лгалъ, лгалъ, ей Богу, лгалъ! ему очень было досадно это.

»Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ!«

»Эге, ге!« сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ, что̀ дѣлать, и, противъ обыкновенія, вставъ на ноги. »Эй, баба, хлопче!« При семъ показалась изъ-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ. »Возьмите Ивана Ивановича за руки да выведите его за двери!«

»Какъ! дворянина?« закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ. »Осмѣльтесь только! подступите! я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! воронъ не найдетъ мѣста вашего!« (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена.)

Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты, въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія; баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безмысленную, исполненную страха мину; Иванъ Ивановичъ, съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались Римскіе трибуны. Это была необыкновенная минута, спектакль великолѣпный! и между тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ.

Наконецъ Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою. »Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню!«

»Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да глядите, не попадайтесь мнѣ: а не то — я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!«

»Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ!« отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, выставивъ ему кукишъ и хлопнувъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова.

Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и летѣлъ со двора.

ГЛАВА III.

ЧТО̀ ПРОИЗОШЛО ПОСЛѢ ССОРЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ?

Итакъ два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою! и за что̀? за вздоръ, за гусака! не захотѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между тѣмъ какъ прежде были извѣстны за самыхъ неразлучныхъ друзей. Каждый день, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ посылаютъ другъ къ другу узнать о здоровьи и часто переговариваются другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо слушать было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ штаметовой бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желто-коричневомъ козакинѣ отправляются почти объ руку другъ съ другомъ въ церковь, и если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу, или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что̀ бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу; »Берегитесь, не ступите сюда погою, ибо здѣсь нехорошо.« Иванъ Никифоровичъ, съ своей стороны, показывалъ тоже самые трогательные знаки дружбы, и гдѣ бы ни стоялъ, всегда протянетъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ, примолвивши: »Одолжайтесь!« А какое прекрасное хозяйство у обоихъ!... И эти два друга.... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило! Я долго не хотѣлъ вѣрить.. Боже праведный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такіе достойные люди! Что̀ жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ домой, то долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ, бывало, прежде всего зайдетъ въ конюшню посмотрѣть, ѣстъ ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича

кобылка саврасая, съ лысиной на лбу; хорошая очень лошадка), потомъ покормитъ пидѣекъ и поросятъ изъ своихъ рукъ и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ или дѣлаетъ деревяную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря, умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія, Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ, потому что дѣвка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ. Теперь же онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій. Вмѣсто того, встрѣтивши Ганку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается безъ дѣла, между тѣмъ какъ она тащила крупу въ кухню, кинулъ палкой въ пѣтуха, который пришелъ къ крыльцу за обыкновенной подачей, и когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашонкѣ и закричалъ: »Тятя, тятя! дай пряника!« то онъ ему такъ страшно пригрозилъ и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ Богъ знаетъ куда.

Наконецъ, однакожъ, онъ одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами. Поздно сталъ онъ обѣдать и уже ввечеру почти легъ отдыхать подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, который сварила Ганка, выгналъ совершенно утреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опять началъ съ удовольствіемъ разсматривать свое хозяйство; наконецъ остановилъ глаза на сосѣднемъ дворѣ и сказалъ самъ себѣ: »Сегодня я не былъ у Ивана Никифоровича; пойду-ка къ нему.« Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору, плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движеніе случилось на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плетень съ намѣреніемъ перелѣзть на его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: »Назадъ! назадъ! не нужно!« Однакожъ Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло быть, что сіи достойные люди на другой же бы день помирились, если-бы особенное происшествіе въ домѣ Ивана Ивановича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ готовый погаснуть огонь вражды.

Къ Ивану Никифоровичу ввечеру въ тотъ же день пріѣхала

Агафія Ѳедосѣевна. Агафія Ѳедосѣевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы, ей совершенно не за чѣмъ было къ нему ѣздить, и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ, однакожъ она ѣздила и прожи вала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Это было очень непріятно Ивану Никифоровичу, однакожъ онъ, къ удивленію, слушалъ ея, какъ ребенокъ, и хотя иногда и пытался спорить, однако Агафія Ѳедосѣевна всегда брала верхъ.

Я, признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватаютъ насъ за носъ такъ же ловко, какъ-будто за ручку чайника: или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что болѣе не годятся. И не смотря на то, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, она всё-таки схватила его за этотъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Онъ даже невольно измѣнилъ при ней обыкновенный свой образъ жизни: не такъ долго лежалъ на солнцѣ: если же и лежалъ, то не въ натурѣ, а всегда надѣвалъ рубашку и шаровары, хотя Агафія Ѳедосѣевна совер шенно этого не требовала: она была не-охотница до церемоній, и когда Иванъ Никифоровичъ страдалъ лихорадкою, она сама, своими руками вытирала его съ ногъ до головы скипидаромъ и уксусомъ. Агафія Ѳедосѣевна носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и кофейный капотъ съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и оттого отыскать ея талію было такъ трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она сплетничала и ѣла вареные бураки по утрамъ, и отлично хорошо ругалась; и, при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могутъ показывать одни только женщины.

Какъ только она пріѣхала, все пошло на-выворотъ: »Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія: онъ тебя погубить хочетъ; это таковскій человѣкъ! Ты его еще не знаешь.« Шушукала, шушукала проклятая баба и сдѣлала то, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ.

Все приняло другой видъ. Если сосѣдняя собака забѣгала когда на дворъ, то ее колотили чѣмъ ни попало; ребятишки, перелѣзавшіе черезъ заборъ, возвращались съ воплемъ, съ поднятыми вверхъ рубашонками и съ знаками розогъ назади; даже самая баба, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было ее спросить о чемъ-то, сдѣлала такую непристойность, что Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, плюнулъ и примолвилъ только: »Экая скверная баба! хуже своего пана!«

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ оскорбленій, ненавистный сосѣдъ выстроилъ прямо противъ него, гдѣ обыкновенно былъ перелазъ чрезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ-будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе. Этотъ отвратительный для Ивана Ивановича хлѣвъ выстроенъ былъ съ дьявольскою скоростью — въ одинъ день.

Это возбудило въ Иванѣ Ивановичѣ злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ, однакожъ, никакого вида огорченія, не смотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли; но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе.

Такъ провелъ онъ день. Настала ночь.... О, если бъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ на него безчисленныя звѣзды; какъ видимая тишина оглашается близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ мимо ихъ несется влюбленный попомарь и перелѣзаетъ чрезъ плетень съ рыцарскимъ безстрашіемъ; какъ бѣлыя стѣны домовъ, охваченныя лунным свѣтомъ, становятся бѣлѣе, осѣняющія ихъ деревья темнѣе, тѣнь отъ деревьевъ ложится чернѣе, цвѣты и умолкнувшая трава душистѣе, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно изо всѣхъ угловъ заводятъ свои трескучія пѣсни. Я бы изобразилъ, какъ въ одномъ изъ этихъ низенькихъ, глиняныхъ домиковъ, разметавшейся на одинокой постелѣ чернобровой горожанкѣ, съ дрожащими молодыми грудями, снится гусарскій усъ и шпоры, а свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ. Я бы изобразилъ, какъ по бѣлой дорогѣ мелькаетъ черная тѣнь летучей мыши, которая садится на бѣлыя трубы домовъ.... Но врядъ ли бы я могъ

изобразить Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ: столько на лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ! Тихо, тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними, и потому позволили ему, какъ старому пріятелю, подойти къ хлѣву, который весь держался на четырехъ дубовыхъ столбахъ; подлѣзши къ ближнему столбу, приставилъ онъ къ нему пилу и началъ пилить. Шумъ, производимый пилою, заставлялъ его поминутно оглядываться; но мысль объ обидѣ возвращала бодрость. Первый столбъ былъ подпиленъ; Иванъ Ивановичъ припялся за другой. Глаза его горѣли и ничего не видѣли отъ страха. Вдругъ Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и обомлѣлъ: ему показался мертвецъ; но скоро онъ пришелъ въ себя, увидѣвши, что это былъ гусь, просунувшій къ нему свою шею. Иванъ Ивановичъ плюнулъ отъ негодованія и началъ продолжать работу. И второй столбъ подпиленъ; зданіе пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало такъ страшно биться, когда онъ припялся за третій, что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу. Уже болѣе половины столба было подпилено, какъ вдругъ шаткое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ отскочить, какъ оно рухнуло съ трескомъ. Схвативши пилу, въ страшномъ испугѣ, прибѣжалъ онъ домой и бросился на кровать, не имѣя даже духу поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюртукѣ, всѣ съ дрекольями, предводительствуемые Агафіей Ѳедосѣевной, шли разорять и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ, какъ въ лихорадкѣ. Ему всё чудилось, что ненавистный сосѣдъ, въ отмщеніе за это, по крайней мѣрѣ подожжетъ домъ его; и потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ поминутно осматривать вездѣ, не подложено ли гдѣ-нибудь сухой соломы. Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ Миргородскій повѣтовый судъ. Въ чемъ оно состояло, объ этомъ можно узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА IV.

О ТОМЪ, ЧТО̀ ПРОИЗОШЛО ВЪ ПРИСУТСТВІИ МИРГОРОДСКАГО ПОВѢТОВАГО СУДА.

Чудный городъ Миргородъ! какихъ въ немъ нѣтъ строеній! и подъ соломеною, и подъ очеретяною, даже подъ деревяною крышею. Направо улица, налѣво улица; вездѣ прекрасный плетень; на немъ вьется хмѣль, на немъ висятъ горшки, изъ-за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнцеобразную голову, краснѣетъ макъ, мелькаютъ толстыя тыквы.... роскошь! Плетень всегда убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленною плахтою, или сорочкою, или шароварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вѣшаетъ на плетень, что̀ ему вздумается. Если будете подходить къ площади, то, вѣрно, на время остановитесь полюбоваться видомъ: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда-нибудь видѣть! Она занимаетъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея.

Но я тѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ повѣтовый судъ. Дубовый ли онъ, или березовый, мнѣ нѣтъ дѣла, но въ немъ, милостивые государи, восемъ окошекъ! восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь, и на то водное пространство, о которомъ я уже говорилъ и которое городничій называетъ озеромъ! Одинъ только онъ окрашенъ цвѣтомъ гранита; всѣ прочіе дома въ Миргородѣ, просто, выбѣлены. Крыша на немъ вся деревяная, и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что̀ было, какъ нарочно, во время поста, и крыша осталась некрашеною. На площадь выступаетъ крыльцо, на которомъ часто бѣгаютъ куры, оттого что на крыльцѣ всегда почти разсыпаны крупы, или что-нибудь съѣстное, что̀, впрочемъ, дѣлается не нарочно, но единственно отъ неосторожности просп-

телей. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной *присутствіе*, въ другой *арестантская*. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находятся двѣ комнаты чистыя, выбѣленныя: одна передняя, для просителей, въ другой столъ, украшенный чернильными пятнами; на столѣ зерцало; четыре дубовые стула, съ высокими спинками; возлѣ стѣнъ сундуки, кованные желѣзомъ, въ которыхъ сохранялись кипы повѣтовой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою.

Присутствіе началось еще съ утра. Судья, довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тоньe Ивана Никифоровича; съ доброю миною, въ замасленномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чаю, разговаривалъ съ подсудкомъ. У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и оттого носъ его могъ нюхать верхнюю губу, сколько душѣ угодно было. Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому что табакъ, адрессуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. Итакъ судья разговаривалъ съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками. Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы слушая Судья, безъ сомнѣнія, это бы сдѣлалъ прежде всѣхъ, если бы не вошелъ между тѣмъ въ занимательный разговоръ.

»Я нарочно старался узнать«, говорилъ судья, прихлебывая чай уже изъ простывшей чашки, »какимъ образомъ это дѣлается, что они поютъ хорошо. У меня былъ славный дроздъ, года два тому назадъ. Что жъ? вдругъ испортился совсѣмъ, началъ пѣть Богъ знаетъ что; чѣмъ далѣе, хуже, хуже, хуже; сталъ картавить, хрипѣть, — хоть выбрось! А вѣдь самый вздоръ! это вотъ отчего дѣлается: подъ горлышкомъ дѣлается бобонъ, меньше горошинки. Этотъ бобончикъ нужно только проколоть иголкою. Меня научилъ этому Захаръ Прокофьевичъ, и именно, если хотите, я вамъ разскажу, какимъ это было образомъ. Пріѣзжаю я къ нему...«

»Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое?« прервалъ секретарь, уже нѣсколько минутъ окончившій чтеніе.

»А вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро! Я и не услышалъ ничего! Да гдѣ жъ оно? дайте его сюда, я подпишу. Что тамъ еще у васъ?«

»„Дѣло козака Бокíтька о краденной коровѣ.«

»Хорошо, читайте! Да, такъ пріѣзжаю я къ нему... Я могу даже разсказать вамъ подробно, какъ онъ угостилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единственный! Да, не нашего балыка, которымъ (при этомъ судья сдѣлалъ языкомъ и улыбнулся, при чемъ носъ его понюхалъ свою всегдашнюю табакерку), которымъ угощаетъ наша бакалейная Миргородская лавка. Селедки я не ѣлъ, потому что, какъ вы сами знаете, у меня отъ нея дѣлается изжога подъ ложечкою; но икры отвѣдалъ, — прекрасная икра! нечего сказать, отличная! потомъ выпилъ я водки персиковой, настоянной на золототысячникѣ. Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: напередъ, какъ говорятъ, раззадорить аппетитъ, а потомъ уже завершить... А! слыхомъ-слыхать, видомъ-видать...« вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

»Богъ въ помощь! желаю здравствовать!« произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на всѣ стороны съ свойственною ему одному пріятностію. Боже мой, какъ онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ! Тонкости такой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ, какъ на должное. Судья самъ подалъ стулъ Ивану Ивановичу, носъ его потянулъ съ верхней губы весь табакъ, что̀ всегда было у него знакомъ большого удовольствія.

»Чѣмъ прикажете потчивать васъ, Иванъ Ивановичъ?« спросилъ онъ; »не прикажете ли чашку чаю?«

»Нѣтъ, весьма благодарю«, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

»Сдѣлайте милость, одну чашечку!« повторилъ судья.

»Нѣтъ, благодарю; весьма доволенъ гостепріимствомъ!« отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

»Одну чашку«, повторилъ судья.

»Нѣтъ, не безпокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ!« При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

»Чашечку!«

»Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку!« произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу.

Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!

»Не прикажете ли еще чашечку?«

»Покорно благодарствую«, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь.

»Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ!«

»Не могу; весьма благодаренъ.« При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

»Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте дружбу, одну чашечку!«

»Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе.« Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

»Только чашечку! одну чашечку!«

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу, ты пропасть! какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство!

»Я, Демьянъ Демьяновичъ«, говорилъ Иванъ Ивановичъ, допивая послѣдній глотокъ, »я къ вамъ имѣю необходимое дѣло: я подаю позовъ.« При этомъ Иванъ Ивановичъ поставилъ чашку и вынулъ изъ кармана написанный гербовый листъ бумаги. »Позовъ на врага моего, на заклятаго врага.«

»На кого же это?«

» На Ивана Никифоровича Довгочхуна.«

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула. »Что вы говорите!« произнесъ онъ, всплеснувъ руками: »Иванъ Ивановичъ! вы ли это?«

»Видите сами, что я.«

»Господь съ вами и всѣ святые! Какъ! вы! Иванъ Ивановичъ! стали непріятелемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорятъ! повторите еще! Да не спрятался ли у васъ кто-нибудь сзади и говоритъ вмѣсто васъ?...

»Что жъ тутъ невѣроятнаго? Я не могу смотрѣть на него: онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, оскорбилъ честь мою.«

»Пресвятая Троица! какъ же мнѣ теперь увѣрить матушку! А

она, старушка, каждый день, какъ только мы поссоримся съ сестрою, говоритъ: »Вы, дѣтки, живете между собою, какъ собаки. »Хоть бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и Ивана Ники»форовича: вотъ ужъ друзья, такъ друзья! то-то пріятели! то»то достойные люди!« Вотъ тебѣ и пріятели! Разскажите, за что же это? какъ?«

»Это дѣло деликатное, Демьянъ Демьяновичъ; на словахъ его нельзя разсказать; прикажите лучше прочитать просьбу. Вотъ возьмите съ этой стороны, здѣсь приличнѣе.«

»Прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ«, сказалъ судья, оборотившись къ секретарю.

Тарасъ Тихоновичъ взялъ просьбу и, высморкавшись такимъ-образомъ, какъ сморкаются всѣ секретари по повѣтовымъ судамъ, съ помощью двухъ пальцевъ, началъ читать:

Отъ дворянина Миргородскаго повѣта и помѣщика, Ивана, Иванова сына, Перерѣпенка, прошеніе; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1.) Извѣстный всему свѣту своими Богопротивными, въ омерзѣніе приводящими и всякую мѣру превышающими законопреступными поступками, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, сего 1810 года, іюля 7 дня учинилъ мнѣ смертельную обиду, какъ персонально до чести относящуюся, такъ равномѣрно въ уничиженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ, притомъ, гнуснаго вида, характеръ имѣетъ бранчивый и преисполненъ разнаго рода Богохуленіями и бранными словами...

Тутъ чтецъ немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и только говорилъ про себя: »Что за бойкое перо! Господи Боже! какъ пишетъ этотъ человѣкъ!«

Иванъ Ивановичъ просилъ читать далѣе, и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ:

Оный дворянинъ, Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чести моей именемъ, а именно *гусакъ*, тогда какъ извѣстно всему Миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же дворянскаго моего происхожденія есть то,

что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви Трехъ Святителей, записанъ, какъ день моего рожденія, такъ равномѣрно и полученное мною крещеніе. Гусакъ же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ; ибо гусакъ есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже небывавшему въ семинаріи, достовѣрно извѣстно. Но оный злокачественный дворянинъ, будучи обо всемъ этомъ свѣдущъ, не для чего иного, какъ чтобы нанесть смертельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гнуснымъ словомъ.

2.) Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянинъ посягнулъ, притомъ, на мою родовую, полученную мною послѣ родителя моего, состоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана Опнсіева сына Перерепенка, собственность, тѣмъ, что, въ противность всякимъ законамъ, перенесъ совершенно насупротивъ моего крыльца гусиный хлѣвъ, что̀ дѣлалось не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобъ усугубить нанесенную мнѣ обиду; ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣстѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единственно въ томъ, чтобы учинить меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей; ибо извѣстно, что всякій человѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, тѣмъ паче въ гусиный, для приличнаго дѣла. При такомъ противозаконномъ дѣйствіи, двѣ передніи сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мнѣ еще при жизни отъ родителя моего, блаженной памяти Ивана Опнсіева сына Перерепенка, начинавшуюся отъ амбара и прямою линіей до самого того мѣста, гдѣ бабы моютъ горшки.

3.) Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаютъ всякое омерзѣніе, питаетъ въ душѣ злостное намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Несомнѣнные чему признаки изъ нижеслѣдующаго явствуютъ: во 1-хъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часто изъ своихъ покоевъ, чего прежде никогда, по причинѣ своей лѣности и гнусной тучности тѣла, не предпринималъ; во 2-хъ, въ людской его, примыкающей о самый заборъ, ограждающій мою собственную, полученную мною отъ покойнаго родителя моего, блаженной памяти Ивана Опнсіева сына Перерепенка, землю, ежедневно и въ необычной продолжительности горитъ свѣтъ, что̀ уже явное есть къ тому доказательство; ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свѣча, но даже каганéцъ былъ потушаемъ.

И потому прошу онаго дворянина, Ивана, Никифорова сына, Довгочху-

на, яко повиннаго въ зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина, имени и фамиліи, и въ хищническомъ присвоеніи собственности, а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія гусака, ко взысканію штрафа, удовлетворенія, проторей и убытковъ присудить, и самого, яко нарушителя, въ кандалы забить, и, заковавши, въ городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошенію рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинить.

Писалъ и сочинялъ дворянинъ, Миргородскій помѣщикъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко.

По прочтеніи просьбы, судья приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу и началъ говорить ему такимъ образомъ: »Что́ это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! бросьте просьбу, пусть она пропадетъ! сатана приснись ей! Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки да поцѣлуйтесь, да купите сантурпскаго, или никопольскаго, или хоть просто, сдѣлайте пуншику, да позовите меня; разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!«

»Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! не такое дѣло«, сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важностію, которая такъ всегда шла къ нему, »не такое дѣло, чтобы можно было рѣшить полюбовною сдѣлкою! Прощайте! Прощайте и вы, господа!« продолжалъ онъ съ тою же важностію, оборотившись ко всѣмъ. »Надѣюсь, что моя просьба возымѣетъ надлежащее дѣйствіе«, и ушелъ, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Судья сидѣлъ, не говоря ни слова; секретарь нюхалъ табакъ; канцелярскіе опрокинули разбитый черепокъ бутылки, употребляемый вмѣсто чернильницы, и самъ судья, въ разсѣянности, разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

»Что́ вы скажете на это, Дорофей Трофимовичъ?« сказалъ судья, послѣ нѣкотораго молчанія, обратившись къ подсудку.

»Ничего не скажу«, отвѣчалъ подсудокъ.

»Экія дѣла дѣлаются!« продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь затрещала и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась въ присутствіе; а остальная оставалась въ передней. Появленіе Ивана Никифоровича, и еще въ судъ, такъ показалось необыкновеннымъ, что судья вскрикнулъ, секретарь прервалъ свое чтеніе, одинъ канцеляристъ, въ фризовомъ подо-

бін полуфрака, взялъ въ губы, перо другой проглотилъ муху; даже отправлявшій должность фельдъегеря и сторожа инвалидъ, который до того стоялъ у дверей, почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже этотъ инвалидъ разинулъ ротъ и наступилъ кому-то на ногу.

»Какими судьбами! что и какъ? Какъ здоровье ваше, Иванъ Никифоровичъ?«

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ, ни мертвъ, потому что завязнулъ въ дверяхъ и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ, ни назадъ. Напрасно судья кричалъ въ переднюю, чтобы кто-нибудь изъ находившихся тамъ выперъ сзади Ивана Никифоровича въ присутственную залу. Въ передней находилась одна только старуха-просительница, которая, не смотря на всѣ усилія своихъ костлявыхъ рукъ, ничего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ, съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами, глядѣвшими и скосап пьяно, съ разодранными локтями, приблизился къ передней половинѣ Ивана Никифоровича, сложилъ ему обѣ руки на-крестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и, не смотря на жалобные стоны, онъ былъ вытиснутъ въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей; при чемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружескихъ усилій дыханіемъ устъ своихъ, распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась-было на время въ питейный домъ.

»Не зашибли ли васъ, Иванъ Никифоровичъ? Я скажу матушкѣ, она пришлетъ вамъ настойки, которою только потрите поясницу и спину, и все пройдетъ.«

Но Иванъ Никифоровичъ повалился на стулъ и, кромѣ продолжительныхъ *оховъ*, ничего не могъ сказать. Наконецъ слабымъ, едва слышнымъ отъ усталости голосомъ произнесъ онъ: »Не угодно ли?« и, вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: »Возьмите, одолжайтесь!«

»Весьма радъ, что васъ вижу«, отвѣчалъ судья, »но всё не могу представить себѣ, что заставило васъ предпринять трудъ и одолжить насъ такою пріятною нечаянностію.«

»Съ просьбою...« могъ только произнесть Иванъ Никифоровичъ.

»Съ просьбою? съ какою?«

»Съ позвомъ... (тутъ одышка произвела долгую паузу) охъ!... съ позвомъ на мошенника.... Ивана Иванова Перерепенка.«

»Господи! и вы туда же! такіе рѣдкіе друзья! позывъ на такого добродѣтельнаго человѣка!...«

»Онъ самъ сатана!« произнесъ отрывисто Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

»Возьмите просьбу, прочитайте.«

»Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ«, сказалъ судья, обращаясь къ секретарю, съ видомъ неудовольствія, при чемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что̀ обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большого удовольствія. Такое самоуправство носа причинило судьѣ еще болѣе досады: онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхней губы весь табакъ, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, сдѣлавши обыкновенный свой приступъ, который онъ всегда употреблялъ передъ началомъ чтенія, т. е. безъ помощи носового платка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ, такимъ образомъ:

Проситъ дворянинъ Миргородскаго-повѣта, Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1.) По ненавистной злобѣ своей и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, всякія пакости, убытки и иные ехидонскіе и въ ужасъ приводящіе поступки мнѣ чинитъ, и вчерашняго дня по-полудни, какъ разбойникъ и тать, съ топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въ оном мой же собственный хлѣвъ, собственноручно и поносным образомъ его изрубилъ; на что̀ съ моей стороны я не подавалъ никаковой причины къ столь противузаконному и разбойническому поступку.

2.) Оный же дворянинъ Перерепенко имѣетъ посягательство на самую жизнь мою, и до 7-го числа прошлаго мѣсяца, содержа въ тайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хитрымъ образомъ выпрашивать у меня ружье, находившееся въ моей комнатѣ, и предлагалъ мнѣ за него, съ свойственною ему скупостью, многія негодныя ве-

щи, какъ-то: свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но, предугадывая тогда же преступное его намѣреніе, я всячески старался отъ онаго уклонить его; но оный мошенникъ и подлецъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, выбранилъ меня мужицкимъ образомъ и питаетъ ко мнѣ съ того времени вражду непримиримую. Притомъ же оный, часто помянаемый, нестовый дворянинъ и разбойникъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, и происхожденія весьма поноснаго. Его сестра была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею, назадъ тому пять лѣтъ, въ Миргородѣ, а мужа своего записала въ крестьяне. Отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упомянаемый же дворянинъ и разбойникъ, Перерепенко, своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и, подъ видомъ благочестія, дѣлаетъ самыя соблазнительныя дѣла: постовъ не содержитъ; ибо наканунѣ Филиппивки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ, Гашкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать и въ тюрьму, или государственный острогъ препроводить, и тамъ уже, по усмотрѣнію, лиша чиновъ и дворянства, добре барбарами шмаровать и въ Сибирь на каторгу по надобности заточить, проторы, убытки велѣть ему заплатить и по сему моему прошенію рѣшеніе учинить.

Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ Миргородскаго повѣта, Иванъ, Никифоровичъ сынъ, Довгочхунъ.

Какъ только секретарь кончилъ чтеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку и поклонился, съ намѣреніемъ уйти.

»Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ?« говорилъ ему вслѣдъ судья. »Посидите немного! выпейте чаю! Орѝшко! что ты стоишь, глупая дѣвка, и перемигиваешься съ канцелярскими? ступай, принеси чаю!«

Но Иванъ Никифоровичъ, съ испугу, что такъ далеко зашелъ отъ дому и выдержалъ такой опасный карантинъ, успѣлъ уже пролѣзть въ дверь, проговоривъ: »Не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ....« и затворилъ ее за собою, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Дѣлать было нечего. Объ просьбы были приняты, и дѣло гото-

вилось принять довольно важный интересъ, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство сообщило ему еще большую занимательность. Когда судья вышелъ изъ присутствія, въ сопровожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, кишекъ и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ, или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, которое лежало на концѣ стола, перевѣсившись листами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала такъ скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, не смотря на кидаемыя линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную суматоху, потому что даже копія не была еще списана съ прошенія. Судья, т. е. его секретарь и подсудокъ, долго трактовали о такомъ неслыханномъ обстоятельствѣ; наконецъ рѣшено было на томъ, чтобы написать объ этомъ отношеніе къ городничему, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе относилось къ градской полиціи. Отношеніе, за № 389, послано было къ нему въ тотъ же день, и по этому самому произошло довольно любопытное объясненіе, о которомъ читатели могутъ узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА V,

ВЪ КОТОРОЙ ИЗЛАГАЕТСЯ СОВѢЩАНІЕ ДВУХЪ ПОЧТЕННЫХЪ ВЪ МИРГОРОДѢ ОСОБЪ.

Какъ только Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ, по обыкновенію, полежать подъ навѣсомъ, то, къ несказанному удивленію своему, увидѣлъ что-то краснѣвшееся въ калиткѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, который, равномѣрно какъ и воротникъ его, получилъ политуру и по краямъ превращался въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ подумалъ про себя: »Недурно, что пришелъ Петръ Ѳедоровичъ поговорить«, но очень удивился, увидя, что городничій шелъ чрезвычайно ско-

ро и размахивалъ руками, что̀ случалось съ нимъ, по обыкновенію, весьма рѣдко. На мундирѣ городничаго посажено было восемь пуговицъ, девятая, какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма, назадъ тому два года, такъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапортахъ, которые отдаютъ ему квартальные надзиратели, всегда спрашиваетъ: нашлась ли пуговица? Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво. Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней кампаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ею такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги. Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ; и потому, покамѣстъ дошелъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени теряться въ догадкахъ, отчего городничій такъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе это его занимало, что дѣло казалось необыкновенной важности, ибо при городничемъ была даже новая шпага.

»Здравствуйте, Петръ Ѳедоровичъ!« вскричалъ Иванъ Ивановичъ, который, какъ уже сказано, былъ очень любопытенъ и никакъ не могъ удержать своего нетерпѣнія при видѣ, какъ городничій бралъ приступомъ крыльцо, но всё еще не поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своею пѣхотою, которая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойти на ступеньку.

»Добраго дня желаю любезному другу и благодѣтелю, Ивану Ивановичу!« отвѣчалъ городничій.

»Милости прошу садиться. Вы, какъ я вижу, устали, потому что ваша раненная нога мѣшаетъ...«

»Моя нога!« вскрикнулъ городничій, бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе бросаетъ великанъ на пигмея, ученый педантъ на танцовальнаго учителя; при этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ ею объ полъ. Эта храбрость, однакожъ, ему дорого стоила, потому что весь корпусъ его покачнулся и носъ клюнулъ перила; но мудрый блюститель порядка чтобъ не подать никакого вида, тотчасъ оправился и полѣзъ въ карманъ, какъ-будтобы съ тѣмъ, чтобы достать табакерку. »Я

вамъ доложу о себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, Иванъ Ивановичъ, что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно, дѣлывалъ. Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года... Ахъ, я вамъ разскажу, какимъ манеромъ я перелѣзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой Нѣмкѣ.« При этомъ городничій зажмурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски-плутовскую улыбку.

»Гдѣ жъ вы бывали сегодня?« спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервать городничаго и скорѣе навести его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросить, что такое намѣренъ объявить городничій; но тонкое познаніе свѣта представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между тѣмъ какъ сердце его билось съ необыкновенною силою.

»А позвольте, я вамъ разскажу, гдѣ былъ я«, отвѣчалъ городничій. »Во-первыхъ, доложу вамъ, что сегодня отличное время...«

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почти что не умеръ.

»Но позвольте«, продолжалъ городничій: »я пришелъ сегодня къ вамъ по одному важному дѣлу.« Тутъ лицо городничаго и осанка приняли то же самое озабоченное положеніе, съ которымъ бралъ онъ приступомъ крыльцо. Иванъ Ивановичъ ожилъ и трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ, не замедливши, по обыкновенію своему, сдѣлать вопросъ: »Какое же оно, важное? развѣ оно важное?«

»Вотъ извольте видѣть: прежде всего осмѣлюсь доложить вамъ, любезный другъ и благодѣтель, Иванъ Ивановичъ, что вы... съ моей стороны я, извольте видѣть, я ничего, но виды правительства этого требуютъ... вы нарушили порядокъ благочинія!«

»Что это вы говорите, Петръ Ѳедоровичъ? я ничего не понимаю.«

»Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ этого, что ничего не понимаете!«

»Какая животина?«

»Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья.«

»А я чѣмъ виноватъ? Зачѣмъ судейскій сторожъ отворяетъ дверп?«

»Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное, стало быть, вы виноваты.«

»Покорно благодарю васъ за то, что съ свиньею меня равняете!«

»Вотъ уже этого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ей Богу, не говорилъ! Извольте разсудить по чистой совѣсти сами. Вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что, согласно съ видами начальства, запрещено въ городѣ, тѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаться нечистымъ животнымъ. Согласитесь сами, что это дѣло запрещенное.«

»Богъ знаетъ, что̀ это вы говорите. Большая важность, что свинья вышла на улицу!«

»Позвольте вамъ доложить, позвольте, позвольте Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что̀ жъ дѣлать? Начальство хочетъ — мы должны повиноваться. Не спорю, забѣгаютъ иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, замѣтьте себѣ: куры и гуси; но свиней и козловъ я еще въ прошломъ году далъ предписаніе не впускать на публичныя площади, которое предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно, въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ.«

»Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то, что вы всячески стараетесь обижать меня.«

»Вотъ этого-то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказалъ вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выстроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры. Напротивъ, я показалъ видъ, какъ-будто совершенно этого не замѣтилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь бы я совершенно, такъ сказать... но мой долгъ, словомъ, обязанность требуетъ смотрѣть за чистотою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ...«

»Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить что̀ ей не нужно.«

»Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или коморами; но чтобъ

на главной улицѣ, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дѣло...«

»Что̀ жъ такое, Петръ Ѳедоровичъ! вѣдь свинья — твореніе Божіе!«

»Согласенъ. Это всему свѣту извѣстно, что вы человѣкъ ученый, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно, я наукамъ не обучался никакимъ; скорописному письму я началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ.«

»Гм!« сказалъ Иванъ Ивановичъ.

»Да«, продолжалъ городничій, »въ 1801 году я находился въ 42 егерскомъ полку, въ 4 ротѣ поручикомъ. Ротный командиръ у насъ былъ, если изволите знать, капитанъ Еремеевъ.« При этомъ городничій запустилъ свои пальцы въ табакерку, которую Иванъ Ивановичъ держалъ открытою и перемпналъ табакъ.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ: »Гм.«

»Но мой долгъ« продолжалъ городничій: »есть повиноваться требованіямъ правительства. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, что похитившій въ судѣ казенную бумагу, подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ преступленіемъ, уголовному суду?«

»Такъ знаю, что если хотите, и васъ научу. Такъ говорится о людяхъ, напримѣръ, если бы вы украли бумагу; но свинья животное, твореніе Божіе.«

»Все такъ; но законъ говоритъ: »Виновный въ похищеніи...« прошу васъ прислушаться внимательнѣе: *виновный!* Здѣсь не означается ни рода, ни пола, ни званія; стало быть, и животное можетъ быть виновно. Воля ваша, а животное, прежде произнесенія приговора къ наказанію, должно̀ быть представлено въ полицію, какъ нарушитель порядка.«

»Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ«, возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичъ, »этого-то не будетъ.«

»Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписаніямъ начальства.«

»Что̀ жъ вы стращаете меня? Вѣрно, хотите прислать за нею безрукаго солдата? Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить; ему послѣднюю руку переломятъ.«

»Я не смѣю съ вами спорить. Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите представить ее въ полицію, то пользуйтесь ею, какъ вамъ угодно; заколите, когда желаете, ее къ Рождеству и надѣлайте изъ нея окороковъ, или такъ съѣшьте. Только я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку тѣхъ, которыя у васъ такъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ.«

»Колбасъ, извольте, пришлю парочку.«

»Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позвольте вамъ сказать еще одно слово. Я имѣю порученіе отъ судьи, такъ равно и ото всѣхъ нашихъ знакомыхъ, такъ сказать, примирить васъ съ пріятелемъ вашимъ, Иваномъ Никифоровичемъ.«

»Какъ! съ невѣжею! чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ!« Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно рѣшительномъ состояніи.

»Какъ вы себѣ хотите«, отвѣчалъ городничій, угощая объ ноздри табакомъ; »я вамъ не смѣю совѣтовать; однакожъ позвольте доложить: вотъ вы теперь въ ссорѣ, а какъ помиритесь...«

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь.

Итакъ городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ отправиться восвояси.

ГЛАВА VI,

ИЗЪ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЛЕГКО МОЖЕТЪ УЗНАТЬ ВСЕ ТО, ЧТО ВЪ НЕЙ СОДЕРЖИТСЯ.

Сколько ни старались въ судѣ скрыть дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій первый, позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ этомъ, онъ ничего не сказалъ; спросилъ только: »Не бурая ли?«

Но Агафія Ѳедосѣевна, которая была при этомъ, начала опять

приступать къ Ивану Никифоровичу: »Что ты, Иванъ Никифоровичъ? надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ дуракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ? Ты будешь хуже бабы, что продаетъ сластены, которыя ты такъ любишь.« И уговорила, неугомонная! Нашла гдѣ-то человѣка среднихъ лѣтъ, черномазаго, съ пятнами по всему лицу, въ темносинемъ съ заплатами на локтяхъ сюртукѣ, совершенную приказную чернильницу. Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стекляный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовой листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемежая этого кашлемъ и чихапьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и наконецъ состряпало такую бумагу:

Въ Миргородскій повѣтовый судъ, отъ дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна.

Въ слѣдствіе онаго прошенія моего, что отъ меня, дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, къ тому имѣло быть, совокупно съ дворянином Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ; чему и самъ повѣтовый Миргородскій судъ потворство свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи въ тайнѣ содержимо и уже отъ сторонихъ людей до слуха дошедшись. Понеже оное допущеніе и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежитъ; ибо оная свинья есть животное глупое, и тѣмъ паче способное къ хищенію бумаги. Изъ чего очевидно явствуетъ, что часто помянаемая свинья не иначе, какъ была подущена къ тому самимъ противникомъ, называющимъ себя дворяниномъ, Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, уже уличеннымъ въ разбоѣ, посягательствѣ на жизнь и святотатствѣ. По оный Миргородскій судъ, съ свойственнымъ ему лицепріятіемъ, тайное своей особы соглашеніе изъявилъ; безъ каковаго соглашенія оная свинья никоимъ бы образомъ не могла быть допущенною къ утащенію бумаги; ибо Миргородскій повѣтовый судъ въ прислугѣ весьма снабженъ: для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, который, хотя имѣетъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но, чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имѣетъ весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достовѣрно видно потворство

онаго Миргородскаго суда и безспорно раздѣленіе Жидовскаго отъ того барыша, по взаимности совмѣщаясь. Оный же вышеупомянутый разбойникъ и дворянинъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, въ приточеніи ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному повѣтовому суду я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдѣніе, если съ оной бурой свиньи, или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка, означенная просьба взыщена не будетъ и по ней рѣшеніе по справедливости и въ мою пользу не возымѣетъ, то я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, о таковомъ онаго суда противозаконномъ потворствѣ подать жалобу въ палату имѣю, съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла.

Дворянинъ Миргородскаго повѣта, Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ.

Эта просьба произвела свое дѣйствіе. Судья былъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ добрые люди, трусливаго десятка. Онъ обратился къ секретарю. Но секретарь пустилъ сквозь губы густой *гм* и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски-двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двухъ пріятелей. Но какъ приступить къ этому, когда всѣ покушенія были до того безуспѣшны? Однакоже еще рѣшились попытаться; но Иванъ Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочетъ, и даже весьма разсердился. Иванъ Никифоровичъ, вмѣсто отвѣта, обратился спиною назадъ и хоть бы слово сказалъ. Тогда процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою обыкновенно такъ славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, расписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкапъ, гдѣ оно лежало, лежало, лежало годъ, другой, третій. Множество невѣстъ успѣло выдти за-мужъ; въ Миргородѣ пробили новую улицу; у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ; у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде (откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ); Иванъ Никифоровичъ, въ упрекъ Ивану Ивановичу, выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хотя немного подальше прежняго, и совершенно застроился отъ Ивана Ивановича, такъ что сіи достойные

люди никогда почти не видали въ лицо другъ друга: и дѣло всё лежало, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкапу, который сдѣлался мраморнымъ отъ чернильныхъ пятенъ.

Между тѣмъ произошелъ чрезвычайно важный случай для всего Миргорода. Городничій давалъ ассамблею. Гдѣ возьму я кистей и красокъ, чтобъ изобразить разнообразіе съѣзда и великолѣпное шествіе? Возьмите часы, откройте ихъ и посмотрите, что тамъ дѣлается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себѣ, что почти столько же, если не больше, колесъ стояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ тамъ не было? Одна — задъ широкій, а передъ узенькій; другая — задъ узенькій, а передъ широкій. Одна была и бричка, и повозка вмѣстѣ; другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сѣна, или на толстую купчиху; другая на растрепаннаго Жида, или на скелетъ, еще не совсѣмъ освободившійся отъ кожи; иная была въ профилѣ совершенная трубка съ чубукомъ; другая была ни на что не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Изъ среди этого хаоса колесъ и козелъ, возвышалось подобіе кареты съ комнатнымъ окномъ, перекрещеннымъ толстымъ переплетомъ. Кучера, въ сѣрыхъ чекменяхъ, свиткахъ и сѣрякахъ, въ бараньихъ шапкахъ и разнокалиберныхъ фуражкахъ, съ трубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей. Что за ассамблею далъ городничій! Позвольте, я перечту всѣхъ, которые были тамъ: Тарасъ Тарасовичъ, Евилъ Акиноовичъ, Евтихій Евтихіевичъ, Иванъ Ивановичъ — не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой — Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевферій Елевферіевичъ, Макаръ Назарьевичъ, Ѳома Григорьевичъ... Не могу далѣе, не въ силахъ, рука устаетъ писать. А сколько было дамъ! смуглыхъ и бѣлолицыхъ, длинныхъ и коротенькихъ, толстыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и такихъ тонкихъ, что, казалось, каждую можно было упрятать въ шпажныя ножны городничаго. Сколько чепцовъ! сколько платьевъ! красныхъ, желтыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ, — платковъ, лентъ, ридикюлей! Прощайте, бѣдные глаза! вы никуда не будете годиться послѣ этого спектакля. А какой длинный столъ

былъ вытянутъ! А какъ разговорилось все, какой шумъ подняли! Куда противъ этого мельница со всѣми своими жерновами, колесами, шестернеи, ступами! Не могу вамъ сказать навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думать, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ-то: о погодѣ, о собакахъ, о пшеницѣ, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у котораго одинъ глазъ кривъ,— сказалъ: »мнѣ очень странно, что правый глазъ мой (кривой Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ о себѣ иронически) не видитъ Ивана Никифоровича, г-на Довгочухна.«

»Не хотѣлъ придти«, сказалъ городничій.

»Какъ такъ?«

»Вотъ уже, слава Богу, есть два года, какъ поссорились они между собою, т. е. Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, туда другой ни за что не пойдетъ!

»Что вы говорите!« При этомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ. »Что жъ теперь, если уже люди съ добрыми глазами не живутъ въ мирѣ, гдѣ же жить мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ!« На эти слова всѣ засмѣялись во весь ротъ. Всѣ очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусѣ пыпѣшнемъ. Самъ высокій худощавый человѣкъ въ байковомъ сюртукѣ, съ пластыремъ на носу, который до того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда залетѣла къ нему въ носъ муха, — этотъ самый господинъ всталъ съ своего мѣста и подвинулся ближе къ толпѣ, обступившей кривого Ивана Ивановича. »Послушайте!« сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество, »послушайте: вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого, помиримъ двухъ нашихъ пріятелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваетъ съ бабами и дивчатами... пошлемъ потихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ да и столкнемъ ихъ вмѣстѣ.«

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы то ни стало, пріѣхать къ городничему на

обѣдъ. Но важный вопросъ: на кого возложить это важное порученіе? повергнулъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической части; наконецъ единодушно рѣшили возложить все это на Антона Прокофьевича Голопузя.

Но прежде нужно нѣсколько познакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ. Антонъ Прохофьевичъ былъ совершенно *добродѣтельный* человѣкъ, во всемъ значеніи этого слова. Дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею, или исподнее — онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ — онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали: »Отчего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюртукъ коричневой, а рукава голубые?« то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ: »А у васъ и такого нѣтъ! Подождите, обносится, весь будетъ одинаковый.« И точно, голубое сукно, отъ дѣйствія солнца, начало обращаться къ коричневое, и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука. Но вотъ что̀ странно, что Антонъ Прокофьевичъ имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое — зимою. Антонъ Прокофьевичъ не имѣетъ своего дома. У него былъ прежде на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ лошадьми было много хлопотъ и притомъ нужны были деньги на овесъ, то Антонъ Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцати-пяти-рублевую бумажку. Потомъ скрипку Антонъ Прокофьевичъ продалъ, а дѣвку промѣнялъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это наслажденіе, онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ и ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Антонъ Прокофьевичъ любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники. Повиноваться всегда было его стихіею, и потому онъ, взявши шапку и палку, немедленно отправился въ путь.

Но идучи сталъ разсуждать, какимъ образомъ ему подвигнуть Ивана Никифоровича придти на ассамблею. Нѣсколько крутой

нравъ сего, впрочемъ, достойнаго человѣка, дѣлалъ его предпріятіе почти невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшиться придти, когда встать съ постели уже ему стоило великаго труда? Но положимъ, что онъ встанетъ, какъ ему придти туда, гдѣ находится — что, безъ сомнѣнія, онъ знаетъ — непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Антонъ Прокофьевичъ обдумывалъ, тѣмъ болѣе находилъ препятствій. День былъ душенъ; солнце жгло; потъ лился съ него градомъ. Антомъ Прокофьевичъ, не смотря на то, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла (въ мѣнѣ только былъ онъ не такъ счастливъ). Онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтись въ такихъ обстоятельствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко и умный бываетъ въ состояніи извернуться.

Въ то время, когда изобрѣтательный умъ его выдумывалъ средство, какъ убѣдить Ивана Никифоровича, и когда уже онъ храбро шелъ на-встрѣчу всего, одно неожиданное обстоятельство нѣсколько смутило его. Не мѣшаетъ, при этомъ, сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были, между прочимъ, одни панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ тотъ день онъ надѣлъ именно эти панталоны, и потому, едва только онъ предался размышленіямъ, какъ страшный лай со всѣхъ сторонъ поразилъ слухъ его. Антонъ Прокофьевичъ поднялъ такой крикъ (громче его никто не умѣлъ кричать), что не только знакомая баба и обитатель неизмѣримаго сюртука выбѣжали къ нему на-встрѣчу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались къ нему, и хотя собаки только за одну ногу успѣли его укусить, однакожъ это очень уменьшило его бодрость, и онъ съ нѣкотораго рода робостью подступалъ къ крыльцу.

ГЛАВА VII И ПОСЛѢДНЯЯ.

»А, здравствуйте! Начто вы собакъ дразните?« сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича; потому что съ Антономъ Прокофьевичемъ никто иначе не говорилъ, какъ шутя.

»Чтобъ онѣ передохли всѣ! Кто ихъ дразнитъ?« отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ.

»Вы врете.«

»Ей Богу, нѣтъ! Просилъ васъ Петръ Ѳедоровичъ на обѣдъ.«

»Гм!«

»Ей Богу! такъ убѣдительно просилъ, что выразить не можно.« »Что̀ это«, говоритъ, »Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ »непріятеля? никогда не зайдетъ поговоритъ, либо посидѣть.«

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

»Если«, говоритъ, »Иванъ Никифоровичъ и теперь не придетъ, »то я не знаю, что̀ подумать: вѣрно, онъ имѣетъ на меня какой »умыселъ. Сдѣлайте милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорите »Ивана Никифоровича!« Что̀ жъ, Иванъ Никифоровичъ? пойдемъ! Тамъ собралась теперь отличная компанія!«

Иванъ Никифоровичъ началъ разсматривать пѣтуха, который, стоя на крыльцѣ, изо всей мочи далъ горло.

»Если бы вы знали, Иванъ Никифоровичъ«, продолжалъ усердный депутатъ, »какой осетрины, какой свѣжей икры прислали Петру Ѳедоровичу!«

При этомъ Иванъ Никифоровичъ поворотилъ свою голову и началъ внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата. »Пойдемте скорѣе: тамъ и Ѳома Григорьевичъ. Что̀ жъ вы?« прибавилъ онъ, видя, что Иванъ Никифоровичъ лежалъ всѣ въ одинаковомъ положеніи, »что̀ жъ? идемъ, или не йдемъ?«

»Не хочу.«

Это *не хочу* поразило Антона Прокофьевича: онъ уже думалъ, что убѣдительное представленіе его совершенно склонило этого, впрочемъ, достойнаго человѣка; но вмѣсто того услышалъ рѣшительное *не хочу*.

»Отчего же не хотите вы?« спросилъ онъ почти съ досадою, которая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чѣмъ особенно любили себя тѣшить судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ табаку.

»Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что̀ васъ удерживаетъ?«

»Чего я пойду?« проговорилъ наконецъ Иванъ Никифоровичъ: »тамъ будетъ разбойникъ!« Такъ онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича. Боже праведный! а давно ли...

»Ей Богу, не будетъ! вотъ какъ Богъ святъ, что не будетъ! Чтобъ меня на самомъ этомъ мѣстѣ громомъ убило!« отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ, который готовъ былъ божиться десять разъ на одинъ часъ. »Пойдемте же, Иванъ Никифоровичъ!«

»Да вы врете, Антонъ Прокофьевичъ : онъ тамъ!«

»Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! Чтобы я не сошелъ съ этого мѣста, если онъ тамъ! Да и сами посудите, съ какой стати мнѣ лгать! Чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!... Что̀, и теперь не вѣрите? Чтобъ я околѣлъ тутъ же передъ вами! чтобъ ни отцу, ни матери моей, ни мнѣ не видать царствія небеснаго! Еще не вѣрите?«

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру, въ безграничномъ сюртукѣ, принесть шаровары и панковый козакинъ.

Я полагаю, что описывать, какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаровары, какъ ему намотали галстукъ и наконецъ надѣли козакинъ, который подъ лѣвымъ рукавомъ лопнулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ во все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не отвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Прокофьевича — что-нибудь промѣнять на его Турецкій кисетъ.

Между тѣмъ собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительной минуты, когда явится Иванъ Никифоровичъ и исполнится наконецъ всеобщее желаніе, чтобы сіи достойные люди примирились между собою. Многіе были почти увѣрены, что не придетъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ; но разошелся только потому, что кривой Иванъ Ивановичъ требовалъ, чтобы тотъ поставилъ въ закладъ подстрѣленную свою ногу, а онъ кривое око, чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія потихоньку смѣялась. Никто еще не садился за столъ, хотя давно уже былъ вто-

рой часъ: время, въ которое въ Миргородѣ, даже въ нарядныхъ случаяхъ, давно уже обѣдаютъ.

Едва только Антонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ то же мгновеніе былъ обступленъ всѣми. Антонъ Прокофьевичъ на всѣ вопросы закричалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ: »Не будетъ!« Едва только онъ это произнесъ, какъ уже градъ выговоровъ, браней, а можетъ быть, и щелчковъ, готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, какъ вдругъ дверь отворилась и — вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Если бы показался самъ сатана, или мертвецъ, то они бы не произвели такого изумленія во всемъ обществѣ, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Антонъ Прокофьевичъ только залился, ухватившись за бока, отъ радости, что такъ подшутилъ надъ всею компаніею.

Какъ бы то ни было, только это было почти невѣроятно для всѣхъ, чтобы Иванъ Никифоровичъ въ такое короткое время могъ одѣться, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ это время не было: онъ зачѣмъ-то вышелъ. Очнувшись отъ изумленія, вся публика приняла участіе въ здоровьи Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ толщину. Иванъ Никифоровичъ цѣловался со всякимъ и говорилъ: »Очень одолженъ.«

Между тѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнату и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся гостямъ. Всѣ повалили въ столовую. Вереница дамъ, говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ, и длинный столъ зарябѣлъ всѣми цвѣтами. Не стану описывать кушаньевъ, какія были за столомъ; ничего не упомяну ни о мишкахъ въ сметанѣ, ни объ утрибкѣ, которую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ съ сливами и изюмомъ, ни о томъ кушаньи, которое очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасѣ, ни о томъ соусѣ, который есть лебединая пѣснь старинаго повара, о томъ соусѣ, который подавался обхваченный весь вишнымъ пламенемъ, что̀ очень забавляло и вмѣстѣ пугало дамъ. Не стану говорить объ этихъ кушаньяхъ, потому что мнѣ гораздо болѣе нравится ѣсть ихъ, нежели распространяться объ нихъ въ разговорахъ.

Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная съ

хрѣномъ. Онъ особенно занялся этимъ полезнымъ и питательнымъ упражненіемъ. Выбирая самыя тонкія рыбьи косточки, онъ клалъ ихъ на тарелку и какъ-то нечаянно взглянулъ насупротивъ... Творецъ Небесный! какъ это было странно! Противъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ

Въ одно и то же время взглянулъ и Иванъ Никифоровичъ.... Нѣтъ.... не могу!.... Дайте мнѣ другое перо! перо мое вяло. мертво, съ тонкимъ разщепомъ для этой картины! Лица ихъ съ отразившимся изумленіемъ сдѣлались какъ-бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо давно знакомое, къ которому, казалось бы, невольно готовъ подойти, какъ къ пріятелю неожиданному, и поднесть рожокъ, съ словомъ: »Одолжайтесь«, или: »Смѣю ли просить объ одолженіи«; вмѣстѣ съ этимъ то же самое лицо было страшно, какъ нехорошее предзнаменованіе! Потъ катился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича.

Присутствующіе, всѣ сколько ихъ ни было за столомъ, онѣмѣли отъ вниманія и не отрывали глазъ отъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, которыя до того времени были заняты довольно интереснымъ разговоромъ о томъ, какимъ образомъ дѣлаются канлуны, вдругъ прервали разговоръ. Все стихло. Это была картина, достойная кисти великаго художника.

Наконецъ Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой платокъ и началъ сморкаться, а Иванъ Никифоровичъ осмотрѣлся вокругъ и остановилъ глаза на растворенной двери. Городничій тотчасъ замѣтилъ это движеніе и велѣлъ затворить дверь покрѣпче. Тогда каждый изъ друзей началъ кушать, и уже ни разу не взглянули они другъ на друга.

Какъ только кончился обѣдъ, оба прежніе пріятели схватились съ мѣстъ и начали искать шапокъ, чтобы улизнуть. Тогда городничій мигнулъ, и Иванъ Ивановичъ — не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, что̀ съ кривымъ глазомъ — сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ за спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока не подадутъ рукъ. Иванъ Ивановичъ, что̀ съ кривымъ глазомъ, натолкнулъ Ивана Никифоровича, хотя и нѣсколько косо, однакожъ довольно еще удачно, въ то

мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію слишкомъ въ сторону, потому что онъ никакъ не могъ управиться съ своевольною пѣхотою, неслушавшею на тотъ разъ никакой команды и какъ на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ противную сторону (что̀, можетъ, происходило оттого, что за столомъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), такъ что Иванъ Ивановичъ упалъ на даму въ красномъ платьѣ, которая, изъ любопытства, просунулась въ самую середину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однакожъ судья, чтобъ поправить это дѣло, занялъ мѣсто городничаго и, потянувши носомъ съ верхней губы весь табакъ, отпихнулъ Ивана Ивановича въ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія; онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ только судья пихнулъ Ивана Ивановича, Иванъ Ивановичъ, съ кривымъ глазомъ, уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ котораго потъ валился, какъ дождевая вода съ крыши. Не смотря на то̀, что оба пріятели весьма упирались, они всё-таки были столкнуты, потому что обѣ дѣйствовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ гостей.

Тогда обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не рѣшились подать другъ другу руки. »Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! скажите по совѣсти, за что̀ вы поссорились? не по пустякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ!«

»Я не знаю«, сказалъ Иванъ Никифоровичъ, пыхтя отъ усталости (замѣтно было, что онъ былъ весьма не прочь отъ примиренія), »я не знаю, что̀ я такое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что̀ же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубить меня?«

»Неповиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ!« говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича; »клянусь и предъ Богомъ, и передъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу! За что̀ же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?«

»Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ?« сказалъ Иванъ Никифоровичъ. Еще одна минута объясненія — и давниш-

няя вражда готова была погаснуть. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать: »Одолжайтесь.«

»Развѣ это не вредъ«, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, не подымая глазъ, »когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать?«

»Позвольте вамъ сказать подружески, Иванъ Ивановичъ (при этомъ Иванъ Никифоровичъ дотронулся пальцемъ до пуговицы Ивана Ивановича, что̀ означало совершенное его расположеніе): вы обидѣлись чортъ знаетъ за что̀ такое: за то, что я васъ назвалъ *гусакомъ*....«

Иванъ Никифоровичъ спохватился, что сдѣлалъ неосторожность, произнесши это слово; но уже было поздно: слово было произнесено. Все пошло къ чорту! Когда, при произнесеніи этого слова безъ свидѣтелей, Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ себя и пришелъ въ такой гнѣвъ, въ какомъ не дай Богъ видѣть человѣка, — что̀ жъ теперь, посудите, любезные читатели, что̀ теперь, когда это убійственное слово произнесено было въ собраніи, въ которомъ находилось множество дамъ, передъ которыми Иванъ Ивановичъ любилъ быть особенно приличнымъ? Поступи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ *птица*, а не *гусакъ*, еще бы можно было поправить. Но... все кончено!

Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ, и какой взглядъ! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то онъ обратилъ бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Гости поняли этотъ взглядъ и поспѣшили сами разлучить ихъ. И этотъ человѣкъ, образецъ кротости, который ни одну пищую не пропускалъ, чтобъ не распросить ее, выбѣжалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ страсти!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванѣ Ивановичѣ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣтный сундукъ былъ отпертъ, изъ сундука были выпуты — что̀ же? карбованцы, старые, дѣдовскіе карбованцы! И эти карбованцы перешли въ запачканныя руки чернильныхъ дѣльцовъ. Дѣло было перепесено въ палату. И когда̀ получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстіе, что завтра рѣшится оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился выдти

изъ дому. Увы! съ того времени палата извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіе десяти лѣтъ.

Назадъ тому лѣтъ пять, я проѣзжалъ чрезъ городъ Миргородъ. Я ѣхалъ въ дурное время. Тогда стояла осень съ своею грустно-сырой погодою, грязью и туманомъ. Какая-то ненатуральная зелень — твореніе скучныхъ, безпрерывныхъ дождей, покрывала жидкою сѣтью поля и нивы, къ которымъ она такъ пристала, какъ шалости старику, розы старухѣ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода: я скучалъ, когда она была скучна. Но не смотря на то, когда я сталъ подъѣзжать къ Миргороду, то чувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ трогательной дружбѣ два единственные друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу. Вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пукомъ соломы: производилась какая-то новая планировка. Нѣсколько избъ было снесено. Остатки заборовъ и плетней торчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженую кибитку свою остановить передъ церковью и вошелъ такъ тихо, что никто не обратился. Правда, и некому было: церковь была пуста; народу почти никого; видно было, что и самые Богомольные побоялись грязи. Свѣчи, при пасмурномъ, лучше сказать — больномъ днѣ, какъ-то были странно непріятны; темные притворы были печальны; продолговатыя окна, съ круглыми стеклами, обливались дождливыми слезами. Я отошелъ въ притворъ и оборотился къ одному почтенному старику съ посѣдѣвшими волосами: »Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ?« Въ это время лампада вспыхнула живѣе передъ иконою, и свѣтъ прямо ударился въ лицо моего сосѣда. Какъ же я удивился, когда, разсматривая, увидѣлъ черты знакомыя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился!

«Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ? Какъ же вы постарѣли!«

»Да, постарѣлъ. Я сегодня изъ Полтавы«, отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ.

»Что̀ вы говорите! вы ѣздили въ Полтаву въ такую дурную погоду?«

»Что̀ жъ дѣлать? тяжба...«

При этомъ я невольно вздохнулъ.

Иванъ Никифоровичъ замѣтилъ этотъ вздохъ и сказалъ: »Не безпокойтесь: я имѣю вѣрное извѣстіе, что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣлѣ, и въ мою пользу.«

Я пожалъ плечами и пошелъ узнать что-нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ.

»Иванъ Ивановичъ здѣсь«, сказалъ мнѣ кто-то: »онъ на клиросѣ.«

Я увидѣлъ тогда тощую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была всё та же. Послѣ первыхъ привѣтствій, Иванъ Ивановичъ, обратившись ко мнѣ съ веселою улыбкою, которая такъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ: »Увѣдомить ли васъ о пріятной новости?«

»О какой новости?« спросилъ я.

»Завтра непремѣнно рѣшится мое дѣло; палата сказала навѣрное.«

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ проститься, потому что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу, и сѣлъ въ кибитку

Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погрузившимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на Жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно проѣхалась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо!... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

КОНЕЦЪ МИРГОРОДА.

МАЛОРОССІЙСКІЯ СЛОВА, ВСТРѢЧАЮЩІЯСЯ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Банбу́ра, инструментъ, родъ гитары.
Бакла́га, родъ плоскаго бочонка.
Бато́гъ, кнутъ.
Барви́нокъ, растенье.
Башта́нъ, мѣсто, засѣянное арбузами и дынями.
Боля́чка, вередъ.
Бо́ндарь, бочаръ.
Бу́бликъ, круглый крендель, баранокъ.
Буде́якъ, чертополохъ.
Буря́къ, свекла.
Бухане́цъ, небольшой бѣлый хлѣбъ.
Варену́ха, вареная водка съ пряностями и плодами
Верте́пъ, кукольный театръ.
Вече́ря, вече́рять, ужинъ, ужинать.
Видло́га, откидная шапка изъ сукна, пришитая къ кобеняку.
Ви́нница, винокурня.
Воя́ка воинъ.
Выкрута́сы, трудные на.
Габа́, движимость, имущество.
Галушки, клёцки.
Гама́нъ, родъ бумажника, гдѣ хранится огниво, кремень, трутъ, табакъ, иногда и деньги.
Гати́ть, дѣлать плотину.
Голодная кутья́, сочельникъ.

Голодра́бецъ, бѣднякъ, бобыль.

Гопа́къ, *Го́рлица,* танцы.

Гречаникъ, гречневый хлѣбъ.

Гуса́къ, гусь-самецъ.

Далибу́гъ, ей Богу (Польское).

Дивчи́на, дивча́та. дѣвушка, дѣвушки.

Дижа́, кадка.

Добро́дію, сударь, милостивецъ.

До́вбишъ, литаврщикъ.

Домови́на, гробъ.

Дрибу́шки, мелкія косы.

Ду́ля. шишъ.

Дука́тъ, червонецъ.

Жи́нка, жена.

Жупа́нъ, родъ кафтана.

Завзя́тый, задорный.

За́воды, заливъ.

Загада́ться, задуматься

Замуро́ванный, задѣланный кампемъ.

Знахоръ, ка, колдунъ, ворожея.

Исподни́ца, юбка.

Кавуиъ, арбузъ.

Кагане́цъ, свѣтильникъ, состоящій изъ черепка, наполненаго саломъ.

Каза́нъ, котелъ.

Капу́перъ, трава.

Канчу́къ, нагайка.

Карбо́ванецъ, цѣлковый.

Кацапъ, Русскій мужикъ съ бородой.

Ка́чка, утка.

Кле́пки, выпуклыя дощечки, изъ которыхъ составляется бочка.

Книшъ, родъ печенаго хлѣба.

Кнуръ, боровъ.

Кобеня́къ, родъ суконнаго плаща, съ пришитою сзади видлогою.

Кожу́хъ, тулупъ.

Комо́ра, амбаръ.

Кора́бликъ, старинный головной уборъ.

Коржъ, сухая лепешка изъ пшеничной муки, часто съ саломъ.

Корова́й, свадебный хлѣбъ.

Ко́рчикъ, родъ деревяннаго ковша, которымъ пересыпаютъ хлѣбъ, совокъ.

Кохáпка, возлюбленная.

Ку́пташъ, верхнее старинное платье.

Куре́нь, соломенный шалашъ,

Куринь, у Запорожцевъ, отдѣленіе военнаго стана Запорожцевъ.

Ку́холь, кружка.

Ку́хва, родъ кадки.

Лева́да, поле, окопанное рвомъ.

Лѝхо, ли́шечко, бѣда.

Лысый ди́дько, домовой, демонъ.

Лю́лька, трубка.

Мазни́ца, родъ ведра, въ которомъ держатъ деготь въ дорогѣ.

Маки́тра, горшокъ, въ которомъ трутъ макъ и прочее.

Макогóнъ, пестъ для растиранія.

Малаха́й, плеть.

Ми́ска, чашка для похлебки.

Ми́шки, кушанье изъ муки съ творогомъ

Молоди́ца, молодая замужняя женщина.

Наги́дка, наги́дочка, ноготокъ, растеніе.

На́ймытъ, напятой работникъ.

На́ймычка, напятая работница.

Нами́тка, бѣлое женское покрывало изъ рѣдкаго полотна, съ откидными концами.

Печу́й-ви́теръ, трава, которую даютъ свиньямъ для жиру.
Осели́дець, длинный клокъ волосъ на головѣ, заматывающійся за ухо; въ собственномъ смыслѣ — сельдь.
Охочекомонный, вольныя кавалерійскія войска.
Очере́тъ, тростникъ.
Очи́покъ, родъ женской шапочки.
Очку́ръ, шнурокъ, которымъ стягиваются шаровары.
Паляни́ца, небольшой хлѣбъ, нѣсколько плоскій.
Пампу́шки, вареное кушанье изъ тѣста.
Па́сичникъ, пчеловодъ.
Па́рубокъ, парень.
Пе́йсики, Жидовскіе локоны.
Пе́кло, адъ.
Перепе́личка, молодая перепелка.
Пере́купка, торговка.
Перепо́лохъ, испугъ; выливать переполохъ — лечить отъ испуга.
Петровы батоги, дикій цыкорій.
Пивкопы, двадцать пять копеекъ.
Плахта, нижняя одежда женщинъ изъ шерстяной клѣтчатой матеріи.
Повѣтъ, о́вый, уѣздъ, уѣздный.
Повѣтка, сарай.
Подсу́докъ, засѣдатель уѣзднаго суда.
Позо́въ, тяжебное прошеніе.
Поло́ва, мякина.
Полутабене́къ, старинная шелковая матерія.
По́куть, мѣсто подъ образами.
Пошапковаться, поздороваться.
Пся́юха, Польское бранное слово.
Пыщикъ, пищалка, свистокъ.
Пу́тря. кушанье, родъ каши.
Рада, совѣтъ.
Раздобрѣть, растолстѣть.
Рейстро́вый козакъ, козакъ, записанный на службу.

Рушникъ, утиральникъ.
Рушéніе, ополченіе.
Сажъ, мѣсто, гдѣ откармливаютъ скотину.
Саламáта. толокно.
Свúтка, родъ полукафтанья.
Свóлокъ, перекладина подъ потолкомъ.
Скиндя́чки, узкія ленты.
Скрыня, большой сундукъ.
Сластёны пышки.
Сливя́нка. наливка изъ сливъ.
Смáлець гусиный жиръ.
Смýшки, мерлушки.
Сóняшница. боль въ животѣ.
Сопúлка, дудка, свирѣль,
Стрúчка, ленты.
Стусáнъ. кулакъ.
Сýкня, одежда женщинъ изъ сукна.
Сулúя, большая бутыль.
Сыровéць, хлѣбный квасъ.
Тендúтный, слабосильный, нѣжный.
Тройчáтка, тройная плеть.
Тѣсная баба. игра, въ которую играютъ школьники въ классѣ: жмутся на скамьѣ, покамѣстъ одна половина не вытѣснитъ другую.
Утрúбка, кушанье изъ внутренностей.
Хлóпець, мальчикъ.
Хýторъ, небольшая деревушка.
Хýстка, платокъ.
Цýрка, дѣвушка, дочь (польское).
Цыбýля, лукъ.
Черевúки, башмаки.
Черенóкъ съ червонцами. поясъ, въ который насыпали червонцы.
Чубъ, *Чупрúна,* длинный клокъ волосъ на головѣ.

Чумаки́.	обозники, ѣдущіе въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою.
Ши́шка.	небольшой хлѣбъ, дѣлаемый на свадьбахъ.
Швецъ,	сапожникъ.
Ши́бенникъ,	висѣльникъ.
Юшка,	супъ, жижа.
Ятка,	родъ палатки, или шатра.
Ясочка,	свѣтикъ мой.
Ялмо́къ	Жидовская шапочка.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Встрѣчающіяся въ этомъ небольшомъ словарѣ ошибки показываютъ, въ какомъ состояніи находилось въ тридцатыхъ годахъ народоизученіе въ Малороссіи. Исправлять невѣрный переводъ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ словъ издатель счелъ трудомъ неумѣстнымъ. Для потомства интересно будетъ видѣть по этимъ и другимъ ошибкамъ, которыя въ свое время укажетъ критика, въ какой степени зналъ Гоголь Малороссію, которая нѣкоторыми своими сторонами отразилась очень вѣрно въ его сочиненіяхъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.

Предисловіе 1
Сорочинская Ярмарка 11
Вечеръ наканунѣ Ивана Купала 39
Майская Ночь, или Утопленница 56
Пропавшая Грамота 86

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Предисловіе 101
Ночь передъ Рождествомъ 105
Страшная Месть 152
Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его Тетушка 194
Заколдованное Мѣсто 222

ЮНОШЕСКІЕ ОПЫТЫ,

въ видѣ приложенія къ Вечерамъ на Хуторѣ.

Ганцъ Кюхельгартенъ 233
Италія 277
Два отрывка изъ повѣсти: Страшный Кабанъ. 279
Женщина 293

МИРГОРОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.
Старосвѣтскіе Помѣщики. 301
Тарасъ Бульба, въ первоначальномъ видѣ 325

МИРГОРОДЪ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вій 401
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. 441
Малороссійскія слова, встрѣчающіяся въ первомъ томѣ . . . 491

Первое посмертное издание
сочинений Н.В. Гоголя (1809-1852)
издание редкое!